

Таша Танари • Хельга Хов

УНИВЕРСИТЕТ
ЧАРОПЛЕТСТВА

Ворон

КНИГА 2

ИДДК

Annotation

Черные крылья ворона режут воздух, приближая ведьму и беса к свободе. Судьба подкидывает монету жизни адептки Дакасты: любовь или ненависть, надежда на будущее или смерть. Ощущение неизбежного прокрадывается в сердца людей, когда культисты нарушают покой ушедшего бога. Университет Чароплетства по-прежнему хранит свои тайны, а каждому из героев приходит время сделать непростой, но окончательный выбор. И убедиться, что тьма сгущается перед рассветом.

- [Таша Танари, Хельга Хов](#)

- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Интерлюдия](#)

- [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Эпилог](#)
-

Таша Танари, Хельга Хов

Университет Чароплетства. Книга 2

Ворон

Пролог

Факультет трансформации никогда не обладал той привлекательностью для адептов, которой могли похвастаться остальные. Например, если изучать стихии стремились многие, то превращать живое давалось не каждому. Искусство изменять мир, в частности материю, постигали лишь самые усидчивые маги, с особым складом ума. Преобразование чего-либо сопровождалось болью и страданиями. Подчиняясь воле чародея, мир перестраивался, но его плоть и кровь при этом также подвергались изменениям. Неважно, придавал ли он форму камню или превращал его в лед, суть в том, что физическая реальность с неохотой отдавала созданное богами. Неудивительно, что среди других адептов Университета чароплетства факультет трансформации пользовался дурной славой.

Теперь ситуацию ухудшило и то, что маг, похитивший бесценный артефакт «Сердце Ахоры», принадлежал к повелителям материи. Известие об этом разлетелось, как летняя пыльца, заражая адептов и преподавателей нездоровым волнением. Из-за происшествия в музее ректор ввел на территории ШтУЧКИ комендантский час. Последнее обстоятельство тоже сыграло немаловажную роль в том, что факультет трансформации стал негласным изгоем. До драк или оскорблений дело еще не дошло, но университет теперь походил на растревоженное осиное гнездо.

Как обычно это бывает, нашлись и те, кто воспользовался ситуацией. Шэдар получила возможность спрятать книгу на одной из кафедр опального факультета. Они с бесом устроили убежище в чучеле серого дракона. Чешуя мертвой рептилии поглощала любые магические эманации, являясь отличным схроном для беглецов – ведь теперь степной лис знал, что и кого искать. Шорох в очередной раз убедилась в коварстве Лао: пока она исступленно искала выход из иллюзорного мира, он растянул магическую сеть над всей территорией университета, вплетая ее в защитный купол. Птица оказалась в клетке.

Шэдар не следовало ставить только на Дакасту, она второй раз за полгода поторопилась и теперь пожинала плоды своей глупости.

– Что будем делать? – спросил вездесущий бес, который уже помирился с Проглотом.

Тот великодушно разрешил на себе ездить, и хвостатый наслаждался моментом – чудовище считало его своим другом, что в будущем сулило немалый куш.

– У тебя есть предложения? – не особо надеясь на чудо, поинтересовалась Шэдар.

– Да, есть, – кивнул рогатый, а потом удивил: – Давай сдадимся ректору.

– Издеваешься? – не поверила ведьма.

– Как ни странно, нет. – Бес был невероятно серьезен. – Мы тут с Проглотом подумали и решили, что это лучший вариант.

– Ну-ка, ну-ка, – не удержалась Шэдар и села на любезно подставленный корень.

В отличие от беса пень обладал галантностью, никак не вязавшейся с образом ожившего дерева.

– Давай сдадимся Лао, – с энтузиазмом повторил рогатый.

Он звонко ударил копытами по бокам пня, из брюха Проглота раздался характерный дзинь. Бес блаженно прикрыл глаза и, казалось, забыл обо всем на свете.

– Ты хоть понял, что сказал? – Шэдар поймала себя на мысли, что у хвостатого повредился рассудок.

– Конечно! – Он предвкушающе потер руки и даже прихрюкнул от своей гениальности. – Смотри, Лао думает, что в книге мы с тобой вдвоем. О малыше-то маг не знает.

Ведьма окинула «малыша» скептическим взглядом, тот гордо приподнялся на корнях.

– И? – уже понимая, к чему клонит беглец из пекла, все же уточнила она.

– Малыш сожрет его! Как там люди говорят: и волки сыты, и овцы целы.

– Нет! – яростно вскинулась Шэдар. – И думать не смей.

– Я так и знал, – процедил бес. – Ты все еще любишь этого узкоглазого интригоплета.

– Ревнуешь? – усмехнулась Шорох.

– Да, – честно признался бес. – Ты моя ведьма.

Пень под рогатым взбрыкнул, и тот исправился:

– Наша с Проглотом.

– Ясно, – Шэдар не смогла сдержать улыбку – никогда ее еще не делили столь искренне. – Давай воспользуемся твоим планом, когда не сработает мой.

– И что мы сделаем? Знаешь ли, мне надоело сидеть внутри чучела.

Ведьма тяжело вздохнула и закашлялась. Чтобы проникнуть во чрево дракона, им пришлось повредить его магическую оболочку, и теперь внутренности рептилии тошнотворно воняли.

– Мы подождем, я чувствую: скоро на нашей дороге появится перекресток.

– И это твой план?! – взвизгнул бес.

– Успокойся, хвостатый. Чтобы сделать из Проглота оружие, нам понадобится время, заодно и наши следы потускнеют. Второй раз я лучше подготовлюсь к встрече с Алой!

Глаза ведьмы опасно блеснули, бес сглотнул.

– С чего ты...

– Не сомневайся, она придет. Используем свое заточение с умом.

Глава 1

Мартинити

Музыка, танцы, богато украшенный зал, куда пускали лишь в торжественных случаях... А я меж тем уныло подпирала стену в тени колонн. Казалось бы, отчего не веселиться? Мы исполнили мечту многих адептов Штатного университета чароплетства Карфаенской империи – попали на ежегодный бал для избранных. Закрытое мероприятие, куда приглашают только самых достойных. Тех, кто добился высоких результатов в магическом искусстве, заслужил право досрочно, до получения диплома, называться мастером либо отличился особыми заслугами перед империей, что случалось еще реже. Сейчас по дорогому полу из желтого мрамора скользили ноги будущей элиты Магистрата, и я чувствовала себя лишней на этом празднике.

Ничего особенного для страны я не сделала, да и в учебе преуспела не настолько, чтобы получить от руководства университета официальное приглашение на бал. Вообще, из знакомых мне адептов здесь присутствовали только Вехель и Кир. Но друзей, в отличие от меня, не смущал способ, которым нам достались заветные карточки приглашений. Меня же от веселящихся лиц уже подташнивало. На фоне старшекурсников я ощущала себя воришкой, пробравшимся в чужой дом.

В памяти всплыли события, предшествовавшие нашему появлению на торжестве. Право здесь находиться обошлось дорого... Ногти больно впились в ладони, и я очнулась, понимая, что слишком крепко сжала кулаки. Нет уж, я буду сильной, мне почти удалось прогнать мысли о декане факультета боевой магии, а тоску в душе заменить жаждой знаний. Этот бал так некстати напомнил о прошлом.

За плечами остался первый семестр обучения в ШТУЧКИ – спасительном убежище от длинных лап развращенного аристократа, сына наместника моего родного города, однажды пообещавшего отомстить. И он практически выполнил свою угрозу, став моим женихом. Теперь столь желанные свобода и независимость померкли

из-за необходимости находиться рядом с Рантаром Асти, сбежать от которого я не могла при всем желании.

Пять лет – не самая дорогая плата за счастье. Позади экзамены – все предметы сданы на «отлично». Кто бы мне сказал в начале года, что это станет самой меньшей из забот? Стипендию я получила, и вопрос с деньгами решился хотя бы на ближайшее время. Да и разве могло быть иначе? В последние месяцы после злополучного похода в музей я с головой ушла в учебу, как безумная, зубрила теорию и практиковалась с утра до вечера. Посещала все возможные для своего курса факультативы, а потом не вылезала из тренировочного зала, на радость мастера Трая.

Даже он перестал придирается, и когда ставил зачет – похвалил. Застав меня в каникулы на тренировках, он сильно удивился. Поинтересовался, все ли в порядке. И что я могла ответить? Что тогда, когда все адепты разъехались по домам, мне некуда возвращаться? Или что мне просто необходимо выматывать себя до ломоты в каждой частичке тела, лишь бы, возвращаясь в комнату общежития, без сил падать на кровать и не видеть снов? Что стараюсь заполнить любую свободную минуту, только бы не общаться с друзьями, недоумевающими, что со мной происходит? Конечно, такого преподавателям не говорят.

Вместо этого я попросила его научить каким-нибудь полезным защитным приемам. Мастер Трай, как ни странно, согласился, и теперь я осваивала первую ступень самообороны. В ней помимо физических возможностей организма использовались и магические атаки, пусть слабые, но хоть что-то. Доведись снова встретить мерзавца в подворотне, если он не будет магом, я смогу защититься.

Так пролетали дни – постоянно прячась от самой себя, я не заметила, как Карфу укутало пушистое покрывало из белоснежных хлопьев снега, а окна домов изукрасил морозный рисунок. Атмосфера вокруг наполнилась предвкушением праздника, и даже мне не удалось ей противиться, хоть и знала, что встречать Единый оборот будет и не с кем, и негде. Все равно вера в чудеса и в то, что впереди ждет только светлое, заставляла улыбаться, глядя на предпраздничную суету. После бала последние адепты разъедутся по домам встречать праздник в кругу родных. В университетском городке по тем или иным причинам останется лишь жалкая горстка таких же «счастливиц», как я. Уже

сейчас наш обособленный от столицы городок стал заметно тише и спокойнее, а многочисленные переходы и коридоры величественного здания казались непривычно пустынными.

И тем больше пугала возможность случайно встретить Асти – мага, внезапно ставшего мне очень близким. Благодаря странной прихоти судьбы, мы столкнулись еще на пути в Карфу. После страшных событий, произошедших в музее магических искусств, он попросил меня уйти, но я не думала, что ему понадобится так много времени. Мы действительно больше ни разу не виделись, подозреваю, декан боевиков умело меня избегал.

Я не встречала его, даже когда бывала в крыле факультета боевой магии – за отличную учебу меня назначили старостой группы, пришлось участвовать в жизни отстающих адептов. В каждый из подобных случаев я надеялась и боялась хотя бы мельком увидеть любимое лицо, услышать знакомый голос. Напрасно. Асти, словно тень, незримо участвовал в жизни университета, лично меня при этом из своей исключив.

По идее, я добилась того, к чему стремилась, но отчего-то счастливее не стала. У друзей медленно, но верно налаживались отношения, зато я от них отдалилась. Сама так захотела, потому что не хватило мужества открыто поговорить с Вехель. Постоянно что-то мешало – то душевные переживания, то экзамены, то... Я понимала, что все это лишь отговорки, удобные поводы спрятаться и сделать вид, будто ничего не случилось. На самом же деле я попросту боялась узнать, что ошиблась в подруге. Вехель с вопросами не приставала, а вскоре и вовсе сосредоточила внимание на Киаране.

И вот теперь я стояла в роскошном платье, на которое ушли остатки сбережений, смотрела на сияющие лица Вехель и Кира и фальшиво улыбалась в пространство, притворяясь, что мне нравится бал. Устала, нет сил и дальше тут оставаться!

Однако только я собралась проскользнуть к выходу, как среди танцующих почудилось знакомое лицо. Асти? Я сжалась и отступила обратно в тень. Может, показалось? Преподавателей здесь хватало, вполне возможно, что и мужчина моей мечты захотел посетить праздник. Сердце забило чаще – от страха или же от робкой надежды непонятно на что? На всякий случай решила переждать еще один танец и уж только потом покинуть зал.

Бездумно рассматривая красивые наряды присутствующих, я отсчитывала секунды до конца веселой мелодии и не сразу поняла, что вкрадчивый мужской голос над ухом – это ко мне. Тем более неизвестный выбрал для знакомства совершенно нелепый вопрос:

– Милая дева, что вы делаете, когда посещаете лавку портного?

Я огляделась по сторонам: нет, других ничем не занятых собеседников поблизости не наблюдалось.

– Эм, простите?...

– Я, например, люблю посещать оружейную, – как ни в чем не бывало продолжил он. – Знаете, в ней продаются острые штуки, которые могут ранить или даже убить.

С недоумением я рассматривала странного светловолосого мужчину, в его глазах плясали смешинки. Да и вообще весь облик неуловимо напоминал очень и очень шкодливого кота. Угадывалась некая схожесть и в движениях, и в чертах довольно привлекательного лица. Слишком взрослый для адепта, может, кто-то из преподавателей? Хотя те в общении обычно предпочитают соблюдать дистанцию. С чего бы ему вдруг со мной заговаривать, да еще так глупо?

Так как незнакомец явно ждал ответа, пришлось вступить в диалог:

– Рада за вас, но не понимаю, при чем тут портной?

– Ну как же? Перед тем, как совершить выбор, вы примеряете платье и прочую одежду? – Взгляд мужчины оценивающе скользнул по моему наряду и остановился в районе груди. – Вот и я перед покупкой оружия люблю почувствовать в руках сталь. Ведь нужно знать, как оно поведет себя в дальнейшем, проверить вес, баланс.

– Мм-м, ясно... наверное. – Если в его рассуждениях и имелась связующая нить, то я ее не находила. Поискала глазами путь к отступлению.

Блондин шагнул вперед и остановился практически вплотную ко мне.

– Так же и с женщиной, – его голос стал вкрадчивым. – Чтобы понять, подходит она тебе или нет, нужно подержать ее в руках. Почувствовать вес, баланс... – рука наглеца легла мне на талию, – ее грацию и манящую легкость.

Заиграл вальс, и меня без предупреждения увлекли под яркое сияние магических сфер.

– Любое оружие познается в бою, а женщину можно почувствовать в танце, – закончил он, сжимая меня все крепче.

Я настолько растерялась от нелепого разговора, скорости развития событий и непредсказуемого поведения мужчины, что упустила момент, когда можно было попытаться вырваться и сбежать. Нас обступили вальсирующие парочки, все вокруг смешалось, и мне пришлось подчиниться умело ведущему партнеру.

Стиснув зубы, принялась усердно обтаптывать ему ноги. Незнакомец кривился, но терпел. Его молчаливое недовольство неожиданно развеселило, и я невинно улыбнулась, в очередной раз сбившись с шага.

– Знаете, – не выдержал он, – в Стране Ветров хороший конь ценится не меньше оружия. – Наклонился и доверительно добавил: – Объездить норовистую кобылку способны не только выходцы из степи.

Нахал резко выпрямился и, легко приподняв меня над полом, продолжил танцевать.

– Теперь вы сравниваете меня с лошадью? – изумилась я. – Очень мило. Как бы такой самоуверенный наездник не повредил себе что-нибудь, не озаботившись даже знакомством с... кобылкой.

С удовольствием впила ногтями ему в шею, мстительно вычерчивая на ней, надеюсь, болезненные дорожки. Блондин прищурился и процедил:

– Хорошо, что мы маги: следы скроет иллюзия. Ваши коготки ранят мое сердце, а не кожу. Нет ничего хуже, когда женщина вырывается. Я вам неприятен?

– Нет ничего хуже, когда мужчина считает, что ему все дозволено!

– Ложь! Я не сделал ничего из того, что бы ты сама не захотела.

От столь вопиющей наглости у меня перехватило дыхание. Открыла рот, чтобы возмутиться, но слова не желали собираться в связное предложение. Негодяй, пользуясь замешательством, развернул меня спиной к себе и крепко прижал мои руки к талии. Прошептал на ухо:

– Знаешь, недавно я охотился на волков вместе с Асти. – Я вздрогнула, что он, несомненно, почувствовал. – Уже после... хм, – он кашлянул, будто смущаясь, – после изрядной доли эликсира смелости мы решили, что я лучше подойду тебе, бабочка.

На мгновение показалось, будто я оглохла: мир вокруг погрузился в пугающую, неестественную тишину. В сердце словно раскаленный прут воткнули, стало очень трудно дышать. Я обмякла и непременно бы упала, но жестокий незнакомец поддержал, чутко реагируя на любое мое движение. Он вновь развернул меня к себе лицом и ослепительно улыбнулся, не сводя пристального взгляда. Покружил на месте, давая несколько секунд, чтобы прийти в себя.

Неимоверными усилиями я собралась и улыбнулась в ответ. Вот, значит, как! Меня опять приравнили к трофею, бездушной игрушке, не имеющей собственных чувств и права голоса. Ненавижу их всех! Злость придала сил, испаряя прорывающиеся на волю слезы. Я прошипела:

– И что же в тебе есть такого, чего не доставало ему?

В пекло церемонии – этот мерзавец не заслуживает и слова доброго.

– Я уже нагулялся, – лучезарно сияя, произнес блондин.

– Похвальная честность, вот только я не верю тебе.

– Это пройдет, когда узнаешь меня поближе. Твоя крепость ведь не будет уж слишком неприступной? – ничуть не смущаясь, парировал он.

– Такой фантазии можно позавидовать! А уж если вспомнить, кем я сегодня только ни была: и оружием, и кобылой, и крепостью. Предпочитаю оставаться самой собой. И скажу прямо – неприятно познакомиться!

К счастью, бесконечный танец закончился, и я решительно направилась прочь, расталкивая ни в чем не повинные парочки. Внутри клокотала ярость, требуя выхода. Бежать, и как можно скорее! Ненавижу! Даже не попытавшись разыскать друзей, я уже поспешно спускалась по широкой лестнице, ведущей в большой холл главного корпуса. В сумеречных закоулках старинного здания университета таилось эхо – казалось, стук моих каблуков слышен даже в общежитиях. Или это так бешено колотится в висках кровь?

Чьи-то руки перехватили меня на последних ступеньках.

– Какая ты быстрая и... О, если бы можно было испепелить взглядом, я бы давно удостоился чести целовать твои милые ножки, став горсткой праха. Скажи, бесценная моя, чем я тебя обидел?

Неподдельный интерес и любезная улыбка на лице назойливого блондина добились окончательно. Он еще спрашивает?!

– Идем провожу, – стирая с лица слащавое выражение, произнес он. – Бродить одной в столь позднее время не всегда безопасно. – Пальцы мужчины цепко впились в руку.

– Отпусти, – зашипела я, чувствуя, что почти на грани. – Не смей ко мне прикасаться и заговаривать – тоже. И псевдозаботу свою засунь себе в... штаны, ясно?

Брови мужчины взметнулись вверх, на губах расцвела веселая улыбка.

– Сколько огня! – Он поудобнее перехватил мою руку.

Ну все! Это стало последней каплей в чаше терпения. Не зря же я занималась с мастером Траем. Расслабилась и глубоко вздохнула, концентрируя силу, сосредоточилась на заклинании. Блондин воспринял заминку как знак к капитуляции. Зря. В следующий момент я ударила.

По его телу мелкой сеткой расползлись голубые змейки, он скривился и выпустил меня. Конечно, сила атаки была слабенькой, тем более если он маг, как утверждал ранее, то обязан носить внутренние щиты. Но своей цели я добилась – выиграла несколько секунд, когда противник не ожидал нападения. Затем, пользуясь замешательством, от души опробовала один из последних приемов, показанных мастером Траем. Добавила еще один от себя – подлый, исключительно женский. Мужчина охнул и сложился пополам. Отлично! Тренер мог бы гордиться мной.

Однако кратковременное торжество испортил до боли знакомый голос. Мое сердце сжалось, а злость на весь мир и мужчин, в частности, вернулась с утроенной силой.

– Мартинити? Лепорт?... Что здесь происходит? – В нескольких шагах от меня стоял хмурый Асти.

В голове вихрем пронеслись слова его приятеля: «Мы решили, что я лучше подойду тебе». С ненавистью посмотрела на декана факультета боевой магии. Вот зря он сейчас встал на моем пути! Краем глаза отметила, что Лепорт уже выпрямился и замер в ожидании неизвестно чего. Плевать и на него, и на его... кем он там ему приходится? На обоих, в общем. Живот перехватил спазм, я

вскрикнула и непроизвольно обхватила себя руками. Асти метнулся ко мне, в его глазах промелькнуло... беспокойство? Или почудилось?

Дальше все происходило как во сне, безумном, сюрреалистичном и ни разу не добром. Я вскинула руки, чувствуя, как пульсирующая резь из глубин живота плавно перетекает в них.

– Стой! – хрипло приказала я.

Асти словно натолкнулся на стену, замер.

– Мотылек?

– Не подходи, – предупредила, еле сдерживая желание выпустить из зудящих пальцев сгустки боли и ярости, отомстить за пренебрежение тому, кому доверила сердце.

Асти поднял ладони вверх и все-таки сделал крошечный шаг навстречу. Все. Это стало решающим действием. С каким-то утробным криком я освободила так долго сдерживаемые чувства и силу. Лестницу, холл и прилегающие коридоры озарила яркая вспышка, высвечивая испуганные лица нескольких жмущихся по углам парочек и мертвенно-бледное лицо Рантара.

Он что-то кричал, я не слышала. К нему метнулся Лепорт, воспроизводя один за другим щиты, которые тут же рассыпались под натиском всепожирающей ненависти, сросшейся с чарами. Я и сама не понимала, как сотворила их. Душу наполнила легкость, в голове прояснилось, телом завладело практически осязаемое чувство радости. Мне нравилось причинять им боль...

Вскоре на смену эйфории пришла слабость. Стало трудно держаться на ногах, перед глазами поплыли цветные пятна. Где-то на периферии сознания я понимала, что нужно остановиться, что я разрушаю сама себя, но как это сделать? Я обмякла и с противным хрустом ударилась о ступени, теряя сознание. Тишина и темнота, а еще бездна, которая приветливо распахнула ледяные объятия.

Рантар

И без того не слишком общительный декан боевого факультета в последнее время и вовсе отгородился от мира, ходил погруженный в свои мысли и часто хмурился. Он устал от университета и его тайн, а еще больше мага достали интриги среди преподавательского состава.

Культисты попрятались по своим норам, и Асти не мог отвлечься даже на поимку детей Зогарда. «Праздний ум – кладовая Тьмы» – это утверждение знают все. Вместо того чтобы заняться делом, Рантар думал, и сознание его витало далеко от земных материй.

Маг погрузился с головой в совершенно несвойственные для него мечты. Мечты о светлом будущем, в котором у него есть счастливая семья. И неважно, что благополучие мира висело на волоске от падения в кровавую бездну. Все существо Асти отчаянно сопротивлялось подобному исходу. Он изо всех сил хотел верить, что у него еще будет шанс на что-то большее, чем постоянная охота на врагов Карфаенской империи. С другой стороны, Рантар понимал: без работы он зачахнет или же его убьет дар, от последнего не защищен ни один сильный маг.

– Ты веришь? – не уточняя во что, спросил он у Лао.

К кому еще мог прийти Асти, чтобы просто помолчать в ночной тишине? Тем более Ишидану сейчас тоже требовалась поддержка. Они оба чувствовали себя одиноко. Однако если Асти привык к одиночеству и осознанно выбрал свой путь, то Лао ощутил равнодушную пустоту жизни совсем недавно. Теперь его маленькая крепость в личном мирке казалась тюрьмой, где холодные куклы поддерживали иллюзию настоящей жизни. Сын Степи уже много лет сам себя обманывал. Но, как ни странно, до сих пор верил. Лао вырос в Стране Ветров – стране, где правили обычаи и многовековые традиции. Там без веры в себя, в богов и в лучшее просто не выжить.

– Вера многогранна, как и многое под бескрайним небом, – спокойно произнес Ишидан.

Ни одна тень истинных эмоций не отразилась на лице шифу Лао. Тогда как на самом деле он пребывал в ужасном расположении духа, понимая, что песчинки в часах неумолимо исчезают в небытие и совсем скоро его любимую ведьму постигнет та же участь. Степняка злило упрямство Шедар и ее глупость – тоже.

– Опять?! – Гнев, который копился в Асти, вдруг выплеснулся в одном слове, вместе с толикой силы.

Ему порядком надоели обтекаемые ответы Лао. Ишидан не шелохнулся, продолжая отстраненно смотреть в черную пустоту. И только Красная кукла недовольно покачала головой, после чего подняла с пола осколки разбившегося кувшина.

«Цзинь-цзинь», – осуждающе пропели серьги, ударившись о тонкую фарфоровую шею.

Мелодичный звон заставил Рантара поморщиться: головная боль никак не желала проходить. Спонтанный выброс силы Мартинити ударил и по нему. Можно сказать, Асти еще отделался испугом, в то время как Лепорт остался в руках целителей надолго.

– Что ты желаешь услышать?

– Как мне поступить? – впервые на памяти Лао Рантар просил совета. Он уже и забыл, что злился на друга.

– Лепорт сделал то, что сделал... Ты сам открыл дверь в курятник для лиса, когда доверил ему охрану Дакасты.

Этот момент стерся из памяти Рантара. До мастерства Лепорта в распитии крепких спиртных напитков он не дотягивал.

– Я еще спущу с него шкуру и повешу ее над каминной полкой. Пусть только очнется и...

Перед внутренним взором Асти появился Пряник – кот, который жил у его тетки. Шерсть на звере совпадала мастью с Лепортом. Поганец любил гадить в сапоги и откусывать пуговицы с одежды. Тетка так и не узнала, что лапка на счастье на седле боевика принадлежала наглой животине.

– Ты сам дал ему дозволение, – укорил Лао.

– Ничего не помню, – честно признался Асти. В отличие от Лепорта, он прогонял волка крайне редко. Да и слово «охота» было неуместно: они просто пили, чтобы забыться. Впрочем, им это неплохо удалось – волк сдох где-то на дне бутылки.

– В своих играх вы, олухи, забыли одну важную вещь, – произнес Ишидан. – Дакаста не бездушная кукла.

Вновь раздался мелодичный звон. Красная не спорила с господином, но его заявление не осталось без внимания.

– Ушла! – приказал Лао, не глядя на служанку. – Человеческие чувства, а тем более чувства женщины, подобны хрупкому мосту: одно неверное движение – и рухнешь в пропасть.

– Твоя переправа столь же призрачна, – не остался в долгу Рантар.

– Может и так, но мой мост держится еще и на холодном расчете. Дакаста в силу своего возраста на подобное неспособна, – ответил Лао и добавил: – Тебе стоило остаться у лекарей еще на несколько дней.

– Заботу побереги для адептов, – проворчал Рантар, хоть в душе и был согласен с другом. Но присутствие Теодора на соседней койке выводило боевого мага из себя.

Он догадывался, что тот перешел рамки дозволенного – Асти не составило труда сложить характер Лепорта, увиденную сцену на лестнице и последующее поведение Марти. Да и вид бледной, магически истощенной девушки с забинтованной рукой доводил Рантара до отчаяния. Каждый вечер он украдкой навещал соседнее крыло лечебницы в надежде, что мотылек очнулся. Утешало одно: несмотря на затянувшийся обморок, Мартинити шла на поправку. Целители уверяли, что в данном случае подобная реакция организма нормальна, и, возможно, к тому моменту, как Марти откроет глаза, сломанная кость успеет срастись.

– Ты не думал, откуда у Мартинити взялось столько силы?

– Ответ очевиден, не так ли? – усмехнулся Лао.

– Да, – кивнул Рантар. – Трудно забыть, печать чьей сущности украшает ауру адепки.

– Это двусторонний канал – Зогард подпитывает ее, чтобы жертва дожила до назначенного часа и была готова принять его. Магия Шэдар подобна ручью на фоне полноводной реки темной твари. Не стоит забывать и о твоей метке.

– Ты издеваешься?

– Вспомни бедного Лепорта. Выброс силы был настолько велик, что щиты не выдержали у вас обоих, но если тебя волна просто отбросила, признавая родство... – Лао не договорил, все и так было ясно.

Маяк на Дакасте давно превратился в тавро, подтверждая право обладания сильнейшего.

– Если ты хотел просто переплести с ней ноги, то не стоило влюбляться.

– Порой желание нанести тебе увечья почти непреодолимо, – поделился наболевшим Рантар. – Кстати, об увечьях... Ты не будешь возражать, если Керфус Зул ляжет рядом с Лепортом?

– И чем же тебе успел досадить декан факультета трансформации? – с любопытством спросил Лао. Впервые за время беседы он посмотрел на Асти.

– Туша серого дракона, – обреченно произнес Рантар. «Война» за чучело успела ему порядком надоесть.

– Ясно, – усмехнулся степняк. – До того, как ты вновь отправишься на соседнюю с Лепортом койку, я дам тебе совет...

– Считаешь, я проиграю живодеру в поединке? – возмутился боевой маг.

– Он не просто живодер, – спокойно заметил Лао, откинувшись на резную колонну за спиной и посмотрел в звездное небо. – Он словом подчиняет материю, этот маг уникален.

– Тогда почему он не на службе? – задал очевидный вопрос Асти. – Управление правопорядка нуждается в подобных талантах, как побирушки в куске хлеба.

– Все материалисты немного безумны, – вздохнул Лао. – У этого, например, есть страсть к собиранию чучел.

– Да ну, – ехидно произнес Рантар, – ничего странного в этом не вижу.

По мнению Асти, Ишидан был в разы безумнее, начиная от любви к старшей ведьме и заканчивая наделенными сознанием куклами, – никто в здравом уме искусственному существу подобное не подарит. С другой стороны, могущественных магов сила всегда корежила, изменяя в угоду их таланта. Так Лепорт, будучи талантливым иллюзионистом, никогда не снимал масок, для него вся жизнь являлась игрой. Именно поэтому Асти не усомнился в том, кто именно был повинен в нетипичной реакции Марти. Даже у целителей его подчиненный устроил целый спектакль.

Возглас «Командир, я умираю!» заставил Рантара направить в страдальца воздушный кулак. Боевой маг ничуть не удивился, когда заклинание ударило в пол в метре от Лепорта – настолько реальной выглядела иллюзия. Асти подыграл актеру, а гнев после сброса силы немного, но поутих. Он понимал потребность Теодора в вечной игре так же, как тот понимал желание командира всегда находиться в движении. Проклятием Рантара стала дорога – ему, как боевику, требовалось действие. Он просто физически не мог сидеть на одном месте. Сила, что жила в нем, начинала буйнить, и самые простые чары грозили разнести все вокруг.

После этих размышлений мысли Асти плавно перетекли к Мартинити, в голове мага вспыхнула фраза: «Ей придется

привыкнуть». К чему конкретно – он решил сам у себя не уточнять, и вообще, постарался забыть.

– Так что там с Зулом? – возвращаясь к начатой теме, уточнил Рантар.

– Помимо обычной коллекции редких тварей у него есть... – Шифу замолчал, подбирая слова.

– Погребок, господин, – подсказала Красная, приоткрыв дверь и страшась подойти. В голосе куклы слышался смех.

– Именно, – кивнул Ишидан. – Там Зул хранит статуи своих врагов.

– Бывает, – равнодушно пожал плечами Асти.

Знавал он одного оборотня, который собирал засушенные сердца убитых им. Вот это, по мнению Рантара, действительно странно.

– Да, бывает, – согласился ректор и добавил: – Бывает, что человеческие и нечеловеческие фигуры сделаны из редкого материала.

– Кехиор или Илсисийский мрамор? – со знанием дела уточнил Асти.

– Если бы... – В интонациях степняка промелькнуло недовольство. – Из кожи и плоти, даже глаза и те настоящие.

Повисла тишина, после чего Рантар вынес вердикт:

– Ты прав, он безумен.

Когда страсть к своему искусству переросла в одержимость, маг становился подвластным собственной силе. Вот и ответ, почему Керфус Зул не на службе империи – от подобных людей больше проблем, чем пользы. Они уже не живут разумом, они воспринимают мир иначе: через призму своего таланта. В Карфе к таким магам относились спокойно, если, конечно, они не выходили на площадь и не начинали массовые жертвоприношения. В Стране Ветров их лишали силы, после чего отправляли в храм служить богам. В Вольных Землях «спокойных» одержимых не существовало, потому как там правила сила и отсутствовали законы. Такие, как Шэдар Шорох, были исключением. Они воплощали в себе и судей, которые выносили приговор, и палачей, незамедлительно приводящих его в исполнение. Асти всегда задавался вопросом: за что? За что можно карать в стране, где нет законов?

– Нельзя переплыть океан и не коснуться его глади, – устало согласился Лао. – Многие в своей жадности пытаются подчинить его и

тонут в ненасытной пучине.

– Почему в университете только одно чучело серого дракона? – вернулся к насущному Рантар. – И почему Зул не может поделиться им с факультетом боевой магии?

Ишидан тяжело вздохнул: порой соперничество деканов доходило до ребячества.

– Возьми чучело зеленого, отрабатывать заклинания на нем можно не хуже, чем на сером.

– Неужели во всем университете больше нет наглядного пособия серого дракона?

– Нет, – недовольно ответил ректор. – Артефакторы что-то намудрили, и вонь из туши стала пробиваться наружу. Пришлось все уничтожить, остался только один у Керфуса – с тем он лично для надежности что-то колдовал. Новые экспонаты мы получим нескоро, квоты на драконов не бесконечны.

– Ясно, – хмуро произнес Рантар.

– Поговори с девчонкой. Мне надоело твое бесконечное уныние.

– Я все для себя решил, – покривил душой Асти.

– Не совершай ошибку, которую когда-то допустил я. Пройдет несколько лет, и ты ей станешь неинтересен. Женщины, подобные Дакасте, выжигают чувства дотла.

– Ты про свою Шэдар?

– Нет, Мартинити подобна Ка'амин Ге – восточной реке Страны Ветров. Она спокойна и нетороплива, она питает жизнь степи, но все обманчиво, ее глубина таит много секретов. Так и Дакаста, в ней слишком много чувств, и что таится где-то там, на дне, не знает и она сама. Шэдар похожа на Ли'Фунг – северную владычицу, что спускается с гор. Люди не селятся по ее берегам – настолько она быстра и опасна, но и ее воды даруют жизнь. Они разные, но предназначение у них одно.

– И я дам тебе совет, друг, – усмехнулся Рантар. – Твоя ведьма не оценит слов о предназначении женщины, поэтому оставь философию при себе.

– Раз у нас ночь откровений, я решил внести свой вклад в беседу, – пожал плечами Лао.

– Все хотел узнать, как так вышло, что цветок твоего сердца оказался заперт в старом гримуаре? – неожиданно спросил Рантар.

Ишидан мечтательно улыбнулся и произнес:

– Все мы ошибаемся, друг мой.

– Это ответ? Или же ты про себя?

– Вся наша жизнь подчинена обычаям и традициями, – начал издалики шифу. – Даже среди ведьм много негласных правил. Одно из них: первый дар побежденного, но сумевшего спастись. Некая насмешка и знак уважения. Такара Алая преподнесла в дар книгу, проиграв в схватке.

– И что? Неужели Шорох взяла заведомо опасную вещь? – удивился Асти.

– Вручение происходило в Круге ведьм, где ее обязали открыть подарок.

– Выходит, они солгали тебе, сказав, что Шэдар погибла?

– Нет, – потемнел лицом Лао. – Они просто не сказали всей правды.

Глава 2

Мартинити

– Что за глупое упрямство? Марти, ты же не ослица! Почему не позвала нас, когда уходила домой? – в который раз возмущалась Вехель, отпаивая меня лекарствами.

Она уже закончила с обновлением восстанавливающих чар, наложенных на мою руку мастером Леушем. Строгого и чопорного дядечку не одна я побаивалась, рыжая ведьмочка тоже. Хотя истинная причина ее страха крылась в том, что целитель оказался ее куратором практики. В присутствии мастера Леуша даже говорливые адептки, которые приходили на отработку, старались вести себя тихо и скромно.

Я вздохнула и, кажется, в тысячный раз повторила:

– Не хотела портить вам праздник. Кто же знал, что так неудачно оступлюсь на лестнице.

Подруга хмыкнула и недоверчиво на меня покосилась. Ну да, говорить ей о настоящих причинах падения я не собиралась, как и о встрече с неприятным магом Лепортом и Асти. Только вот дотошная Вехель, до поры до времени делающая вид, что ни о чем не догадывается, больше молчать не собиралась:

– Марти, я похожа на дуру? У тебя помимо перелома руки еще и сильнейшее магическое истощение было. Ты четыре дня без сознания провалялась. Лучше ничего не рассказывай, чем выдуманную сказку.

Я вздохнула и прикрыла глаза. Вехель с того момента, как я очнулась и поняла, что нахожусь в университетской лечебнице, все свободное время старалась находиться рядом. Необычное поведение подруги удивляло: несмотря на мою привязанность к ней, я не питала иллюзий насчет характера рыжей ведьмочки. Знала о ее независимости и нелюбви подолгу с кем-то возиться, а тут столько заботы. Решение держать с подругой дистанцию трещало по швам. Слова Асти о Вехель сейчас казались чудовищной ошибкой, домыслами или еще чем угодно, только не правдой. Она так искренне за меня переживала и стремилась сделать все для моего скорейшего выздоровления.

– Хорошо, – выдохнула я. – Не обижайся, просто я и сама мало что поняла из произошедшего.

Вехель наострила уши, как охотничья собака, взявшая след. Ее реакция вызвала у меня улыбку.

– Понимаешь, я встретила Асти...

Она округлила глаза и зажала рот рукой.

– Да-да, знаю, – кисло подтвердила я, – так уж вышло. В итоге у меня случилось какое-то помутнение рассудка, и все закончилось неконтролируемым выбросом силы. Я так разозлилась, что атаковала его.

– Шутишь?! Напала на декана боевиков, ты? Э-э-э, да у меня слов нет. – Ее удивление и недоверие перешло в откровенное веселье: – Ха-ха, наша очень правильная и трепетная Марти решила накостылять одному из сильнейших магов Карфаена, да не какому-нибудь, а воину. Прелесть какая! А ты опасная штучка. Мне уже начинать тебя бояться?

– Будешь перебивать и насмехаться, больше ничего не скажу, – строго предупредила я.

– Молчу-молчу.

– Так вот, я понятия не имею, откуда во мне появилось столько ненависти и силы, но факт остается фактом. А когда резерв истощился, я не смогла остановиться. Дальше тебе известно – упала в обморок, повредила руку.

– Знаешь, а к тебе Дилаэль заходил, – невпопад вспомнила Вехель и усердно принялась листать журнал с назначениями лекарств.

– Чего сочиняешь? Какое ему до меня дело? – удивилась я.

С красавцем-однорупником из благородных мы общались только по учебе.

– Да и что он забыл в универе? Каникулы ведь.

– Сдачу хвостов никто не отменял, а он факультативом как раз лечебное дело посещает, – парировала рыжая и хитро подмигнула.

– Ну, значит, случайно увидел знакомое лицо, и воспитание не позволило пройти мимо, – расставила я для себя все по местам.

– Не скажи. – Вехель сейчас походила на лисицу, не хватало лишь хвоста. – Выглядел он очень озабоченным. Ты кроме своего декана ни на кого не смотришь, но почему бы отпрыску Карриди в тебя не влюбиться?

Я прыснула: какие только глупости иногда не закрадутся даже в такую прагматичную голову, как у Вехель.

– Смеешься надо мной? Откуда ты его вообще знаешь?

Вехель обиженно посопела и ответила:

– Семейство Карриди известно на всю Кирату, да их и не узнать-то сложно. Голубые глаза, белоснежная шевелюра, утонченные черты лица – если хоть раз в газете видел любого представителя их древнего рода, а они занимают весьма не мелкие должности и время от времени мелькают в новостях, то уже ни с кем не перепутаешь.

– Ого, и давно ты стала следить за светской жизнью?

Подруга фыркнула, помедлила и добавила:

– В моей группе учится его брат.

Ах вот оно что! Я улыбнулась.

– Милая, а как же Кир?

– А что Кир? – взвилась рыжая. – Я ничего никому не обещала.

– Ты же приняла приглашение встречать Единый оборот у него дома.

Вехель скривилась:

– Приняла, потому что мне осточертело на праздниках быть всегда одной! – чуть громче, чем полагалось, высказалась она. – Но и семейка инквизиторов, знаешь ли, не самое *замечательное* окружение, где бы я хотела очутиться, – зябко повела плечами Вехель. – Так что насчет Кира еще не решено.

Да, трудно ей придется меж двух огней. С одной стороны – чувства, с другой – слишком рациональный подход к жизни. Как бы она не отказалась от счастья в угоду призрачным иллюзиям о том, как лучше устроить судьбу...

– Не отвлекайся, – вывела меня из задумчивости подруга. – В общем, я тебе настоятельно советую присмотреться к младшему Карриди. Заодно и выбросишь из головы декана Асти. Сколько можно из-за него переживать? Считаешь, мы не поняли, чего ты так в учебу ударилась и ни с кем общаться лишней раз не желаешь? – Пока я растерянно хлопала ресницами, Вехель закончила: – Просто лезть к тебе не хотели, думали, со временем пройдет. А теперь ты из-за него вообще в лечебницу угодила.

Я смутилась и спрятала глаза от слишком уж пронизательной подруги. С каким-то нездоровым интересом, замешанном на

болезненных ощущениях внутри, уточнила, стараясь выглядеть беспечно:

– Ко мне кто-то еще приходил?

Рыжая поджала губы и покачала головой, но ответила все-таки по существу:

– Лично я больше никого не видела. Кир забегал, но это понятно, а так... я же не круглыми сутками у тебя дежурила.

– Спасибо, я поняла. Когда вы уезжаете?

Она вздохнула:

– Сегодня вечером. И вернемся только к началу соревнований по Драконьим бегам. Даже страшно теперь оставлять тебя одну.

– Нормально все, что ты? Сама же встречала здесь праздники – не смертельно, все со мной будет отлично.

– Душно тут. – Вехель встала и решительно прошагала к окну, открыла. – Я хотя бы здоровая была, и потом с твоим талантом попадать во все возможные нелепые ситуации...

Я закатила глаза и картинно застонала:

– Все, еще немного – и решу, что тебя подменили! Признавайся, незнакомка, куда ты дела мою эгоцентричную подругу?

Рыжая прыснула и, прищурившись, ответила:

– Ладно, тогда я пойду и буду веселиться. О тебе волноваться смысла нет – не маленькая, поди, сама разберешься. Жизнь не сказка – вкушай ее плоды и привыкай к горечи.

– Во-о-от, теперь верю, – хихикнула я.

В палату вошел мастер Леуш. Подруга сделала страшные глаза, быстро махнула мне рукой и поспешила ретироваться, шепнув на прощание: «Не скучай».

– Дакаста, как самочувствие? – задал привычный вопрос целитель. Каждое посещение он начинал именно с него.

– Намного лучше, – ответила я, втайне надеясь, что он поскорее отпустит меня домой.

– Угу. – Мастер полистал свои записи, что-то сверил в них и внимательно меня осмотрел. – Действительно, угрозы выгорания больше нет, резерв практически восстановлен, сам организм здоров, не считая поврежденной руки. Но и тут процесс заживления идет по плану, через пару дней она будет как новая.

– Когда вы меня отпустите?

Целитель недовольно поморщился.

– Здесь никого силой не держат, – вьедливо уточнил он. – А если ты о моих рекомендациях, то как раз через два дня и выпишу.

Я потупилась, смущенная суровым тоном. Вот зачем к словам придираешься?

– Что-то с твоей аурой не так, – пробормотал он чуть мягче. – Не нравится она мне... И в то же время как будто все в порядке, странно.

Я пожала плечами. Раз не может найти причины, значит, их и нет. Естественно, озвучивать вслух эту мысль не стала. В дверь постучали, и спустя мгновение в палату заглянул мастер Трай. Я хоть и удивилась его появлению, все равно обрадовалась. Видимо, моя улыбка его ободрила, он тоже улыбнулся в ответ.

– Леуш, как себя чувствует моя адептка? – зычно пробасил мастер Трай.

– Так это ты ее надоумил, как довести себя до истощения? – осуждающе уточнил целитель вместо ответа. – Знаешь, при каких обстоятельствах она к нам попала? Превышение уровня допустимой обороны, – обвинил мастер Леуш, воздев к потолку палец. – У меня в соседнем крыле еще один покалеченный в этой стычке только сегодня в сознание пришел. Вы там совсем у себя на боевом с ума посходили?

У меня часто забило сердце. Неужели все настолько серьезно обернулось для магов? И кто там, Асти или тот второй... Лепорт? Я даже дышать стала реже, полностью обратившись в слух.

– Все декан этот новый, – тем временем продолжал целитель, – мало того что с его назначением у нас работы прибавилось, так и тут без него не обошлось. Как думаешь, надолго он в ШТУЧКИ задержится?

Преподаватель по самообороне и физической подготовке странно крякнул и покосился в мою сторону, затем хлопнул по плечу коллегу и осторожно ответил:

– Ты полегче, не спеши с выводами... И я тут абсолютно ни при чем, не выдумывай. Скажи же, Марти! Разве я тебя чему серьезнее «Жгучей плети» учил? В ней уровень силы-то смехотворный.

Я утвердительно кивнула.

– Ну вот, – обрадовался мастер Трай. – И вообще, пойдём-ка выйдем.

К моему величайшему разочарованию, мужчины удалились и больше выведать ничего не удалось. Значит, все же получилось стереть немного лоска с двух магов, считающих, что им все дозволено. Мстительное удовлетворение поднялось со дна души. Я тут же его подавила и испуганно съежилась. Что ж такое? Светлые боги им судьи, никогда никому не желала зла, а тут... Собственные ощущения настораживали, заставляя недоумевать.

Вскоре я выбросила из головы посторонние мысли и постаралась заснуть. Знать не желаю ничего ни о декане ненавистного факультета, ни о его приятеле и думать о них не стану. Надеюсь, прошлый инцидент был исключением и мы больше не увидимся.

Несмотря на решительные заверения самой себя, где-то внутри продолжал грызть червячок: если с Асти все в порядке, то интересовался ли он моей дальнейшей судьбой или передал в руки целителей и тут же забыл? Как бы выяснить? Зло потеряла щеки – не думать, не вспоминать о нем!

Когда в палату снова заглянул мастер Трай, я почти задремала.

– Дакаста? – негромко позвал он.

– Да, проходите, – стряхивая оцепенение, откликнулась я. Выспаться всегда успею, еще два дня тут торчать, а так хоть какое-то разнообразие.

Преподаватель прошел к единственному стулу, уселся на него, как на коня, и смерил меня подозрительным взглядом.

– Адептка Дакаста, ну и удивила ты меня.

Я недоуменно моргнула.

– Прикидывалась примерной девочкой, а сама вон чего учудила. Как только силенок хватило? – При этом он выглядел таким довольным, словно я была его лучшей ученицей и в очередной раз принесла славу наставнику.

– Мастер Трай, а как вы узнали, что я в лечебнице?

– Так ты на тренировки ходить перестала. Я сначала внимания не обратил, мало ли, надоело, устала... Потом подумал: ты не из тех, кто без предупреждения, не объяснившись, бросает начатое, заволновался. А там и концы нашел. Знаешь же, земля слухами полнится, а у нас в университете и подавно. – Он подмигнул, а я почувствовала, как заливаюсь краской.

Вспомнила его советы заглянуть к Асти и лично решить с деканом дело о нормативах. Перед мысленным взором предстала картинка той беседы и дальнейших ее последствий. Приглашение на ужин, неожиданный поход с мужчиной мечты в одежную лавку, подарок для танца альмей и сладкие поцелуи Асти, в которых я забыла себя. Все это было игрой? Как же больно и не хочется верить! Была ли оплошность в музее лишь предлогом, чтобы избавиться от ненужной связи с адепткой, или я действительно сама виновата в его внезапной холодности ко мне? Мучительные вопросы кололи разум, а внутри снова закипала ярость.

– Мартинити, ау! Что с тобой? Побелела вся... Позвать Леуша?

– Нет, не надо, уже все в порядке. Можно мне воды?

Преподаватель, обеспокоенно поглядывая на меня, выполнил просьбу.

– Не узнаю тебя. Зря я, наверное, пришел. Тебе еще сил набираться, не до гостей.

Я залпом осушила стакан и отрицательно качнула головой.

– Что вы, мне приятно! Все по домам разъехались, тоскливо одной.

– Это да. Давно спросить хотел, почему к родне не отправилась? На время каникул стационарные порталы адептам открывают бесплатно – расстояние не помеха, хвостов у тебя нет, только мой предмет под вопросом был, и тот сдала на «отлично».

– Не подумайте, что я вам не доверяю, но это сложный вопрос. Мне бы не хотелось на него отвечать, слишком личное.

Мастер Трай хмыкнул и по-отечески погладил меня по руке.

– Я тебе вот что скажу, девочка, что бы там ни было у тебя в прошлом, оставайся верной себе и продолжай так же упорно двигаться к целям. А жизнь – она все сама по местам расставит, уж поверь.

Он вдруг смутился:

– Что-то на философию потянуло, старею. В общем, ты поправляйся скорее, а после праздника продолжим тренировки в прежнем режиме. Такой потенциал нельзя пускать на самотек, да и в жизни всегда пригодится. Леуш обмолвился, ты какого-то мага из Управления правопорядка на больничную койку отправила, – преподаватель восхищенно прицокнул языком, хохотнул: – Ай да бабочка, кто бы ожидал! – И уже в дверях серьезно добавил: – Только

запомни: с магией такого порядка не шутят, особенно боевой. Светлого тебе Единого оборота, Дакаста.

Мастер Трай ушел, а я заснула с легким сердцем: с Асти все хорошо, а Лепорт будет знать, как лягается «норовистая кобылка».

Ведьма и бес

– Какого?! – взвизгнул сонный бес, падая на землю.

Проглот тоже недовольно заворчал, но он крепко держался корнями и потому остался на месте. Рогатый вскочил на копытца и первым делом побежал к Шэдар. Она-то точно знала, в чем дело.

– Что случилось?

– Нас похищают, – мечтательно произнесла ведьма и продолжила наблюдать за происходящим во внешнем мире.

С помощью чар пленники приспособили глаза дракона для слежки. В ночной тьме двигались неясные тени.

– Кто это? – шепотом спросил хвостатый. Он дрожал всем телом и норовил прижаться к ведьме, неосознанно ища защиты.

– Вандалы, – хохотнула Шэдар и предвкушающе улыбнулась. – Их трое.

– Трое? – заволновался бес, он видел только двоих.

– Да не трясись. Последний сторожит вход.

– Кто они?

– Народные мстители, – уже в голос рассмеялась ведьма.

Рогатый тяжело вздохнул: в последнее время Шэдар сильно скучала. Ей не хватало действий, а подобное развлечение было явно в ее вкусе.

Неожиданно помещение озарило светом, и бес разглядел похитителей, расхаживающих вокруг чучела серого дракона, а точнее – вокруг их убежища.

– А почему я упал?

– Они пытались унести наш схрон.

– Э-э-э... – неуверенно произнес бес, для которого кража была сродни искусству и требовала тщательной подготовки.

– И не говори, – согласилась Шэдар. – Мне вот интересно, когда они вспомнят, что все-таки маги?

– Они еще и маги? – возмутился хвостатый.

– Очнись уже, спящее копынце. Мы в Университете чароплетства, а это бравые адепты боевого факультета.

– Откуда ты все это знаешь? – проворчал бес, прикидывая в уме, обидеться на новую кличку или счесть ее проявлением чувств.

– Я, в отличие от тебя, уже с полчаса наблюдаю за этим балаганом, а они к тому же еще и очень болтливы.

– И зачем они приперлись?

– Как зачем? – удивилась ведьма. – Им нужно чучело, наше чучело. Материалисты зажали бесценный экспонат, а у этих болванов срывается курсовой проект. Вот детишки и решили восстановить справедливость.

– Они что, пытались вынести чучело вручную?

– Сила есть – ума не надо, – довольнo фыркнула Шэдар.

– А если бы он не был карликовым? – подивился глупости адептов хвостатый, искренне считающий, что воровать надо с умом.

Удача, что дракон при жизни не отличался выдающимся телосложением и разъелся всего лишь до размера крупной лошади.

– Дуракам везет, – пожалала плечами ведьма. – О! Дело-то пошло.

Бес не успел ответить, яркая вспышка ослепила его, а раздавшийся грохот и стон вызвали смехок.

– Растяпы, – издевательски пожурила Шэдар.

– Ты же сама сказала: нужно применить магию.

– Да, но с умом! Чешуя дракона как поглощает, так и отражает чары, искажая их. Дракон-то на подставке! Чему только учат этих детей?

Бес не выдержал и расхохотался. Проглот, тоже наблюдающий за действиями адептов, поддержал приятеля брэнчанием монет в брюхе. Хвостатый весь исплевался, пока горе-похитители догадались применить чары и к постаменту. Его вороватую натуру возмущал подобный безалаберный подход к делу. Только он решил поделиться наболевшим с ведьмой, как она сама к нему обернулась. Бес икнул и посчитал за лучшее отойти в сторону – в глазах Шэдар горел азарт.

Цок. Цок. Цок.

Ведьма напоминала ему море. Когда жителю пекла довелось впервые оказаться в этом плане бытия, бескрайняя водная гладь сразу покорила его сердце. В родном мире беса ничего подобного не

существовало. Да разве можно было сравнить бурлящие потоки лавы со спокойным величием моря? Но очень скоро хвостатый познал и другую сторону стихии – шторм. Тогда погиб его первый хозяин: корабль налетел на рифы, и бес провел месяц в западне на острове, пока не истек срок сделки. То время он вспоминал одновременно и с грустью, и с радостью. Но в этот раз было лучше – ведьма не давала скучать. Она разговаривала, злилась, ругалась и постоянно находилась в движении.

– Глотик, милый, иди ко мне, – ласково позвала Шэдар.

Бес вздрогнул и, вынырнув из воспоминаний, посмотрел на приятеля. Тот нерешительно замер, не зная, как реагировать на внезапное добродушие ведьмы.

– Чего встал? – пнул Проглота хвостатый. – Ты деревянный – не утонешь.

– Заткнись, – приказала бесу Шэдар и вновь нежно проворковала: – Глотик, хороший мой, иди сюда. Я дам тебе поиграть.

Дзинь. Шу-у-урх. Дзинь. Шу-у-урх.

Пень медленно полз, брюхом задевая землю. Когда он поравнялся с довольной ведьмой, она произнесла:

– Деревянный, умный...

– Ближе к делу! – ревниво рявкнул бес. – Он уже понял свою уникальность.

– Послушай, – мягко начала Шэдар и ласково провела рукой по коротким веточкам на макушке Проглота. – Сейчас я уступлю тебе место, а ты отратишь корешки и поуправляешь нашим дракошкой. Будет забавно. Ведь ты поиграешь с негодными мальчишками?

Проглот согласно зашуршал ветками. Стоило пню оказаться в центре книги, как в настоящем мире его корни заполнили нутро дракона. Бес восхищенно посмотрел на Шэдар и пробормотал с придыханием:

– Моя королева.

– И не забывай об этом, – великодушно согласилась Шэдар.

Тем временем Проглот полностью захватил тело чучела. Благодаря чарам шкура не потеряла былую гибкость и легко подчинялась управлению.

– Не стой столбом, – пихнула беса Шэдар, – иди помоги.

– Как? – с готовностью уточнил хвостатый.

– Подсвети глазки нашей игрушке, – улыбнулась ведьма.

Бес радостно взвизгнул и лихо вскочил на свой трон. Тот не возражал.

Дракон, повинувшись Проглоту, прогнулся, как кошка, и медленно открыл глаза. В них тлели красные огоньки преисподней. Первый шаг дался с трудом, лапы крепко держали стальные заклепки.

– Роб, здесь что-то не так, – осторожно произнес один из мстителей, пятясь от чучела.

– Брось, это всего лишь чары передвижения. Я видел нечто подобное, когда в городе переносили статуи воителей. Они бодро шагали до новых постаментов.

– Ты на глаза посмотри, – возразил более сообразительный адепт.

– Ты боевой маг или трусливая девка? – обозлился Роб, нервно утирая со лба выступившую испарину.

– Заставь их вопить от страха, Глотик, – бархатным голосом произнесла ведьма, выуживая из недр сундука бутылку вина.

– А мне? – возопил хвостатый.

– А ты работай! – приказала Шэдар, поманив пальцем бокал.

Бес приступил к делу с таким рвением, с каким давно уже ничего не делал. На пару с Проглотом они создали образ живого и голодного серого дракона, заставив адептов заикаться от страха. Стороживший вход прибежал на крики и тоже успел отведать веселья. Хвостатый наслаждался моментом сполна. Вся прелесть заключалась в том, что чешуя отражала заклинания боевиков, и те не причиняли вреда проказникам.

Развлечением пришел конец, когда на пороге возникла сутулая фигура. Ведьма сразу почувствовала силу, исходящую от нее. Окрик Шэдар запоздал, бес с Проглотом кинулись на новую жертву. Каково же было их удивление, когда из-под плаща вместо обычной руки появилась огромная лапа и схватила чучело за морду, словно непутевого щенка. Дракон уперся лапами в пол, помотал головой. Тщетно, хватка ничуть не ослабла.

– Прочь, – крикнула ведьма.

Шутников вышибло из центра невидимой волной силы. Чучело без корней обмякло, лишившись поддержки.

– Что делать, Дари? – запричитал бес, заламывая руки.

Такой развязки он не ожидал: в запале погони хвостатый не заметил, как налетел на самого декана факультета трансформации.

– Тихо! – приказала Шорох.

Бес посмотрел на персональное «море» и провыл:

– Спаси нас, королева!

Маг отпустил лишнюю опоры шкуру. Этого мгновения хватило, чтобы ведьма вырвалась из опостылевшего убежища. Черный ворон вылетел из пасти дракона, мстительно царапнув когтями лицо чародея.

– Интересная птичка, – проговорил Керфус Зул.

Он вытер выступившие на щеке капли крови и слизнул их, довольно жмурясь, после чего скинул мантию. Бесформенная ткань прямо в воздухе превратилась в хищную крылатую тварь и рванула за ведьмой.

– Хвостатый, помнишь те зелья, которые я запретила трогать? Так вот, тащи все сюда! Да, и не открывай их, а просто сделай три оборота пробкой перед броском.

Выделявая в воздухе невероятные пируэты, Шэдар уворачивалась от погони. Несколько раз ей удалось оказаться позади преследователя, и тогда в дело вступал бес. Дважды он промахнулся – внизу что-то взорвалось, а вот в третий раз ему благоволила удача. Черная тряпка развеялась по ветру.

– Теперь узкоглазый гончар нас найдет, – простонал бес.

Шэдар натужно улыбнулась – полет дался ей большой ценой, произнесла:

– Пока вы пугали детишек, я кое-что заметила. Проглот подрос, теперь его корни поглощают ауру книги – Тьма, как и всегда, позаботилась о сохранности своего ребенка.

– Глот, дружище, ты же нас спасешь? – быстро смекнул бес.

Пень согласно зашуршал листьями.

– Вот и отлично, – хмыкнула ведьма. – Я и местечко присмотрела.

Бес окинул придирчивым взглядом их новый тайник и довольно произнес:

– Люблю вишню.

Глава 3

Мартинити

Оставшиеся дни в лечебнице выдались невероятно унылыми. Я выспалась на год вперед и уже не знала, чем себя занять. Мастер Леуш строго-настрого запретил любое чароплетство, книг здесь не было, а попросить принести оказалось некого. Правда, одно интересное событие перед самой выпиской все-таки произошло, заставив меня выползти из раковины оцепенения.

Сразу после обеда, когда я разрабатывала поврежденную руку – единственное доступное развлечение, в дверь постучались. На пороге смущенно переминался с ноги на ногу Дилаэль Карриди – мой одноклассник и по совместительству самый красивый парень на курсе.

Пока я изумленно и не особо вежливо на него тарасилась, он улыбнулся и спросил:

– Не помешаю?

– К-конечно нет, входи, – выдавила я и сделала приглашающий жест. – Не ожидала просто.

– Я забегал раньше, но ты тогда еще в себя не пришла. Вехель сказала, у тебя магическое истощение.

Я неопределенно повела плечами, не желая вдаваться в подробности. Дилаэль пристроил на тумбочке пакет, перевязанный атласной лентой. В движениях парня проскальзывала неловкость, чего за ним никогда не водилось.

– Это тебе. Подумал, тоскливо одной тут торчать.

Заинтригованная еще больше, я внимательнее посмотрела на гостинец. Характерный серебристый узор на ленте сообщил о многом: всем известные вензеля кондитерского дома Лиаранских одним своим видом вызвали повышенное слюноотделение. Безумно вкусные и ужасно дорогие сладости я пробовала лишь однажды, зато запомнила на всю жизнь. Видимо, мой вид оказался красноречивее слов, потому что Дилаэль заметно расслабился и хитро улыбнулся.

– Значит, не прогадал, – сделал он совершенно правильный вывод.

Я приложила руки к груди, активно подтверждая его мысли.

– Спасибо! Это бесконечно мило и... я могла бы сказать, что слишком, – парень тут же бросил на меня встревоженный взгляд, – но не скажу.

Он выдохнул и картинно утер со лба несуществующий пот. Я захихикала, распустила ленту и сунула нос в пакет. Мм-м, соблазнительный запах заставил зажмуриться от предвкушения.

– Будешь? Мне одной не осилить.

– Это только кажется, ты постепенно, – усмехнулся Дилаэль, в его зеленых глазах светилась искренняя радость.

– Ой, ты садись, – спохватилась я, откладывая сладости в сторону. – Не знала о твоём увлечении целительством.

– Отец настоял на выборе специальности, сказал, что одного целителя нам в семье достаточно, – вздохнул парень, – а мне всегда нравилось лечить. Так что по мере возможностей стараюсь заниматься тем, к чему лежит душа.

Я хотела озвучить свои соображения по поводу суровых отцов, но вовремя прикусила язык. Семейство Карриди из тех, где превыше всего долг роду, в среде аристократии подобные отношения не редкость. Да и вообще, мне ли раздавать советы? Поэтому я лишь улыбнулась.

– Ты молодец!

– Не настолько, как старший брат, – хмыкнул Дилаэль своим мыслям, – но стараюсь держать планку.

Я смущенно промолчала, не представляя, что еще сказать. Раньше мы редко общались, и, как правило, все темы крутились вокруг учебы. Дилаэль тоже спрятал взгляд и комкал край светлой формы целителей.

Пауза затягивалась, он первым решился нарушить неловкое молчание:

– Марти, хотел спросить, почему ты не уехала домой на праздники?

Застигнутая врасплох подобным вопросом, я мучительно подбирала слова, когда Дилаэль сбивчиво добавил:

– Ты не подумай, я не то чтобы... Не хотел лезть не в свое дело, просто... ну-у-у, долгов у тебя нет и других причин торчать в ШТУЧКИ вроде бы тоже. Вот и удивился, когда увидел, а еще

говорят, – он понизил голос до шепота и заговорщически подмигнул, – ты вырубил какого-то сильного мага.

Я непроизвольно поморщилась при воспоминаниях.

– Болтают все, наверняка преувеличили. Сама я плохо помню, что и как было, – уклончиво ответила на его ждущий взгляд.

– У меня друг на бал ходил и видел, какой мощный щит ты поставила и как атаку вела. Сказал – очень впечатляюще, он с четвертого курса материалистов.

– Не знаю. Посмотри, во что мне вылились впечатления, – я красноречиво обвела руками палату.

– А что случилось? Тот маг на тебя напал? Шифу Лао обязательно разберется с этим. Удивительно, как его пропустила охрана.

– Ты прости, но мне не очень приятно говорить о случившемся, тем более я почти все забыла.

Дилаэль кивнул с видом «я притворюсь, что поверил» и покаянно произнес:

– Извини, конечно, проехали. Так что с каникулами, ты остаешься в универе?

– Да.

Я с напряжением ожидала новых вопросов, но их не последовало.

– Тогда приходи к нам на финальные тренировки перед соревнованиями по Драконьим бегам. Я вернусь раньше начала учебы.

– Да? Можно было бы, почему нет?

– Отлично! Значит, скоро увидимся.

Дилаэль поднялся и, прежде чем я сообразила, что происходит, осторожно взял мою руку и поцеловал. В следующий миг его лицо исказилось от боли, он отшатнулся, хватаясь за грудь, будто ему стало трудно дышать. Перепуганная я вскочила на ноги, однако не успела сделать и шага, как все прекратилось. Парень выпрямился и посмотрел на меня со смесью удивления и недоверия.

– Что? – поинтересовалась севшим голосом.

– Не ожидал... не знал, прости.

– За что? Что это было?

Дилаэль чуть нахмурился и качнул головой, словно отгоняя дурные мысли.

– Все нормально. Я признаю за тобой право держать свою личную жизнь в секрете. Мне известны правила – наш род всегда чтит

традиции. Но... ты все равно приходи на тренировки, просто так, тебе понравится.

Я растерянно хлопала ресницами, решительно ничего не понимая, кивнула. Он в три шага оказался у дверей, обернулся и махнул рукой.

– Поправляйся, Марти. И хорошо провести праздники.

Его щеки вспыхнули, он смутился, почему-то пряча взгляд.

– Я, правда, даже не подозревал, если бы знал... Пойду, в общем, до встречи.

Когда за Дилаэлем закрылась дверь, я наконец-то вышла из безмолвного ступора. Что тут, бездна побери, только что произошло?

С сомнением покосилась на оставленные сладости и, плюнув на все, выудила из пакета самое красивое пирожное. Стоило признать: мне определенно не везет с поклонниками. Придется утешаться едой. В любом случае неожиданное внимание Дилаэля было очень приятно, а приглашение на тренировки факультетской команды – своевременно, появится чем заполнить свободное время.

И вот теперь, по прошествии нескольких дней, я навела в комнате порядок и размышляла, как именно встречать Единый оборот. Вариантов виделось несколько. Первый и самый простой: сделать вид, что сегодня обычный вечер, и, не мудрствуя, лечь спать. Беда заключалась в том, что после лечебницы сама мысль о сне вызывала протест. Во втором варианте я могла бы накрыть стол исключительно для себя, в полночь выйти на улицу и посмотреть традиционное огненное представление в небе. Возможно, повезет встретить таких же «счастливиц» из адептов и обменяться поздравлениями. Ну и наконец, пойти в город, там наверняка будет шумно и весело. Однако третий вариант выглядел наиболее опасным. Здравый смысл нашептывал, что я вновь могу с легкостью вляпаться в приключения, и пока он побеждал, хоть и с небольшим перевесом.

Сложную внутреннюю борьбу прервал громкий стук. Общежитие окончательно опустело еще два дня назад, кроме меня и бессменного коменданта во всем корпусе никого не осталось. Я поспешила открыть, терзаясь любопытством.

На пороге стоял Асти с огромным букетом белоснежных мирай. Некоторое время я глупо пялилась на мужчину мечты, застигнутая врасплох неожиданным явлением и нелепостью ситуации, которую и в самой дикой фантазии не вообразила бы. Поэтому даже не попыталась

посторониться, он тоже молчал. Затем, видимо, ему это надоело. С едва уловимым недовольством в голосе Асти заметил:

– Мотылек, отчасти я разделяю твоё недоумение, но, может, ты уже возьмешь цветы? Или мне отнести их Лепорту, как самому пострадавшему?

При упоминании о ненавистном блондине я непроизвольно скривилась и махнула рукой, приглашая декана боевиков войти внутрь. Принимать букет не спешила, настороженно изучая лицо Асти и пытаюсь разгадать, зачем он пришел.

Маг хмыкнул и сам поставил мираи в воду, прицелкнул пальцами, снимая защитные чары с цветов, сберегшие их от зимней стужи. Комнату быстро заполнил приятный, чуть сладковатый аромат. Асти по-хозяйски осмотрел помещение, будто искал нечто одному ему известное, затем удовлетворенно кивнул своим мыслям и позволил себе короткую улыбку.

– Как ты?

Простой вопрос окончательно добил, поставив в тупик. Какого демона он приперся? Считает, что имеет право заявляться как ни в чем не бывало? Я демонстративно сложила руки на груди и красноречиво промолчала.

– Вижу, не слишком расположена к общению, – сделал очевидный вывод Асти. Шагнул в моем направлении.

– Стой где стоишь, – предупредила я. – Зачем пришел?

Он протяжно вздохнул, на его лице читалась смесь досады и сожаления. Интересно, о чем именно?

– Ты изменилась.

Я не удержалась и фыркнула:

– Целиком и полностью твоя заслуга.

– Мотылек, прости. Я понятия не имел, что Лепорт настолько превратно истолкует мой приказ и так обнаглеет. Это, конечно, не оправдание, я должен был предвидеть, но... Прости.

Он приблизился еще на шаг.

– Стой! Я не шучу, – справившись с охватившим душу трепетом, как можно холоднее произнесла я.

Однако предательский жар, разлившийся по телу, выдал меня – я почувствовала, как вспыхнули щеки. Взгляд Асти сразу изменился: из настороженного стал ласковым, совсем как тогда, на кухне шифу Лао.

Я с трудом сглотнула, разозлившись сама на себя. Этот мужчина столько раз обходился со мной как с вещью, демонстрируя силу и власть над беспечным мотыльком. И сейчас эта власть по-прежнему никуда не исчезла: глупое сердце в его присутствии разгонялось до сумасшедшей скорости. В темных глазах Рантара я видела отражение своей слабости.

– Мотылек...

– У меня есть имя! Ты не ответил, зачем пришел?

Асти сжал кулаки, явно подавляя какое-то ругательство, глубоко вдохнул.

– Мартинити, сегодня праздник. Я не хочу, чтобы ты сидела одна в этой комнатенке и скучала. Давай хотя бы на один вечер забудем о разногласиях.

Я вскинула бровь и уточнила:

– С чего ты взял, что я не найду способа себя развлечь? А вот с тобой как-то раз я уже забылась на один вечер. Напомнить, чем кончилось дело?

Асти отвел глаза.

– Подобного больше не повторится.

– Уж конечно! Больше я не буду такой доверчивой дурочкой. Мало ли, вдруг у тебя найдется еще парочка друзей, которым ты захочешь одолжить надоевшую игрушку. Разумеется, из наилучших побуждений. Как там?... «После пятой бутылки мы решили, что я лучше тебе подойду», – процитировала я Лепорта.

– Что-о-о?! – Асти удивленно моргнул, затем зло скрипнул зубами. – Я его точно над каминной полкой приколочу. Плешивый кошак!

– Мне не интересны особенности ваших отношений. Оставьте, пожалуйста, их при себе. Все, что мог, ты уже сделал.

– Мо... Марти, прошу, меньше всего я хотел тебя обидеть.

– Однако у тебя это неплохо получилось! Я одного не пойму, за что? Почему было не сказать прямо все, что думаешь? Я настолько жалко выгляжу в твоих глазах, что недостойна правды? Зачем эти игры? Это такая изощренная месть за нашу первую встречу?

Против воли я покраснела, вспомнив обстоятельства нашего знакомства и последующее его развитие. Рантар от души врезал

кулаком по столу, я вздрогнула. Он решительно пересек разделяющее нас пространство и легонько меня встряхнул.

– Смотри! Посмотри мне в глаза, Марти, – жестко приказал глава боевого факультета.

Поколебавшись несколько мгновений, я резко вздернула подбородок, намереваясь с достоинством встретить все, что он собирался сказать. Наивная. Стоило оказаться в опасной близости от мужчины, прочно завладевшим моим сердцем и мыслями, как вся решительность тут же испарилась, наплевав на доводы рассудка. Я тонула в мечущем молнии взгляде, чувствуя себя истинным мотыльком, мечтающим сгореть в непреодолимо манящем пламени, испытать его губительную ласку, пусть единожды, пусть зная, что погибну. Медленно из глаз Асти исчезал гнев, ему на смену приходило понимание чего-то важного, но закрытого от меня.

– Марти... – выдохнул он, придвигаясь ближе, – я виноват, чертовски виноват. Я не привык думать о чувствах других, забыл, как это. Слишком долго в моей жизни не было места ничему, кроме работы. Прости. Согласись встретиться со мной Единый оборот, я постараюсь больше не допускать прежних ошибок.

Сознание вопило: «Откажись!» Умом я понимала, что это неправильно и у меня нет причин доверять Асти, снова рискуя обжечься, но зачарованному красотой стихии мотыльку так хотелось станцевать с огнем. Я прикрыла веки, сознавая, что терплю поражение. Губы шевельнулись в беззвучном:

– Хорошо.

Осторожный поцелуй в уголок рта едва не заставил всхлипнуть. Светлые боги, какую цену я заплачу за это согласие? Асти отстранился. Я собрала волю в кулак, открыла глаза и на удивление ровным голосом уточнила:

– Это ничего не изменит, только один вечер.

Ведьма и бес

– Смотри-смотри, чего творит! Бесстыдник, – возмущался бес, тыча пальцем в сторону профессора Зигисоля.

Он-то его сразу узнал, стоило зельевару подойти к дереву. А вот поведение вредной вишни заставляло рогатого озадаченно чесать лысину. Предательница ластилась к профессору, как кошка. Зато когда бес с ведьмой пытались спрятаться в ее корнях, то только защита Тьмы спасла книгу. Рогатый искренне недоумевал, а Зигисоль тем временем вылил под ствол какую-то резко пахнущую жижу, отчего дерево радостно зашелестело листьями.

– Чувствует, – напряженно сказала Шэдар.

Бес перевел внимание на ведьму и поперхнулся. Она выглядела страшно: глаза заволокла чернота, черты лица заострились, ногти на руках превратились в когти. Женщина напоминала хищную птицу. Хвостатый не видел ее такой никогда и потому чувствовал себя неуютно. К нему со спины подобрался пень, одна из веток постучала по плечу, привлекая внимание. Но бес отмахнулся:

– Не лезь, не знаю.

Обеспокоенно посмотрев на Шэдар, он произнес:

– Дари, что происходит?

– Происходит, – проскрежетала она.

Бес гулко сглотнул. У Шэдар даже зубы заострились.

– Я чувствую изменчивую.

– Мм-м... а можешь для пня пояснить? Он молодой и зеленый, ничего не понял, – быстро сориентировался хвостатый.

Возмущенный шелест ветвей бес проигнорировал.

– Это Алая.

– Что? – опешил бес, всматриваясь в лицо Зигисоля. – Шэдар, золотце, ты, наверное, переутомилась? Давай приляжешь, а? – ласково произнес он, заискивающе заглядывая в глаза ведьме. После чего обернулся к Проглоту: – Давай работай.

Тот заскрипел и разросся, формируя из ветвей ложе. Он даже нарастил зеленые почки, чтобы Шэдар было мягче лежать. Бес тут же забрался внутрь и, потянувшись, предложил:

– Дари, давай ко мне под бочок.

Ведьма не заметила его слов, прожигая взглядом фигуру зельевара. Тот, в свою очередь, деловито раскапывал яму меж корней. Когда углубление, по его мнению, стало достаточным, он опустил в него небольшой сверток. Бес икнул: от вещи нестерпимо несло смертью и болью. Даже для порождения пекла это было слишком.

– Что там?

– Голова ребенка, вырезанного из чрева еще живой матери. Мощная по силе вещь, и применение ее различно. Что именно затеяла Такара, я не знаю, – пояснила Шорох. – Алая в своем безумном стремлении не видит очевидного: Зогард никогда не даст ей того, что она желает получить всей душой. Сначала она изменила тело, стремясь к могуществу, теперь ее разум окончательно поглотил хаос.

– Дари, я вообще не понимаю, о чем ты, – жалобно признался рогатый.

– Когда-то мы с Такарой дружили и знали многое друг о друге. Она мечтала обрести семью и завести детей. Этот зельевар полюбил ее, но подарить ребенка не смог, не потому что в нем не нашлось мужской силы, нет. Алая забыла, что могущество в покорении материи всегда оборачивается проклятием. Слишком сильно покорежив тело, она потеряла возможность зачать дитя. С того рокового дня, как она поняла это, магия, как отравка, разъедала ее личность. Могу поспорить, к Зогарду она пришла ради своей мечты.

– Что-то не верится, что он подарит ей ребенка, – скептически хмыкнул бес. Он-то как выходец из пекла прекрасно знал, к чему приводят подобные сделки.

– Она безумна и потому слепа в своей вере. Меня больше вот что интересует: принять чужой облик и проникнуть в университет... Зачем?

– Но кто может копировать других? Старый черт, мой наставник, рассказывал о запретах творцов этого мира. Только иллюзия – и ничего больше.

– Ты забыл о допельгангерах.

– Проклятых убийцах? – ужаснулся хвостатый. – Она совсем дура, да?

Этих прихвостней Тьмы даже в его мире считали мерзким отребьем. Живые, которые сняли свою кожу и провели множество обрядов с единственной целью – иметь возможность принимать облик другого разумного существа.

– Она давно свихнулась.

– Но зачем закапывать всякую погань здесь? – брезгливо поморщился бес.

– Ты еще не понял? Мы залезли не в просто местную достопримечательность; пока ты занимался ерундой, я провела кое-какие вычисления. По всему выходит, вишня не только измененное дерево, ее превратили в один из артефактов, поддерживающих защиту университета. Ишидан ловко отвел всем глаза – коряга играет совсем другую роль.

– Глупость размещать на виду подобную вещь!

– Не скажи. Лао поступил верно. Проводимые на поле игры подпитывают артефакт без дополнительного вмешательства ректора, а если он и проявит к дереву внимание, никто ничего не заподозрит. Никому и мысли в голову не приходит об истинном назначении дерева. Возможно, Такара ставит на то, что Ишидан уверен – вишня никого не подпустит.

– Вот же хитрая змея, – восторженно произнес хвостатый, чужой ум он ценил.

Только бес пока не определился, кто умнее, Такара или ректор. Поразмыслив, он решил, что все-таки Лао, потому что гении всегда забывают о мелочах.

– А почему бешеное дерево благоволит этой... этому... короче, ты поняла.

– За профессора я тебе не скажу, видно есть повод. Скорее всего, он удобряет зельями почву под особенным деревом. А вот с Алой все ясно. Доппельгангеры полностью копируют сущность, даже аура с метками становится идентичной жертве. Представляешь, как удобно? Можно ходить под носом у ищеек и не вызывать подозрения, если, конечно, не вступать с ними в разговоры.

– Надеюсь, ты не станешь нападать? – обеспокоенно уточнил бес.

Он прекрасно понимал, чем закончится эта битва.

– Нет, счет пока равный, – глядя в спину уходящего профессора, проговорила Шэдар. – Беда в том, что время не на нашей стороне. Скоро мы станем частью небытия, и потому нужно помочь культистам ускорить дату ритуала жертвоприношения. Я почти уверена: Такара лично захочет заменить сердце Дакасты на Кинжал Бытия.

– А?... Э-э-э...

– Во время ритуала она потратит много силы, ее защита ослабнет, и тогда, – в глазах ведьмы вспыхнули безумные огоньки, – Проглот

справится с чарами книги. И уж вырвавшись на свободу, я позабочусь, чтобы сумасшедшая стерва сдохла.

– Ты уверена, что получится? Если Зогад доберется до девчонки, конец и нам. – Осмелев, бес обвиняюще закончил: – Зря ты нас с ней связала. Я не хочу погибать.

Шэдар презрительно скривилась:

– Тогда ответь, зачем ты перехватил контракт, когда я, будучи в силах, вызывала высшего демона? Я бы вырвалась из книги еще тогда, а ты бы в ней не оказался. И вообще, я хоть что-то делаю, а от твоего пятака одни проблемы!

Бес мужественно проигнорировал и вопрос, и камень в свой огород.

– Что ты хочешь сделать?

– Поможем Алой. Найдем оставшиеся артефакты, ослабим их и просевшей защитой университета откроем дорогу культистам.

– А нам не повредит кулек по соседству? – с сомнением глядя на закопанный «подарок», поинтересовался бес.

– Не сомневаюсь, Проглот прикроет нас от его тлетворного влияния. Лучше подумай, где оставшиеся артефакты?

– Это успеется. Давай проследим за ней?

– С чего вдруг такое рвение? – с подозрением спросила Шэдар.

– Ну, надо же знать, как она пробралась в университет и все такое. Явно не в центральные ворота прошла.

– Про «все такое» хотелось бы узнать подробнее.

– Я знаю одного коллекционера в пекле, – шаркнул копытцем хвостатый, – он отдаст с десятков душ хотя бы за клочок шкуры доппельгангера.

Ведьма внимательно посмотрела на беса, а потом громко рассмеялась. У нее на глазах даже слезы выступили.

– Кто о чем, а рогатый о выгоде. Если удастся урвать кусок ее кожи – он твой.

Шорох хитро ухмыльнулась, но опьяненный жаждой наживы бес ничего не заметил.

– Ох, Дари, – промурлыкал он, радостно обнимая ведьму за ногу, – ты такая хорошая, когда дело касается твоих заклятых врагов.

– Ладно, отойди.

Шэдар царственно села на трон, заботливо сплетенный Проглотом. Бес с неудовольствием заметил, что пень заполнил собой весь их мирок. И если для ведьмы создавались удобства, то ему теперь лишь иногда разрешалось кататься верхом. Хвостатый настолько увлекся, выискивая то, в чем его обделили, что не заметил, как птица взлетела. Благодаря поддержке Проглота, ворон смог отрастить новые перья и теперь легко парил над землей, оставаясь незаметной тенью.

Преследователи держались вне поля зрения Алой, прячась за статуями на фасадах зданий и деревьями. Такара уверенно шла к самой отдаленной части университетского городка.

– Куда ее несет?

– Туда, где спрятано тело любовника, – хмыкнула Шорох.

– Да брось! Зачем ей труп?

– Не думаю, что она убила его. Их любовь я бы назвала мучительной – для каждого из них она оказалась проклятием.

Бес с удивлением отметил правоту Шэдар: Такара забралась внутрь полуразрушенного здания, используемого боевиками для тренировок. Сцена воссоединения любовников изрядно позабавила хвостатого. Женщина, точнее лже-Зигисоль, забралась верхом на настоящего и впиалась ему в губы. Тот не реагировал, находясь в бессознательном состоянии.

– Вот затейница! Смотри, как присосалась, – восхищенно прицокнул хвостатый.

Пальцы Такары путешествовали по телу мужчины, то терзая его, то лаская.

– Ох ты ж! – присвистнул бес и запрыгнул на пень впереди Шэдар для лучшего обзора.

Ведьма не возмутилась, наоборот, откинулась на спинку импровизированного трона. Хвостатый закусил губу, наблюдая за горячей сценой. Лже-Зигисоль добрался до штанов профессора и...

Тело двойника выгнулось, а в следующий момент с противным хрустом, разрывая одежду, превратилось в тварь, лишенную кожи. Существо покрывала непонятная слизь, которая довольно быстро испарилась.

Столь резкие изменения в предмете наблюдения застигли беса врасплох. То ли он обладал более тонким нюхом, то ли просто не выдержал разочарования, однако алчный сын пекла зажал рукой пятак

и поспешно спрыгнул в ближайшие кусты, чтобы опорожнить желудок.

– Насмотрелся? – саркастически уточнила Шорох.

– Да, – прохрипел бес. – Ты знала, что так будет?

– Я же говорила про безумие. Для превращения ей нужна похоть или кровь того, в кого она превращается.

– Она бы выпила его, если бы не возбудилась? – изумился хвостатый.

– Еще как. Не передумал заполучить ее кожу? – засмеялась Шэдар. – Пока ты полоскал кишки, Такара ушла. Ушла подземными переходами, университет-то полон сюрпризов.

– А что с зельеваром?

– Да что с ним будет? Вон бредет куда-то.

– Интересно, он помнит, что с ним произошло?

– Хочешь догнать и спросить?

Бес напыжился и обиженно выкатил нижнюю губу, посмотрел исподлобья.

– Я, может, за него волнуюсь. Чисто из мужской солидарности. Давай проследим?

– Что-то тебя тянет сегодня за всеми следить. Неужели мало впечатлений?

Хвостатый скривился: лучше бы он остался в неведении, чем такие зрелища.

– Ладно, – снизошла ведьма.

Ворон спорхнул с потолочной балки. Через некоторое время Шорох выругалась.

– Ты чего? – заволновался бес. Проглот согласно зашелестел ветвями.

– Я чего? В последний раз я тебя послушала! Он прямехонько привел нас к Лао.

Бес огляделся. Ворон сидел на том самом флюгере, с которого они видели кабинет ректора в прошлый раз. Потрепанный Зигисоль, стоя напротив окна, что-то рассказывал своему руководству.

– И ничего не слышно, – простонала ведьма, ударив рукой по подлокотнику.

– Можешь приблизить? Я умею читать по губам, – гордо известил хвостатый.

У Шэдар загорелись глаза, совершив несколько пассов руками, она приказала:

– Работай!

– Он говорит про Алюю...

– Удивил.

– Да погоди ты. О, теперь про книгу... Что-то может разрушить ее чары.

Ведьма подалась всем телом вперед.

– Та-а-ак, кровь Дакасты... Опять Алая.

– Хотелось бы поточнее, – нервно намекнула Шорох.

– Извращенка ему все губы искусала, он кривится от боли, – оправдался бес.

– Хорошо, а Лао?

– Гончар говорит... говорит, что Дари должна отдаться бесу!

– Что?! – яростно прокричала Шорох, хватая наглуую морду за рог.

– Что-что! – не пожелал остаться в долгу бес. – Он же спиной повернулся, женщина!

– Все пламя пекла, – простонала Шэдар, заметив, что Зигисоль уходит. – Почему ты раньше не сказал, что умеешь читать по губам? Мы могли бы это использовать.

– Ну, раньше мы были хоть и в одной лодке, но гребли в разных направлениях, – пожал плечами хвостатый.

Ведьма тяжело вздохнула:

– Пора улетать.

Глава 4

Мартинити

Если бы я могла предположить, что именно скрывалось за простыми словами «согласись встретиться со мной Единый оборот», я бы сто раз хорошенько подумала, прежде чем пойти на поводу у своих чувств. После недолгих сборов мы отправились в университет, в крыло, где располагался стационарный портал. Стоило бы уже тогда насторожиться, Асти выглядел таинственным и довольным, а на мои вопросы отшучивался. Мол, немного попутешествовать – это крайне увлекательно, посмотреть же на праздничную Карфу всегда успеется.

Вышли мы из рамки портала в безликом казенном здании, сильно смахивающем на городскую администрацию. Позже выяснилось, что я оказалась права: дежурный смотритель проводил нас к выходу по скудно освещенному пустынному коридору вдоль ряда однотипных дверей.

– Где мы? – уточнила я, вертя головой по сторонам и ежась от резкого порыва холодного ветра.

Мимо проехал грузовой экипаж, вспугнув стайку говорливых пухлоперок. Мы ступили на припорошенный свежим снежком тротуар и смешались с толпой спешащих по своим делам людей. Отовсюду доносились гомон и смех – атмосфера улицы заряжала предвкушением праздника.

– В Сантане. Держу пари, ты раньше здесь не бывала.

Я кивнула. К своим девятнадцати я вообще мало где бывала, хотя много слышала об этом приморском городе на северо-востоке империи. Сантан по количеству населения лишь немногим уступал столице, процветая за счет портового статуса. И, как теперь я могла заметить, сильно отличался архитектурой от западной части страны. Преобладание плавных линий, связанные морской тематикой барельефы на стенах – я с интересом разглядывала все новое.

– Почему ты выбрал для перемещения именно Сантан?

Приходилось подстраиваться под широкий шаг мужчины, что мешало сосредоточиться на окружающем.

– Чуть позже я покажу тебе самое интересное, – словно догадавшись, о чем я думаю, пообещал Асти. – Я здесь родился и вырос.

Мы остановились у ворот роскошного, хоть и немного мрачного особняка. От него так и веяло магией и многовековой историей. Так вот почему Рантар столь придирчиво помогал выбирать мне наряд и в конечном итоге со вздохом махнул рукой!

Очевидно же, что у самой обычной адепки не могло завалиться вечернего туалета, предназначенного для выхода в свет. А его намеки на посещение лавки модистики я решительно отмела. Ситуация...

Вопросительно посмотрела на мага. Вдруг все же ошибаюсь с выводами? Он чуть виновато улыбнулся и сделал приглашающий жест. Э нет, похоже, все именно так, а значит, хуже и представить себе невозможно!

– Не понимаю, – прошептала я, косясь на слугу, безропотно ожидающего, когда мы войдем.

Он, кстати, именовал Асти господином, что еще больше повергло меня в смятение.

– Прости, мотылек. – Старательно делая вид, что ничего особенного не происходит, декан боевиков аккуратно подтолкнул меня на тщательно расчищенную и мощенную фигурной плиткой дорожку. – Я не могу не появиться на праздничном приеме у родителей. Но обещаю: как только появится возможность, мы покинем этот дом.

В полной растерянности я переставляла ноги, силясь проникнуться идеей творящегося вокруг безобразия. В смысле – Асти еще и э-э-э... аристократ? Истерично хихикнула: мне везет как утопленнице, право слово. Это судьба?

Ну ладно, допустим, с этим еще можно свыкнуться. Хотя могла и раньше рассмотреть за образом резковатого и прямолинейного человека другую, тщательно скрытую сторону его натуры. Увы, в моих глазах он всегда был только боевым магом, за что теперь и пришлось расплачиваться. Но зачем он притащил меня в дом родителей, где до кучи соберется вся местная знать?! Это выглядело по меньшей мере странно.

– Ты не мог сказать раньше о том, куда собираешься привести? – прошипела я, натянуто улыбаясь бесчисленному количеству незнакомых лиц, бросающих в нашу сторону заинтересованные взгляды.

– Боюсь, тогда бы ты мне отказала, – усмехнулся Рантар, ведя меня под руку по богато украшенной галерее.

С фамильных портретов в полный рост с укором на надменных лицах взирали его предки.

– И правильно боишься, – возмутилась я. – Ты представляешь, в какое неловкое положение меня поставил? Я же понятия не имею, как правильно себя вести, что говорить и делать, а мой наряд...

Договаривать не стала, и так понятно. Чего мне сейчас хотелось, так это превратиться в маленькую незаметную мышку и улизнуть, пока еще не совсем поздно. И было бы неплохо стукнуть своевольного боевика чем-нибудь тяжелым! Ах, мечты-мечты.

– Ты слишком много волнуешься о том, о чем не следует, – ободряюще прошептал Асти, склоняясь к моему уху. – Тебе достаточно кивать и улыбаться, большего не потребуется. Остальное... – он беспечно пожал плечами, – окружающие давно привыкли, что я плюю на правила, и не ждут ни от меня, ни от моей спутницы поведения, предусмотренного этикетом.

Его слова ничуть не утешили, я лишь сильнее насторожилась. Однако уточнить ничего не успела: мы достигли основания широкой лестницы, где нас перехватила статная женщина с пронзительным взглядом темных глаз. Надо заметить, очень похожих на глаза моего кавалера.

– Рани, милый, а папа до последнего настаивал на том, что ты проигнорируешь семейные посиделки. Мол, в столице найдутся занятия поинтересней.

Она тепло обняла сына, после чего принялась с любопытством разглядывать меня. Я же тем временем совсем не к месту обкатывала в уме вот это «Рани». Светлые боги, как-то так повелось, что мне и по имени-то называть его было сложно. В наше знакомство маг представился «Асти», и последующее сближение мало что изменило. Наверное, для него все сложилось похожим образом, не зря же он чаще зовет меня мотыльком. Да, первое впечатление бывает очень ярким.

Но если полное имя еще куда ни шло, – его я почти научилась произносить без смущения, – то «Рани» почему-то вызвало в душе смятение. Оно звучало слишком интимно, и мне вдруг стало неловко. Представить главу факультета боевой магии и близкого друга шифу Лао в образе домашнего, семейного человека не получалось. Глупо, конечно, но сегодняшний вечер внезапно стал для меня откровением.

Задвинув сумбурные мысли подальше, я вслушалась в разговор.

– Разве я мог не почтить вас вниманием в канун светлого праздника нового обращения цикла?

– Еще как! – совсем не по-светски фыркнула женщина и подмигнула мне.

Робко улыбнулась ей, слабо представляя, как реагировать на такое радушие. Удивительная простота общения без сомнений знатной дамы обескураживала.

– Представишь свою спутницу? Пока местные сплетники не напридумывали бог весть что.

– Мартинити Дакаста, адептка Университета чароплетства.

– Неожиданно, – растерялась его мать, изящным движением поправляя выбившуюся из прически прядь. На ухоженных пальцах блеснули драгоценные камни.

Надо отдать должное, истинная леди быстро взяла себя в руки, лишь на краткий миг ее лица коснулась тень тревоги. Она бросила быстрый взгляд нам за спину и протянула мне руку.

– Приятно познакомиться.

Как я ни старалась, не смогла уловить в ее голосе и нотки фальши. Неужели действительно приятно?

– Мне тоже, – прошелестела я, склоняясь в подобии реверанса.

– Леди Лариана Асти, дарата Риолийская, моя мать.

Отлично: я сейчас жму руку дарате и абсолютно не знаю, что следует делать дальше. Спасибо, мужчина моей мечты, ты сегодня сам себя переплюнул!

– Можешь звать меня леди Лара, когда вокруг не будет виться столько любителей собирать и перевирать новости, – весело откликнулась мама Асти... хм, Рантара... Рани.

Ох, меня опять понесло куда-то не туда, даже от мысленного произношения почувствовала, как к щекам приливает кровь, а внутри что-то отзывается приятным томлением. Перехватила

заинтересованный взгляд Рантара, он изогнул бровь, как бы спрашивая: «Ну и о чем ты сейчас подумал, несносный мотылек?»
Надо срочно собраться!

В глазах леди Ларианы, наоборот, плясали озорные огоньки. Она излучала искреннее радушие, и верить в то, что оно показное, очень и очень не хотелось.

– Спасибо, я благодарна вам за теплый прием...

– Блудный сын явился, ну и ну! – перебив на полуслове, пророкотал у меня за спиной незнакомый бас.

Спустя мгновение, скептически щурясь, показался седовласый мужчина, похожий на Асти, как два рисовых зернышка. Только глаза у него были зеленого цвета.

– И я рад тебя видеть.

Рантар учтиво склонил голову, я молча повторила.

– Хоть так – и то хлеб, – проворчал хозяин дома, пряча улыбку. – Старина Кархельм мне все уши прожужжал, что отпрыск рода Риолийских – как кость в горле у столичного Управления порядка. Дескать, кое-кто спит и видит, чтобы тебя опять отправили в какую-нибудь глухомань, лишь бы ты перестал портить им размеренное течение рабочих будней.

Рантар ухмыльнулся, как ни странно, довольный столь нелестным отзывом в свой адрес.

– Руки коротки. Лучше бы спали меньше, а делали больше. А Кархельм пусть вспомнит приключения своего младшенького. К слову, именно ему мы обязаны срывом операции по зачистке неуспокоенных существ в Волчьих ямах.

– Успеете еще пообщаться, – напомнила мужчинам о нашем присутствии леди Лара. – Риан, дарат Кавальски жаждал твоего общества, нехорошо заставляя его ждать.

Отец Рантара кивнул и вроде как собрался продолжить путь, но тут с высоты своего немалого роста заметил меня и нахмурился.

– В кои-то веки вижу сына в сопровождении леди и ничего об этом не знаю.

– Мартинити Дакаста, адептка Университета чароплетства, – безуспешно скрывая недовольство в голосе, повторил Рантар.

– И все? Какому роду принадлежит сие чудесное создание?

Мне захотелось провалиться сквозь землю, когда взгляд мужчины сделался цепким и проследовал по моему скромному наряду, несомненно, отмечая и отсутствие украшений, и простую прическу.

– Дорогой, дарат Кавальски...

– Подождет, – отмахнулся старший Асти.

– Она не принадлежит к высшему сословию, – с нажимом произнес Рантар.

Его отец хмыкнул:

– Ученица, говоришь?...

А затем, все больше распаляясь, выдал длинную тираду:

– Нет, я все понимаю и молчу о том, сколько крови ты нам попил своей поперешностью и упертым стремлением жить независимо, как одному тебе заблагорассудится, только границы-то ощущай! Хочешь довести до абсурда ситуацию с движением против ветра? Отказался от прекрасных перспектив и подался на службу в управление, вечно таскаешься по закоулкам мира, воюешь, рискуешь жизнью, вязываешься в опасные мероприятия, а мы тебя месяцами не видим и не знаем, что с тобой и как. Мать скоро тоже поседеет, и внуков не дождемся. Ясное дело, теперь-то ты всем доказал – молодец, сделал себя и прочее. Больше над нашей фамилией не смеются, а лишь осторожно иронизируют – я просто «в восторге»! Но подумай-ка на досуге обо всем этом и о собственном будущем, мы не вечны. И не надо мне рассказывать, что обычных учениц теперь принято приводить в дом по поводу и без, я не вчера родился. А вам, юная леди, – дарат Риолийский обратился ко мне, дрожащей от столь эмоциональной отповеди, – тоже рекомендую подумать. Готовы ли вы следовать за ним, куда бы его ни забросила служба? Ждать и молиться: вернется ли он и в каком состоянии? Терпеть своенравный, никуда не годный характер? Не сомневаюсь, вы ведь ни мгновения не помышляли о призрачных богатствах и вхождении в свет при удачном раскладе.

– Риан! – Голос леди Лары зазвенел от негодования. – Сейчас не время и не место.

Я заметила молнии во взгляде Рантара. Он уже открыл рот, чтобы высказаться, но я опередила:

– Спасибо за оказанное доверие! – От обиды и злости откуда-то появилась смелость. – Именно поэтому я и поступила в ШТУЧКИ,

теперь у меня есть выбор и возможность рассчитывать прежде всего на свои силы, а не на, как вы верно подметили, призрачные расклады и удачу. Тоже буду с вами откровенна: меньше всего меня интересует сомнительная перспектива стать бесправной и безголосой тенью, а именно так и случится, выбери я путь, о котором вы столь завуалированно намекнули. И я обязательно подумаю над вашими словами, благодарю за ценный совет.

Леди Лара с сыном удивленно переглянулись. Рантар положил руку мне на плечо и мягко сжал пальцы, словно успокаивая и извиняясь одновременно.

– А вы смелая девушка, – заметил старший Асти и вновь оценивающе на меня посмотрел. – Время нас рассудит. Прошу прощения, если мои слова задели и показались излишне резкими. Сын, – он хлопнул по спине хмурого Рантара, – надеюсь, ты отдаешь себе отчет в том, какая новость завтра будет самой обсуждаемой во всех первых домах Сантана и за его пределами? Неважно, как ты объясняешь это нам и себе, твои поступки в глазах общественности выглядят однозначнее некуда. Я предупредил.

– Всегда плевал на мнение общественности. Тебе не приходило в голову, что я вполне способен просчитать последствия своих поступков? – холодно ответил Рантар. – И у любого осознанного действия есть цель.

– Риолийский, а я все ищу тебя! – Полный мужчина в сопровождении в противовес ему сильно изможденной дамы, сияя улыбкой, громко рассмеялся и подкрутил ус. – Так и скажи, что сдаешься, и я сделаю вид, будто у нас ничья.

Отец Рантара досадливо махнул ему рукой:

– Кавальски! – и добавил уже в нашу сторону: – Вынужден вас покинуть. Рани, перед уходом найди время, разыщи меня. Задвинем в сторону разногласия, праздник как-никак.

– Развлекайтесь и обязательно попробуйте закуски, они удались на славу, – произнесла леди Лара, увлекая за собой мужа.

Я машинально кивнула, чувствуя на лице застывшую маску приветливости.

– Марти, не принимай близко к сердцу. Это давнее дело, и уж конечно, его причины к тебе отношения не имеют. Ты молодец, в который раз меня удивила!

Мы поднялись на второй этаж и попали в большую залу, украшенную цветными лентами и символикой Единого оборота. Между высокими круглыми столами скользили нарядные гости, откуда-то со стороны доносились звуки музыки.

– Это был последний раз, когда я тебе поверила и согласилась пойти следом, – прошептала я.

Асти резко развернул меня, схватил за плечи и заглянул в глаза.

– Мотылек, так надо, это не прихоть.

– Кому надо?

Я заворожено всматривалась в бездонный омут, силясь отыскать в нем хоть малейшую искру надежды на совместное будущее.

– Тебе... нам, – выдохнул Рантар через долгую паузу. – Я объясню, только позже, в спокойной обстановке. Хорошо? Ты здесь никого не знаешь и, честно признаться, не много-то потеряла. Забудь про них, не волнуйся о том, кто и что подумает. Просто будь со мной рядом! Сегодня волшебная ночь, и как никогда хочется верить, что впереди ждет только светлое будущее.

Прежде чем я успела что-либо возразить, Асти склонился и поцеловал меня. Быстро и невинно, оставляя терпкий привкус недосказанности и легкого сожаления. Я опасливо осмотрелась – неужели его не смущает присутствие кучи народа? Стоять рядом так близко и...

Рантар щелкнул меня по носу и хитро подмигнул:

– Я все вижу, не о том ты думаешь.

– Но все эти люди?... Почему на нас до сих пор еще не начали показывать пальцем?

Он тихо рассмеялся, обхватил меня за талию и увлек к свободному столику с едой.

– Каждый раз одно и то же – чары, рассеивающие внимание. Все просто, мотылек.

Я закусила губу. Действительно, это мы с ним уже проходили, пора бы привыкнуть.

– Давай ешь, потом такой возможности может и не представиться. Тем более мама зря хвалить не станет, должно быть, повара сегодня превзошли себя.

– Леди Лара показалась такой приветливой, неожиданно, – поделилась я.

Рантар хмыкнул, дожевал корзинку с зеленым желе и виноградкой сверху, потом ответил:

– Тот случай, когда она в каждой девушке рада видеть мою будущую супругу, лишь бы внуков понянчить.

Я смутилась. Асти взял у пробегающего разносчика два бокала, один протянул мне. Я сделала крошечный глоток, ароматное вино приятно заиграло на языке.

– Как зовут твоего отца? Он суров.

– Эрдориан Асти, дарат Риолийский. Да, есть немного, зато отходчив. Прости, что пришлось стать свидетельницей семейных дразг. Я и правда им как кость в горле, – Рантар широко улыбнулся, – любимая кость.

Взгляд мага потеплел, он развел руками, словно нашкодивший мальчишка. Сейчас он совсем не походил на того холодного и неприступного декана боевиков, каким я привыкла его видеть.

– Хорошо, когда есть куда вернуться, где примут и поддержат... даже если не одобряют твой выбор.

Рантар перехватил мое запястье и легонько погладил.

– Так не всегда было, очень долго я доказывал им, что могу обойтись без всего этого. – Второй рукой он обвел шумное помещение с высоким сводчатым потолком.

Я опустила глаза, думая о своем доме.

– Огорчилась? Не стоит, сегодня непременно нужно веселиться. Хочешь потанцевать?

Я вздрогнула, вспомнив пляски с Лепортом. Асти заметил, и его лицо мгновенно ожесточилось, разом стирая беззаботного хулигана и делая старше.

– Могу устроить так, чтобы он лично перед тобой извинился.

Проницательности этого мужчины можно позавидовать. Впрочем, ход его мыслей очевиден: танцы, бал, странный всплеск силы.

– Не нужно, но если ты объяснишь...

На мои губы лег указательный палец Рантара, маг посмотрел с укоризной.

– Неприятные разговоры потом, эту ночь мы проведем, наслаждаясь каждым мгновением.

Мужчина мечты увлек меня за собой в гущу смеющихся, радостных лиц, я не сопротивлялась. Я буду следовать за ним всегда,

пока он позволяет мне это делать, потому что так чувствует мое сердце. Раз в году так отчаянно хочется верить в чудо, и я уже знала, что загадаю этой ночью.

Рантар

Возвращаясь с семейного торжества, Рантар ощущал привкус горечи. Пусть он добился того, что мотылек в своей доверчивости отправился в его семейное гнездо, но победа оказалась неполной – девичье сердце не растаяло и крепость не пала. Он предвидел возможные последствия и поклялся себе сделать все, чтобы ей там не опалили крылья. Он очень старался подарить Мартинити волшебную ночь, показать все лучшее, что имелось в Сантане. И тем не менее чувствовал: ее продолжают терзать невеселые мысли. Марти улыбалась, восхищалась и вроде бы выглядела веселой, однако так, как раньше, всецело ему не открылась.

Шагая по царству своего друга, Рантар подумал об Ишидане. Тот в упор не видел недостатков ведьмы, оправдывая любые ее выходки. Асти раздражала такая система двойных стандартов, он терпеть не мог лицемерия, а ведь и сам юлил и не говорил всей правды Дакасте. В некотором роде Рантар чувствовал себя предателем и утешался лишь мыслью, что в любви и на войне – все средства хороши.

В игре «Поймай свою половинку» он, как и Лао, не стеснялся в выборе вариантов для достижения цели. Поздно Асти осознал, что Мартинити – нечто большее, чем девушка на одну ночь. Оставалось дело за малым: спасти ее от культистов, разорвать связь с ведьмой и проложить дорогу к юному сердцу. В конце концов, он же боевой маг, он брал столько крепостей, вот и Дакаста не выдержит его осады...

Проводив девушку домой, Рантар так больше и не решился украсть ее поцелуй и быстро покинул общежитие. Готовясь к великой битве, он не учел одного, о чем впоследствии пожалел: женщины, как ураган, непредсказуемы. Ему казалось, что знакомство с его родными ей польстит, наведет на определенные мысли и покажет серьезность намерений. Однако вместо смущенной, но приятно удивленной леди Асти получил разъяренную, готовую к обороне фурию.

Теперь он чувствовал себя отвратительно – хотелось выпить и забыться. Запрокинув голову к небу, Рантар вдруг вновь невыносимо остро ощутил свое одиночество. Он надеялся, что сможет с ним справиться, но стоило выпустить из рук крылышки мотылька, как стало еще хуже. Маг опасался, что, сам того не осознавая, может легко прибавить к разделяющей их стене новый ряд каменных блоков. Весь его великолепный план смешался с пылью.

Когда он уже дошел до собственного кабинета, из тени, слегка прихрамывая, вышел Лепорт. Его недовольное лицо стало тем бальзамом, который щедро оросил душевные раны Асти. Как известно, групповое страдание облегчает боль каждого по отдельности.

– Заходи, – пригласил Рантар. Им было что обсудить – последние дни оказались насыщены событиями.

Мысли декана боевиков плавно перетекли на трех болванов, решивших устроить кражу чуть ли не на глазах всего университета. Пока сам Асти занимался делами государственной важности, просиживая в кабинете начальства и выслушивая недовольства по поводу обстоятельств дела о поимке культистов, три приключенца поперлись вершить справедливость.

В итоге и серого дракона не достали, и от разгневанного декана материалистов не скрылись. Лао вмешиваться не пожелал, покрывая свою ведьму, и адепты провели несколько незабываемых дней в саду Изменения в виде деревьев. Керфус, превращая их, лишь частично заблокировал болевые ощущения, а после напустил жуков и прочую живность, аргументируя тем, что все мы твари и должны жить в гармонии с миром.

Это стало последней каплей в океане терпения Рантара, он сорвался и ничуть не сожалел о своем поведении. Давно уже он не сражался с противником подобного уровня и получил не только ранения, но и удовольствие. Бой – его стихия, себя не обмануть. На месте Зула он представлял Лепорта. В какой-то момент магический поединок перерос в обыкновенную драку, где Рантар с огромным удовольствием съездил по морде воображаемому Теодору, а потом еще раз и еще. Магия была забыта, и оба декана, как мальчишки, утонули в азарте, отпуская злость на свободу.

Асти так далеко увела фантазия, что по холеному узкоглазому лицу схлопотал и Лао. Его проклятая ведьма, даже будучи в темнице,

сеяла хаос и разрушения, а степной лис с восхищением смотрел на ее чудачества. Похоже, что и Керфус видел кого-то иного на месте Рантара, потому что каждый раз он называл новые имена.

Когда они выдохлись, то вполне довольные друг другом отправились пить темный эль и обсуждать адептов. Сговорились на том, что Зул отпустит его дурней и сотрет им память о мучениях. Асти же, в свою очередь, пообещал заглядывать в гости, дабы выпускать время от времени пар, или присылать своего заместителя – Теодора Лепорта. Мол, тот тоже с удовольствием поучаствует в дружеском поединке с мастером трансформации.

Рантар перевел взгляд на Лепорта и с удовольствием отметил его бледность, усталость и общий нездоровый вид.

– Ну, чего мнешься, заходи, говорю, – повторил Асти.

– Воздержусь. – Лепорт был лаконичен.

– Чегой-то вдруг? Кто еще накапает тебе в блюдце лучшего келарского?

– С начальством больше не пью.

Лепорт поморщился и прижал руку к левому боку. Рантар поймал себя на мысли, что ему совестно: все-таки декан материалистов самый настоящий безумец, который обожает чужую боль.

– Очень зря, – пожал плечами Асти. – У меня в кабинете стоит ящик вина из семейных погребов.

– Пожалуй, отка...

– Да брось, дружище, – перебил Рантар. – Как-никак праздник.

Лепорт замер на полушаге, на его лице появилась шкодливая улыбка, заставившая Асти поднять щиты.

– Я тут вспомнил.

– Что именно? – осторожно уточнил декан боевиков, прикидывая, как лучше встать, чтобы оказаться под прикрытием несущей стены здания, мало ли.

– Замочимоль сегодня видели в очень странном состоянии. Охрана университета отметила его помятый вид и утверждает, что профессор выглядел так, словно провел ночь с демоном похоти и вожделения. С чего бы вдруг?

Рантар активировал заглушающие чары.

– А после разговора с кукольником наш любвеобильный снова превратился в незаметную летучую мышь.

– Та-а-ак... – протянул Асти, закрывая дверь кабинета.

Когда он размашисто шагал к Лао, ему в спину раздался крик Лепорта:

– Командир, так что там с келарским? Праздники ведь...

Это немного остудило пыл Асти. Он решил, что для начала спросит, и уж потом начнет швыряться заклинаниями. Вопреки намерениям, в кабинет Лао он не попал, перед самой дверью его перехватила Красная.

– Приветствую декана боевого факультета, – поклонилась она, и серьги ударились о фарфоровую шею.

– Пошла прочь.

– Как вам будет угодно, – вновь поклон, – но господина нет на месте.

– И где же он? – процедил Рантар, с ненавистью разглядывая дверь кабинета: хитрый лис затеял игру и не потрудился сообщить об этом.

– Его вызвал император во дворец Северного ветра.

В отличие от Асти, Лао являлся подданным двух государств.

– Он просил что-нибудь передать?

– Да, – кивнула Красная. – Господин вернется, когда поспеет вишня, а рябь на воде превратится в шторм.

– Ясно, – соврал Асти, развернулся на сто восемьдесят градусов и пошел обратно.

– Ты быстро, командир, – удивился дожидаящийся его Лепорт.

– Заходи, – бросил Рантар, и Теодор проследовал за ним в кабинет.

Всю ночь там горел свет. Мужчины пытались разгадать слова Лао. В итоге пришли к выводу, что вероятнее всего степняк вернется к Драконьим бегам, к тому же в Стране Ветров явно что-то назревает.

А еще Лепорт по-своему извинился за произошедшее. Он пьяно облапил Асти за плечо одной рукой, при этом роясь в кармане штанов второй. Рантар сначала хотел двинуть ему хорошенько, но после решил, что у подчиненного и так жизнь не удалась. И потому пересилив себя, ожидал продолжения. Каково же было его удивление, когда Лепорт достал маленькую записную книжонку. Отцепился от начальства и принялся увлеченно ее листать, на лице Теодора читалось такое довольство.

– Ща, командир... Сделаешь мне так же больно. Вот, смотри, – сунул он в нос Асти чье-то изображение.

– Кто это? – скептически поинтересовался Рантар, разглядывая смазливую девицу.

– Моя невеста, – икнул Лепорт.

– Из первого или второго десятка?

– Бери выше, командир! Третья! И без галки.

– Какой галки? При чем здесь птицы?

– Команди-и-ир... – укорил Лепорт.

И Асти понял – тот предлагал ему еще не распробованный цветок. Декан боевого факультета не знал, смеяться ему или злиться, потому как подобное было вполне в духе Теодора.

– Не стоит, – вернул он книжицу.

Лепорт помялся, после чего путано пояснил:

– Я ж ради твоего блага тогда старался.

Бровь Рантара взмыла вверх от удивления.

– Вдруг у тебя это не любовь была, ты бы сразу понял. А сейчас видим – любовь... Да и девчонка, теперь ясно, всем подряд лепестки свои мять не даст.

Развивать тему Асти не хотел, но от одного вопроса не удержался:

– С чего ты вообще решил, что у меня к ней чувства?

– Обижаешь, командир. Я тебя сколько лет знаю? Уж сумел сопоставить кое-чего.

Теодор вздохнул и засунул свое сокровище обратно. Рантар проводил взглядом исчезающий в кармане его штанов заветный список, уточнил:

– А почему не ближе к сердцу?

– Когда в том органе проснется чувство, тогда туда и положу, – не моргнув, сообщил охотник на волков.

Рантар не выдержал и заржал, он больше не злился на этого драного кота. И за примирение они распили еще одну бутылку.

– Командир?...

– Чего тебе? – неохотно разлепил глаза Асти, успевший задремать в кресле.

– Забыл сказать, ты теперь исполняешь обязанности ректора.

Рантар беззвучно застонал, проклиная свою собачью жизнь.

Глава 5

Мартинити

Холод, темнота и безысходность – я бреду по мрачным коридорам, пытаюсь найти выход. Отчаяние. Мне страшно. Сухое эхо шагов заставляет вздрагивать и озираясь. Почему я здесь, что это за место? Вопросы затмевает единственная мысль – вперед! Мне нужно идти дальше, меня ждут, во мне нуждаются.

Свистящий шепот подхватывает мое стремление: «Иди-и-и... Жду тебя, девочка... С-с-скорее».

Удивительно, но после этих слов бешено колотящееся о ребра сердце успокаивается, мне даже теплее становится, страх постепенно съезживается и отползает. С каждым новым поворотом бесконечного лабиринта я чувствую все большую уверенность в том, что поступаю правильно. Вопросы больше не терзают разум, есть цель – и надо идти.

«Хорош-ш-шая девочка, умница», – одобрительно шепчет пространство.

И я искренне радуюсь, довольная, что удалось угодить господину.

Господину? На миг останавливаюсь, силясь понять, откуда возник этот образ, но тут же улыбаюсь и продолжаю путь. Все в порядке, господин декан. Асти. Мужчина, разгадать которого я так и не сумела, но к кому чувствовала непреодолимую тягу. Знала, что пропадаю, и все равно шагала на свет его обжигающего пламени...

Внезапно шершавые стены исчезли, а я оказалась лежащей на каменном столе, в цепях. Пара чадящих факелов рассеивала сумрак помещения. С удивительной отстраненностью заметила, как от левой лодыжки протянулись крупные звенья, исчезая где-то внизу. Приподнялась на локтях, села – путы не сильно ограничивали движения. Страх по-прежнему отсутствовал, напротив, в груди поселилось предвкушение. Будто вскоре я получу что-то страстно желаемое, ждать осталось совсем немного.

Шорох. Повернула голову и увидела, как из тени ко мне шагнула фигура в накидке с капюшоном – лица не разобрать. Будоражащее возбуждение во всем теле усилилось. Я протянула руку, не решаясь дотронуться до гостя.

– Не бойс-с-ся, девочка, – прошептал он. – Ты привыкнеш-ш-шь.

– Кто вы?

– Зови меня господин, – все так же тихо прошелестел неизвестный. – В твоей груди горит огонек, мне нравится его мерцание. Такое чистое...

Ладонь господина опустилась в районе моего сердца, от нее веяло стужей, но я лишь сильнее подалась вперед.

Хриплый, каркающий смех постепенно сменился знакомым бархатистым голосом Рантара:

– Это будет даже проще, чем я думал. Марти-ни-ти, вместе мы славно повеселимся.

Господин откинул капюшон, и передо мной предстал улыбающийся декан факультета боевой магии.

– Асти?... Где мы?

– Тш-ш-ш, – приложил он палец к моим губам и жестко приказал: – Господин! Поняла?

Я промычала что-то невнятное.

– Люблю послушных девочек. Ты же не станешь огорчать меня, да, милая?

– Господин, – споткнулась, потом уверенно закончила, – готова выполнить все, что прикажете.

Он удовлетворенно кивнул, отошел к еще одному столу поменьше. Там располагались непонятного назначения инструменты и колбы с различными жидкостями. Наклонился, поднял с пола клетку. В ней, сжавшись в комок, дрожала огромная крыса. Уверенными движениями господин вытащил ее и свернул шею. Короткий писк, и тушка обмякла грязной тряпкой.

Мне стало весело.

– Нравится? – поинтересовался господин.

– В вашей власти сделать любой поступок высшим наслаждением.

– Отлично, – он вновь рассмеялся таким любимым мной голосом. – Не зря я столько ждал, все просто великолепно. А скоро станет еще лучше.

Господин вспорол крысе живот и подставил пиалу под брызнувшую кровь.

– Пей! – потребовал он, поднеся емкость к моим губам.

В нос ударил плотный тошнотворный запах ржавчины, я зажмурилась.

– Пей, милая, – повторил господин куда ласковее. – Так надо. Ты же мне доверяешь?

Я вдруг ощутила нестерпимую жажду, губы пересохли.

– Да, – прошептала, облизнувшись. И не открывая глаз, выпила все до дна.

Необычные ощущения: соленый вкус, тягучая... Ничего ужасного, против ожиданий.

– Моя маленькая, сладкая девочка, ты заслужила награду.

Господин припал к моим губам и жадно поцеловал, слизывая остатки крови.

– Отдыхай, теперь мы часто будем видеться. Время есть. Я научу тебя любить боль, ты привыкнеш-ш-шь, – вновь перешел он на шепот.

– Выше обходи! Левее-левее, давай. Атаку не прохлопай!

– Есть! Ныряй в лабиринт, быстро!

– Принял, держи защиту!

Я помахала заметившему меня Дилаэлю. Он расплылся в улыбке и пропустил атаку выступающего в роли вражеского подстрекателя Пака. Незнакомый адепт со старшего курса, защиту которого и обеспечивал Дилаэль, потерял управление дракончиком и витиевато выругался в адрес непутевых первоодок. Одногоруппники пожали плечами и со смущенными лицами сосредоточились на тренировке. Я жмурилась от яркого солнца, искрящегося на снегу, и с интересом наблюдала за ребятами. Хорошо, что Дилаэль позвал меня: сегодня шел пятый день каникул, и я уже с ума сходила от однообразия.

Читать надоело, праздно шататься по городу – тоже. Я облазила все окрестности, посетила все праздничные мероприятия, но делать это в одиночестве оказалось не так весело, как предполагалось. Меня окружали счастливые семьи, влюбленные парочки и шумные компании друзей. Знаю, что завидовать нехорошо, но вскоре все они начали вызывать отвращение, будто подчеркивали мою обособленность.

Мастер Трай уехал из столицы, и даже отвлекаться ставшим уже привычным способом я не могла. Вехель была права: торчать долгое время в стенах университета, когда все вокруг пропитано духом праздника, просто невыносимо. Поэтому я чуть ли не до потолка запрыгала от радости, когда узнала, что в академический городок вернулись знакомые лица.

Имелась и еще одна причина – Рантар Асти. Все эти дни образ мужчины неотвязно крутился в голове, не желая оставить меня в покое. Без него было плохо, а с ним... с ним тоже как-то тревожно. Совместное времяпровождение разбередило старательно упрятанные чувства. Праздничная ночь прошла замечательно: Рантар сделал все, чтобы я почувствовала себя центром вселенной. И если у него дома расслабиться было сложно, то после того, как мы покинули резиденцию Риолийских, я мечтала лишь об одном: чтобы ночь длилась и длилась.

Мы побывали на главной площади Сантана, водили хороводы вокруг тотемного символа нового цикла. Затем отправились на набережную, где любовались танцем тысячи магических огоньков в небе. В парке под смех и песни уже нетрезвых жителей города катались на коньках на катке в виде огромной рыбины. Льющаяся отовсюду музыка заражала атмосферой волшебства, которой напиталось пространство вокруг.

После этого, взявшись за руки, мы бродили по притихшим и заснеженным улочкам, а над головой медленно серело небо. Нас объединяло молчание, взявшее в плен после часов безудержного смеха и беззаботной болтовни обо всем, кроме главного. Не знаю, о чем думал Рантар, а мне было жаль уходящих мгновений. Что ожидает нас завтра? Бросила взгляд на задумчивого мага и решилась.

– Ты обещал объяснить, зачем понадобилось представлять меня родителям?

Он вынырнул из раздумий и протяжно вздохнул.

– Тебе хорошо со мной? – сбил с толку внезапным вопросом.

Я замаялась, размышляя: уйти от ответа или быть откровенной? Вдруг вспомнились кандалы истины.

– Да... – Короткий, едва слышный ответ дался с невероятным трудом.

Страшно переступать грань, ведь я совсем не была уверена в искренности чувств мужчины напротив. Да, он питал ко мне определенный интерес, но, может статься, совсем не такой глубокий, какой хотелось бы. Открываться всегда страшно.

Рантар обнял, прижал крепко-крепко, выдохнул в волосы:

– Вот и мне тоже. – Поправил сбившийся с моей головы платок. – Я просто хотел, чтобы ты была рядом.

– Не понимаю, – честно призналась я. – У тебя было столько времени, а ты...

– Мой маленький мотылек, если бы я сам до конца понимал. Наше знакомство началось не совсем правильно.

Я вспыхнула. Он, не заметив, продолжил:

– А потом одно за другим череда нелепых событий и как итог... – Не стал заканчивать мысль, произнес другое: – В чем-то сегодня отец оказался прав: мой характер далек от совершенства, а образ жизни и того хуже.

Я улыбнулась от столь неожиданной самокритичности и, прежде чем успела подумать, нежно скользнула ладонью по его холодной щеке. Рантар уткнулся в нее носом, бережно поцеловал.

– А мне все нравится, хотя иногда ты пугаешь.

– Да-а-а? – Губы мага искривились в коварной ухмылке. – Например, вот как сейчас?

Он подался вперед, и я потеряла счет времени. Совершенно забыла, что мы стоим посреди аллеи на улице, совсем как тогда – в вечер нашего знакомства. Мягкие губы мага заставляли учащенно биться сердце, а нежность прикосновений путала мысли. И все же я нашла в себе силы отстраниться.

– И так тоже.

Он нахмурился.

– А еще когда сердисься или смотришь холодным, равнодушным взглядом.

Теперь на лице Рантара промелькнуло удивление. Я засунула руки в карманы и, глядя в сторону, напонила:

– Так зачем ты меня представил родным? Тот белобрысый хлыщ на балу подошел ко мне не случайно, да? Вряд ли это просто совпадения. Откуда во мне обнаружилось столько силы?

С каждым вопросом Асти все больше мрачнел, но я продолжила:

– Прости, но я отчетливо помню события той ночи в музее и ваш разговор с шифу Лао. Миру в империи угрожает опасность, и именно я стала причиной срыва ваших планов. Чередой событий, которые ты назвал нелепыми, они же не случайны все, правда? Просто скажи, что происходит, пожалуйста.

Да, я понимала, что испортила вечер, видела, что Рантар злится, но не хотела продолжать делать вид, будто ничего не случилось.

– Марти, – спустя долгую паузу заговорил Рантар, – тебе не стоит вникать в это дело. Ты права: Лепорт обеспечивал твою безопасность и... заигрался. Больше подобного не повторится. Я держался на расстоянии, опасаясь, что наше сближение навредит тебе. И я ошибся. Теперь попробую зайти с противоположного конца.

– Спасибо, конечно, за заботу, но тебе не кажется это странным? Не думаю, что знакомство с родителями поспособствует моей безопасности.

Он досадливо потер переносицу, отпустил меня и медленно побрел вперед.

– Я всего лишь хотел быть с тобой... сегодня, – глухо прозвучали слова Асти.

– Только сегодня? – догнала я его, не решаясь дотронуться.

Он не ответил, зато сам поймал мою ладонь и крепко сжал ее, согревая теплом. Так, в молчании, мы и добрались до дежурного портала. Зевающий зритель торопливо отметил наши имена в журнале и с радостью спровадил восвояси.

Рантар довел меня до комнаты в общежитии, долго топтался на пороге, словно борясь с собой и не решаясь на что-то. Мысленно я умоляла его сделать шаг мне навстречу, показать, что действительно необходима больше, чем на одну ночь. Вслух же, как и он, ничего произнести не смогла. Слишком много было между нами недомолвок, слишком много неправильно истолкованных действий и совсем мало времени, проведенного вместе.

Светлые боги, я танцевала для него! Фактически предложила и душу, и тело – что еще ему требуется? Какое приглашение? В итоге, поблагодарив за подаренные часы счастья, я снова умолчала о главном. И Асти ушел.

Сразу стало так пусто и одиноко. Небольшая комнатка показалась сродни дворцовой зале, где гуляют сквозняк и холод. Что его

останавливает? Чего он опасается? Почему так противоречиво поступает? Хорошо, что усталость пересилила тревожные мысли. Спасительный сон избавил от желания расплакаться от бессилия и подарил красочные видения, наполненные улыбками сегодняшнего праздника.

Дальше потянулась череда дней, которые я заполняла как могла насыщено, лишь бы не ждать и не надеяться. Рантар вновь пропал, оставляя гадать: причина во мне или он просто действительно сильно занят.

Вот поэтому-то я и радовалась сейчас, слушая окрики ребят на поле и вновь погружаясь в привычную суету академической жизни. Впереди маячило чуть ли не самое главное событие зимы – состязания по Драконьим бегам. Все адепты пребывали во взвинчено-предвкушающем состоянии.

– А вот и мы! – Мальчишки приземлились на скамью по бокам от меня. – Понравилось?

– Очень, – искренне призналась я. – Вами можно гордиться! На первом же курсе пробиться в факультетскую команду, хоть и на правах запасных – достойно уважения и всяческих похвал.

Ребята заулыбались.

– Какие планы на вечер? – бесхитростно поинтересовался Пак.

Дилаэль, наоборот, смутился. Хотел что-то сказать, но я опередила:

– Совершенно свободна и буду очень рада провести его в вашей компании. Мне безумно надоело шататься по городу в одиночестве.

– Вот и отлично! – Пак потер руки и подышал на них, согревая. – Предлагаю сходить на каток, а потом засесть в каком-нибудь уютном теплом местечке и отметить сдачу сессии, праздники и еще много других поводов, я уж придумаю каких.

– У тебя два хвоста, – ехидно напомнил наш безупречный аристократ.

Пак отмахнулся:

– Два не три, не отчислили же. Пересдам. Ну так как, согласны?

Мы дружно кивнули.

– Берите-берите. – Рантар пододвинул вазочку с конфетами ближе к Зигисолю.

Преподаватель по базовым магическим субстанциям скривился, но взял очередную сладость.

– Так что вы хотели, декан Асти? – с трудом сглатывая, спросил он и отпил давно остывшего чая.

Рантар уже второй час мучил Задушимоля беседой ни о чем, попутно скармливая тому конфеты. Он хотел вывести зельевара из равновесия и воспользоваться этим состоянием. Последний стоически терпел и продолжал жевать сладости. Асти понял, что встретил достойного соперника: терпению и выдержке Зигисоля позавидовал бы и Лао.

Шедевры, коими щедро потчевал гостя декан факультета боевой магии, принадлежали его тайным дыхательницам. Юные адептки оказались падки как на внешность и силу, так и на служебное положение. Каждый раз, проходя по коридорам исконно женских факультетов, Рантар чувствовал себя дичью, и это его несколько нервировало. Девушки смотрели на Асти таким голодным и хищным взглядом, что боевику хотелось напасть первому, чтобы обезвредить враждебное окружение.

Иногда одна из стаи, набравшись смелости, присылала ему записку с девичьими переживаниями и неизменно добавляла к ней либо выпечку, либо сладости. Рантар не любил подобные угощения, к тому же здраво опасался любовного приворота.

Изначально он собирался скормить их Лепорту и посмотреть, чем закончатся приключения блудливого кота. Асти лично бы проводил его в храм и отдал на поруки новоиспеченной невесте, обезопасив Мартинити от домогательств неугомонного блондина. Заодно и подшутил бы над старым другом, а после еще выговор добавил в личное дело для закрепления эффекта. Встреча с Керфусом Зулом изменила планы Рантара. Лепорт отделался лишь ушибами и ссадинами, ну и растоптанной гордостью отличного бойца.

И вот сегодня Асти нашел куда пристроить многочисленные подношения юных дарований. Совмещая приятное с полезным, он скормил их зельевару. Зигисоль мучительно кривился, беря в руку очередной шедевр кулинарного искусства, но мужественно ел и молчал. Он понимал, за что его наказывали черствыми, а порой и

горелыми булочками, и потому терпел. Рантар видел это по глазам профессора и не менее терпеливо ждал, когда Зигисоль сдастся и заговорит. Кроме того было любопытно взглянуть на действие зелий, которые адептки наверняка добавляли – слабовато верилось в их искреннее желание накормить резковатого и необщительного декана нового факультета.

Поговаривали, что талантливые мастера котла и поварешки не подвластны дурманящим настойкам. Можно сказать, Рантар проводил своего рода эксперимент. А если вдруг найдется такая искусница, которая сможет затуманить разум Зигисоля, то Асти с радостью переведет ее на факультет зельеварения. Ведь задача преподавательского состава – развивать и поощрять таланты. Насколько Рантар знал, любовные эликсиры всегда изготавливаются собственноручно желающим обрести власть над чьим-нибудь сердцем.

– Шифу Лао, покидая университет, – Зигисоль замялся и отодвинул опостылевшие сладости, – предложил поведать вам о моей личной жизни.

– Да? – изобразил удивление Рантар, для которого никакого секрета в данном вопросе и так не существовало. Об отношениях зельевара с Такарой Алой он уже знал.

– Прекратите, – прошипел Зигисоль. – О моей оплошности не ведают только слепые и глухие, а вы играетесь! Да, я любил Кару.

– Любил? – намекая на прошедшее время в исповеди профессора, уточнил Асти.

– Она превратилась в чудовище.

– Вы все помните, да?

– Это как вспышки в полной темноте, – признался тот. – Очнувшись, я сразу же пошел к шифу Лао.

– После того как она попользовалась вами?

– Вам нравится, да? Скажите как есть, чего уж...

– Уймитесь! Я просто уточнил, – с нажимом произнес Асти. – Вы одна из нитей, которая связывает нас с детьми Зогарда.

О Марти Рантар старался не думать: меньше всего ему хотелось решать проблемы мира через ставшую ему дорогой девушку.

– Достаточно правдиво.

Асти кивнул и милостиво закинул угощения девиц в ящик стола. Зигисоль с облегчением выдохнул. Рантар мысленно усмехнулся и

поставил зарубку: сладкая пытка порой эффективнее работы палача. Он это и Лепорту расскажет, а то тот предлагал сразу везти преподавателя в допросную. Но на то Рантар и командир, чтобы находить нестандартные решения.

– Помните, как она выманила вас?

– Нет, очнулся уже в разрушенном корпусе и сразу пошел сдаваться шифу Лао.

– Вот как. И что сказал наш мудрец? – не сдержал ироничных ноток в голосе Асти.

– О сотрудничестве с вами и...

– Стоило оно таких мучений? – перебил Рантар, намекая на чай с пирожками.

По мнению Асти, профессор напрасно ломался так долго, прежде чем перейти к откровениям.

– Стоило, – растянул губы в подобии улыбки Зигисоль. – Подозреваю, пытки могли быть совсем иного рода. Признаю за вами, как за представителем власти, право руководить. В ответ жду и от вас жеста доброй воли.

Рантар с подозрением посмотрел на Замочимоля. Выходит, Лао просветил его об истинном служебном положении Асти. Неожиданный поворот в разговоре насторожил, и Рантар слегка отклонился назад. Больно мечтательным сделался взгляд зельевара, если не сказать больше – вождедеющим. Если гость начнет действовать неадекватно, то Асти успеет опрокинуть на него стол.

– Чего же вы хотите?

– Вы знаете! Шифу Лао подтвердил, что вы уже добыли нужное.

– Вам мало жизни? – возмутился Рантар, все еще не понимая, к чему клонит Зигисоль.

– Теперь я живу только ради искусства зельеварения.

– Неужели и вам нужна туша серого дракона? – изумился новоиспеченный заместитель ректора.

Керфус в последнее время зачастил к нему с визитами, подружески напоминая о редком чучеле. Асти поднял взгляд на профессора Зигисоля и понял, что ошибся в предположении – лицо преподавателя вытянулось, выражая крайнюю степень удивления.

– О чем вы? Мне нужна кровь адепки Дакасты! Помните, мы говорили о ее лунном цикле.

Вот теперь Асти всерьез захотелось воплотить в жизнь все те пытки, о которых имел неосторожность упомянуть профессор. Думать о мотыльке, как о дойной корове! Да и Лао... Рантар невольно сжал руку в кулак, представляя свои пальцы на шее друга.

– Прежде чем вы сделаете то, о чем впоследствии пожалеете, позвольте сказать, – нервно произнес зельевар и отодвинулся.

Рантар цинично усмехнулся, отметив этот маневр. Летучую мышь подобная предосторожность не спасет.

– Riskни. – Глаза боевика опасно сузились.

– Кровь Дакасты мне нужна для другого...

– То есть даже не для экспериментов?! Ты извращенец? Впрочем, о чем это я?

– Я ученый! – оскорбился Зигисоль. – И то, что я собирался сделать с ее кровью, в первую очередь поможет ей самой.

– Ну-ну, – поощрил Асти. – Скажи еще не получишь удовольствия от использования столь редкого ингредиента.

– Глупо скрывать очевидное, – пожал плечами зельевар. – Но снадобье, которое я смогу изготовить, должно разорвать связь адепки с ведьмой. Мы с шифу Лао составили великолепный план, он все одобрил. Избавим девочку от ядовитой твари.

– Переигрываешь, – заметил Рантар.

– Источником, подпитывающим чары, служит дар Дакасты, ведьма лишь паразит. Как только пуповина разорвется, адепка освободится от отравляющего влияния темной.

– Лао согласился с этой формулировкой? – удивленно приподнял брови Асти.

Зигисоль поморщился и приложил руку к левому боку. Рантар усмехнулся: даже Ишидан порой пускал в ход грубую силу. Также Асти понимал, что связь двусторонняя, и мотылек отнюдь не душевную доброту берет от ведьмы. Шэдар, как медленный яд, убивала все то, что делало Марти «чистой», и создавала нечто другое.

Кроме того, Рантара поразила степень откровенности Лао с профессором Зигисолем. Либо Ишидан абсолютно доверял ему, либо собирался убить. И зная шифу, Асти заранее знал ответ. Впервые за долгое время он не восхищался хитростью и мудростью друга, а поражался его расчетливости. Неудивительно, что цветком сердца

кукловода стала старшая ведьма, только она способна удержать в узде безмерное желание Лао управлять всем и вся.

С минуту Рантар молчал, потом не выдержал и нервно рассмеялся. Его не покидало ощущение творящегося вокруг безумия. Декан боевиков страстно желал пустить шкуру одного интригана на украшения для плаща или же коврик у кресла, пополнив коллекцию. Он даже мысленно представил эту картину: ночь, в руках бокал вина, отблески пламени красиво играют на лисьем меху, а сверху с каминной полки покаянно смотрит чучело кота.

– Ступайте, профессор Зигисоль, требуемое у вас будет.

– Значит, мы договорились? – алчно сверкнули глаза зельевара. Он уже размышлял, как использует бесценный ингредиент помимо заказанного снадобья.

Когда дверь за профессором закрылась, Асти облегченно выдохнул. После чего сложил ладони вместе и создал шарик света. Он превратился в крылатую птаху – вестника.

– Получатель Теодор Лепорт. Сообщение: «Таци свой пушистый зад в мой кабинет, и живо!»

Глава 6

Мартинити

– Вот такенный заглот, отвечаю. – Пак вытянул вперед руку, второй отмерил первую практически по плечо.

Мы с Дилаэлем дружно рассмеялись.

– Ну и горазд ты заливать, – выразил общее мнение Дилаэль. – Расскажи это своей бабушке, а лучше мастеру Джедрису. Он оценит.

Пак скривился и потер шею. С того памятного первого занятия по магическим жестам у них с преподавателем сложились довольно странные отношения. Адепт Герштоль никак не мог уяснить, что его шутки чреватые последствиями для него же самого, а мастер Джедрис каждый раз с явным удовольствием использовал парня в качестве наглядного пособия для отработки особо изощренных жестов.

– Сам своему Джедрису рассказывай. У него чувство юмора, похоже, совсем отсутствует, – пробурчал Пак.

– Патрик, – надменно произнес Дилаэль, копируя интонации преподавателя, – если твои взгляды на мир не совпадают со взглядами окружающих, это еще не значит, что Джедрис не умеет веселиться. Серьезно, поведай ему байку о том, как ты остановил заглота голыми руками, используя лишь «Черного феникса» и «Стэллу Варга», и он поставит тебе зачет.

Я толкнула Дилаэля в бок:

– Ты осторожнее с подначками, Патрик ведь не постесняется.

– Ага, – расплылся в улыбке коварный адепт Карриди, – а Джедрис не постесняется устроить практикум и воочию убедиться, как Пак крошит в капусту заглотов. Эй, Марти, думаешь, в Кирате найдется парочка злобных заглотов, еще не впавших окончательно в спячку?

– Тьфу на вас, – возмутился Пак. – Не хотите – не верьте. Я так испугался, что в один миг вспомнил все полезные жесты. Даже смешно не было, когда пальцы гнул: в тот момент вообще не до ассоциаций было.

– Зачем же ты полез к нему в клетку? – удивилась я.

– Так интересно ведь! Я денег заплатил за просмотр, а он в норе дрыхнет и носа на публику не показывает.

Мы с Карриди переглянулись. Определенно, логика Пака понятна только самому Паку. Пойти на выставку опаснейших существ Карфаенской империи и докопаться до решившего вздремнуть заглота, будто больше там и посмотреть не на что было.

– Странный выбор, скажу я тебе. Рисковый. Нормальным боевым-то нас еще не учили, а все остальное могло и боком выйти. – Дилаэль разлил по бокалам горячее вино с пряностями.

– Знаешь, умник, когда на тебя вот та-а-акенная туша бежит, глаза горят и слюна капает, что первое в голову приходит, тем и пользуешься.

– Э-э-э, кажется, мы пошли по второму кругу, – подмигнул мне Дилаэль.

Я с улыбкой посмотрела на покрасневшего Пака, активно размахивающего руками для пущей убедительности. Сейчас лысой у него оставалось только полголовы, вторая половина обросла, и на ней были выбриты два паука, сцепившихся в драке. Ну, во всяком случае, любитель неординарного внешнего вида утверждал именно это.

Мы провели чудесный вечер, в течение которого я и думать забыла о своих печалях и одиночестве. С мальчишками скучать не приходилось. Я поняла, как безумно мне не хватает учебы и всей той академической суеты, что пропитывает атмосферу ШТУЧКИ, когда с каникул возвращаются адепты. В воздухе над нашей компанией витало отличное настроение, а вино добавляло жара в кровь.

– Ма-а-арти, – понизив голос, интригуяюще произнес Пак, – колись: правда, что на тебя декан боевиков заглядывается?

От неожиданного вопроса я растерялась, чувствуя, как запылала щеки. Благо после улицы в теплом ресторанчике мы разомлели, и румяный цвет на лицах играл у всех.

– Ты совсем идиот? – уточнил резко посерьезневший Дилаэль.

– Ой, да чего такого? Подумаешь, это даже удобно.

– Я спишу твое хамство на излишки спиртного, но не советую продолжать. Марти, не обращай внимания на дурака.

Я выдохнула и натянуто улыбнулась. Посмотрела на Дилаэля с благодарностью: высокородный парень отличался безупречным

воспитанием.

– Конечно не буду, – постаралась, чтобы мой голос звучал беспечно. Обратилась к Паку: – Если тебя прельщает подобная перспектива, то приударь за мастером Иргердой, вдруг суровая бабулька растает.

– Не-е-е, если к кому и подкатывать, то я лучше магиане Лакруони в плен сдамся.

Мы с Дилаэлем одновременно расхохотались.

– Удачи, – сквозь смех пожелала я.

– При всем желании не могу придумать, что ее может заинтересовать в тебе, – поддержал Дилаэль.

– Поживем – увидим, – стукнул себя кулаком в грудь Пак.

– Твою кончину? – продолжил издеваться над ним одноклассник. – У нее роман с мастером Джедрисом.

– Откуда знаешь? – прищурился Пак.

Я тоже с интересом посмотрела на Дилаэля: ничего себе, какие подробности открылись. Парень смутился и нехотя пробурчал:

– Видел их как-то случайно... э-э-э, вместе. Забыли, хорошо? Нам же лучше будет.

– Так чего там с приятелем шифу Лао? Как бишь его, декан Асти, кажется? – не унимался Пак.

– Не твое дело, – огрызнулась я.

Что-либо отрицать смысла не было, но и обсуждать я не собиралась.

– О-о-о, так братики Диоли не насвистели, – ухмыльнулся Пак.

– Хочешь, врежу ему? – с готовностью уточнил Дилаэль.

– Сама сейчас врежу, – пообещала я. – Пак, раз ты такой любопытный, может, ты еще и в курсе, что со мной мастер Трай дополнительно занимается?

– Ладно-ладно, чего сразу угрозами сыплете? – Пак поднял руки и обезоруживающе улыбнулся. – Я ж ничего такого не думаю, наоборот, порадоваться за тебя хотел.

Дилаэль поджал губы, а я подумала, что радость весьма сомнительная, учитывая всю сложность наших с Рантаром отношений. Вот где он сейчас? Жив ли, здоров? Нет ответов.

– Поздно уже, – напомнил Дилаэль. – А кому-то вообще проспать не повредит.

Притихшие, мы расплатились и побрели в сторону универа.

Чтобы окончательно не испортить настроение, я запретила себе думать об Асти и размышляла о Вехель с Киром. Интересно, как у них проходят каникулы? Надеюсь, у ребят все сложится и они останутся вместе. Улыбнулась, предвкушая подробный рассказ Вехель о семье из династии великих инквизиторов. Вот уж кому не позавидуешь, так это моей рыжей подруге. Должно быть, ведьмочка чувствует себя как полоз над костром.

Долго витать в мыслях мне не дали: разве может Пак долго молчать? Он опять начал рассказывать невероятные истории и постепенно втянул нас в разговор. Неловкость от предыдущей темы исчезла, мы вновь весело смеялись над его шутками.

До главных ворот, ведущих на территорию университета, оставалось рукой подать. Я уже видела редкие огоньки в окнах корпусов общежитий. Мальчишки, увлеченные обсуждением грядущих состязаний в Драконьих бегах, ушли чуть вперед. Я задержалась, поправляла шнуровку на сапоге. В этот момент меня вдруг схватили за плечо и легонько встряхнули.

– Вот я тебя и нашел, моя глупая бабочка. Неужели всерьез думала, что сможешь далеко улететь?

Передо мной стоял и победно ухмылялся несостоявшийся жених.

– Отпусти! Никакая я не твоя. – Что удивительно, страха не было.

– Рассчитываешь на покровительство Риолийских? Очнись, девка безродная, кому ты нужна? Он тебя попользует, развлечется и забудет! Нужно ему портить отношения с влиятельными семьями из-за такой, как ты.

– Убери руки, – прошипела я, краем глаза замечая, что ребята заметили заварушку и направляются в нашу сторону. – Я под защитой государства на весь срок обучения, у тебя нет на меня прав.

Где-то внутри в животе злость и ненависть закручивались в тугую спираль. Мне хотелось причинить боль стоящему напротив негодяю, видеть его страдания и упиваться ими. Скольким несчастным девочкам он испортил жизнь? А моему отцу?

Родрик Дахил будто догадался, о чем я подумала. Нарочито небрежно отпустил и даже отступил на шаг.

– Сама за мной пойдешь. Ты же не хочешь, чтобы твой папочка загнулся где-нибудь в подворотне, а все на похоронах обсуждали, что

не удивлены его бесславной кончиной? Сначала неблагодарная дочь сбежала и пошла по рукам, а потом бедняга разорился. Как тебе такая перспектива?

– Марти, кто это? – спросил подошедший Пак.

– Помощь нужна? – подхватил Дилаэль.

Тут я не выдержала: гнев и ярость, подпитываемые каждым произнесенным словом Родрика, достигли предела, перед глазами все будто пеленой заволкло. Я хотела крови и боли, всем нутром жаждала чужих страданий. Что-то незнакомое, но такое притягательное было в моих новых желаниях. Они дарили ощущение власти. Из злости, поджигающей кровь, я черпала силу. В голове стало пусто, все внимание сосредоточилось на вене, призывно пульсирующей на шее того, кто возомнил себя господином моей жизни.

– Сдохни!

Я вскинула руки, позволяя энергии свободно течь через меня, высвобождая накопившиеся страхи и отчаяние, которое когда-то испытывала по его милости. Дахил упал и скрючился от боли. Я ощутила ни с чем не сравнимую волну наслаждения, любуясь его кровавыми слезами. Парни рядом что-то кричали, но я не слышала, погружаясь в водоворот странного извращенного удовольствия. Так приятно чувствовать себя всемогущей.

С моих губ слетело заклинание, и корчившийся на земле мужчина закричал, срывая голос. Я не знала заранее, что сделаю в следующий момент и откуда появлялась уверенность, какие слова произносить и как управлять потоками магического поля. Слово до конца не принадлежала себе.

Отстраненно отметила, что Дилаэль попытался меня остановить. Без труда отгородила себя и своего бывшего мучителя непроницаемым щитом. Никто не должен мешать мне вершить возмездие. Родрик Дахил что-то прохрипел. Я прислушалась: даже перед смертью эта мерзость продолжала угрожать. Подошла к нему и присела на корточки, рассматривая искаженное болью лицо. Не переставая шептать заклинания, соткала в ладони острый световой клинок и медленно, рисуя узор, провела им по щеке мерзавца. Уродство теперь ему обеспечено, а заодно и вечное напоминание о том, что всегда найдется кто-то сильнее. Нельзя безнаказанно творить зло, за все нужно платить.

– Тварь, – выплюнул он вместе с кровью. – Я достану тебя и всех, кто тебе дорог.

– Уверен? – Мой голос звенел от переполняющего душу, искрящегося веселья.

Кто-то неведомый шептал, что я молодец и заслужила награду, его одобрение ласкало и согревало. А может, мне чудилось?

– Забыл добавить: если выживешь, – внесла я существенное уточнение.

Пальцы сжались в кулак, я представила, как в них лопается сердце моего несостоявшегося жениха. Последняя цепочка чар, и все будет кончено.

– Не надо, мотылек! Это не ты, не делай этого!

Любимый голос пробился сквозь затуманенное сознание. Асти?

Глухое недовольство внутри отозвалось болью в груди. Надо закончить, нельзя оставлять врагов в живых. Падаль под ногами должна умереть.

– Мартинити, пожалуйста, послушай меня.

Взволнованные интонации в мольбе такого непонятного, но бесконечно дорогого мне мужчины заставили потерять концентрацию. Границы щита, отделяющего нас с Родриком от внешнего мира, разрушились под натиском мощной ударной волны, меня отбросило в сторону.

– Хвала светлым богам, я успел. – Теплые руки бережно подняли меня с земли.

Рантар всматривался в мои глаза, пытаюсь что-то в них разглядеть, а я улыбалась.

Ведьма и бес

– Мне это не нравится! Очень не нравится, Дари, – проскулил бес, взирая с ужасом на арку прохода.

Строение и не думало исчезать, наоборот, приобрело еще более безобидный вид. Сказочная дверь, ведущая в царство Лао, так и манила ведьму.

– Мы это обсуждали, – раздраженно заметила Шэдар.

– Обсуждали?! – взвизгнул бес и от возмущения цокнул копытцем. – Ты просто сказала, что это надо сделать.

– Сам же говорил, что я королева. Знаешь ли, монаршая власть – она такая абсолютная.

– Будь проклят тот день, когда я вознес тебя на трон, – патетически воскликнул бес и театрально бухнулся на колени.

– Заканчивай, все равно никто не смотрит, – отрезала Шэдар, продолжая наблюдать за внешним миром из книги.

Горестно вздохнув, рогатый резво вскочил на ноги и вновь присоединился к ней. Мысленно он соглашался с доводами Шэдар, но предстоящее дело пугало. Еще свежи были воспоминания о прошлой попытке прорыва, когда ведьма серьезно пострадала. Он не желал повторно испытать то гнетущее чувство беспомощности.

Шэдар определила местонахождение второго защитного артефакта. Хитрый лис спрятал его где-то на территории преподавательского городка – в самом надежном и защищенном месте Университета чароплетства. Правда, имелась одна странность: расстояние до цели то увеличивалось, то уменьшалось, словно у артефакта были ноги и он постоянно передвигался. Шэдар со свойственной всем ведьмам самоуверенностью утверждала, что это не повод отказываться от плана. Зато бес хвостом чуял неладное.

Сейчас они ждали, когда ворота в очередной раз гостеприимно распахнутся, чтобы ворон смог проскочить. Последнего бес и боялся. Тогда невидимая защита их остановила, и его драгоценная ведьма чуть не рассталась с жизнью. Хвостатому оставалось лишь надеяться на защиту Проглота. Унизительно надеяться и завидовать силе пня. Ведь у самого беса не имелось особых достоинств. Обычное, ничем не примечательное порождение с другого плана бытия.

Рогатый горестно хрюкнул. Шэдар оставалась его шансом на светлое, как он лелеял мечты, будущее. Бес даже согласился бы на рабский договор, лишь бы не возвращаться в пекло. По здравым размышлениям с ведьмой он своими идеями не делился, тем более когда Шэдар пребывала в поганом настроении. В последнее время из этого состояния она выходила крайне редко.

– Пора, – возвестила ведьма.

Ворон черной тенью метнулся за группой преподавателей. Бес зажмурился: он пока морально не дорос, чтобы встречать такой ужас с

открытыми глазами. Очнулся хвостатый от крепкого подзатыльника, пропахав пяточком землю. Он вскочил и устремил обвинительный взгляд на Шэдар. Однако поразмыслив, пришел к выводу, что она не имела отношения к учиненному беспределу: было заметно, что мыслями ведьма находилась где-то далеко. Птица парила над владениями Лао, а Шорох с высоты рассматривала маленькое королевство бывшего любовника.

Бес мимоходом отметил летнюю погоду в этом удивительном месте и тут же вспомнил о больном пяточке.

– Ты! – взвизгнул рогатый и указал на Проглота.

Пень возмущенно зашевелил ветками, настаивая на своей непричастности.

– Не верю!

Бес сам не заметил, как в нем разыгралась древняя кровь, ярость забурилась по венам. При каждом громком выдохе из пяточка вырывались маленькие огненные струйки. Он повел копытом, как готовящийся к атаке бык, наклонил голову и...

– Вы что творите?! – взревела Шэдар, рухнув на землю.

Проглот просто скинул ее с себя, чтобы перехватить внезапно разъярившегося приятеля. Взгляду ведьмы предстала дикая картина. Пень, обвив ветвями беса за рога, удерживал того на месте, а хвостатый пытался бодаться. Дитя Тьмы совершенно не понимало, что делать дальше. Бес в своем безумии забыл, что ему могут свернуть шею, как цыпленку.

– Сделай уже это, – махнула рукой ведьма, вставая с земли.

Пень зашелестел листьями.

– А что ты хотел? Умей отвечать за свои действия и принимать решения.

Шэдар быстро сообразила, что Проглот опять доставал беса, но ей было не до их мелких разборок. На душе у нее скребли кошки. Шорох чувствовала тоску, болезненно сжимающую сердце. Она могла бы жить здесь вместе с Лао в покое и безопасности. Этот дивный мирок оказался на редкость уютен и мил, в таком месте она завела бы детей...

Шорох выругалась сквозь зубы. Не время раскисать! Слабости укорачивают жизнь, пусть не настолько счастливую, как хотелось бы, но вполне достойную, если не считать эпизода с книгой.

– Да придуши его немного – мигом разум вернется, – приказала ведьма, собравшись с силами.

Проглот команду исполнил. Бес рухнул на землю, схватившись за горло. Он судорожно отдирает ветки от шеи, но куда ему соперничать с порождением Тьмы. Глаза рогатого потускнели: ярость отступала вместе с жизнью. Пень продолжал удерживать приятеля, с интересом наблюдая за развитием событий. Так ребенок, бросив камень в воду, замороженно провожает взглядом круги.

– Не увлекайся! – Свои слова Шэдар сопровождала пинком.

– Дзинь, – обиженно ответило брюхо Проглота.

Пень отполз, словно побитый пес, волоча за собой беса.

– Тело оставь.

Разочарованно дзинькнув еще раз, он отпустил добычу. Бес тем временем очнулся, но виду не подал, кляня себя за потерю контроля и решая, что делать дальше. Когда ведьма склонилась над ним, он не сдержал свою натуру.

– Только поцелуй моей королевы вернет меня к жизни, – прохрипел хвостатый и сложил губы трубочкой, ожидая чудес.

Однако заполучил лишь недовольство Шэдар:

– Сдурел?

Бес возмущенно раскрыл рот, чтобы ответить нечто подобающее моменту. Не успел. Ведьма охнула, а на морду рогатого упало что-то горячее. Неужели слеза? Он распахнул глаза, желая запечатлеть эпохальное событие, но вместо этого узрел, как Шорох зажимает порез на шее, а по ее пальцам сочится кровь.

– Кто посмел? – воинственно хрюкнул бес, вскакивая. От умирающего героя не осталось и следа.

– Все из-за твоего балагана.

Ведьма вернулась в центр книги.

– Это Проглот, – указал бес на пень.

Тот пристыженно опустил ветки.

– Связалась с детьми, – процедила Шэдар, внимательно наблюдая за происходящим снаружи.

Хвостатый воровато оглянулся и слизал упавшую ему на губы кровь. Он, как и любое создание пекла, любил алый нектар, особенно если последний принадлежал сильным магам. К тому же Шэдар давно уже завоевала сердце беса.

Цок. Цок. Цок.

Он осторожно подкрался к ведьме: нужно выяснить, что ее ранило. Ответ отыскался быстро. Их потасовка с пнем отвлекала Шэдар от управления птицей, поэтому она посадила ее на ближайшее дерево. Там-то ворона и сцапал обычный блохастый кот. Комок шерсти вцепился зубами ему в шею и теперь гордо нес добычу. Так как именно сила Шэдар удерживала книгу в облике птицы, все увечья достались ведьме.

– Не спи, – раздраженно произнесла она.

– А что нужно сделать?

– Прикажи этой твари донести нас вон туда, – Шорох указала на дом на вершине холма.

– Не проще долететь? – уточнил бес.

– Лао, – выплюнула ведьма имя ректора, – тоскуя по своей родине, завел здесь ястребов. Ты по сторонам, вообще, смотрел или только о своем пятаке думал?

– Я же говорил, что это плохая идея, – запричитал бес, игнорируя упрек. – Здесь нас ждет смерть!

– Замолкни! Если бы Ишидан хотел этого, то давно бы сделал. Тот же барьер не пропустил бы в его мирок. Так что лучше работай!

Хвостатый тяжело вздохнул, признавая правоту ведьмы, и принялся за дело. Ему на плечо опустилась ветка. Бес демонстративно ее скинул: выходцу из пекла не требовалась поддержка несостоявшегося убийцы. Проглот обиженно зазвенел золотом в брюхе.

– Прекратите оба, – вмешалась Шэдар. – Ты сам виноват! Заигрался и забыл, что Проглот – порождение самой Тьмы.

Бес засопел громче, но ничего не ответил. Сейчас его больше интересовал неправильный кот, который совершенно не желал подчиняться указаниям рогатого. Неужели его чары в мире Лао работают не в полную силу? В итоге блохастое животное тащило их исключительно по прямой линии. Что бы ни делал бес – все бесполезно.

– Налево! Куда ты правишь? – рыкнула ведьма.

– Этот комок шерсти – бракованный, – взвизгнул хвостатый. – Он ходит только прямо.

– Ну-ка, подвинься! – В центр управления шагнула Шэдар.

В следующий момент птица, прикидывающаяся до этого дохлой, резко вцепилась когтями в землю. Кот, ведомый магией внушения, не остановился. Ведьма поморщилась: зверь слишком сильно сдавил ворону шею. Зато план удался, и кошка повернул в нужную сторону – так бездумно ходит скотина, привязанная к столбу.

Пока они добрались до поместья Лао, а бес не сомневался, что дом принадлежал степняку, рогатый возненавидел ректора еще сильнее. Шея ведьмы уже превратилась в один сплошной синяк, хоть бес и пытался уменьшить урон от пасти кота. Один раз этот подлец даже выронил тушку птицы, за что рогатый получил нагоняй. Недалеко от цели они наконец-то отпустили кота, и теперь ворон сам бодро скакал в нужном направлении.

– Что дальше? – любопытствовал бес, глядя не закрытые ворота.

– Не знаю, – нахмурилась Шэдар. Она испытывала смутное беспокойство: – Все слишком легко и подозрительно.

– Чего ты удивляешься? Он наверняка нарочно снял защиту с портала. Сама же сказала: не в его интересах нас убивать.

– Не в этом дело... Еще ястребы эти.

– Кстати, да. Хищные птички в картину радушной встречи не вписываются.

– Вот именно. Нет в этом смысла, они ведь могли нас растерзать. Убить порталом гораздо проще... Проклятье!

Ведьма не успела всего лишь на мгновение. Ворон забился в силках, сплетенных из тонких переливающихся магией нитей. Кто-то явно их ждал.

– Проглот! – позвал бес, забыв про гордость.

Пень собрался вмешаться, но его остановила Шорох.

– Погодите. Сначала узнаем, кто здесь охотник, а вырваться всегда успеем.

Бес в корне не был согласен с таким решением. От врагов нужно держаться подальше и не рисковать. Он хотел приказать Проглоту что-нибудь сделать, но замешкался, сбитый с толку реакцией ведьмы. Она словно бы ожидала чего-то подобного.

– Сейчас выясним, права ли я в своих предположениях.

– Что... – бес не договорил, услышав непривычное брнчание.

Цзинь. Цзинь.

Хвостатый обернулся к пню, тот отрицательно замахал ветками. Тем временем к птице подошел их пленитель – стройная женская фигура, облаченная в традиционную одежду Страны Ветров. По ткани струился алый узор, похожий на кровавые росчерки. Шэдар чуть повела рукой: ворон поднял голову, позволяя узникам рассмотреть лицо гостыи.

– Кукла, – ошарашенно констатировал бес.

От нее мощными волнами исходила ненависть. Насколько хвостатый знал, големы не обладают чувствами, а то, что стояло напротив, явно вышло из-под руки мастера.

– Затейник, – почти ласково проговорила Шэдар и тяжело вздохнула.

– О чем ты?

– Всем известна любовь Ишидана к искусству. Он посвятил себя созданию кукол, и ведь глупец уже обжигался на этом, но все равно продолжает начатое. Теперь понятно, почему артефакт двигался и почему в небе так много ястребов.

– Он что, внутри этой?...

– Да. Нам просто надо выпотрошить ее.

Бес с Проглотом переглянулись. Кукла явно собиралась сделать из ворона то же самое, если судить по изогнутому лезвию ножа в ее руке. Рогатый нервно сглотнул: солнечный свет играл на оружии, вызывая дурное предчувствие. Бес вообще предпочитал выступать в роли негодяя, нежели жертвы.

– Я ждала тебя, Шэдар, – мелодично произнесла Красная.

Шорох усмехнулась, но ничего не ответила. Она не собиралась тратить силы на то, чтобы ее голос слышался во внешнем мире. К тому же было очевидно: их противнице слова не нужны.

– Совсем еще дитя, – поделилась ведьма наблюдением с бесом. – Если хочешь кого-то убить, сделай это сразу, не задумываясь и уж тем более не говори с жертвой.

Проглот зашелестел листочками, запоминая поучение. Он всегда старательно вслушивался в слова ведьмы, вызывая у беса приступы ревности. Сейчас хвостатому было не до игр, он не понимал происходящего. Что бы ни говорила Шэдар, бес видел перед собой голема, желающего их уничтожить.

Будто прочитав его мысли, кукла произнесла:

– Он не замечает меня. Господин думает только об одной цветке, а я... Я безымянна и лишена лица! – Она тряхнула головой.

«Цзинь! Цзинь!» – возмущенно пропели ее серьги, соглашаясь с хозяйкой.

– Сначала я хотела убить ту глупую девчонку, – продолжила слуга Лао, – но решила, что ты при этом вполне можешь выжить. Господин уехал по приказу императора и тем самым развязал мне руки.

– Она влюблена в Лао? – наконец-то дошло до беса.

Он почесал лысину, пытаясь привести мысли в порядок.

– Забавно, правда? – продолжила улыбаться Шэдар.

Ее улыбка выглядела печальной. Неужели Шэдар Шорох сочувствует кукле? Бес забеспокоился.

– Дари... – осторожно начал он.

– В этом весь Лао, – горько отозвалась ведьма. – Он все пытается создать шедевр, а тот вдруг обретает разум и душу. Тогда он уничтожает его чужими руками. Я готова поклясться: он нарочно свел нас, чтобы не губить свое творение самостоятельно. Он всегда проворачивает дела за чей-то счет. Проклятый кукловод! – истерично выкрикнула Шорох. – Это его своеобразная подачка, жест доброй воли и для меня, и для нее. Он дарит мне артефакт, а взамен я должна погубить его детище.

Птица в сетях повела крыльями.

– Чего же ты ждешь, Проглот? Вырви то, за чем мы пришли, из тела пустышки, посмевающей обрести разум!

Глава 7

Мартинити

И снова опостылевшие стены лечебницы, угрюмый мастер Леуш и полная изоляция от внешнего мира. Ко мне даже одnogруппников не пускали, впрочем, оно и к лучшему. Во-первых, я понятия не имела, что им сказать, а вопросов у Пака с Дилаэлем будет много, не сомневаюсь. Во-вторых, в глубине души я всерьез начала себя опасаться. Что за монстр столько лет прятался там под личиной хрупкой девушки? Может, мне и вовсе не стоило заниматься магией. Вдруг именно это спровоцировало дремлющую до поры кровожадную натуру?

Кровь альмей, пусть и изрядно разбавленная – слишком непредсказуема. В мамином гримуре было несколько упоминаний об особой жреческой касте, чей крутой нрав приходилось умирять постоянными духовными практиками и особыми благовоениями. Я и представить не могла, что подобное коснется меня однажды. От круговерти мыслей в голове хотелось стонать в голос, а при каждом воспоминании о Родрике с испугом прислушиваться к ощущениям в теле. Не шевельнется ли где та обволакивающая жажда крови и боли.

За дверью палаты слышались голоса. Кажется, там кто-то спорил. Я наострила уши, но не прошло и нескольких мгновений, как входная дверь распахнулась.

– Говорю же вам, пациент нестабилен! – Активно жестикулируя, мастер Леуш попытался преградить дорогу Асти. – При всем уважении...

– Я способен защититься в случае непредвиденного, – невозмутимо, но непреклонно перебил декан боевиков.

– Не сомневаюсь! А вот кто защитит помещение? Я материально ответственное лицо, а у шифу Лао лишнего финансирования не допросишься.

Заместитель главы целительского факультета, видимо, пустил в ход последние аргументы.

– Лишнего-то, конечно, – мой любимый декан расплылся в обаятельной улыбке. – Зато необходимого и разумно обоснованного, – он мне подмигнул, – с этим, думаю, вопросов не возникнет. Подготовьте список, как и. о. ректора я тщательнейшим образом изучу его в ближайшее время.

Мы с мастером Леушем одновременно потеряли дар речи. Я – от восхищения, а целитель, судя по всему, просто не ожидал подобного коварства. Прежде чем он что-либо ответил, Асти самым бесцеремонным образом захлопнул перед носом мастера Леуша дверь. С этой, как понимаете, стороны. Затем развернулся ко мне, и выражение лица Асти сменилось совершенно противоположным. Ни следа от былой улыбчивости и напускной легкости. Под его изучающим взглядом стало не то чтобы неудобно, захотелось с головой укрыться одеялом или вообще раствориться, будто и нет здесь никого.

– Мотылек, что ты творишь, демоны задери?! Покалеченного Лепорта тебе показалось мало?

После подобного приветствия во мне всколыхнулась обида.

– Не твое дело! – огрызнулась я.

– Уверена? – Сощурился глаза и хищно подбравшись, Рантар сделал несколько шагов в моем направлении.

– Знаешь, я бы еще хоть как-то поняла твои претензии, если бы ты действительно стремился меня защитить. А так... складывается впечатление, что я нужна тебе только для развлечений. Захотел – появился, захотел – пропал. Ни объяснений, ни элементарного человеческого уважения.

– Не говори о том, о чем понятия не имеешь, – помрачнел Асти.

– Ну конечно, куда мне до ваших хитроумных многоходовок, где в партии участвуют настоящие жизни. Слышишь, настоящие! Я – живая! – выкрикнула, распалившись окончательно. И тихо закончила, разом обмякнув: – В отличие от кукол нашего ректора.

– Милая, – Рантар сел на край кровати и спрятал мою ладонь в своих, – не думай, что я забываю о тебе, как только перестаю появляться в поле зрения.

В белом халате, накинутом на плечи, декан боевого факультета смотрелся странно. Я выдернула руку и перевела взгляд за окно.

– А что я, по-твоему, должна думать? Мне до смерти надоели эти игры и недомолвки. Может быть, я и выгляжу в твоих глазах как

глупенькая девчонка, с чьим мнением считаться не обязательно, только больше я такое отношение терпеть не собираюсь.

– Марти, это не так.

Я резко обернулась и пристально посмотрела в глаза Асти, он почти выдержал. Почти. Дрогнувшее лишь на миг лицо мужчины убедило меня в собственной правоте. Естественно, разве может он воспринимать меня на равных? Он – взрослый и состоявшийся боевой маг, с глубоко уходящими корнями родословной, и я – юная недомагичка с периферии империи. Смешно. Вот только от подобного веселья хотелось повеситься.

– Зачем ты пришел? – сменила я тему. – Рассказать о том, какая я дрянная адептка? Не утруждайся, я и сама отлично понимаю последствия своего поступка. Наверняка документы о моем отчислении уже готовы и ждут лишь последних формальностей.

– Ни беса ты не понимаешь, – прорычал Асти, не позволяя мне вновь отвернуться. – Какое отчисление, с ума сошла?

– Ну как же, я посмела напасть на высокородного, воспользовалась магией вне стен университета... – запнулась, но все же закончила мысль: – Я чуть не убила человека, я хотела убить.

Последнее признание далось с огромным трудом. Растеряв всю злость и смелость, я судорожно всхлипнула, по щекам покатились горячие слезы, рискуя перерасти в истерику.

– Мотылек, – Рантар сграбастал меня в объятия, – мой маленький запутавшийся мотылек.

Он продолжал что-то бормотать в утешение, пока я сотрясалась от сдерживаемых рыданий. Преследующее меня с момента встречи с Родриком холодное оцепенение испарилось, и теперь все умозаключения, которыми я спасалась все это время, рассыпались подобно корке льда под натиском бурлящего потока чувств.

– Я хотела его убить, понимаешь?... Хотела его крови и страданий. Я даже сейчас ни о чем не жалею. Рантар, мне страшно... я боюсь себя.

– Вот поэтому я и вспылел, испугался за тебя, девочка. Плевать мне на этого ублюдка, пусть бы и сдох. Но не ты должна стать причиной его смерти. Я же знаю, ты не сможешь потом с этим жить. Ты не такая.

– Я уже не знаю, какая я. Иногда мне кажется, что я схожу с ума. Эта внезапная сила, заклинания, которые я никогда не учила, всепоглощающая ярость и сны...

– Сны? – Рантар отстранился и сосредоточенно посмотрел на меня. – Какие еще сны?

Я густо покраснела, вспомнив его образ в черной хламиде, его приказной тон и желание называться господином, свое собственное беспрекословное подчинение и стремление угождать. Он и так считает меня ужасно порочной, во всяком случае, уж точно считал до недавнего времени. И мои странные фантазии лишь подтвердят то, в чем Асти и так убеждался раз за разом. Совсем ни к чему ему знать о моих снах, это лишь плод воспаленного сознания и не более.

– Просто дурные сны, знаешь, обычные кошмары, в которых все сплетается в одну кучу, где нет никакого смысла, однако которые не дают отдохнуть. Глупости, в общем. Только вместе с остальным и они внесли свою лепту в мое состояние. Я действительно запуталась, потеряла ориентиры и с трудом разделяю, где реальность, а где иллюзорный мир.

Напряжение во взгляде Рантара сменилось каким-то новым, непонятным для меня чувством.

– Потерпи, маленькая, скоро все это пройдет, обещаю.

– Что со мной будет? Ведь Родрик Дахил не отстанет, такие, как он, не умеют проигрывать. Он привык получать все и по первому требованию.

Я почувствовала, как закаменел Асти.

– Вот уж о ком о ком, а о своем несостоявшемся... женихе, – будто выплюнул он последнее слово, – можешь не волноваться. Больше он к тебе не прикоснется.

– Ты... ты знаешь? – глотая горький ком в горле, прошептала я.

– Естественно, я знаю, – раздраженно отмахнулся Рантар. – Надо было позаботиться об этом раньше, еще тогда, когда ты упомянула о своем предполагаемом замужестве. Не ожидал, что этот увалень сунется в ШТУЧКИ так скоро. Дела Дахилов переживают сейчас не лучшие времена, но, видимо, избалованных сынков подобные обстоятельства волнуют мало.

Я изумленно тарасилась на Рантара, перестав всхлипывать. Одно дело – предполагать, и совсем другое – воочию убедиться в

возможностях сидящего передо мной мужчины. Как много ему доступно? Как далеко простираются его полномочия? Уж явно это вне компетенции декана пусть и главного университета страны.

– Полагаю, после достопамятного допроса в твоём кабинете мое досье стало на много страниц толще?

– Смышленная бабочка, – ухмыльнулся Асти.

– Но Родрик не успокоится.

– Этот вопрос я решу, ясно? Здесь не о чем беспокоиться. И очень тебя прошу, не покидай пока стен университета. Если возникнет серьезная необходимость для вылазки в город, дай знать.

– Ты не понимаешь! Я не могу забиться в нору и наслаждаться жизнью: если он не доберется до меня, значит, достанет отца.

– Не достанет, – мрачно пообещал Асти. – Положись на меня, все будет хорошо.

Я все еще недоверчиво осмысливала происходящее. Вот так просто? Тот же Родрик несколько не сомневался: такая, как я, не стоит скандала и некрасивой возни в аристократических кругах. Не сомневался, что Рантар не захочет связываться с Дахилами. Неужели я действительно ему небезразлична? Не как забава, а как тот, кем по-настоящему дорожишь.

– Верить мне? – словно прочитав мысли, уточнил Асти.

Робко кивнула. А что еще оставалось? Кроме покровительства Риолийских мне надеяться не на кого. Впрочем... Рантар ведь может решить вопрос и другими методами. Отогнала последние соображения подальше. Плевать, каким способом он собирается избавиться от Родрика, главное, чтобы никто из семейки Дахил больше никогда не смел вторгаться в нашу жизнь.

Осознав это, я отстраненно отметила: нежная и добрая Мартинити окончательно умерла, а нынешняя готова пойти на многое, очень многое, чтобы побороться за свое благополучие и благополучие близких. И если понадобится – убить, меня это не остановит.

– Ты знаешь, что со мной происходит? – глухо произнесла я.

Рантар вздохнул и отошел к окну. Теперь из-за бьющего в палату солнечного света было трудно разобрать выражение его лица.

– Выясняю.

Да уж, не слишком содержательно, но хотя бы не отрицает.

– Поделишься?

Он молчал так долго, что я перестала ждать ответа. А когда Асти все же набрал в грудь воздуха и собрался что-то сказать, наше уединение нарушил мастер Леуш.

– При всем уважении, лорд Асти, но даже капитальный ремонт целого этажа не даст вам возможности и дальше здесь находиться. Дакаста еще слаба, ей требуется отдых и лечение, а вы...

– Вы правы, я уже ухожу, – обезоруживающе улыбнулся Рантар.

Мастер Леуш подозрительно сощурился, явно не ожидая столь легкой победы. Я досадливо скрипнула зубами: более неподходящего момента, чтобы ввалиться к нам, и придумать нельзя. Однако Рантар упорно игнорировал мой мрачный взгляд и продолжал лучиться доброжелательностью:

– Уделите мне время? В связи с грядущими соревнованиями нам понадобится предусмотреть...

– Да-да, каждый год эта напасть, – тут же позабыл обо мне целитель, мгновенно вовлекаясь в новую тему. – Одна польза от этих Драконьих бегов – бесценная практика для адептов. А что, у руководства появились какие-то предложения?

– В некотором роде, – уклончиво ответил Асти, искоса взглянув на меня. – Дайте мне еще несколько минут, и затем обсудим все с вами тщательнейшим образом.

– Ну... хорошо, – растерянно потоптался на пороге мастер Леуш. – Но только несколько минут. Буду ждать вас у себя в кабинете.

Когда за целителем закрылась дверь, я не удержалась от комментария:

– Неужели ты решил не увиливать и в эти несколько минут я таки узнаю нечто интересное?

– Возможно, – хитро подмигнул Асти и решительно преодолел разделяющее нас расстояние.

Когда его губы коснулись моих, я еще собиралась что-то произнести, но уже через мгновение не только забыла, что именно, а и где нахожусь. Поцелуй получился столь же неожиданным, сколь и желанным. Порывистый, с терпкими нотками недосказанности и обещания большего.

– За центральные ворота чтобы и носу не показывала, поняла? А здесь я всегда рядом, даже если ты меня не видишь. Ничего не бойся, мотылек, – были последние слова Рантара перед уходом.

Я откинулась на подушку и прикрыла веки. Надеюсь, поводов для страха у меня больше не будет. Светлые боги свидетели: все, чего я хочу, – просто спокойно жить и учиться. Разве это так много?

Рантар

Хорошее настроение, что оно такое? Что в себя включает? Довольство жизнью? Отличное самочувствие? Душевное равновесие или просто ощущение счастья, появляющееся беспричинно, но освещающее путь.

Если бы Рантар задумался, он бы не ответил на этот вопрос. Сказал бы просто: душа поет, а сердце отбивает строевой марш. Подобного он не испытывал со времен своей юности. Луиза Дебар благосклонно принимала его ухаживания и слушала баллады модного тогда барда, но любовь и привязанность красавицы истаяли вместе с последним снегом. С тех пор Асти осторожно относился к дамским обещаниям и предпочитал плотскую сторону любовных отношений.

– Весна, что ли, скоро? – задумчиво произнес маг и посмотрел в окно.

На стекле, как и полагается в это время года, мороз нарисовал причудливые узоры. И ни намека на оттепель. Рантар провел по лицу рукой, пытаясь стереть наваждение, но чувство полета никуда не исчезло. Хотелось думать об адептке Дакасте, а вовсе не о мирских заботах, что так старательно свалил на него Лао.

Асти усмехнулся: все-таки есть в этом мире равновесие, и старый друг отхватил сполна за подкинутые тяготы ректорства. Несколько дней назад от Лао пришло витиевато-пространное письмо о долге перед Страной Ветров, где несчастный плакался о свалившемся на него горе. Рантар даже не удержался и поискал следы слез на бумаге, увы, они были только в его воображении. Оказалось, Сын Неба одарил Ишидана великой милостью, разрешил продолжить свой род с одной из его достойнейших дочерей. Друг просил позаботиться о проживании невест где-нибудь на окраине столицы и получить дипломатические приглашения для них и их свиты.

Асти не мог не признать, что это послание пролило бальзам на его душу. Недаром люди говорят: нет большего счастья, чем горе у соседа.

На фоне Лао его личная жизнь со строптивым мотыльком казалась сущим блаженством. Даже культисты, охотившиеся за ней, не поколебали уверенности Рантара в этом.

Осталось решить вопрос с ее женихом, Асти не собирался делиться тем, что уже считал своим. Хотя он отдавал должное глупейшему поступку Дахила, ведь благодаря этому чаша весов с благосклонностью Мартинити вновь склонилась на сторону Рантара.

Он вдруг замер, после чего поспешно вытащил послание Лао и заново перечитал. Что-то здесь на сходилась. Зачем владыке Великой Степи отпускать дочерей в Карфу, да еще в столь беспокойное время? Асти готов был поспорить на шкуру серого дракона, что со дня на день в империю пожалует и сам Сын Неба собственной персоной. У Рантара задержался глаз: выдержать делегацию высокопоставленных степняков – это не лучше грядущего конца света. Может, позволить Зогарду править балом?

Но конечно, он тут же отогнал малодушную, глупую мысль. В конце концов, вряд ли Рантар пересечется с его хитрейшеством больше одного-двух раз, а вот карфаенскому императору впору посочувствовать. И пока вся эта честная компания еще не осчастливила их своим присутствием, Асти решил послать все в пекло и устроить день без забот. Хотя бы сегодня, хотя бы оставшиеся несколько часов до окончания дня.

– Да будет так, – торжественно пообещал себе Рантар и закинул ноги на стол, подтверждая слова.

Праздность – тоже неплохое состояние души, да и зря, что ли, Лепорт у него под боком ошивается, напрочь позабыв дорогу в казармы. Вот заявится сюда и будет работать на благо империи. Кстати, именно Теодору он поручил ответственное задание – выяснить, что сподвигло этого слюнтяя Родрика на столь решительный шаг. Рантар верил в человеческую глупость, но помимо нее существовали еще ненависть, жадность, похоть, страх, честолюбие и многое другое. Что конкретно толкнуло гаденыша на подобный поступок?

От этих мыслей его отвлекла резко распахнувшаяся дверь, ручка с лязганьем ударилась о стену и отскочила в сторону, жалобно звякнув. Рантар проследил взглядом ее бесславный путь и только потом поднял глаза на вошедшего. В проеме, тяжело дыша, стоял Лепорт.

Как по заказу, стоило только вспомнить.

– Война? – сухо уточнил Рантар, даже не меняя положения. По его мнению, все остальное не требовало столь экспрессивного появления в кабинете начальства.

– Н-нет, – ошарашенно выдохнул Лепорт.

– Лао соизволил вернуться? – Эта радостная новость тоже могла ему позволить безнаказанно ломать двери.

– Нет, – уже спокойнее ответил Теодор и только хотел что-то добавить, как Рантар его перебил:

– Тогда какого демона ты столь бесцеремонно врываешься в кабинет ректора? – воодушевленно проорал Асти. – Вышел и зашел как положено.

– Так точно, командир. – Лепорт выпрямился, крутанулся на пятках и вышел, чеканя шаг.

Дверь следом за ним захлопнулась, ручка встала на место. Рантар удовлетворенно хмыкнул: все-таки иногда быть начальником хорошо. Не успел он просмаковать эту мысль, как дверь слетела с петель и врезалась в стену напротив, по дереву растекся огненный шар, который и придал ей ускорения. Рефлексы у нынешнего главы университета сработали быстрее разума, и Асти уже был в укрытии, когда понял, что ему ничего не угрожало.

– Лепорт, я брошу тебя на съедение в кабинет казначея, – пообещал Рантар.

По крышке стола вежливо постучали.

– Командир, живой? – без капли раскаяния спросил Теодор.

– А есть сомнения?

– Вылезай, командир, у нас беда. – Лепорт был сама тактичность.

Разгибаясь, Рантар ударился затылком о столешницу и выругался сквозь зубы.

– Да ты совсем раскис, командир, – поцокал языком наглец. – Стареешь, наверное.

– Весна, – будто оправдываясь, произнес Асти и наконец-то выпрямился.

Лепорт с сомнением посмотрел в окно, пытаясь найти хоть один признак смены времени года.

– Знаешь, я думаю, ты прав. Витает что-то в воздухе, да.

– Чего приперся?

– Точно, – Теодор хлопнул себя по лбу, вспоминая. – Все зло от баб!

– Открыл тайну века. Давай конкретику.

– Мастер Зул в Холодном дворце.

С Асти моментально слетела расслабленность: один из деканов университета оказался в тюрьме. Холодный дворец был построен специально для магов, способных сдвигать горы по щелчку пальцев. В Карфаене подобных заведений было всего два, все-таки гениальность – весьма редкая вещь. В столице же подобная тюрьма появилась еще триста лет назад, когда младший сын правящего тогда императора возомнил себя равным богам. Его личная темница, его личный дворец и его могила.

– Что Керфус совершил?

– Вчера ночью ваш достопочтимый декан трансформы решил посетить одно из заведений на улице Красных огней.

– Жертвы есть? – глухо спросил Рантар.

– Как ни странно, но увальни из городской службы магической защиты успели вовремя, только здание исчезло. Хорошо еще, лорд Лао поставил на этого безумца ограничение силы вне стен университета, а то разгребать бы вам пришлось... – Теодор сочувственно вздохнул.

– Почему он не пошел в Вольные Земли? И почему я узнаю об этом происшествии только сейчас?

– На первый вопрос ответ знает только сам господин вивисектор. А на второй отвечу – сначала вестника отправили Лао. Почему-то они не знали, что ректор теперь вы.

Схватив зимний плащ и больше ничего не спрашивая, Асти ринулся вон из кабинета. Он пронесся по коридорам, как таран, людей спасала только хорошая реакция и удача. Керфус Зул всего лишь сходил в бордель и оказался в городском морозильнике.

– Командир, да не спеши, он никуда не убежит, – хохотнул Лепорт.

– Керфус безумен! Все, что делает его человеком, в Холодном дворце исчезнет. Чем дольше его там продержат, тем меньше контроля останется его разуму, дару и телу.

Ох и не вовремя Рантар стал предаваться мечтам о светлом будущем. Жизнь в который раз продемонстрировала ему свою непредсказуемость. Надо было грохнуть психа, так нет же, великий кукловод решил, что его талант необходим империи.

То, что Керфус не дружил с головой, секретом не являлось, недаром Лао ограничивал силу его дара вне стен университета. Но вот пагубные пристрастия декана факультета трансформаций тщательно скрывались. «Сад врагов» – лишь вершина айсберга, под толщей воды хранились тайны куда как страшнее. Сколько бы он ни пользовался магией, сколько бы ни творил изменений с собой и окружающим миром, Керфус оставался мужчиной с соответствующими потребностями, которые он удовлетворял в Вольных Землях.

Взваливая на свои плечи бремя хранителя университета, Асти не мог не изучить личное дело каждого выдающегося мага в коллекции Ишидана Лао. Рантар знал, на что способно каждое из тех чудищ, что пригрел в своем маленьком государстве его друг из Степи.

– Кстати, есть и хорошие вести. Родрик-то раскололся, – поделился Лепорт, рыся за командиром.

– Сильно кололи?

– Немного железа, немного воды с солью, и он пел почище евнуха в гареме Сына Неба.

– И?

– Ему нет дела до бабочки.

Рантар прочистил горло, и Теодор расплылся в довольной улыбке. Стрела настигла свою цель.

– Прошу покорнейше простить меня, конечно же адепки Дакасты.

– Ну?

– Он хотел продать ее культистам и выплатить долги.

– Дай угадаю: все, кому он должен, пособники культистов. Хорошо работают, – искренне похвалил врагов Рантар.

– Наши действия?

– Всех участников аферы в темницы, – Рантар рассусоливать не собирался. – Помнится, Замриболь хотел материал.

– Жениха тоже?

– Ему можешь даже подарочный бант повязать. Цвет на твой выбор.

– Розовый, весна же, – прищелкнул пальцами Лепорт.

За обсуждением маги добрались до ворот университета. Как только они покинули территорию ШтУЧКИ, Рантар сразу же открыл портал. Над владениями Лао был воздвигнут защитный купол, с

некоторых пор блокирующий магию перемещения, но только на выход. Верхушка преподавательского состава имела право открывать портал вовнутрь, а наружу, увы, нет. Ишидан боялся, что ведьма встанет на крыло и сбежит.

Следующий шаг Рантар уже сделал на площадь перед Холодным дворцом. Мрачным зданием, чья архитектура и плетение чар вдоль перекрытий и стен были полностью заимствованы у степняков. Жители Страны Ветров первыми создали огромный артефакт-темницу для людей, наделенных даром. Неудивительно, что это государство до сих пор не стало частью Карфаенской империи, слишком уж изворотливы и опасны живущие там.

– Я здесь подожду, – произнес Лепорт, с отвращением глядя на, казалось бы, безобидное строение, выполненное из дерева и серого камня.

– Слабак, – буркнул Рантар и решительно приложил ладонь к специальному углублению в толстой металлической пластине.

Входные ворота окутало голубоватым свечением, а руку Асти обожгло нестерпимым холодом. Стиснув зубы, он ждал, пока узор из инея сложится в руны, медленно переползающие с запястья и выше к локтю. Красивое зрелище, если бы не слои одежды. Но Асти и не нужно было видеть, достаточно ощущать, на магию Холодного дворца он уже насмотрелся в прошлом. Наконец-то изощренная пытка закончилась и ворота бесшумно распахнулись, даже не потревожив разомлевших на ярком солнце толстых пухлоперок, коих на площади обитало немерено.

Вход в тюрьму для сильнейших магов очерился острыми прутьями заградительных решеток. Сейчас их вид напоминал Рантару раззявленную пасть вечно голодного монстра, из алчущей глотки которого веяло могильной стужей. Передернув плечами от пронизывающего до костей холода, Рантар уверенно шагнул внутрь. Артефакт не делал различий ни для кого, и маги, пришедшие сюда по доброй воле, тоже испытывали на себе его влияние. Шагая по пустынным коридорам, Асти безуспешно кутался в зимний плащ, тепло уходило безвозвратно, изо рта вырывался пар, а сердце сбивалось с ритма.

Его путь освещал живой огонь факелов. Асти не смотрел по сторонам, он даже не стал призывать сопровождающего. Все для того,

чтобы быстрее добраться до Зула и вытащить из этого жуткого места. Не зря работающим здесь магам платили двойное жалование. Холодный дворец не знал пощады: у одаренных он забирал силы, у обычных людей – жизнь.

Еще на входе в хранилище списков с фамилиями заключенных Рантар отыскал нужную и активировал поисковый артефакт, сверяясь с номером камеры. Далее началось бесконечное путешествие по переходам, лестницам и непредсказуемым поворотам. Дворец с готовностью «показывал» дорогу, выбирая ее таким образом, чтобы успеть вдоволь поживиться силой мага. А взамен Рантар получал знание: куда следует наступать, а где ждет ловушка. Вряд ли кто-то в скором времени сумеет переплюнуть полуразумное творение магов Степи и создать нечто более грандиозное и столь же действенное.

Самых опасных закрывали в подвалах, где прямо в полу были сделаны каменные мешки с решетками. Именно в такой яме и сидел Керфус. Асти взгляделся в черноту, что скрывалась за прутьями и, конечно же, ничего не увидел. На несколько мгновений его посетила крамольная мысль, а не оставить ли мастера Зула в Холодном дворце до возвращения Лао. Вполне возможно, что окончательная потеря рассудка нынешним деканом факультета трансформаций окажется для всех благом. Уж Асти сумеет обставить все таким образом, что вернувшемуся на трон знаний другу не в чем будет упрекнуть своего заместителя.

Отмахнувшись от навеваемых алчным артефактом размышлений, – и стоило бы тогда нестись сюда сломя голову? – Рантар негромко позвал:

– Зул, ты еще там не сдох?

– Кто пришел? – откликнулся тот хриплым голосом. – Маг? Да, маг!

Интуиция Асти буквально завопила, но он не успел ничего предпринять, тонкие кисти рук протиснулись сквозь решетку и, нечеловечески деформируясь, обвились вокруг голенищ его сапог. Резкий рывок, и Рантар уже валится на стальные прутья. Всего за несколько мгновений ситуация кардинально изменилась. Теперь Асти был прижат грудью к решетке, а руки Керфуса Зула блуждали по его спине, вспарывая когтями плащ. Он успел перехватить их только у шеи и спасти беззащитное горло.

– Ты не Лао! – обвинил его безумец. – Где мой вечный спаситель?

– Пока ты щупал баб, он уехал, – просипел Рантар, борясь с магом и жалея, что не взял сопровождающего.

– Весна, – мечтательно произнесло чудовище в яме, продолжая сопротивляться.

– Да отцепись ты!

Но до разума Зула было невозможно достучаться. Его терзала жажда, и в Асти он видел лишь колодец, чудом отыскавшийся в пустыне. Только что Асти рассказывал Лепорту, что происходит с подобными Керфусу в Холодном дворце, и вот пожалуйста: все наносное и цивилизованное сходило, как шелуха, оставляя лишь бездну желаний и страстей. Морозильник не терпел к себе пренебрежения, и Рантар в очередной раз укорил себя за излишнюю спешку и самонадеянность.

– Командир? – сверху раздался обеспокоенный голос Лепорта.

Рантар не ответил, изо всех сил стараясь не дать себя убить. Еще немного борьбы, приправленной казарменной бранью Теодора, и вот уже Рантар стоит на своих двоих, и что самое главное – не на решетке.

– Командир, ты как? – участливо поинтересовался Лепорт, по-дружески хлопнув его по плечу.

– Ты прав, на улице зима! Все остальное – миражи.

– Так и я о том.

– А ты чего пришел-то?

– Чуйка привела, да и как я мог бросить командира, наше солнце.

– Уймись, шут.

– Наши сообщили, что в университете переполох, преподаватели только и шепчутся, что об этом, – посерьезнел Лепорт.

Рантар вздохнул: все-таки тяжело тащить дела одному.

– Что произошло?

– Кто-то выпотрошил Дзинь-Дзинь прямо у ворот ее господина.

– Кого выпотрошил?

Теодор сделал характерный жест, и Рантар вспомнил, кто всегда так покачивал головой. Красная – личная прислуга Ишидана.

– Собрать возможно? – небрежно уточнил Асти, надеясь на отрицательный ответ.

Теодор пожал плечами, мол, откуда ему знать.

– Ладно, берем Зула и идем смотреть на черепки.

Вдвоем дело пошло легче, да и Керфус вел себя спокойно. Звериным чутьем он понимал, что его ведут на свободу. Оказавшись за пределами тюрьмы-артефакта, все трое облегченно вздохнули. Декан факультета трансформаций размял шею и подставил иссохшее, заострившееся лицо солнцу, жмурясь от удовольствия. Асти тоже ощутил перемену: показалось, что он шагнул из холода в жару. Порванный плащ развеялся от теплого ветра, и это в середине зимы!

– Хорошо, – протянул Керфус, и веревки с его рук упали на снег, обратившись в дохлых змей.

Асти и Лепорт напряглись.

– Не смей чудить, – предупредил Рантар.

– Успокойся. Я держу себя в руках.

– Не верю, – ответил Асти, не меняя позы. – Скажи на милость – зачем? Тебе мало Вольных Земель для удовлетворения потребностей?

– Нет! – рыкнул Зул, и черты его лица вновь заострились. – Проклятушие бабы, они выгнали меня.

– Ведьмы? – уточнил Асти. Теперь картина происходящего стала ясна. Круг лишил Керфуса возможности в очередной раз порезвиться.

– Суки! Они забыли, что бабье дело...

– Умолкни, – одернул его Рантар. – Это ты забыл, что ты – человек!

Зул сверкнул глазами, но промолчал, за что Асти был ему благодарен. Он видел, сколько усилий прилагает Лепорт, чтобы сдержаться и не врезать Керфусу. Еще не хватало схватки двух сильнейших магов в центре столицы.

– Вы порталом до городка? – сменил тему маг трансформы. Он не хотел идти пешком, но напрашиваться и унижаться тоже не желал. Сил открыть портал у него не осталось.

Асти кивнул, и перед ними тут же распахнулось окно перехода.

– После вас, – сделал шаг назад Зул.

– Не доверяешь? – влез Лепорт.

– С вас станется выкинуть меня в жерло вулкана.

Теодор поймал взгляд Рантара, тот отрицательно покачал головой и первым шагнул в портал, чтобы ни у кого не оставалось сомнений.

Очутились они около поместья Лао. Искать место гибели Красной долго не пришлось, тело, точнее его останки, лежали в центре

выжженного пустыря. Лепорт удивленно присвистнул, а Зул, наоборот, напрягся.

– В чем дело? – тут же спросил Асти.

– Здесь было ее дитя.

Уточнять чье маг не стал. Все чувствовали эманации Тьмы. Пока Асти прикидывал, кто так нашинковал куклу, Зул опустился на колени рядом с телом. Рантар пропустил момент, когда в мозгу Керфуса что-то щелкнуло, и тот достал из груди осколков голову Красной. Зато отлично рассмотрел, как ласково декан факультета трансформаций гладит то место, где должно было быть лицо.

– Красавица, – любовно прошептал Зул.

Рантар переглянулся с Теодором, тот покрутил пальцем у виска.

– Зул, – осторожно позвал Асти.

– Я заберу ее себе, – нежно прижимая голову к груди, проговорил Керфус.

От Рантара не ускользнул безумный блеск в его глазах.

– Зачем тебе кукла?

– Это не просто кукла! – отрезал Зул и соизволил пояснить: – Я всегда завидовал Ишидану, в отличие от меня, он творец, способный не только создать образ, но и наделить его сознанием. Она уже давно перестала быть куклой, только Лао не хотел ничего замечать. А я видел зарождающееся внутри фарфора пламя. Что-то было у нее внутри, что питало... иначе, не так, как других.

– Артефакт? – мрачней, уточнил Асти, сообразив, что именно скрывалось в груди Красной.

Это так похоже на Лао: спрятать на виду.

– Мать моя Тьма, – потрясенно выдохнул Лепорт, тоже догадавшись, о каком артефакте идет речь.

Рантар пока держал лицо, но давалось ему это с трудом. Им предстоит серьезный разговор с Ишиданом по его возвращении.

– Даже если в ней и было сознание, сейчас... – начал Асти, но Зул его перебил:

– Я чувствую, как оно угасает. – Он сорвал плащ и принялся складывать в него осколки. – Восстановлю ее и подарю фарфору плоть, и, конечно же, лицо.

– Но зачем тебе это? – не выдержал Лепорт.

– Зачем? Не твой ли командир сказал недавно, что надо оставаться человеком? Моя беда в том, что я чудовище, рожденное смертной. Я изменился внутри, могу менять тело снаружи, но в книгу жизни навсегда останусь вписан человеком. И потому мне нужна женщина, мое естество жаждет продолжить род.

– Убирайся, – велел Рантар, выбравший меньшее из зол.

– Но командир! – На лице Лепорта была написана брезгливость вперемешку с восхищением. Маги всегда уважали силу друг друга, а то, что задумал Керфус, потребует грандиозного мастерства и мощи.

– Лепорт, для тебя есть задание.

– Да? – с трудом отводя взгляд от безумца, откликнулся Теодор.

– Забери у мастера Леуша... хм, ингредиенты, и передай профессору Зигисолю. Он знает.

– А может? – Лепорт кивнул на место боя.

– Нет, здесь я все решу сам. Да, и узнай, сколько университет должен городу за буйство Зула? Вычтем из его жалования. Придется вам, декан, поработать на голом энтузиазме.

Керфус не слушал, он погрузился в предвкушение интересной работы. Точку в разговоре поставил вездесущий Лепорт:

– Ну, тогда пойду, командир. И отсюда, и от голого энтузиазма Зула. Возможно, вы были правы – природа сошла с ума, и нынче весна.

Глава 8

Мартинити

– Левый край подтяни выше! Да-да, вот так, – командовал Пак, громко сопя в перерывах. – Стоп! Держи, крепим.

Вот уже около часа я в компании других таких же добровольцев развешивала плакаты с изображением нашей факультетской команды и подбадривающими лозунгами.

«Кто же всем носы утрет? Заклинатели, вперед!», «Кто с драконом побеждает, заклинатель каждый знает!» и прочее в том же духе.

– Пак! – хором воскликнули я и Зель, волосы которой после каникул хоть и остались зелеными, но теперь приобрели изумрудный оттенок и завивались.

Наш вопль потонул в громком хлопке. Сразу за этим резко запахло серой и болотной тиной. Все лицо адепта Герштоля было измазано краской – точь-в-точь в тон шевелюры Зель, и только два растерянно хлопающих глаза смотрели с укоризной на большущую растяжку факультета зельеварения и алхимии.

– Ты зачем к ним полез? – накинулась на приятеля Зель.

– Да я только... а чего они самое лучшее место застолбили? – обиженно протянул Пак, пытаясь оттереться. К слову, пока безуспешно.

Я еле сдерживала смех, глядя на то, как у капитана команды зельеваров и алхимиков медленно, но верно исчезают подрисованные Паком рога. Сам капитан при этом потряс в нашу сторону кулаком и показал неприличный жест. Ничего, нас после занятий с мастером Джедрисом уже сложно было впечатлить какими-то там жестами, особенно если они не магические.

– Вот же крысы котелковые, – продолжил возмущаться Пак, – и защиту продумали!

К нам подошел Синар Кроу – отличник и с недавнего времени староста группы.

Меня от столь ответственного звания освободили, чему я была очень даже рада. Профессор Найтон, наш куратор, пояснил эту замену моим ослабленным здоровьем – шутка ли, за столь короткий срок дважды полежать в целительской. Но думается, причина крылась не столько в самочувствии, сколько в моем нестабильном проявлении силы. Что ж, хоть какая-то польза от неприятностей.

– Конечно продумали, это логично, – наставительным тоном произнес Синар, который прекрасно видел случившееся из другого угла просторного межфакультетского холла в главном корпусе ШТУЧКИ. – И ты бы это сразу понял, если бы тоже хоть иногда думал. В «Драконьих бегах» борьба начинается задолго до самих соревнований, в истории бывали случаи...

– Ты еще и их историю изучил? – перебил Пак. – Вот зануда.

Нисколько не задетый последней характеристикой, Синар пожал плечами и бесхитростно ответил:

– Так интересно ведь. К тому же в истории всегда можно отыскать много поучительных моментов. Например, таких как...

– Только не начинай! Я понял, хватит, – снова перебил Пак, закатывая глаза. – Лучше скажи, чем эту гадость теперь отмыть?

Синар вытащил из кармана флакончик и крошечную лопатку, затем с видом юного естествоиспытателя деловито поскреб ею щеку адепта Герштоля. Спрятал образец обратно в карман и подытожил:

– Вечером скажу.

– Э, нет, – возмутился Пак, – я до вечера с такой рожей ходить не собираюсь. А ну-ка, пошли сейчас что-нибудь придумаем.

Он приобнял Синара за плечи и потащил нашего умника к выходу. Мы с Зель переглянулись.

– Думаешь, до конца обучения он хоть немного повзрослеет? – пробормотала она.

– Если доживет, с таким-то неугомонным характером.

– Ой, Марти, ну откуда эти кровожадные мысли?

И вроде бы ничего особенного Зель не произнесла, однако вкупе с участливым тоном и как будто осуждающим взглядом ее вопрос задел.

– Не цепляйся к словам! Паку и впрямь стоит поучиться серьезности, пока его шуточки не довели до последствий.

– Да я не об этом.

– О чем же? – Раздражаясь все больше, я уже раздумывала, как бы поскорее попрощаться с излишне проницательной подругой.

– Только не обижайся, – предупредила она. – Просто иной раз ты как посмотришь, аж мороз по коже пробегает, будто и не твой вовсе взгляд. Я же помню тебя в начале года – суший цветочек.

За нервным смехом я попыталась скрыть, насколько точно ее слова попали по больному месту и вновь растревожили мои страхи.

– Придумаешь тоже, меньше с менталистами на свидания бегай. С ними еще и не то почудится. А то, что мы меняемся, считаю вполне закономерным развитием. Повзрослеть в любом случае придется, и наш университет – прекрасное место, чтобы избавиться от детских иллюзий.

– Может, ты и права, – вздохнула Зель. – Ладно, пойду я... а то как раз менталистик один заждался, – она подмигнула.

Кивнув, я проводила взглядом ее спину. Вскоре изумрудные кудряшки Зельган затерялись на общем фоне таких же эксцентричных адептов, коих в нашей альма-матер водилось превеликое множество. На душе у меня теперь скребли летучие мыши, и внезапно раздавшийся над ухом голос окончательно испортил настроение:

– Что, Дакаста, последние деньки свободной студенческой жизни? Ты уж не проспи их, повеселись хорошенько. Напейся, стащи что-нибудь ценное или отдайся первому встречному, а впрочем, что я тебя учу, ты и сама все прекрасно знаешь.

Пытаясь подавить приступ гнева, я сосчитала до десяти и только потом медленно обернулась, чтобы посмотреть на глумливую физиономию еще одного моего одногруппника – Гертрана. Отношения у нас с ним не заладились с самого начала. Уж не знаю, чем именно я так не понравилась этому заносчивому блондину с выцветшими бровями, но именно на мне он решил оттачивать свое сомнительное остроумие и повышать чувство собственной важности.

– Не понимаю, о чем ты. Иди лучше проспись – верно, ты не в себе, раз несешь всякую чушь и позволяешь оскорбления.

– Ой-ой, разносчица строит из себя леди... или кто ты там была, посудомойка? Хотя невелика разница, итог-то все равно один: таскать тебе в подоле младенцев да молча ублажать муженька.

– Какого?... – Я внимательнее присмотрелась к Гертрану – да он невменяем!

Не пьян, нет, но лихорадочный румянец на обычно бледном лице и расширенные зрачки говорили о многом. К сожалению, с его достатком и положением раздобыть запрещенные вещества проще простого.

Ненавижу аристократов.

– Как думаешь, Дахилы позволят тебе воспитывать отпрысков или так и оставят в качестве игрушки? Конечно не позволят, ведь чему ты можешь научить? Смешно сказать.

Вероятно, ему действительно было очень весело, потому как в подтверждение своих слов Гертран мерзко расхохотался. Я же на какое-то время просто потеряла дар речи.

Откуда поганцу знать о моем прошлом, еще и в столь ярких подробностях? Ярость, обида и стыд смешались во мне в гремучую смесь, разжигая уже знакомое желание мстить и причинять боль. Пока Гертран заливался нездоровым смехом, я сбросила с себя оцепенение и теперь никак не могла отвести взгляда от венки на его шее.

«Ты знаеш-ш-шь... знаешь, как надо действовать. Тебе известно нужное заклинание. Только попрос-с-си... – шептал внутренний голос. – Отпусти контроль, не сопротивляйся. Я часть тебя, прими свою темную сторону».

Я до боли сжала кулаки и зажмурилась, изо всех сил пытаюсь сосредоточиться на собственном дыхании. Только бы не сорваться, только бы не поддаться упоительному искушению вновь ощутить безграничную власть над живым существом. Но в голове набатом звучал разъедающий любые мирные намерения смех Гертрана, а нечто ледящее душу изнутри все настойчивее, до зуда в пальцах, требовало наказать наглеца.

– Что, даже возразить нечего, а, Мартинити? – не унимался ненавистный блондин. – Не ожидала, что о твоём прошлом станет известно? Да не реви, я никому не расскажу, правда-правда. Пусть останется нашим милым секретом. Зачем омрачать твои последние счастливые денечки, верно?

Надо полагать, Гертран казался себе сейчас очень великодушным. Самодовольство из него просто таки сочилось.

«Никто не узнает... Одно легкое движение пальцев, и узор из смертельных чар бесследно растворится, забрав жизнь породистого щенка. Никаких следов, он даже сдохнет не сразу. Ты же видишь в его

крови присутствие отравы – всего-то немного увеличить концентрацию, и винить в смерти будут его самого».

– Ложь, ты все выдумал! – процедила я сквозь зубы. От напряжения голос изменился до неузнаваемости, откуда-то появилось низкое, хриловатое звучание. – Уход-ди, убирайся отсюда.

Я почти умоляла, из последних сил выталкивая из себя слова. Если эта попытка не прекратится, если Гертран не оставит меня в покое, я... я не выдержу, сдамся. А это означает его смерть.

Он не слышал.

– О не-е-ет, дорогуша. Можешь не притворяться оскорбленной невинностью. Я собственными ушами слышал, как этот скользкий выскочка – Родрик Дахил похвалялся перед моим отцом, что де некая небезызвестная Дакаста скоро перейдет в его собственность и уж тогда он обязательно расплатится с нами по всем счетам.

За что же он меня так ненавидит? Сколько желчи и яда может быть в человеке? Откуда это желание побольнее ужалить у со всех сторон благополучного юноши, никогда не знавшего ни в чем нужды? Ведь нам нечего делить, но Гертран просто по праву рождения всегда будет смотреть на таких, как я, словно на второй сорт. Зачем же еще и издеваться? Светлые боги, не понимаю.

«Отомс-с-сти... он бы тебя жалеть не стал! Кто сильнее, тот и прав. Сейчас сила на твоей стороне, просто сделай это. Отпусти на волю инстинкты, произнеси бьющееся в сознании, будто птица в клетке, заклинание».

– А у тебя губа не дура, такого жениха отхватила! Вот только промашка вышла – в казне Дахилов пауки давно уже сплели огромную паутину. Тогда-то ты и решила податься на заработки в столицу? Что ж, в чем-то тебя даже можно понять, почти восхищаюсь твоей хваткой.

Три мучительно долгих удара сердца, когда я балансировала на грани. Видят боги, как отчаянно я сопротивлялась и одновременно с этим как сильно хотела его убить. Я почти поддалась искушению.

Почти.

Потому что через три удара сердца я все-таки развернулась, намереваясь уйти.

– Куда? – Холодные пальцы больно вцепились в мое запястье. – Я не разрешал тебе уходить. Признавайся, Дакаста, в чем таком твоя ценность, что Родрик вновь собирается наполнить золотом свои

карманы? Ладно бы это были фантазии его больной головы, важно другое: мой отец ему верит. А последнее выглядит очень странным, ведь это означает, что в тебе и правда есть нечто особенное? Ну, что же это?! Ведь не кукольная же внешность, честное слово.

Последнее Гертран практически выкрикнул, уже плохо себя контролируя.

А еще говорят, будто если жертва не сопротивляется, то нападающий теряет к ней интерес. Похоже, отсутствие с моей стороны ожидаемой им реакции окончательно разозлило и распалило парня. Он еще сильнее сдавил мою руку и попытался ухватиться за волосы.

Мое терпение разлетелось в пыль.

Набрав полную грудь воздуха, я развернулась, чтобы навсегда избавиться от зарвавшегося урода. Губы шевельнулись, с легкостью и наслаждением избавляясь от заклинания, которое все это время жгло изнутри. Пальцы свободной руки уже сплетали прекрасную и столь же убийственную вязь чар. Часть меня ликовала, поощряя и с готовностью подсказывая нужные действия. Я видела, как в ауру Гертрана вплетаются энергетические потоки, вскоре они изменят состав его крови.

Я и ненавидела себя за слабость, и радовалась, что он все же вынудил меня перешагнуть последнюю черту.

– Убери от Мартинити лапы, – негромко, но твердо произнес знакомый голос позади меня.

Мы так увлеклись каждый своими демонами, что совершенно перестали обращать внимание на кипевшую вокруг университетскую жизнь.

И зря.

Видимо, последние действия Гертрана и его крик все же привлекли к нам внимание.

– Иди куда шел, – прошипел он.

– Убери лапы и отпусти Марти, – вновь повторил Дилаэль. – Ты меня слышал, я шутить не собираюсь.

Несколько мгновений Гертран колебался, и вполне возможно, окажись на месте моего защитника тот же Пак, он бы проигнорировал угрозу. Однако перед ним стоял равный соперник, если не сказать больше: семейство Карриди имело настолько большой вес в столичных кругах, что глупо было конфликтовать с ними в открытую.

– Закончим в другой раз, – надменно задрал подбородок, процедил Гертран и с показной брезгливостью вытер о штаны руку, которой удерживал меня все это время.

– Чего он к тебе прицепился? – осторожно приобнимая меня за плечи, спросил Дилаэль.

Я с трудом сглотнула вязкую слюну и облизнула пересохшие губы. Подняла голову и посмотрела на своего спасителя. В его зеленых глазах все еще плескался гнев.

– Н-не знаю, я так и не поняла.

– Вот же упырь, совсем забыл, что значат слова «честь» и «достоинство», – негодовал Дилаэль, мягко увлекая меня в сторону выхода из здания. – А ты его еще покрываешь. Ох, Марти-Марти, и почему с тобой приключаются одни...

Он осекся, а я закончила, невесело усмехнувшись:

– Неприятности?

– Тебе виднее, – совершенно серьезно ответил Дилаэль, не став юлить и сглаживать тему.

Мой разум трезвел, и удушающая ненависть постепенно отходила на задний план, оставляя после себя горькое разочарование и отголоски недовольства от незаконченного дела. Вначале я даже разозлилась на Дилаэля за то, что он вмешался, но благодарность и облегчение от неслучившегося перевесили чашу на сторону добра. Голова раскалывалась, словно с похмелья.

– Давай чаю попьем? – предложила я.

– Давай, – немного помедлив, ответил он, – в кондитерской Лиаранских тебе должно понравиться.

Раньше приглашение в самую дорогую кондитерскую, где готовят изумительнейшие сладости, меня бы очень обрадовало. Теперь же мне нельзя было покидать стен университета, и сейчас я как никогда ясно осознавала серьезность наказа Асти. Чувствуя себя загнанным в ловушку мотыльком, вздохнула и решительно отказалась:

– Нет, не хочу никуда. У меня соседка в травах хорошо разбирается, обещаю, чай будет несколько не хуже, чем на приеме у императора. А с успокоительными снадобьями – так вообще идеально.

Дилаэль фыркнул, но согласился. Я же подумала, что его, наверное, еще никто не приглашал в скромное общежитие нашего

университетского городка, во всяком случае уж точно не леди. Нервно хихикнула: какая из меня леди? Так что могу себе позволить.

– Что?

– Ничего. Скажи, ты будешь спрашивать про тот случай... на каникулах? После которого я в целительскую снова попала.

Парень смерил меня изучающим взглядом, видно было, как внутри него шла борьба. Наконец он произнес:

– Не буду.

– Тогда идем. Ты в курсе, что ты – чудо? – улыбнулась я, взяв его под руку.

Успокоительный чай мне, конечно, все равно будет не лишним, но, кажется, на этот раз я победила. Медленно, зато верно я вновь становилась собой, привычной Марти без всяких там внутренних голосов и жажды крови. Сейчас произошедшее казалось просто дурным сном, из тех, что все чаще посещали меня ночью. Шагая рядом со спокойным и уверенным Дилаэлем, трудно было вообразить нечто чудовищное.

«Еще посмотрим, кто здесь победитель. Не обольщайся, глупая бабочка, твой последний танец с огнем мы станцуем вместе».

Ведьма и бес

Шэдар была не в духе, еще точнее – тонула в раздражении, причем большей частью на себя. С момента заключения в книгу ее жизнь превратилась в бесконечный бег с препятствиями: стоило преодолеть одно, как на пути тут же возникало следующее. Шэдар напоминала себе белку в колесе, вот только она не грызун и удовольствие от аттракциона не получала.

Казалось бы, не вышло подчинить Дакасту, да и Тьма с ней! Но она так поторопилась, что связала себя и девчонку астральными путями. Возможно, их удалось бы разбить и сбежать, но тут вмешался Ишидан – его барьер вокруг университета держал книгу почище стальной цепи.

Да, проклятый кукловод вечно лез в ее жизнь в своей восточной манере. А самое противное во всей этой ситуации то, что в глубине души Шэдар это нравилось. Похоже, Вольные Земли извратили и ее,

раз она испытывала привязанность к сладкоречивому лису. Осознав это не так давно, она все гнала дурные мысли прочь. Шэдар не верилось, что и с ней может случиться та самая любовь, которая вне разума и обстоятельств.

Но вчера...

Вчера, сидя на ветвях раскидистого дуба в университетском парке, – теперь, когда Лао отбыл в свои восточные дали, скрываться так рьяно было бессмысленно, – она спорхнула на скамейку за позабытым кем-то «Имперским Вестником». Птица проглотила дешевые статейки на раз. И вот уже они с бесом смаковали новости столицы и государства.

Тогда-то она в полной мере и ощутила все «прелести» и последствия от воспеваемого поэтами чувства. Толчком к отравляющей вены злости послужила ревность: мастер кукол принадлежал только ей, именно так считала Шэдар, но ни за что не хотела признаваться.

Ведьма скрипнула зубами, вспомнив выступление беса.

– Нет, вы только поглядите! – Эта зараза вскочила на пень и радостно заверещала: – Каков наглец! Покушался на нашу лапochку Шэдар, а сам целый гарем имеет.

Шэдар так и не поняла, что возмутило его больше: поползновения Лао в ее сторону или то, что у самого беса гарема нет и не предвидится. Тем временем хвостатый продекламировал, будто с трибуны:

– Сын Неба посетит Карфу! Так, это неинтересно... это тоже... Вот! – рывкнул бес и ткнул пальцем в несчастную газету, продырявив ее когтем. – В посольство войдут дочери министров и даже самого императора. В течение месяца одна из них войдет в дом Лао на правах старшей жены, еще две займут места второй и третьей жен. Дари, ну он и мерзавец! Как же так, а?

– Ты же говорил, что мужчина должен быть самцом?

– Так то мужчина, а не твой гончар, – припечатал бес. – Он должен быть верным псом, по мановению твоего изящного пальчика бежать, виляя хвостом, и рвать всем глотки, защищая твою честь.

Шэдар опустила взгляд на свои руки. Да, кисти тонкие, пальцы длинные, но слово «изящные» к ним никак не подходило, скорее – хищные.

И когда она из женщины стала превращаться в магическую тварь? Казалось, от нее ушло самое главное. Мирское кануло в небытие, в груди теплилось лишь желание власти, могущества, а еще свободы. Свободы любой ценой. Неужели и она раба своего дара, как многие до нее? Или если осознаешь это, то не считается? Нет, многие маги понимают, что безумны, но наслаждаются этим. Шэдар удовольствия не ощутила, а вот брезгливость – вполне.

– Интересно, я могла бы вернуть себя прежнюю? – не слушая речь беса, тихо произнесла ведьма. – Где та черта, через которую я перешагнула?

– Шэдар, а давай накажем кукольника? – вкрадчиво предложил хвостатый, которому совершенно не понравился ее настрой. Проглот согласно зашелестел веточками.

– Зачем? – равнодушно произнесла ведьма. Никто не любит показывать свою слабость, поэтому она надела маску безразличия.

– Он предал тебя!

– Разве? Разве плохо стремиться создать семью? Это ведь нормально?

– Нашла нормального, – хмыкнул бес, от которого не укрылось ее истинное состояние. – Надо мстить.

– За что?

– Он тебя бросил.

Шэдар скептически подняла бровь.

– Хорошо, – признал хвостатый и тут же, как змей-искуситель, произнес: – Он разрушил наши планы, запер на территории университета, натравил безумную куклу.

– Возможно, – кивнула Шэдар.

– И наконец, самое главное – нам будет приятно испортить его выставку фарфоровых красоток востока исключительно ради любви к искусству.

– Гадость ради гадости?

Цок. Цок. Цок.

Бес страстно прижался к ноге ведьмы и прошептал:

– Давай зажжем, моя красавица.

– У тебя есть два удара сердца, чтобы отлепиться от меня, – тихо заметила Шэдар, с которой мигом слетело меланхоличное

настроение. – О какой нормальности может идти речь, когда меня окружают...

Она не закончила мысль, вовремя вспомнив, что рядом находится дитя Тьмы. И как любой ребенок, оно обидчиво и разрушительно. Тем временем хвостатый вновь вскочил на пень, приплясывая в ожидании.

– Месть? Нет, не хочу. Устала я от мести, пора уже завершать этот балаган. Мне надоел университет, надоели адепты, а больше всего мне надоел ты, рогатый. Если бы морда твоя поросычья не перехватила контракт, я была бы свободна, – рявкнула Шэдар.

Бес от неожиданности хрюкнул и свалился с пня. Проглот деловито отполз от страдальца.

– Что касается мести, – не обращая на них внимания, продолжила ведьма. – Мстить надо тому, кто тебя чем-то задел. Ишидан, он... – Откровенничать с бесом она не собиралась и потому произнесла: – Мне нет до него дела, к тому же ему впору лишь посочувствовать. Это политический брак, Сын Неба хочет приковать к себе столь сильного мага, а лучше всего держат узы крови, родственной крови. Вольный хищник превратится в зверушку в клетке, которая нападает только по приказу хозяина.

– Разве он и без того не цепной пес Страны Ветров? – недоуменно почесал лысину бес.

– О нет! Он уже который год избегает этой участи, да и в Карфу сбежал, лишь бы не сплетать с кем-то волосы.

– Сплетать волосы?

– Свадебный обряд, – с раздражением пояснила ведьма.

– Значит, мы не будем мешать планам правителя Страны Ветров?

– Зачем? Не говоря уже о том, что нам и не удастся. Наживать себе врага в лице Сына Неба? Нет, я не настолько безумна. Конечно, мы можем случайно испортить торжество, но повторюсь – случайно.

Шэдар встала и прошлась.

– Шэдар, золотко, я такое придумал! – Бес аж затрясся. – А давай одну из невест украдем под шумок?

– Ты бы аппетиты-то поумерил, наши ресурсы не безграничны!

Рогатый напыжился и засопел.

– Это был отличный план мести Лао, ему бы точно не поздоровилось, – пробурчал он, а взгляд такой честный-честный.

– Ну ты и козел, хвостатый, – рассмеялась ведьма, сообразив, что к чему. – Захотел за мой счет поразвлечься с восточной девчонкой.

– Одно другому не мешает, – заискивающе произнес бес.

– Не о том твоя лысая башка думает, – отмахнулась Шэдар. – Надо действовать, а мы так и не добрались до секретов Лао. Похищенный у куклы артефакт не в счет.

– Что же мы будем делать?

– Соваться еще раз к Ишидану – все равно что прыгать в пасть тигра. Зайдем с другого бока и прибежем к тактике переговоров. Принципы – вещь хорошая, но порой они могут свести в могилу.

– А давай ты начнешь выражаться конкретнее? – взмолился изнывающий от любопытства бес, которому очень нравился изменившийся настрой ведьмы.

– Вспомни, из-за кого мы здесь оказались, – процедила ведьма, и вокруг нее за клубилась тьма.

Цок. Цок. Цок.

Хвостатый осторожно отошел назад, его маневр повторил Проглот.

– Дари, я ведь уже извинился, – промямлил он и попытался укрыться за пнем.

– Много ты о себе возомнил, – фыркнула ведьма, и магия вокруг успокоилась. – Я о Такаре, это она изготовила эту клетку.

– Мы что, пойдем к ней на поклон? – опешил бес. – Где мы ее найдем? Да и с чего бы ей вдруг... Нет, все равно ничего не понятно!

– С кем приходится иметь дело! – скривилась Шэдар, но милостиво пояснила: – Чтобы разорвать связь с Дакастой, нам нужен сильный артефакт. Чтобы выбраться из книги – тоже нужна чужая сила извне.

– Но у нас только один артефакт, и тот пока держит защиту университета.

– Вот именно! Нам нужны еще артефакты, а Такаре – обрушить защитный барьер. И в отличие от нас, эта стерва знает, где искать чертовы схроны Лао!

– Так, о предмете переговоров я понял, – снова почесал лысину бес. – А вот откуда Алой известны тайны кукольника – не очень.

– Библиотекарь, хвостатый! Вспомни того культиста.

Бес поежился: недавние события еще были слишком свежи в памяти. Ведьма продолжила:

– Этот приспешник Зогарда наверняка вдоль и поперек изучил защиту, недаром ошивался тут столько времени. И Такара знала, что делала, когда целенаправленно ослабила вишню. Уверена, живучая дрянь в курсе, где искать оставшиеся защитные артефакты.

– Я в восхищении! – всплеснул лапками бес, но тут же задумался: – А где мы найдем ведьму?

– Ты забыл о моей должнице. Используем Вехель для связи с Алой. Младшая ведьма круга может возвать к любой из сестер с дозволения старшей. Такара знает эту белоручку и знает, кто подарил ей избавление от Гнили. Она откликнется на призыв, не сомневайся.

– И Вехель согласится выступить в роли посредника? Это же... это мерзко, – передернулся бес, вспомнив представление Алой в развалинах. – Впустить в свой разум подобное существо.

– А куда она денется? Амулет на ее шее – все равно что колокольчик на корове, не дает моей собственности потеряться.

– Коварная женщина, – промурлыкал бес.

Амулет не только сдерживал проклятие Гинзали Гнили, но и делал Вехель уязвимой перед требованиями Шэдар. Недаром последняя так долго общалась с Лао: искать во всем выгоду, использовать любой шанс и видеть на несколько шагов вперед – этому она научилась у степняка. Шэдар вплела в наложенные на амулет чары «Рабское клеймо» на всякий случай. И случай этот наступил.

Ведьма хлопнула в ладоши, и мир внутри книги затрясло, будто невидимый колокол ударил по стенам их темницы. Бес упал на колени, из его ушей потекла кровь. Проглот только веточками зашуршал, для него заклятие оказалось не таким опасным. Шэдар хлопнула в ладоши еще раз, после чего сама покачнулась и с удивлением увидела на носке своего сапога несколько бурых пятнышек – из ее носа тоже текла кровь. Все-таки перенапряглась, не так-то это легко – бросить зов во внешний мир.

– Ждем, – прохрипела ведьма.

Она явно не рассчитала сил, но причина тому имелась серьезная. Шэдар боялась, что Хмарь сможет перебороть приказ. К счастью, жертва не была напрасной, уже через несколько минут на одной из дорожек парка показалась рыжая макушка адепки. В одном лишь

легком платье, она с остервенением пыталась сорвать душивший ее амулет, в панике забыв о возможных последствиях.

Ворон спикировал на несчастную и впился когтями в плечо. Боль отрезвила Вехель, и она замерла.

– Старшая, – почтительно произнесла Вехель, – я все ждала, когда ваше благородство исчезнет под гнетом обстоятельств.

Птица возмущенно каркнула. Хмарь подставила руки, и та камнем упала с плеча, чтобы тут же превратиться в книгу. Она зашелестела страницами, раскрываясь посередине.

– Пора возвращать долги, девочка, – сами собой проявились алые строки.

– Чего ты желаешь, старшая? Я раб твоей воли, – горько произнесла Вехель.

Сейчас у их диалога не имелось свидетелей, а значит, можно было говорить напрямую, не прибегая к письму.

– Не передергивай! Это цена твоей жизни, и лучше служить мне, чем Гнили.

– Лучше свобода!

– Тогда можешь сдохнуть, – Шэдар была лаконична.

Они обе понимали, что Хмарь слишком любит жизнь, чтобы так легко сдаться. И глупо ее за это винить.

– Чего ты желаешь? – повторила Вехель.

– Побудешь проводником. Я жажду пообщаться с заклятой сестрой Такарой Алой.

Адептка вздрогнула, ее пальцы яростно впились в книгу, но затем она покорно кивнула. После едва слышного напевного заклинания глаза Хмарь заполнила тьма, и Шэдар победно ухмыльнулась.

– Так-так-так... Ночная охотница жаждет со мной пообщаться, – голос Вехель сочился ядом. – Не боишься, что с помощью этой крошки я уничтожу твой бесценный мирок?

– Мирок твой, Такара, и ты знаешь, что страх я испытываю редко.

– И чего же ты хочешь?

– Пришествия Зогарда, конечно.

– Ты?!

Вехель-Такара долго вчитывалась в текст, а потом дико расхохоталась.

– Шэдар, что мне нравится в тебе, так это способность прогибаться, но не ломаться. Двойная мораль, сестра, отличный залог выживаемости. Хорошо, я поделюсь с тобой знаниями, хозяин разрешает. Но не надейся, что удастся сохранить свои перья! Наши личные счета к этому делу не относятся.

– Поторопись, девчонка уже ослабла.

– Защиту университета питают три артефакта. Один спрятан у всех на виду – это хищное вишневое дерево, второй Лао вложил в одну из своих кукол, а третий находится где-то в подземельях главного корпуса.

– Подземельях?

– Что, неужели до сих пор не выяснила? Впрочем, твои проблемы. Удачно сдохнуть!

Тело Вехель содрогнулось, будто от удара, и она рухнула на снег как подкошенная.

– Вот и поговорили, – задумчиво произнесла Шэдар, глядя на бессознательное тело Вехель. – Теперь мы знаем, сколько артефактов держат защиту. И даже где искать последний.

– Но можем ли мы доверять Алой? – тихо спросил бес, который до сих пор находился под впечатлением.

– Естественно, нет. Но она упомянула хозяина, а значит, часть правды в ее словах есть. Нужно как следует все обдумать.

– А что с девчонкой?

– Найдет кто-нибудь, – безразлично пожала плечами Шэдар. Потом с сомнением посмотрела на Вехель, вспомнив рассуждения о нормальности. – Давай пригоним какого-нибудь адепта, – решила Шорох, превращая книгу обратно в ворона.

Глава 9

Рантар

– В каждом букете должна быть гармония, гармония бытия. Будь то солнечный день или грозное небо – все в мире гармонично, как и человеческая жизнь. – Лао задумчиво обрезал ветки цветущего жасмина и ставил в вазу.

Рантар уже минут двадцать наблюдал, как Ишидан привносит гармонию в хаос, и сдерживал гнев, понимая, что внутри степняка сейчас бушуют нечеловеческие страсти.

Это был уже четвертый букет.

Декан факультета боевой магии оперся спиной о стену дома, уселся поудобнее и вытянул ноги. Деревянный пол охлаждал, но природа в преподавательском городке радовала своих жителей теплом в середине зимы. Асти окинул взглядом двор: куклы выстроились в шеренгу в ожидании приказов господина. Не хватало только вездесущей Красной. На удивление, степняка ее утрата не опечалила в той мере, в какой можно было бы предполагать. Казалось, он вообще после возвращения потерял интерес ко всему.

– Нам надо поговорить, – мягко произнес Рантар, поражаясь собственной сдержанности.

– Искушение сдаться будет особенно сильным незадолго до победы, – как ни в чем не бывало проговорил Лао.

– Если этими словами ты хотел поддержать боевой дух, то у тебя не получилось. Сам-то веришь в это? В университете творится какое-то дерьмо, а ты режешь ветки!

– Поверь, мне бы очень хотелось, чтобы на месте этих веток оказались мои враги. Очень хотелось. Но пока... остается только резать ветки.

– Так, может, стоит что-либо предпринять и упокоить врагов?

– Возможно... Но я предпочитаю смотреть на реку, ожидая, что принесет ее течением.

Рантар стиснул зубы, раздражение так и бурлило в маге, но он держался. Слишком хорошо знал вот такое состояние Ишидана.

– Уезжая, я оставил тебе дела, – сменил тему Лао. – Почему же я не вижу тел культистов на берегу?

Он взмахнул рукой, и одна из кукол убрала букет, другая тут же поставила новую вазу.

– Тела... Какой ты стал кровожадный. Те, что умерли, давно сожжены, а те, кому посчастливилось остаться в живых, желают сдохнуть. Мои дознаватели работают в две смены.

– Хотелось бы увидеть главные действующие лица.

– Для главных еще не наступило время, сам знаешь. И кстати, как твой преемник, я принял несколько нововведений именно для того, чтобы с достоинством встретить их сольную партию. – Асти поморщился: говорить с Лао прямым текстом просто невозможно. Не желая того, он и сам перешел на иносказания.

Ишидан промолчал, вновь углубившись в себя. Рантар не мог отделаться от ощущения, что друга беспокоит нечто иное, хотя не исключено, что ему действительно все стало безразлично. Даже потеря артефакта защиты не потревожила его странной отстраненности. Визит в Страну Ветров сильно повлиял на Лао.

– Да что с тобой такое?! – не выдержал Асти.

– Со мной? – переспросил тот и задумался, затем буднично произнес: – Меня обвинили в государственной измене. Величина башни измеряется длиной отбрасываемой ею тени, а величие человека – количеством завистников.

– Тогда почему ты еще жив? – вычленил из слов Лао главное Рантар.

– Поспешность губит великие замыслы, – усмехнулся Ишидан. Усмешка превратилась в болезненную гримасу.

– Тебя пытали, – скорей для себя, чем для собеседника, произнес Рантар.

– Справлюсь, – отмахнулся Ишидан и оглядел творение рук своих – очередной готовый букет. – Чаю нам!

Куклы моментально пришли в движение. Перед Асти появился низкий столик с приборами, а Лао наконец прекратил нарезку веток и, тяжело опираясь на руку голема, тоже подошел к подиуму-возвышению с подушками. Забраться на него другу помогал уже

Рантар. Шифу молча принял заботу, значит, действительно паршиво себя чувствовал.

– Так что там за нововведения? – отпив чая, вернулся к теме Лао.

И пусть лицо его было бледное, в глазах промелькнул азарт. Рантар мысленно вознес хвалу богам – уже хоть что-то! Ишидан любил свою работу, а еще больше любил главенствовать и плести интриги, поэтому возвращение в университет все же имело лечебную силу.

– Я приказал закупить боевых ястребов-наргов, через несколько дней их выпустят.

– Ты поторопился.

– Поторопился?! В своем ли ты уме, друг мой? Ведьма забылась и творит что захочет. Недавно в парке нашли соседку Дакасты, девчонка лежала на снегу в одном легком платье. Не надо быть мудрецом, чтобы понять, почему она там оказалась. – Асти не собирался выгораживать дикий цветок Ишидана.

– Мысли ощутить невозможно, впрочем, есть умельцы, но пока ты не схватишь Шэдар, подозрения останутся лишь словами на твоих губах, – мягко произнес Лао.

– Опять ее защищаешь?

– Нет, я смотрю в лицо фактам.

– Факты в том, что по приказу этой ведьмы соседка травила Дакасту, и сейчас адептка Хмарь понадобилась ей вновь.

– Палач так же виновен, как и судья: отрубая голову, он несет груз ответственности. Выгони Вехель, чтобы успокоиться, но перед этим докажи, что во всем виновата Шорох.

– А то, что мой человек видел рядом с целительницей огромного ворона, тебе мало? Он же и привел подмогу, когда та лишилась чувств. Как понимаешь, девчонка лучше откусит себе язык, чем расскажет про старшую.

– Присматриваешь за ней? – усмехнулся Ишидан. – Что ж, разумно.

– Еще с того случая в музее. Но, как видишь, я держу свое слово: об участии ведьмы никто не знает.

– И я благодарен тебе за это.

Рантар поморщился.

– Кроме того, мы оба понимаем, что кончину твоей любимой куклы устроила именно ночная охотница. А значит, поддерживающий защиту университета артефакт теперь у нее. Ведь это был он, верно?

– Да, – кратко подтвердил Лао.

– И кто знает, что ей взбредет в голову в следующую минуту? Она непредсказуемый фактор, который надо убрать, – рубанул рукой воздух боевой маг.

– Ты переживаешь за всех адептов или только за юную Дакасту? Слышал, ты встретил с ней Единый оборот?

– За всех.

– Глаза видят правду, ухо слышит ложь, – спокойно заметил Лао. – Возможно, ты и печешься о благе адептов, но больше всего переживаешь за девушку. Но ты не учитываешь один момент: уверен, что она переживет смерть Шэдар?

– Надо что-то делать! Ведьма совсем обнаглела. Сними защиту и выпусти ее.

– Тогда она выпьет дар Дакасты досуха. – В словах друга Асти не услышал уверенности, но проверять их на практике ему не хотелось.

– Что ты предлагаешь?

– Ястребы не выход. – Глаза ректора блеснули предупреждением. – Ты отдал мою куклу Керфусу?

– Не говори, что расстроился. На некоторое время эта игрушка займет его. О том дерьме, что он устроил в городе, полагаю, ты уже в курсе. Между прочим, именно мне пришлось разгребать последствия твоей нездоровой любви к психам с сильным магическим даром.

– Какие еще меры ты принял? – проигнорировал неудобное замечание Ишидан.

– Теневой легион. Император дал разрешение на их участие в операции.

– Серым плащам здесь не место.

Рантар неодобрительно покачал головой: самонадеянность степняка порой его поражала. В сложившейся ситуации противиться помощи – верх безрассудства.

– Ты заигрался, друг. Скоро на территории университета начнутся странные смерти. А они начнутся, мы оба это понимаем – Зогард чувствует сладость свободы, и его эманации будут толкать неокрепших

духом за грань. Только вчера в женском общежитии одна невменяемая перерезала себе вены из-за несчастной любви.

– Здесь каждый год кто-то разочаровывается в своем избраннике, – скупо проговорил Лао.

– Да при чем здесь это! – рявкнул Рантар и, не удержавшись, стукнул кулаком по чайному столику. Приборы синхронно подпрыгнули. – Культисты – не какие-то детки, это фанатики!

– Хорошо, я не возражаю против Серых плащей императора. Хотя все равно считаю, что Теневому легиону в подземельях делать нечего. Время рассудит нас, может, и им найдется применение.

– Не доверяешь его ручным полудемонам?

– Под комплексом университетских зданий находятся катакомбы, в сердце которых скрыт алтарь низвергнутого бога, – спокойно, даже слишком спокойно для подобной новости произнес Лао.

– Значит, место силы, – кивнул собственным мыслям Рантар.

Он давно заподозрил нечто подобное, это бы многое объяснило. И выбор расположения самого университета: дармовой источник магии для прожорливых молодых адептов – это ли не чудесно? И столь пристальное внимание культистов к означенному учебному заведению, слишком уж настойчиво они стремились сюда проникнуть, невзирая на откровенные риски и то, что организовать приход Зогарда где-нибудь в ином месте по-тихому было бы куда проще.

– Император знает?

– Твоя вера в мои способности поражает, Рантар, – польщенно улыбнулся Ишидан. – Университет скрывает осколки ушедших эпох. В императорской библиотеке хранятся летописи тех времен. Чтобы как-то спрятать эманации низвергнутой сущности, были созданы три артефакта поглощения. Они не только скрывают алтарь, но и защищают место силы.

– Дай угадаю: один из артефактов как раз в подземельях. – Глаза Асти сузились, но рвущиеся с языка ругательства он так и не озвучил.

Некоторое время мужчины молчали. Затем Рантар все же закончил мысль:

– Другой, как мы выяснили, ты спрятал в куклу. Последний... это должно быть что-то на самом виду, или я тебя не знаю.

Лао развел руками и улыбнулся.

– Вишня! И все это лишь подтверждает правильность еще одного моего решения.

Ишидан вопросительно изогнул бровь.

– Я пригласил Ирель Болинджер. По официальной версии ее лекции – очередное нововведение императора в качестве эксперимента. На деле же она даст адептам азы по работе с магией смерти, они должны понимать, как защитить свой разум от влияния сущностей, подобных Зогарду.

– На миг мне почудилось, что ты произнес имя Ирель. – И вновь на лице Ишидана проскользнули живые эмоции.

– Ты все прекрасно расслышал, – отвел взгляд Рантар, потому что не смог смотреть на довольного степняка.

– Неужели согласилась?

– Сказала, что это будет забавно.

– Ты спилил дерево, чтобы поймать аиста, – рассмеялся шифу и взмахом руки приказал принести свежий чай. – Смелое решение. Стоило ли рвать с ней связи, чтобы вновь пустить в свою жизнь?

Рантар с отвращением посмотрел на предложенный напиток. Он и так-то его недолюбливал, а лекарственные травы окончательно испортили вкус. Еще неприятнее ему стало из-за веселья Ишидана. Он понимал последствия, но другого пути не видел. Ни один из более-менее разумных некромантов не соглашался занять должность преподавателя.

Люди, поднимающие мертвых людей, циничны и не особо любят живых, они для них лишь материал для опытов. Поэтому большинство магов, оперирующих более светлыми материями, относились к жнецам смерти с недоверием. Те же, в свою очередь, держались особняком и никаких предметов в университетах не вели, а набирали учеников для наставничества – это была веками отработанная практика.

И вот Рантар решил нарушить порядок. Устой ломать тяжело, еще тяжелее делать это в одиночку. Обосновать необходимость лекций по магии смерти стоило ему колоссальных усилий. Одновременно с этим он долго искал исполнителя. Удача – капризная дама, за неимением лучшего варианта ему пришлось пригласить на встречу Ирель.

Асти вспомнил ее визит в свой кабинет и тяжело вздохнул...

– Туки-туки, – дверь приоткрылась, и игривый женский голос возвестил о начале казни.

– Ирель, я уж заждался, – он натянуто улыбнулся, приветствуя гостью.

Официоз этой женщине был ни к чему, она прекрасно жила без него. Асти поднял глаза, чтобы встретиться с ее ярко-алыми.

– Все балуешься кровью? – хмуро заметил он.

– А ты все такая же душка, – хмыкнула Ирель и грациозно села в кресло напротив мага.

Рантар окинул ее взглядом и как-то обреченно покачал головой. Время было не властно над гуляющей под луной, впрочем, все они отличались либо холодной красотой, либо отсутствием кожи на костях. Так что первый вариант не так уж и плох. Правда, стоило ожидать дуэлей среди молодежи за белокурые локоны, за прелестный стан, за милую улыбку и чуть вздернутый носик. Ибо Ирель соблюдать законы Ишидана вряд ли станет, еще и сама спровоцирует с удовольствием.

– Предлагаю перейти к делу, – поморщился Рантар.

– Всегда любила твой напор, – проказливо улыбнулась посетительница и облизнула пухлые губы.

«Хороша!» – непроизвольно отметил Асти. Проследив за его реакцией, Ирель усмехнулась:

– Я вся твоя, мой мальчик.

– Уже не мальчик.

– Что да, то да, – она демонстративно пробежалась взглядом по его телу. – Уже не мальчик, теперь мужчина, но и не мой жених.

– Мы будем обсуждать прошлое? – холодно поинтересовался Асти.

– Без своей добычи я отсюда не уйду, иначе не интересно. – Очаровательная улыбка вновь озарила лицо жницы.

Такая невинная... и куда подевалась вся хищность, которую еще минуту назад она не скрывала? Любой бы обманулся теперь, глядя на эту хрупкую женщину. Она была старше Асти на пять лет, и когда их родители заключили помолвку, он верил, что действительно любит. Но тогда он только-только сошел с ученической скамьи и пробовал настоящую жизнь на вкус.

– Давай без прелюдии...

– Люблю грубость, – закинула ногу на ногу Болинджер, – ты знаешь.

Черная кожа – она всегда любила одеваться в нее. Практично, вызывающе.

– Университету необходим маг смерти, который будет сдерживать эманации демонической сущности.

– Что я получу взамен? – уже деловым тоном произнесла она.

– Старшую ведьму Круга.

– Кого? – Глаза Ирель алчно блеснули.

Рантар знал, что ей предложить. Каждый более-менее сильный некромант с маниакальным упорством создавал собственную маленькую армию, и чем необычнее солдатики, тем лучше. Мечтой Болинджер являлось создание ламии из старшей ведьмы, ведь чем могущественнее материал при жизни, тем сильнее он в посмертии.

– Такару Алюю.

– Что ж, котик, я в деле, – предвкушая веселье, кивнула некромантка.

Рантар тряхнул головой, возвращаясь из воспоминаний в действительность. Посмотрел на Ишидана, но степняку было не до него, он тоже погрузился в тяжелые думы.

– Скажи мне, друг, – обратился к нему Асти, – какая из женщин продолжит славный род Лао?

Тот вздрогнул и укоризненно посмотрел на Рантара.

– О твоих невестах не судачит разве что немой.

– Это часть цены, которую мне пришлось заплатить, – криво улыбнулся ректор.

– Это связано с пытками? Чью дорогу ты перешел?

– Наша страна находится в изоляции уже много веков. Мое появление в Карфаенской империи, должность ректора, знакомства, которые я здесь приобрел – все это несколько уменьшило власть министра иностранных дел.

– И что он придумал?

– Несколько интересных комбинаций, и вот я уже торгую редкими артефактами нашей страны... Меня ждали, Рантар. Глава ведомства правопорядка лично встретил и препроводил в Гуанхангун.

Асти сжал кулаки: именно эта тюрьма стала братом-близнецом Холодного дворца.

Воспоминания о вызволении магистра Зула еще были очень свежи. Он искренне посочувствовал Ишидану, который провел в

подобном месте гораздо больше времени.

– Тебя ведь интересует, каким образом я выбрался, да? – продолжил Лао. – Имена и титулы не назову, но должников у моей семьи много. Важно другое: культисты и тут приложили руку.

– Подкуп? Шантаж? – пытливо уточнил Рантар.

Вполне логичный ход со стороны противника: обезглавить оборону, чтобы победить. Приспешники Зогарда сумели найти подход к министру Страны Ветров, нащупали его слабое место.

– Думаю, зависть, – выплюнул Ишидан. – Сын Неба не упустил возможности поймать в одни силки обе птицы. Даже если он и не поверил в мое предательство, то очень удачно использовал выпавшую возможность привязать к себе и заручиться преданностью.

– Министр иностранных дел, как я понимаю, теперь у нас новый? Лао хрипло и жутко рассмеялся, после закашлявшись.

– Старому залили в глотку расплавленное золото.

Рантар посмотрел вдаль и отпил остывшего чая. Да, изощренные казни в Великой Степи славились на весь мир, в этом им не было равных.

– Невесты... – бессердечно надавил на больное Асти.

– Они захотят променять золотое гнездо на песок под копытами скакуна.

– Решил запугать?

– Я познакомлю их со своей одержимостью.

Глава 10

Мартинити

Наконец-то настал день, которого мы все так долго ждали – соревнования по «Драконьим бегам». С самого утра весь университетский городок захватила радостная суматоха. Все учащиеся разделились на цвета команд своих факультетов, и теперь повсюду виднелись радужные ручейки из адептов. Они стекались в более полноводные группки, разделялись, перекручивались пестрыми потоками и, вновь сливаясь в однородный оттенок, устремлялись к специальным секторам вокруг поля для игры.

Всюду слышались смех и возбужденные разговоры. Сегодня воцарилось негласное перемирие между соперниками, и строить друг другу пакости было нельзя, как и провоцировать на столкновения. А еще по такому значимому событию для ШТУЧКИ отменили занятия. Так что все, кто был посообразительнее, занимали места на трибунах заранее, и с каждым часом здесь становилось теснее. Одетая в темно-синюю мантию, я с восторгом вертела головой по сторонам, заражаясь атмосферой праздника и предвкушения.

– Марти! – помахала мне бодро расталкивающая народ Вехель и вскоре плюхнулась на сидение рядом.

Я облегченно выдохнула: не так-то просто защищать свободные места, когда на них то и дело кто-то покушается. Впрочем, последнее касалось кого угодно, только не моей суровой соседки.

– Эй, куда? – рывкнула она на парочку ребят в таких же, как и мы все, синих мантиях. – Глаза разуйте, неужели непонятно, что занято!

Они с возмущением уставились на единственную выделяющуюся на общем фоне фигуру в зеленой накидке – цвет факультета целителей. Ветер трепал рыжие волосы подруги, которые прекрасно сочетались с ее нарядом, будто сама дриада решила навестить мир людей. Если, конечно, дриады умеют так мастерски запугивать:

– Чего застыли, ну? Или мне бабулин заговор для несварения прочитать?

Адепты дружно отступили на шаг, но проигрывать сражение не хотели.

– Да ты вообще обнаглела? – пискнула слегка побледневшая девушка.

– Во-во, иди отсюда к своим, нечего наши места отбирать! – поддержал ее, напротив, розовощекий приятель.

– Я тут надписей не вижу, – нисколько не смутилась Вехель, явно не собирающаяся сдавать позиций. – Вы видите? – это она уже к нам с Зель обратилась.

Мы переглянулись и, стараясь сохранить серьезные выражения на лицах, отрицательно помотали головами.

– Вот и я о том же! Катитесь отсюда, говорю. Нигде не указано, что я не могу сидеть там, где мне захочется, ясно?

Ребята собрались что-то возразить, но Вехель припечатала:

– Прокляну! У меня бабуля ведьмой была, так что помимо несварения еще и чесаться устанете.

Она звонко чихнула, сдвинула брови и что-то зашептала под нос. Парень первый решил не связываться с нахальной девицей и потащил подругу на следующий уровень, бормоча что-то о психических целителях, которым самим надо на лекарскую койку. Мы с Зельган разрывались между желанием расхохотаться в голос и сочувствием к бедолагам. Лично у меня теплые чувства к друзьям явно перевешивали воспитание и заботу о незнакомых адептах.

– А вот и девчонки! – радостно поприветствовал нас Кир и плюхнулся рядом на буквально отвоеванное Вехель место.

Его друзья, кивнув, растворились среди факультетского ложа. Кир и сам то и дело кому-то махал и улыбался.

– И тебя прокляну, – мрачно пообещала Вехель, отследив взглядом улыбающуюся в нашу сторону девушку. – Вот окосеешь и не сможешь строить глазки всем подряд.

– Мм-м... милая, ты сегодня восхитительно приветлива! – рассмеялся Кир и собственнически сграбастал мою строптивую соседку по комнате. – Неужели ревнуешь?

– Много чести, – фыркнула Вехель, – просто очень нужен пациент с косоглазием. Для курсовой.

– Ты чего не в духе? – шепнула я подруге.

– Леуш, – скривилась она, – злобствует.

Я вспомнила строгого мастера – главу целительского факультета – и сочувственно похлопала рыжую по плечу. Этот может испортить настроение даже труп, если последний вздумает не выполнить всех предписаний и требований.

– А еще простыла. – Словно в подтверждение, она вновь чихнула и высморкалась.

Вообще, да, вид у подруги был нездоровый, хоть она так лихо и отвоевала занятые нами места и грозилась проклятиями. Тут на площадку на возвышении вышел шифу Лао, и все цветное море адептов, повинаясь его властному взмаху руки, замолчало.

– Яркого солнца и теплого ветра, адепты. Достоянейшие из вас сегодня сорвут плод с вишни, ведь у сильных людей есть желания, а у слабых – только мечты, – усиленный чарами голос ректора звучал спокойно и уверенно. – Звук разносится на тысячу лиг, слава – на десять тысяч! В погоне за последней желаю вам сохранить холодную голову и незамутненные воды спокойствия. Рад открыть очередной турнир университетских соревнований за звание искуснейшего из чароплетов, где сила и ловкость приносят победу лишь вместе с умением работать в команде. И пусть на вершине горы окажется тот, чье сердце не ведает страха и сомнений и чьи знания станут достойными благословения Светлых богов.

Шифу сдержанно улыбнулся и обвел взглядом собравшихся. Казалось, от его внимания не укрылся ни один адепт, ни один преподаватель, и даже шевеление листьев хищной вишни будто бы согласовывало с ним свои движения. Так, наверное, правители осматривают собственные владения, когда снисходят к простому народу. Все же было в нашем ректоре что-то такое... не знаю, заставляющее ощущать трепет и уважение, что ли.

Дальше мои мысли побежали по совершенно неведомой траектории: вспомнился наш вечер с Асти в доме шифу Лао и мой откровенный танец. Вместо того чтобы усовеститься, я поискала среди преподавателей знакомый профиль Рантара – тщетно, декана факультета боевой магии не было ни среди руководящей верхушки, ни на трибунах, занимаемых боевиками. Последние ярко алели огненного цвета мантиями. Зато обнаружилось другое, нечто неожиданное и любопытное.

В ректорской ложе, куда закончив приветственную речь, направился шифу Лао, первый ряд занимали... хм, гости. Четыре роскошно одетые леди в восточных нарядах, и лица у них были... в общем, сомнений в том, что дамы прибыли из Страны Ветров, не возникало. А то, что позади них обреталась целая свита из сопровождающих с таким же характерным разрезом глаз и в традиционных для степняков одеждах, указывало на высокий статус леди.

– Ты тоже это видишь? – дернула меня за рукав Вехель.

– Те самые невесты? А я думала, врут все газеты! – прошептала Зель.

– Куда ему столько? – со смесью скепсиса и восхищения озвучил общую мысль Кир и чисто по-мужски добавил: – Неужели справится? Вот это мощь.

– Киаран Сейвас, – зашипела Вехель, – если не сотрешь с лица это пакостное выражение, обещаю, быть тебе моей курсовой. И косоглазием не отделаешься, еще и по слепоте раскрою тему.

– Брось, зачем мне гарем, когда тут от одной-то не знаешь, как сберечь здоровье, – рассмеялся Кир. Однако мечтательный вид с лица убрал.

– Да ну какой гарем, – поддержала я беседу, – наверняка у них просто леди в одиночестве не путешествуют.

Трудно было поверить в то, что какая-то женщина может согласиться делить своего мужчину с другими, считая это нормальным и закономерным явлением. Сложно понять этих восточных людей – как их речь, так и традиции, и образ мыслей.

– Как думаете, кто из них дочь императора Страны Ветров? – проявила интерес Зель.

Мы вновь дружно уставились на необычных гостей ректора. Все девушки выглядели одинаково прекрасными, одинаково богато одетыми, и сам шифу Лао каким-то особым почтением ни одну из них не выделял.

Пока мы сплетничали, на поле для игр выстроились первые участники состязаний. Но, похоже, нынешние «Драконьи бега» войдут в историю вовсе не умениями команд. Сложилось впечатление, что не одних нас занимали светские новости, так как даже преподаватели то и

дело поглядывали в сторону невозмутимого, как водная гладь в погожий день, шифу.

– Не представляю нашего ректора в качестве мужа, – снова подала голос Зель.

– И правильно, где ты и где шифу, – ехидно прокомментировал невесть откуда взявшийся Пак, свесившийся с верхнего ряда.

– Ты тут откуда?! – изумились мы с Зельган.

– Наши выступают в третьем потоке, вот и решил, пока есть время, приобщиться к простым смертным.

Зель насмешливо фыркнула, а я закатила глаза – адепта Герштоля ничто не исправит.

– А где Дилаэль? – поинтересовалась я озираясь. Было бы здорово пожелать ему удачи перед выходом на поле.

– Остался внизу с командой, – Пак скривился, – по сотому разу слушать последние наставления капитана.

– Сомневаюсь, что вас пустят на поле, – хмыкнула Вехель.

– Ничего-ничего, и волшебная палочка раз в год колдует, – не поддался на провокацию Пак. – Так, говорите, вон те цыпочки и есть невесты нашего шифу Лао? – вернулся он к животрепещущей теме и скептически сощурился: – А дочь нашего императора поинтереснее будет.

Кир хохотнул:

– Ты подожди, не удивлюсь, если и она скоро примкнет к этой гонке за мастером кукол.

Мы непонимающе уставились на одного из представителей рода Маронайских. Из нас всех Кир единственный принадлежал к аристократам, а значит, и больше понимал в хитросплетениях придворных интриг. Он и подтвердил:

– Что смотрите? Вы же не думали, будто все эти танцы со свадьбой – случайность или желание внезапно тронувшегося умом шифу Лао.

Тем временем четыре команды из первого потока – факультеты иллюзий в фиолетовых мантиях, погодников – в желтых, архиведения и теоретической магии – в серых, и прорицателей – в небесно-голубом уже разбились на функции и заняли положенные места. Укротители – те игроки, которым предстояло управлять своими дракончиками, с сосредоточенным видом стояли у горящей синим пламенем черты,

откуда предстояло начать забег по специальной полосе с препятствиями.

Подстрекатели выстроились в ряд на отдельном возвышении, откуда могли видеть весь путь от начала до, собственно, самой хищной вишни, чьи плоды и были заветной целью и залогом победы. Ребятам предстояло устраивать каверзы и пакости для вражеских драконов непосредственно на самом поле.

Напротив их возвышения располагалась ложа, поделенная на сектора в виде двух лепестков. Правый занимали специальные куклы, их задачей было с помощью магии вывести из строя игроков на поле. В левом сидели защитники, в чьи обязанности входило нейтрализовать атаки кукол и тем самым сохранить своих укротителей в игре. Посередине между лепестками места заняли смотрящие – этим предстояло внимательно следить за сражением, страховать игроков и пресекать любые попытки нарушить правила или сжульничать.

Раздался гонг, и трибуны болельщиков мгновенно взревели, подбадривая своих и сыпя ругательства на соперников. Во всеобщем гвалте я упустила момент, когда на поле выпустили драконов, и заметила их только тогда, когда они дружно рванули по полосе препятствий. Желтый дракончик погодников сразу попытался взлететь, тем самым обходя препятствие в виде огромной лужи. Однако не успел он сделать и пары взмахов кожистыми крыльями, как тут же упал на землю, пропахав ее носом. Над сектором трибун, заполненных желтыми мантиями, сгустились грозовые тучи.

– Ой, болваны-ы-ы, куда ж вы... – Пак махнул на кого-то рукой, и окончание фразы потонуло в яростных криках адептов.

– Что не так? – Меня разобрало любопытство.

Он скривился:

– Вот не стоило связываться с прорицателями, кажется, плакали мои денежки.

Кир расхохотался:

– Салага! Кто ж прорицателям в столь ответственных ставках доверяет? Они каждый год предсказывают так, как только им и выгодно. Самый богатый факультет после игр, между прочим! У них давно стратегия продумана, как нажиться на наивных и азартных адептах. Даже если они не побеждают, то хоть с полными карманами всегда уходят.

– Ну и где ж ты раньше-то был, такой умный? – стаскивая с головы шапку, горестно вздохнул Пак.

– Да погодите вы о прорицателях, – отмахнулась Зель и снова вернулась к обсуждению личной жизни нашего ректора: – Неужели шифу Лао даже не любит ни одну из своих невест?

Меня этот вопрос тоже занимал, а вот Вехель и Кир посмотрели на нас, как на умалишенных.

– Да-а-а, – протянула рыжая ведьмочка, – Марти, у вас там все такие неомраченные правдой жизни собрались?

За своих стало обидно:

– Нет, попадаются еще прожженные циники и бесчувственные засранцы.

– Вот они-то и снимут все сливки, – ничуть не смутилась Вехель.

Уж да, у моей соседки своя философия, продиктованная опытом жизни в Вольных Землях. Трудно ее в этом винить или пытаться внушить обратное.

– Киаран, – упрямо позвала Зель, похоже, напрочь забывшая, зачем мы тут собрались, – так что там со свадьбой?

– М? – Кир, до этого увлеченно следивший за ходом игры, рассеянно посмотрел в нашу сторону. – А, вы все о шифу? Да политический это брак, и зомби ясно. Наш ректор хоть и отошел от дел, но все равно слишком ценная фигура, чтобы так запросто «подарить» ее соседнему государству. К тому же связями в Карфаене за столько лет оброс, а последнее, как известно, ценится дороже золота.

– Откуда ты все знаешь? – перестав сокрушаться, влез Пак.

Кир нахмурился, но Вехель тут же отрезала:

– Оттуда! К прорицателям за справкой ходил.

– Да? – изумился Пак.

Кир с обожанием посмотрел на свою вредную ведьмочку. Я улыбнулась, вспоминая обстоятельства, при которых всплыло происхождение Кира, и его слова о том, что он не любит об этом распространяться.

– Бедный мужик, – с сочувственным вздохом протянула Зель.

– Да ладно, это же шифу Лао. Бедный, скорее, тот, кто вздумает с ним связаться, не просчитав все ходы наперед, – уважительно произнес Кир.

Мы переглянулись и откровенно захихикали, потому что да – нашему ректору лишний раз дорогу переходить ущебно для здоровья. А я еще подумала о том, что Асти с ним дружит. Действительно дружит, иначе не чувствовал бы себя так расслабленно в его доме. И не зря твердит народная мудрость: скажи, кто твой друг, и я скажу, кто ты. Вздохнула: и угораздило же влюбиться в мужчину совершенно не моего уровня. Сколько трудностей нам придется пройти, чтобы суметь достичь взаимопонимания. И достигнем ли?

От невеселых мыслей отвлекла очередная заварушка на поле. Два дракончика, фиолетовый и серый, сцепились между собой, доказывая право сильнейшего... или первейшего? Вместо того чтобы добыть ягоду со строптивного дерева, они вдруг решили выяснить отношения. Смотрящие отчаянно жестикулировали и чуть ли не волосы на себе рвали. Судя по растерянным лицам укротителей, поведение их подопечных стало для них же самих полной неожиданностью. Пространство над игровым полем искрилось от переплетений чар и заклинаний.

Пока вышедшие из-под контроля драконы устраивали разборки, желтый зверюга погодников, поджарив хвост на последней ловушке, не сбавляя скорости, устремился к вишне. Это выглядело весьма впечатляюще – горящий, словно факел, хвост, похоже, нисколько ему не мешал. Все же хорошо, что в «Драконьих бегах» участвуют не живые звери, иначе это было бы слишком жестоко. А так оставалось лишь восхититься мастерством его изготовившего укротителя.

Дракончик, ловко уклоняясь от атак хищной вишни, все же сумел вскарабкаться по ее стволу и сцапать заветный плод. Одновременно с тем, как радостно взвыли болельщики факультета погодников, над хищной вишней взметнулся черный смерч.

– Чего это с ней? – пробормотал Кир. – На моей памяти ничего подобного еще ни разу не происходило.

Мы все следили за разрастающимся смерчем, стремительно поглощающим все, что попадало в его поле, – разглядеть что-либо в черной воронке не представлялось возможным. И непонятно было, это спланированная ловушка или действительно что-то пошло не так. В поисках ответа я поискала взглядом шифу Лао, но его не оказалось на месте.

Кто-то истошно закричал, среди адептов начала зарождаться паника. И это не то чувство, рожденное всеобщим хаосом и беспорядком, нет. Нас всех планомерно накрывала волна осязаемого ужаса, ледящего кожу, пробирающего до самых костей. Преподаватели как-то разом сплотились, пытаясь противостоять этому непонятному нечто. Черный вихрь продолжал набирать силу и увеличиваться. Лично я заметила мастера Джедриса и мастера Трая, одновременно вскинувших руки. Преподаватель магических жестов что-то прокричал колдующим старшекурсникам в алых мантиях – пятеро боевиков встали у него за спиной.

Профессор Найтон и декан нашего факультета доплетали оградительные чары какого-то мощного щита – какого именно, я не поняла, но защитную магию распознала. По периметру трибун выросла стена из зеленоватого свечения, отделяя зрителей от происходящего на поле. Зато тем, кто остался внутри, можно было только посочувствовать.

– Не нравится мне все это, – отрывисто бросил Кир, что-то высматривая. Наверняка он видел больше, во всяком случае, уж точно больше понимал в творящейся волшбе. – Так, девочки, встали и спокойно, но резво на выход! – велел он.

Такая же мысль посетила не одного Кира: по трибунам пошла пестрая рябь из спешащих убраться подальше адептов. Ибо такие вот панические атаки на пустом месте не рождаются, и на факультетских соревнованиях вряд ли предусмотрены. Пытаясь перебороть сковавшее оцепенение, мы поднялись, но уйти никуда не успели. Словно из ниоткуда над полем для игр начали появляться фигуры в серых плащах, прямо в воздухе! Не знаю, как другим, а мне стало еще страшнее, хотя казалось, куда уж больше.

– Что это? – охнула рядом Зель.

А вот Вехель, напротив, непечатно выругалась.

– Какого пекла?... – бросил побледневший Кир хриплым голосом.

И тут я заметила, как на поле выбежала высокая стройная женщина, затянутая в черный костюм, облегающий ее, словно вторая кожа. Светлые, соломенного цвета волосы незнакомки развевались на ветру, резко контрастируя с ее нарядом и непроглядным мраком смерча. Изумиться я не успела, так как следом за ней появился Асти.

Я говорила, что было очень страшно? Так вот теперь стало жутко до тошноты. Было ли это связано с набирающим силу черным нечто или с боязнью за дорогого мне человека, однако ноги тут же подкосились, и я плюхнулась обратно на сидение.

Теперь-то уж точно стало понятно, что это не предусмотренное соревнованиями испытание и что ситуация более чем крайне серьезная. Из ректорского ложа спешно уводили гостей, тут и там то и дело раздавались чьи-то крики и завывания. А я... я словно тонула в чем-то вязком, противном, лишаящем воли и способности мыслить. И когда все нарастающий гул от смерча достиг апогея, отчетливо расслышала знакомый по снам голос:

«А вот теперь поиграем!» – И смех, злой, не имеющий ничего общего с весельем.

Сжала голову, пытаюсь избавиться от наваждения. В следующий момент на игровом поле раздался взрыв, и одновременно с этим я провалилась в темноту.

Ведьма и бес

Больше всего в жизни бес не любил ожидание – мучительное ничегонеделание выводило его из себя. Конечно, хорошо было смотреть на огонь, воду и чью-то работу, но в книге уже не протекал ручей, не разжигалось пламя, а за Шэдар наблюдать оказалось опасно. Он боялся совать пяточок в те книги, которые с запоем читала ведьма. Проглот же, предатель, самозабвенно охранял покой своей приемной матери и не давал подойти к ней ни на шаг. К тому же вот-вот должны были начаться Драконьи бега, а Шорох категорически отказалась на них присутствовать.

– Шэдар, мне скучно, – решил хвостатый, но его проигнорировали, будто не слышали.

Ведьма с таким упоением читала книгу, что бес почувствовал себя обделенным.

– Лао! – взвизгнул он, но Шорох и бровью не повела.

Решительно цокая, он подошел к ведьме. Она восседала на пне, как на троне. Проглот с любопытством зашуршал листочками, сообразив, что сейчас будет интересно. Недолго думая, рогатый пнул

дерево. Гибкая ветвь обвилась вокруг его пояса, а затем вздернула вверх. Бес завис в воздухе прямо над книгой в руках Шэдар. Немного изогнувшись, он смог прочитать название на обложке – «Легенды о низвергнутых».

– Пошел прочь, – рыкнула Шэдар и взмахнула рукой.

На месте хвостатый удержался только благодаря пню, бес закачался на ветке, будто спелое яблоко.

– Мне интересно, о чем ты думаешь? Что в этой книге?

– В книге? – усмехнулась Шэдар. – На ее страницах сказания о древних богах, записанные еще в те времена, когда они ходили по земле этого мира.

– Сущностей полно, – фыркнул бес. – Взять того же Зогарда, да и в пекле их как блох на бездомной собаке.

– Зогард, Милард, Керан, Дерана и многие им подобные, создавшие свои культы и пытающиеся проникнуть в этот мир, – лишь жалкое подобие настоящих богов. Все они хотят силы, которую даруют живые и их вера. Сегодняшние божества – лишь жалкие пиявки, вымахавшие до размеров дракона.

Бес почесал затылок, пытаясь представить размер кровососов, но воображение впервые ему отказало. К богам хвостатый относился иначе, чем Шэдар, проще говоря, он никак к ним не относился. В пекле правят лорды, они могут казнить и миловать – высшей силой над старшими демонами всегда был более одаренный. Весь общественный строй подчинялся иерархии власти более могущественных. Потому-то в его мире постоянно и шли сражения за место похолоднее да попитательнее. К тому же по своей сути все жители пекла – паразиты. Они присасываются к ближайшим мирам и заключают контракты с их жителями. Душа – неисчерпаемый источник энергии, а если ее владелец перетянет сущность в свой мир, то праздник мог длиться веками.

– Богов не существует, – с уверенностью произнес бес.

– Не скажи, – протянула Шэдар и откинулась на мягкие ветви пня, трон ей определенно нравился. – Ваш мир никогда не был цельным, он всегда представлял собой изнанку других. Души, закаленные в пекле, стали первыми его жителями и нуждались в свежей энергии, и потому рвались оттуда прочь. Спрашивается – куда? В миры, созданные демиургами. Туда, где боги остались охранять заветы создателей. Этот

мир один из таких, недаром сюда желает попасть Зогард и ему подобная саранча. Пекло – своего рода отражение, созданное силой душ, верующих в некое место, где они будут страдать в посмертии. Вера – та энергия, способная сотворить подпространства.

– Хочешь сказать, что существуют реальные боги? – скептически уточнил бес.

– Конечно, но время неумолимо, хоть они и бессмертны. Согласись, жить вечно тяжело, а охранять творения создателей безумно скучно.

– И что тогда?

– Тогда остается встать на одну ступень с теми, кто способен на сотворение мира.

– Демиургами, – кивнул бес. – Дари, ты рассказываешь все это с такой возбуждающей улыбкой.

Шэдар нахмурилась.

– Я хотел сказать – возбуждающей воображение, моя королева, – быстро сориентировался бес.

– Они не учли, что те, кто создал мир, предвидели подобное развитие событий.

– И?

– Мир по своей сути – это закономерное переплетение энергии. Все наши мысли и поступки вписываются в эти законы, поэтому мы и живем в нем. Когда мысли богов начали явно противоречить заветам создателей, начал действовать запасной план.

Ведьма осмотрелась, слушают ее или нет. Окинув взглядом беса, болтающегося на ветке, она погладила пень и продолжила:

– План низвержения. Смешно звучит, но так и было на самом деле. Это некий защитный механизм мира. Предположим, в одной маленькой горной деревушке просыпается сын кузнеца и понимает, что на него возложена миссия. Его периодически посещают видения о некоем предмете и действиях, которые он должен совершить.

– И?

– И появляется герой, сам мир защищает его. Он совершает подвиги во благо народа, выполняя священную миссию. Обычно он находит меч или кинжал с красивой легендой, а затем идет уничтожать зло. Злом, естественно, являлся бог, покусившийся на большой кусок пирога.

– Меч с красивой легендой? Вроде того, что был спрятан в камне?

– Тот меч зачаровали люди, могущественные, но люди. Что бы такое привести в пример? – ведьма задумалась. – О! Осколки бритвы Фенраза. Они еще лежат в музее, те, которые найдены, конечно. Его вела воля бога или сущности, равной ему по силе.

– погоди, но это же безумный артефактор... – Бес прервался. – Теперь ясно, о чем ты говоришь. Но выходит, кисть мертвеца – тоже один из таких предметов.

– Знаешь, пока ты не сказал, я не рассматривала ее существование под таким углом. Но, возможно, ты прав. Кинжал Бытия или Сердце Ахоры – творение древних, допускаю, что когда-то им и могли низвергнуть бога. – Шэдар задумчиво провела рукой по лицу: – Любопытненько.

– Выходит, всех старых богов убрали именно так?

– Не всех, но большинство, если верить этой книге, – похлопала по обложке Шорох.

– Но с чего вдруг ты заинтересовалась историей сотворения мира?

– Вот тут и начинается самое интересное, хвостатый. – Шэдар теперь была благодущна и настроена продолжать разговор.

– Что именно?

– Я очень долго искала план подземелий под зданием университета. Нашла чертежи канализации города, планы застройки, но нигде толком не говорилось ни о каких катакомбах. А ведь, по словам Такары, они существуют, и не просто существуют – там спрятан последний артефакт защиты. Получается, я не там рыла, нужно было копать дальше и глубже в прошлое. И тут я наткнулась на эту книжонку. Ты оказался прав!

– Что?! – взвизгнул бес от изумления, полагая, что ослышался. Он нервно хрюкнул.

– Жадность – это не так плохо, – глядя на рогатого и веселясь, произнесла ведьма.

– И это значит... – многозначительно поиграл бровями бес.

– Ничего это не значит, – обрубил Шэдар. – Умерь свои фантазии. Я лишь имела в виду, что когда мы поглощали все книги подряд, туда попала и эта.

– Легенды о низвергнутых?

– Именно.

– И чем она нам сможет помочь?

– Многим! Например, здесь есть старая карта древних, еще до катаклизмов, на которой обозначены храмы этих богов.

– Э-э-э, – протянул хвостатый.

– Вижу, ты не понимаешь, да? Давай начну издалека. Любая магическая школа строится на особом месте. Месте, где силы восстанавливаются в разы быстрее, а чары творятся легче.

– Нити силы, – кивнул бес.

– Это в пекле нити. Здесь это ручьи и реки. Есть те, что берут свои истоки из сердца мира, а есть те, что исходят из мест, выбранных истинными богами. Догадайся, на чем построен университет.

– Храм... – у беса от осознания аж голос сел. – В катакомбах, должно быть, уйма золота! Золота, Шэдар! Мы выберемся из книги богатыми и счастливыми.

– Запомни, Проглот, нет ничего хуже алчности, перерастающей в одержимость. Впрочем, любое качество может поглотить полностью, поэтому сдерживай себя, когда испытываешь нечто похожее на чувства беса.

– Разве это плохо? – обиделся хвостатый. – Дапусти меня уже!

Проглот тут же выполнил команду, и бес ловко приземлился на копытца.

Цок. Цок. Цок.

Рогатый замельтешил перед ведьмой, беззвучно шевеля губами.

– Что ты делаешь? – устало спросила она.

– Я просчитываю! Сколько всего там может быть, и что мы купим, чтобы зажить красиво и безбедно.

– Чтобы это сделать, нам надо выбраться из книги и выжить! Желательно при этом не попасться Лао, убить Такару, ну и, пожалуй, сохранить жизнь глупышке-бабочке.

– Кстати, о Лао, – оживился бес. – Ты видела, наглец привел этих женщин в университет.

– И что?

Бес многозначительно хрюкнул. Пусть ведьма и не показывала чувств, но он-то знал, что ее гордость задета, и только это мешало ревности в душе Шэдар разгуляться всласть. Ветка, на которой сидел ворон, наблюдая за процессией гостей, сломалась – настолько сильно

птица вцепилась лапами в дерево. Да и после лицо Шэдар было чернее грозовой тучи.

– Не обманывай ни меня, ни себя. Ты наблюдала за восточными статуэтками, завернутыми в шелка, а я смотрел на тебя. Тебе неприятно и больно, – неожиданно серьезно произнес бес.

– Возможно. Но глядя на меня, ты пропустил весьма интересные детали. Например, как один из евнухов сжимал кисть принцессы и насколько близко к ней шел.

– Евнухов? Он же ничего не может...

– Кто о чем, – протянула ведьма. – Ты не понимаешь: Ишидану этот брак не награда, а повинность. Так же и принцессе далекой степи. Хотя за всех невест говорить не берусь. Думаю, вскоре кто-нибудь из них захочет сбежать, а Ишидан мешать не станет.

– Ими откупились?

– О, ты сейчас о цене женщины? На самом деле попасть в семью Лао не так уж и плохо, особенно если ты дочь служанки из императорского гарема.

– Откуда ты все это знаешь?

– Я много где бывала, бес. К примеру, я знаю, как оформляют паланкины принцесс, и эта явно не самого высокого положения. Скорее всего, тот евнух – ее переодетый воздыхатель и она сама вызвалась ехать в Карфу, чтобы сбежать из страны, где вся жизнь определяется книгой о достоинстве женщины и семи правилах ее существования.

– Но если все не так плохо, почему мы не пошли на Драконьи бега?

– Считаю это интуицией, – отрезала Шорох. – Мы говорили о храме.

– Слушай, а почему бы им не воспользоваться? Если это место силы, то мы могли бы вырваться на свободу за счет дармовой энергии.

– Знай мы о такой возможности раньше, то конечно. Сейчас алтарь сторожат, а мы привязаны к Дакасте.

– Алтарь? Мы же говорили о храме.

– Храм давно разрушен, но алтарь низвергнутого бога остался. Полагаю, Такара рассчитывает положить бабочку именно на этот жертвенный камень. Но сначала его надо найти.

– Разве нельзя просто спуститься в катакомбы и пойти на источник силы?

– Гелерад покровительствовал коварству, воровству, лжи и прочему действу, что люди испокон веков творили под покровом тайны и темноты, поэтому его алтарь не так просто отыскать. Для паломника существовал целый ряд правил и наставлений, немногие могли оставить на нем жертвоприношения. Те храмы, куда ходили обычные люди, лишь иллюзия истинного.

– Но бог-то низвергнут?

– И что? Даже в его посмертии эти правила действуют. Нам нужна чаша расплаты. Глиняная, простая или с узором, она могла иметь самый разный вид. По легенде, чтобы найти дорогу к алтарю, верующий должен был либо напоить ее своей кровью, либо наполнить золотом.

– Что за извращения? – возмутился бес, который знал, чего стоит кровь и как опасно ею разбрасываться. А уж при мыслях о золоте даже дышать тяжело становилось. – Не проще ли явиться в обычный храм?

– Ворам благословение Гелерада давало огромные возможности. Но давай вернемся к алтарю. Теперь хотя бы ясно, почему культисты выбрали это место для призыва сущности. Воплощение Зогарда станет в разы сильнее, если жертва окажется на алтаре первого бога лжи и коварства.

– Сначала алтарь надо найти, – деловито заметил бес. – Кстати, как Лао и культисты его отыщут?

– Лао и не станет искать, он просто охраняет подземелье, а Такару приведет Дакаста. Мы же проследуем за ними обеими.

– А как же золото, Шэдар? – заканючил бес.

– Иди ты... – Ведьма не успела договорить, по книге пронесся вихрь силы.

Шэдар тут же вскочила с пня и побежала к центру управления. Зрелище впечатляло. Хоть они и находились далеко от представления, но смерч, взвившийся над полем, где проходили соревнования, был виден даже отсюда.

– Вот это и называется эффектное появление, – задумчиво произнесла Шорох. – Теперь ни для кого нет пути назад. Культисты заявили о себе в открытую. Чувствуешь? Ах, о чем это я? – махнула рукой Шэдар. – Один из артефактов защиты пал!

Глава 11

Мартинити

Столичный рынок гудел, заражая кипучей энергией. Я в очередной раз порадовалась своей идее побывать на известной на всю страну Карфаенской ярмарке. Здесь было шумно, весело, интересно! То что нужно после гнетущей атмосферы студенческого городка.

Все случившееся после взрыва на стадионе вспоминалось с трудом. Будто бы провалившись в обморок, я нырнула в блеклый туман, а окончательно прийти в себя удалось только сейчас. Яркость красок и звуков вернулась внезапно, наполняя искренней радостью.

Я повертела головой, отыскивая друзей, но они куда-то запропастились. Пользуясь моментом, решила купить им подарки. В одной из палаток, не торгуясь, взяла шейный платок из нежнейшего шелка – Вехель обязательно оценит. Потрясающие запонки с зеленым камнем в цвет глаз Кира тоже оказались в моем кармане раньше, чем сознание начало подсчитывать расходы до конца месяца.

Музыка, гомон и громкие голоса зазывальщиков создавали ощущение праздника. Убрав покупки в рюкзачок, подышала на замерзшие пальцы и продолжила путь. Внутри словно встроенный компас, он безошибочно вел меня вдоль рядов со всякой всячиной к самому ценному. Именно это я чувствовала с того момента, как увидела забытую кем-то газету с объявлением во всю страницу о ярмарке.

Так сильно захотелось сюда попасть!

И хоть я помнила о предостережениях Асти, желание вырваться из стен университета пересилило. К тому же я была не одна: Кир и Вехель согласились ускользнуть в город, пользуясь тем, что руководству хватало забот и без нас. Долго уговаривать друзей не пришлось, им тоже хотелось развеяться после испорченных соревнований и всего, что последовало за этим.

Смазанные воспоминания о событиях на поле для игр вызывали легкое недоумение. Состязания были сорваны, адептов увели,

периметр оцепили, и что там происходило дальше – осталось полнейшей загадкой. По коридорам общежития курсировали мрачные сотрудники из университетской охраны. Моя переросшая в настоящую панику тревога за Асти развеялась, как только стадион накрыло непроницаемым для зрения куполом. Больше мы не видели ни странные фигуры в плащах, ни смерча, ни защитников... да вообще ничего. Сразу за этим исчез и парализующий сознание страх.

Нет, мы, конечно, боялись, но хотя бы смогли соображать и послушно выполнять четкие распоряжения преподавателей. Мне даже стало неловко за свой обморок, но как выяснилось позднее, нас, таких впечатлительных, оказалось немало. Мастер Леуш всех осмотрел и отпустил. Понятно, ему предстояло разбираться с действительно пострадавшими. А они были, в основном ребята с поля – те, кто оказался ближе к эпицентру событий. Светлые боги милостивы, и непоправимого ни с кем не произошло.

Так, пребывая в неведении, мы отсиживались по комнатам и понимали, что день окончательно испорчен. Патрулирующая территорию охрана радости тоже не внушала. Тех адептов, кто решил устроить попойку, несмотря ни на что, мигом разогнали, отобрав все припасы. По студенческому городку ползли слухи, один невероятнее другого, а я... я отчаянно хотела сбежать из этого тоскливого кошмара.

Покинуть ШТУЧКИ особого труда не составило, все внимание стражей было сосредоточено вовсе не на местоположении адептов, что пришлось очень кстати. И вот мы здесь. Ветер принес аромат выпечки и чего-то сладкого, рот моментально наполнился слюной.

Повернув у палатки с расписными амулетами на удачу, я направилась туда, где толклось больше всего народу, – в продуктовое изобилие.

– Эй, красавица, давай погадаю, – мое внимание привлекла женщина в пестрой юбке. – Не бойся, я вижу, у тебя судьба непростая! Подходи, у меня здесь много интересного.

Она вскинула руки, и браслеты на ее запястьях заблестели, отражая выглянувшее солнце. Как замороженная, я следила за движением унизанных перстнями пальцев над магическим шаром. Прорицательница она или шарлатанка, проверять все равно не хотелось. Вспомнились слова Кира о предприимчивых адептах с факультета прорицателей, и я нервно хихикнула.

– Да ты проверь сама, – прищурилась незнакомка. – Тьма идет за тобой по пятам, вижу кровь и обман.

Я вздрогнула: перед внутренним взором так ясно предстала книга-вещунья. На вступительных испытаниях на моем родном факультете она пророчила мне то же самое почти слово в слово. Давно выброшенные из головы строчки всплыли в сознании, стоило женщине повторить:

– Мартинити, тьма идет за тобой.

– Откуда?...

Я нахмурилась: теперь отмахнуться тем, что она лишь умело играет роль, уже не получится. Предположение, будто прорицательница узнала обо мне заранее, тоже выглядело абсурдным. Неужели действительно видит?

Она усмехнулась, словно прочитав мои мысли.

– Имя твое откуда знаю? А ты подойди, не бойся, все-все расскажу.

Мною завладело чувство нереальности происходящего, было одновременно и страшно, и любопытно. Ну что может случиться со мной в людном месте? Мужчина справа яростно торговался за головку сыра, ребятня слева выпрашивала у родителей сладости. Такая мирная жизнь, в которую совсем не вписывались страшные пророчества.

– У меня и денег почти не осталось, – неуверенно произнесла я, все еще не решаясь войти в палатку.

– Даже пары монет не найдется? – подмигнула женщина, убирая руки от шара. В нем клубился фиолетовый туман. – Мне много не надо.

– Ну... – я порылась в кармане, вытряхивая мелочь, – вот все, что есть.

Ее глаза алчно блеснули, я и опомниться не успела, как последние деньги перекечевали из ладони в карман прорицательницы, а саму меня крепко схватили за руку и утянули под навес. Здесь в тени, скрытая от глаз посторонних, прорицательница резко перестала казаться приветливой. Она потянула носом и, чуть ли не причмокивая, пробормотала:

– Какая сладкая девочка, так бы и съела.

Я отшатнулась, а она хрипло рассмеялась.

– Нельзя... помню-помню... девятая луна в доме кровавой зари, – ее речь все больше напоминала бред сумасшедшей. – Не зря хозяин выбрал именно тебя, сладенькая. Ничего... мы умеем ждать.

Я совершенно ничего не понимала и хотела было закричать, позвать на помощь, но горло сдавило спазмом.

– Что вам нужно? – с трудом просипела я.

Хватка женщины не соответствовала ее комплекции – синяки мне точно обеспечены. Попытки вырваться так и остались попытками, по моему, эта безумная их даже не заметила.

– Хороший вопрос, – внезапно посерьезнев, одобрила она. – Повеселились и хватит! Видишь вон ту чашу?

Я посмотрела на витрину, на которую указала пальцем прорицательница. Там обнаружили три похожие чаши-пиалы, кубок с отбитым краем и несколько невзрачных мисок. Пришлось уточнить:

– Какую именно?

– Крайнюю слева. Возьми ее!

Выполнять приказ, а это был именно он, я не спешила. Видя мое замешательство, женщина взвизгнула:

– А ну бери, сказала! – И закончила уже приторно ласково, подкрепляя угрозу демонстрацией: – Или хочешь познакомиться с моим дружочком-коготочком?

«Дружочком» оказался острый даже на вид необычного вида нож, его сильно изогнутое лезвие действительно напоминало коготь. Полоснув им вблизи от моего лица, она холодно и четко повторила:

– Пошла и взяла крайнюю левую чашу, живо!

Съежившись, я подчинилась. Брала с осторожностью, ожидая какого-нибудь подвоха от безобидной плошки. Но нет, ничего особенного не произошло, разве что псевдопрорицательница довольно проворковала:

– Сразу бы так, какая послушная девочка. Ты же и дальше будешь меня радовать, да, Марти?

– Откуда вы меня знаете? – Речь по-прежнему давалась с трудом.

Игнорируя вопрос, она поманила к себе. Поскольку с места я не сдвинулась, подошла сама и вновь крепко ухватила за руку.

– Сейчас-сейчас, последний штрих, и маленькая бабочка будет свободна.

Палец прострелило нестерпимой болью, я вскрикнула, но получился лишь сдавленный писк. С изумлением посмотрела на капельку крови, медленно проступившую на коже. Мне-то показалось, что сумасшедшая полруки вспорола, а на деле получился всего лишь крошечный укол. Жутко представить, какие муки способно доставить это оружие, вздумай она сделать надрез побольше. Похоже, «коготок» создан именно для усиления боли у жертвы.

Женщина тем временем обмазала моей кровью края чаши изнутри, после чего выпустила пострадавший палец. Тонкая алая ниточка разводов впиталась в стенки посуды, словно ничего и не было.

– Замечательно, – довольно потерла руки незнакомка и нехорошо так уставилась на мое запястье, хищно. Ее ноздри затрепетали, глаза блеснули жаждой.

Проследила ее взгляд и заметила четко проступившую венку. Попятившись, уперлась спиной в витрину.

– А что, если немного?... – задумчиво пробормотала она, что-то прикидывая, и облизнулась. Затем тряхнула головой и к чему-то прислушалась, с неудовольствием заключила: – Нет, не успею.

Дальше события стали разворачиваться столь же стремительно, сколь и абсурдно. Дрожащую меня обняли и вытянули на свет. После сумеречной палатки прорицательницы солнечные лучи заставили зажмуриться и поморгать. А затем я буквально подавилась воздухом, не веря своим ушам и глазам.

– Приходи еще, милая. Всю правду расскажу, ничего не утаю, – прорицательница просияла доброй улыбкой. – Молодая, да щедрая! Не поскупилась на плату, так и мне порадовать приятно. Может, и вернешься когда.

Что? О чем она толкует? Да тех денег, что она забрала, лишь на пирожок бы хватило.

– Помогу всегда, коль откроется истина. И за подарок не благодари! Мне только в радость. Я же видела, как она тебе понравилась, – кивок на чашу, которую я продолжала сжимать в руках.

Точно безумная, на погосте я видела такие подарки! Сначала заставила взять, а теперь «не благодари». Само собой не собираюсь. И к чему вообще этот спектакль? Хотела тут же выбросить чашу, но...

– О, Марти! Куда ты запропастилась? – окрикнула меня Вехель.

Я обернулась и с облегчением помахала друзьям.

– У меня много диковинок разных, проходите – выбирайте, – сделала приглашающий жест улыбчивая хозяйка. – И погадать могу, на судьбу, на суженую, – она подмигнула Киру.

– Что тут такого? – заинтересованно посмотрела на чашу в моих руках Вехель.

– Не знаю, понравилась, – совершенно искренне поделилась я. – От нее будто стариной веет.

– Это точно, – скептически покачала головой подруга. – Марти, ты меня удивляешь.

– Много ты понимаешь, – фыркнула я, любовно поглаживая чашу. – И вообще, это подарок!

– Девочки, время, – напомнил Кир. – Надо успеть вернуться до вечерней проверки.

– Спасибо! – поблагодарила я прорицательницу и спрятала чашу в рюкзак.

На душе было радостно: хорошо, что мы все-таки выбрались на ярмарку. Выходной пролетел незаметно и интересно.

– А что хоть она тебе напорочила? – полюбопытствовала Вехель, пока мы пробирались на выход.

Хм, я задумалась, силясь вспомнить. В голове всплывал лишь образ шара с фиолетовым туманом внутри да еще разная всячина из палатки прорицательницы. Ее приветливая улыбка и наш разговор, кажется, она обещала мне скорое счастье и большую любовь. Я рассмеялась и ответила:

– Все хорошо будет.

– Ну ясно, – подвел итог Кир, – типичное обо всем и ни о чем. Поражаюсь хитрож... э-э-э, предприимчивости прорицателей. Может, я с факультетом прогадал, а? – шутливо посетовал он.

– Еще не факт, что она хоть что-то умеет, кроме как забалтывать доверчивых зевак. Ты проверила карманы? Поди, ободрала тебя подчистую.

– Да хватит вам! – насупилась я. – Не такая уж я и доверчивая, соображаю кое-чего. – Заметив их сдерживаемые улыбки, сдалась и добавила: – У меня и денег-то почти не было, никаких рисков.

Мы все рассмеялись.

Путь до университета прошел без приключений, а вот на подходе к главным воротам удача нас внезапно покинула. Столкнувшись нос к носу со злым, очень злым Асти, я с тоской посмотрела на ребят. Еще бы немного, и разминулись, угораздило же так не вовремя вернуться.

– Адептка Дакаста! – рявкнул декан факультета боевой магии, а теперь и заместитель ректора всея ШтУЧКИ. Кроме того, я-то знала, что этим круг его обязанностей не ограничивается. – Хмарь, Сейвас, – продолжил негодовать мужчина моей мечты, – почему покинули периметр учебного заведения?

– Так ведь... э-э-э, выходной сегодня и до комендантского часа еще успеваем, – ответил Кир.

Асти с недовольством посмотрел на время:

– Осталось двенадцать минут.

– Но ведь успеваем, – встряла Вехель.

Он еще попрожигал нашу троицу взглядом, причем у Асти явно имелось что сказать. Полагаю, даже многое, в основном исключительно мне. Затем резко развернулся и исчез за воротами.

– А куда он шел-то? – недоуменно уточнил Кир.

Вопрос остался без ответа. В моей же голове звучали слова Рантара: «За центральные ворота чтобы и носу не показывала, поняла?» Я тяжело вздохнула и поплелась следом. Чую, это далеко не конец разговора, и он еще обязательно выскажется. А может, одними словами дело не ограничится. Как показала практика, у этого мужчины весьма богатая фантазия, а еще он терпеть не может, когда нарушают его указы.

Ведьма и бес

– Тише-тише, не буди ее! – проворковал бес, поправляя подушку Шэдар. – Умаялась, поди, за день.

Бес еще немного полюбовался на сладкий сон ведьмы и хитро улыбнулся. Проглот с тревогой зашевелил веточками.

– Ну что ты, дружок, не волнуйся, – ласково проговорил хвостатый, добавив в голос столько теплоты, что даже младенец заулыбался бы от счастья.

Глазки рогатого суетливо бегали, а сам он то и дело потирал руки. Бесу предстояла интересная ночь, и Шэдар в задуманные приключения никак не вписывалась. Пускай уставшая женщина отдохнет, а он...

А он – мужчина, он должен быть всегда готов! Готов на подвиги!

Подвиг ему предстоял нешуточный. Будучи любителем затуманивать разум всякой живности и подчинять гипнозом разумных, хвостатый давно почувствовал, что с Дакастой, с этой милой девчушкой, творится что-то специфическое. Кто-то приходит в ее сны и... Что именно там происходит, бес собирался выяснить, а при возможности еще и поучаствовать.

Их маленький мирок был крепко связан с Мартинити, потому он смог заметить некоторую неправильность. Сейчас бес встанет в центр книги и, как отважный путешественник, нырнет своим сознанием в сон юной прелестницы. Здесь мысли беса стали совсем неприличными, и он начал нервно хихикать и бить хвостом по копытам.

Цок. Цок. Цок.

– Смотри не лезь, я буду занят, – наставлял хвостатый Проглота.

Приняв позу, прозванную в Стране Ветров цветком, бес нырнул в собственное сознание, чтобы ухватить ту связующую ниточку, которая скрепляла их мир и душу Дакасты. Нащупав ее, он устремился по воображаемой цепи, она висела прямо в воздухе в клубах темного тумана.

– Я иду, малышка! – радостно провизжал хвостатый и даже хрюкнул, выражая решительный настрой.

Ну поиграется он с девчонкой во сне, ничего страшного. В любом случае ее настоящее тело достанется боевому магу. Наоборот, бес окажет ему услугу – научит бабочку искусству любви.

Цепь оборвалась резко, и рогатый ухнул вниз, влетев пяточком в дверь, крепкую, дубовую и очень жесткую.

– Любовь стоит жертв, – прогундосил он и смело нащупал ручку.

Раздался щелчок, дверь открылась вниз. Бес опять начал падать, а приземлился в огромное озеро. Быстро-быстро работая руками, он всплыл на поверхность и тут же сплюнул. Этот вкус он знал очень хорошо еще с пекла – кровь. Во все стороны, куда хватало взгляда, простиралось наполненное кровью озеро. Его металлический запах забивал ноздри, жидкость заливалась в уши и рот.

– Хочу проснуться, – побулькал бес и с силой ущипнул себя, но обычный прием не сработал.

Тут хвостатый действительно испугался, ведь он просто хотел воспользоваться проторенной дорогой в разум Дакасты и немного поразвлечься. Если бы бесу сказали, что его ожидает маленькое отделение кошмара наяву, копыта бы его тут не появилось. К тому же в своем желании, нет, похоти, он забыл главное правило путешествия по чужим снам: всегда продумывать пути отступления либо найти того, кто тебя вытащит. Но его великая спасительница сама сладко спала, а Проглоту он лично запретил вмешиваться.

Прикинув так и эдак, бес широкими гребками поплыл к ближайшему берегу. Единственный шанс – найти Мартинити и разбудить ее, тогда он тоже вырвется в реальность. Над рогатой головой грянул гром, вспышка молнии разрубила фиолетовое небо напополам. Бес заработал руками быстрее, умирать в сознании девчонки очень не хотелось.

Выбравшись на берег, он по-собачьи отряхнулся и отжал кисточку хвоста. Огляделся: картина сильно напоминала подzemелье одного старшего демона, на которого он работал лет пятьдесят назад, но только с небом. Правда, оно не спасало печальный пейзаж – рогатый отлично знал, что подобные сны порождает особый разум. Разум, который любит человеческую боль. И тут беса осенило: Зогард! Он уже протоптал дорожку в сознание девочки и наслаждался ее чувством страха. Хвостатый тоже ощущал его и если бы не боялся сам, то давно бы опьянел от этого сладкого вкуса, разлитого прямо в воздухе.

Прикинув, где может находиться Дакаста, бес устремился к развалинам на горизонте. Во снах время течет иначе, здесь он мог провести недели, а в реальности всего пару часов. Жалостливо хрюкнув и осторожно цокая в сторону опасного строения, бес корил себя за глупую смелость. Что ему стоило быть чуть-чуть осторожнее?

В голове рогатого как наяву раздался знакомый голос: «Смелость, не смехи меня. Ты похотливый козел, за что и поплатился!»

– Уйди, женщина! – рыкнул он на воображаемую Шэдар.

До развалин бес добрался где-то за час, сбив копыта и пожалев, что в процессе перемещения в чужой сон не подумал о подковах. Высока вероятность, что, находясь в пограничном состоянии перехода, ему бы удалось материализовать их для дальнейшего путешествия. Ко

всем прочим неприятностям хвостатого невероятно раздражал металлический запах крови. Пусть он и порождение пекла, но насилие и сопутствующую атрибутику бес не любил.

Окинув внимательным взглядом каменные стены, он разглядел небольшую дыру чуть в стороне от арки входа. Уже что-что! Истину про героев, идущих в обход, он знал хорошо, поэтому, тихо цокая, прокрался к прорехе. В такие моменты бес очень гордился своим маленьким ростом. Юркой мышью он скользнул во тьму: сразу рваться вперед не стал, подождал, когда глаза привыкнут к скудному освещению.

Вдалеке маячил свет факела, и огонек двигался. Пощупав пол, бес скривился: камень. Его шаги будет слышно везде. Укоротив штаны, он обмотал тканью копыта, чтобы незаметно подкрасться к цели. Последняя продолжала удаляться, причем куда-то вниз.

Хвостатый заторопился, а когда до света оставалось всего ничего, прячась в тенях, он стал наблюдать. Дакасту бес нашел. Тонкое ночное одеяние не скрывало округлых форм девушки, и на мгновение рогатый забыл, что это не увеселительная прогулка и не мечта наяву. Девчонка спускалась по винтовой лестнице, держа в одной руке факел, а в другой чашу. Бес тоненько хрюкнул, вспомнив, как пару раз похожим образом начинались потрясающие оргии с его участием. Мартинити вздрогнула и огляделась.

– Кто здесь? – тихо произнесла она.

В голосе девушки не слышалось страха, скорее усталость. Похоже, она просто перегорела и прежний ужас притупился. Хвостатый прикинул, сколько уже ночей подряд ей снится этот кошмар, и решил действовать напролом.

– Твой рыцарь, дева, – хорошо поставленным голосом произнес он.

Гордо выпятил грудь и тоже начал спуск. Замотанное в тряпку копыто поскользнулось на мелком крошечке из камней, и бес рухнул на седалище, пересчитывая им оставшиеся ступеньки. Остановился он прямо у босых ног Дакасты.

– Раньше ты мне не снился, – задумчиво осматривая героя, заметила Мартинити и неожиданно спросила: – Ты вообще что такое?

– Рыцарь? – предположил бес.

– Не похож, – с сомнением протянула Марти.

По мнению хвостатого, реакция Дакасты была какой-то неправильной. В ней отсутствовал страх, который он ощутил при появлении в этом мире.

– Тогда фея! – решил бес и поднялся.

– Какая фея? – опешила она.

– Добрая! – гаркнул бес, и эхо подхватило его голос. Он тут же огляделся – в темноте подземелья больше никого не было.

– Не похожа, – снова отвергла Мартинити.

– Я мужчина, девочка! – прекратил грязные догадки бес. – И конечно, я добрая фея, ведь злая давно бы сделала так, – рогатый пнул ее.

Марти вскрикнула и выронила факел. А вот чашу прижала к телу сильнее. Бес победно стегнул хвостом по копытам. Будет его еще какая-то девчонка тиранить! Пусть знает свое место.

– Ты не фея, ты близик, – потирая ушибленное место, пробурчала Марти.

Бес задумался: стоит ли обижаться или на юных адептов злиться нельзя?

– Кто такой близик? – с прищуром уточнил он.

Румянец окрасил девичьи щеки, и хвостатый понял, что его оскорбили.

– Это мой сон, и создания в нем называю я! – неожиданно рявкнула Дакаста.

– Хорошо, – покладисто согласился бес, с ужасом понимая, что связь с Шэдар очень плохо влияет на девочку.

С другой стороны, решительные женщины ему всегда нравились больше. Командирши – его самая большая слабость. На этой мысли рогатый тяжело вздохнул.

Мартинити молчала, он тоже не торопился заговаривать. Некоторое время они рассматривали друг друга, наконец бес не выдержал.

– Далеко шла? – небрежно бросил он. – Ты не подумай, просто близикам положено все знать.

Мартинити неуверенно улыбнулась:

– Уже несколько дней мне снятся эти подземелья, я брожу по ним с чашей и что-то ищу.

– Что же? – Бес и забыл о своем желании разбудить Дакасту. Мысли о золоте не отпускали.

– Не знаю, – пожала она плечами. – Иногда я слышу голос, который говорит, где поворачивать, или же хвалит меня.

– А голос не сообщал, куда ты идешь? – поинтересовался хвостатый, прикидывая, что с девчонкой, похоже, общался сам Зогард.

– Нет, он только велел не выпускать чашу из рук, – разглядывая ее, ответила Марти.

– Да ты что-о-о? – сделал большие и удивленные глаза бес. – Дай посмотреть!

– С чего это я буду давать тебе важную вещь?

– Я твой близик! Мне можно доверить даже жизнь, – ткнул себя когтем в тощую грудь бес.

– А вдруг она ключ, открывающий дверь из этого кошмара? Извини, не отдам!

– Жаль. Очень жаль, – хвостатый жалобно хрюкнул и утер пяточок, после чего отвернулся якобы скрыть слезы, а на самом деле алчный блеск глаз.

Он уже раздумывал, что можно было бы сотворить с чашей. Раз она обладает возможностью существовать как во сне, так и наяву, значит, отобрав ее здесь, он сможет проснуться с нею в руках.

– Послушай, ты ведь тоже хочешь выбраться из подземелий. Давай пойдем вместе, – предложила Дакаста.

Бес почесал лысину и выдал:

– Но если там, в конце, отыщется золото, то оно все мое. Знаешь ли, близики за так пажей не играют!

– Идет, – улыбнулась Мартинити и робко протянула ему руку.

Бес тут же ухватился за нее и поднял факел. Он подумал о том, что со стороны они выглядят странно. Хрупкая девушка в одной ночной сорочке бредет в темных катакомбах, держа за руку беса, покрытого коркой крови. Жизнь полна причуд. Ведь рогатый собирался поразвлечься, а теперь в груди появилось новое непривычное чувство. Наверное, его можно было назвать заботой. Не желая того, бес сочувствовал Марти. Она еще наивный ребенок, а уже оказалась втянута в кровавый ритуал. В пекле такие ценились особенно высоко – чистые, светлые души приносили гораздо больше энергии.

– Слушай, – хвостатому надоело брести в неизвестном направлении, – ты хоть знаешь, куда идти?

– Нет, – вздохнула Мартинити. – Голос водит меня кругами, но однажды я уронила в чашу золотую сережку, и тогда...

– Тогда? – Бес тут же вспомнил, что рассказывала Шэдар о подношениях богу коварства.

– Коридоры поменялись, и я почувствовала, что цель стала ближе.

– Откуда здесь золотые сережки?

– Заснула днем и не успела их снять.

– Может, стоит попробовать что-то еще? – предложил хвостатый.

– Что?

– Ну не знаю, например, наполнить ее кровью? – как бы невзначай произнес он.

– Твоей? – не осталась в долгу Дакаста.

– Ты посмотри, твой близик маленький и хрупкий, в нем крови на две мерные стопки! – возмутился бес. – Разве тебе меня не жалко?

Мартинити с сомнением посмотрела на хвостатого, а потом выдала:

– Если ты часть моего сна, значит, не существуешь и тебе не будет больно. Да и нужно-то всего ничего.

– В таком случае больно не будет и тебе, ты же здесь тоже не существуешь. – Уж спорить бес умел.

Мартинити хотела что-то сказать в ответ, но только набрала в грудь воздуха, как в подземелье раздался гул. Тревожный, он пробирал до костей. Сами стены застонали под напором инородной силы.

– Что это? – сдавленно прохрипел бес и прижался к ноге Дакасты.

– Не знаю, – прошептала она.

Рука Мартинити непроизвольно опустилась на голову хвостатого, а пальчики ухватились за рог.

– Прекрати дрожать, женщина! – шикнул на нее бес.

– Это не я. Это стены.

Действительно, каменная кладка напротив них ходила ходуном, в какой-то момент она пошла трещинами и рухнула, образовав черный зев. Отряхиваясь от пыли, в проем вошла Шэдар. Ведьма окинула их презрительным взглядом, потом окружающий пейзаж.

– Дай угадаю, ты здесь случайно, да?

– Кто это? – тихо спросила Мартинити.

– Это... а это злая фея, – обреченно произнес бес, понимая, что его афера окончательно провалилась.

– Злая фея? Хм... нет, девочка, я ведьма! А к твоей ноге прижимается шкодливый бес.

– Не слушай ее, – доверительно зашептал хвостатый. – Я твой близник.

– Что ж, вот и познакомились, – хмыкнула ведьма и шагнула к Мартинити.

Марти отступила, и мир тут же заколебался.

– Сны – слишком хрупкая вещь, – со знанием произнесла Шэдар. – Моя сила рушит этот мирок, но мы не расстаемся. Мы с тобой связаны. Возможно, эта цепь задушит нас обеих, но я надеюсь на лучшее. А теперь слушай внимательно: сейчас ты проснешься и пойдешь к своему герою, чтобы все рассказать. Не мелочись в откровениях и передай, что Шэдар Шорох не хочет войны, для нее важны жизнь и свобода. И лучше нам всем действовать сообща!

– Не понимаю...

– Твой красавчик все объяснит, – отрезала ведьма. – Меня уже выталкивает отсюда.

– Дари, подожди меня, – заметив, что ведьма растворяется прямо в воздухе, бес мешкать не стал. Он мертвой хваткой вцепился в чашу, которую держала Мартинити, и прорычал: – Отдай ее своему близлику!

Марти чашу не отпускала, тогда бес впился зубами ей в руку. От неожиданности и боли Дакаста сдалась. Рогатый упал на спину, прижав к себе приз, потом резво вскочил на копыта и прыгнул в сторону Шэдар. В следующий миг он очнулся в центре книги, крепко прижимая к себе заветную вещь.

– Моя прелес-с-сть, – проворковал бес.

– Ну что, близник, поговорим? – Над хвостатым авантюристом нависла очень недовольная ведьма.

Глава 12

Мартинити

Сегодня занятия шли по расписанию, и о случившемся на поле для игр напоминал только магический заградительный барьер. Он полностью окружал место происшествия и слегка искрился при приближении. Да еще перешептывания среди адептов – отчего-то каждый стремился высказать собственные предположения и догадки. Слухи плодились с такой скоростью, что становилось даже смешно.

За последние часы я услышала много невероятных историй. Наиболее популярной среди учащихся была та, где выдвигалась версия, будто черный вихрь призвали враги шифу Лао, дабы сорвать грядущую свадьбу и не дать породниться с императором Страны Ветров. Самые отъявленные фантазеры поговаривали, будто бы это наш император и подсуетился. Мол, такие кадры из-под носа уводят.

Преподаватели тоже не отставали. Увлеченные сплетнями, они больше общались между собой, чем вели лекции. Магистр Зелински, знакомый нам по вступительным испытаниям, заглянул к мастеру Йолему прямо посреди пары по истории магии. Сославшись на некое архиважное дело, преподаватели так увлеклись беседой друг с другом, что мы были благополучно забыты вместе с предметом. И только звук гонга вернул приятелей в действительность. Опомившись, мастер Йолем озадачил нас подготовкой к семинару по самостоятельно изученным сразу двум темам и первый же покинул аудиторию.

Впрочем, если волнения и бродили по университетским закоулкам, то не все показывали это столь открыто. На практическом занятии с мастером Джедрисом ни у кого не оставалось времени не то что на посторонние разговоры, но даже мысли. Глядя на сосредоточенного преподавателя, явно знающего побольше других о случившемся, трудно было удержаться от расспросов. Однако первую же попытку прощупать почву от близнецов Диоли он пресек на корню, строго одернув. Еще и жестом закрепил, магическим. Больше рисковать любопытствовать никто из нас не посмел.

Кое-как отсидев еще одну пару по теории построения чар у профессора Найтона, я сдалась. Подхватила вещи и решительно направилась на поиски незабвенного декана боевиков. Поймав удивленный взгляд Зель, пояснила:

– Плохо себя чувствую. Все равно сегодня только теория, перепишу потом у тебя конспект.

– Зигисоль терпеть не может пропуски, – напомнила подруга. – Лекцию-то я дам, но он обязательно заставит отрабатывать.

Я пожалала плечами. В последнее время профессор перестал смотреть на меня, как на ценный трофей в своей коллекции, да и вообще часто пребывал в приподнятом расположении духа. Казалось, он и вовсе забыл о моем существовании. Думаю, его увлек какой-то новый проект, потому что ребята после отработок рассказывали, что Зигисоль постоянно экспериментирует, и наказания теперь носят скорее формальный характер.

– Плевать, переживу как-нибудь.

Я помахала Паку и поспешила в соседнее крыло главного здания университета, надеясь застать Рантара в его кабинете. Невозможно и дальше терзаться от переполнявших вопросов и мыслей, даже если бы сейчас предстояло занятие у самого шифу Лао, и то бы его прогуляла. В пекло!

Не сомневаюсь, мужчина моей мечты и сам меня скоро нашел бы. Я прямо чувствовала нависшую над собой тень его недовольства после той прогулки на ярмарку. И еще вчера собиралась как можно дольше избегать встречи – пусть успокоится, но сегодняшняя ночь все изменила.

Черeda необъяснимых событий и разрозненные куски мозаики пусть и не выстроились в понятную картину, но кое-что начало проясняться. Во всяком случае, именно Асти способен помочь расставить все по местам. На сей раз я собиралась настаивать до последнего. Даже невзирая на его гнев. Слова ведьмы из сна, который запомнился в мельчайших деталях, преследовали с момента пробуждения. И теперь моя выдержка кончилась.

Кто эта женщина? О какой связи она говорила? Шэдар Шорох... отчего-то я ни на миг не усомнилась в правдивости ее слов. Происходящее было слишком реально! Вообще, все мои сны в последнее время стали неотличимы от яви. Решающий вклад в

копилку сомнений внесла исчезнувшая чаша, подаренная прорицательницей. Поддавшись интуитивному порыву, я спрятала ее в тайник, на который наткнулась, изучая пол под кроватью. Это произошло сразу после той нелепой истории с кражей детской мебели и последующими обвинениями Рантара. Чаши в схроне не обнаружилось.

Вехель о тайнике не знала, и никто другой не мог ее оттуда взять. Да и когда бы? Прошла всего лишь одна ночь. Значит... неужели и вправду бес – этот мелкий рогатый прохвост, соединивший в себе, казалось бы, несочетаемое? И тем не менее раз чаши нет, следовательно, он существует. Тогда надо признать и существование ведьмы, а еще возможность переноса реальных объектов в сон и распространяющиеся там на них физические законы этого мира.

Рассматривая утром огромный синяк на колене и недобро поминая пороссячью морду, я испытала настоящий ужас. Перед мысленным взором встал расплывчатый образ фигуры в накидке с капюшоном, сразу за этим тело откликнулось сладким томлением, а во рту поселился отчетливый привкус крови. Остервенело начищая зубы, я все пыталась вспомнить, распознать больше подробностей, но безрезультатно. Таинственная фигура ускользала, зато в голове навязчиво вертелось единственное слово – господин.

Так или иначе, все мои размышления вели к Асти. Если кто и в силах пролить свет на мутную историю, то это он. Вот и ведьма говорила о том же. Ведьма! Хорошо, что Вехель ушла на учебу раньше, чем я проснулась. Вряд ли бы у меня получилось сделать вид, что ничего не случилось. Вопросы к подруге тоже имелись, особенно если припомнить подозрения Рантара на ее счет. Вопросы, вопросы, вопросы... они сводили с ума.

Каждое странное событие из прошлого терзало ускользающими предположениями и смутными догадками. Я путалась в разбегающихся мыслях и понимала, как сильно не хватает исходных данных.

Что, демоны побери, происходит? И при чем тут я?!

Какое отношение моя незначительная персона имеет к событиям, касающимся гораздо более глобальных вещей?

Чертова таинственность и секреты!

К тому моменту, как добралась до стен факультета боевой магии, я уже так себя накрутила, что от злости хотелось кого-нибудь покалечить. Опять...

Осознав последнее, испуганно замерла и сделала несколько глубоких вдохов, успокаиваясь. Не-е-ет, я не позволю эмоциям править балом, я управляю ими, а не наоборот. Сунувшийся с каким-то вопросом адепт под моим взглядом мгновенно осекся и поспешил прочь, бормоча что-то о вконец озверевших боевиках.

Что ж, если я выгляжу настолько устрашающе, что одним своим видом начала пугать случайных парней, то учеба в ШТУЧКИ определенно не прошла даром. Я невесело усмехнулась, а в следующий миг в полной мере ощутила вновь всколыхнувшуюся ярость. На сей раз она с легкостью сметала любые попытки ее обуздать.

У огромного окна на просторном лестничном пролете стоял Асти. Мне бы порадоваться, ведь его и искала, но он был не один. Непозволительно близко от мужчины, которому я отдала свое сердце, стояла та самая светловолосая незнакомка. Теперь я прекрасно ее рассмотрела. Красивая женщина с безупречной фигурой, затянутой в облегающий костюм из кожи. Он подчеркивал изгибы ее тела, не оставляя простора для фантазии. На точеном и бледном, словно у мраморной статуи, лице ярко выделялись пухлые, вызывающе алые губы.

Женщина ласково смотрела на что-то ей говорящего Асти и улыбалась. Красота ее была холодной, зато взгляд... наверняка этот взгляд переплавил немало мужских сердец. И мне очень и очень не нравилось, как она смотрела на своего собеседника. Так, словно имела на него права!

«Др-р-рянь! – прозвучал в голове знакомый голос. – Надо ее наказать».

Похоже, Рантару приходилось по вкусу ее подчеркнуто манерное поведение. Он улыбался, смотрел приветливо и даже рассмеялся в ответ. Нахалка то и дело дотрагивалась до него без всякой на то причины, он позволял. Будто и не замечал, что от границ делового общения давно не осталось и пыли.

Его наказать я захотела тоже.

Удивительно, прежняя Марти, скорее всего, развернулась бы и сбежала. Чтобы никому не показать, как глубоко ее задело увиденное. И еще долго переживала бы в одиночестве. У нынешней – в голове зрел план отмщения. Наверное, я действительно изменилась. То ли череда испытаний наконец-то закалила меня, то ли... ведьма говорила о связи. В том, что Шэдар – темная, я ни на мгновение не сомневалась. Почувствовала исходящую от нее ауру. И все же где-то в глубине души была ей благодарна.

А еще прошлые приступы, благодаря коим я провела множество часов на лекарской койке, научили меня подобию контроля. Нет, отравляющая сознание ядовитая смесь из негативных эмоций никуда не исчезла, зато теперь я могла использовать ее с умом, словно растягивая в извращенном удовольствии. Поэтому я не стала бить по воркующей парочке чистой силой, рискуя заполучить новое истощение. Они сильные маги, здесь нужно действовать тоньше.

Подходящее заклинание само собой всплыло в сознании, словно только и ждало, когда им захотят воспользоваться. После сегодняшней ночи я уже ничему не удивлялась и спокойно приняла невесть откуда взявшиеся знания. Если бы Рантар был со мной честен с самого начала, теперь не пришлось бы устранять последствия того, во что я превратилась. Пусть попробует упрекнуть! Ведь он знает о Шедар, конечно, он знает.

Память запечатлела расширившиеся от удивления глаза незнакомки. Она первой заметила плотную сетку голубоватых разводов, испещривших оконные стекла. Все произошло слишком быстро, чтобы они успели что-либо предотвратить.

– Осторожно! – женский крик заглушил резкий хлопок, а в следующий момент мелкие осколки градом осыпали воркующую парочку.

Я равнодушно следила, как они впиваются в тела магов, оставляют на коже следы порезов. Часть меня сознавала весь ужас ситуации и то, что я не имела права так поступать. Другая же часть радостно шептала: «Правил не существует, борись за свое и наказывай предателей!» Меня будто раскололи надвое и... это было больно. Так, будто часть души умирала, трансформируясь во что-то новое. С этим новым мне еще предстояло познакомиться ближе.

Асти вскинул голову, и наши взгляды встретились. Он обнимал эту женщину, защищая от стеклянного крошева. Я стояла далеко, вне зоны поражения. Рантар все понял мгновенно, это было заметно по его изменившемуся лицу. Я лишь пожала плечами, развернулась и отправилась в свою комнату в общежитии.

Мне нужна Вехель, пришло время поговорить. И теперь я готова к этому разговору.

Рантар

– Забавное местечко ты себе нашел, – промурлыкала Ирель.

Она с присущей кошке грацией подошла к Рантару и погладила его сильные плечи.

– Почему молчишь? – тихо зашептала ему на ухо. – Разве наша былая любовь не одна из причин моего здесь присутствия?

Асти вздрогнул, воспоминания молодости захлестнули его, вот только маг не романтизировал прошлое. Слишком вспыльчивым и доверчивым он был. К счастью, тот Рантар повзрослел, зато Ирель, похоже, осталась все той же стервой.

– Хватит дышать мне в ухо, – раздраженно заметил Рантар.

– Мне нравится прижиматься к тебе. Нравится касаться тебя. – Ладонь жницы медленно проскользила по плечу Рантара и погладила шею.

– Твои пальцы всегда ледяные.

– Ты знаешь, какой горячей я могу быть. – Губы женщины захватили мочку уха Рантара.

– Возможно, кого-то ты и можешь обмануть, – рука декана боевиков накрыла кисть Ирель, которая уже забралась под рубашку, – но не меня. Ты – принцесса мертвых с куском льда вместо сердца.

– Так растопи его, – не сдавалась она.

– Довольно! – рявкнул Асти и встал.

Болинджер невольно отступила:

– Скромность мужчину не украшает.

– Это не скромность, а сдержанность. Ты в кабинете декана боевого факультета и веди себя соответственно.

– Я никогда не носила маски и начинать не собираюсь, – хмыкнула Ирель. – Раньше ты мне не отказывал.

– Все меняется, – холодно заметил Асти. – Ты пришла говорить по делу или хотела нечто совершенно иное?

– Зачем выбирать? – проказливо улыбнулась Ирель и провела языком по пухлым губам. – Знаешь, я люблю совмещать работу и наслаждение.

– Не напоминай, – скривился Асти. В отличие от собеседницы боль его не вдохновляла.

– Ты сегодня такой серьезный и строгий.

– Достаточно, – повторил Рантар с угрожающими нотками.

– Будь по-твоему. Думаю, Лепорт окажется сговорчивее, – мягко заметила Ирель.

– Он-то? Да, риск он любит, но даже этой отчаянной сорвиголове хватит ума, чтобы не пустить в свою постель ядовитую змею.

– Я бы обиделась, да неохота, – хмыкнула некромантка. – Кстати, о змеях. Где обещанная мне ведьма?

– Тебе дали удочку, посадили у реки, а рыбу поймать не получается? – саркастично уточнил Рантар.

– Дружба с желтокожим не идет тебе на пользу, – скривилась Ирель.

Асти лишь усмехнулся. Он прекрасно знал о неприязни Болинджер к Лао, даже не конкретно к нему, а ко всем жителям Степи. Она считала этих людей годными только на материал для экспериментов.

– Ты приступила к обучению адептов? – сменил тему Рантар.

– Представление на играх напугало детишек, теперь они идут ко мне с радостью.

– Ограничивай знания, которые даешь им, и воздержись от крови.

– Ах, как поменялись времена! – всплеснула руками Ирель. – Теперь ты мне приказываешь.

Асти тяжело вздохнул, поднялся из-за стола и подошел к окну; общение с этой женщиной требовало колоссального терпения. Ему приходилось одергивать себя слишком часто, слишком часто она его задевала.

– Ты чересчур напряжен, – вновь обольстительно промурлыкала Ирель.

Она приблизилась к Асти, встав гораздо ближе, чем предусматривал этикет. Рантар подумал о том, что пора заканчивать терпеть ее выходки. Видимо, боги тоже были не на стороне этой гадюки, потому что в открытую форточку влетел вестник.

– Декан Асти, просим вас прийти на учебное поле. – Голос одного из инструкторов он узнал сразу и готов был расцеловать его за спасение.

– Я с тобой! – тут же предупредила Ирель и уцепилась за руку мага.

В дверях, правда, некромантке пришлось отпустить ее, и тогда Рантар прибавил шагу. Стук каблучков за спиной свидетельствовал, что Ирель сдаваться не собиралась. На лестнице он осознал, как глупо себя ведет, будто дичь, которую загоняет хищник, поэтому притормозил. Болинджер с радостью этим воспользовалась и вновь повисла на локте Рантара.

– Мы не договорили, – усмехнулась она.

– Что ж, давай договорим, – зловеще произнес Асти и увлек ее в сторону, освобождая проход адептам.

– Слушаю вас, некромант Болинджер.

– Ты такой серьезный, – начала Ирель, вновь непозволительно сокращая расстояние. Этой женщине нравилось провоцировать.

– Ну? Ближе к делу.

– Ведьма... Мне подумалось, можно выбрать и другую. Представляешь, в университете есть еще одна старшая, летает в виде ворона.

– Откуда ты... – Рантар осекся под насмешливым взглядом.

– Милый, у меня свои секреты. Считаю это женской интуицией, натренированной долгими годами охоты за трофеями для коллекции.

– В любом случае это вотчина Лао. Обратись к нему.

Некромантка поморщилась, но тут же приняла обворожительный вид. Облизав полные губы, от чего они стали еще сочнее, она проворковала:

– Давай решим это сами, только вдвоем.

Рантар рассмеялся, представив реакцию Ишидана. Мысль избавиться от Шэдар ему нравилась, но пришлось ее отместить. Терять друга из-за бабы – глупость чистой воды. Ободренная такой реакцией Ирель ласково пробежалась пальчиками по его предплечью.

Треск стекла заставил Асти резко повернуть голову. Болинджер прекратила ужимки и успела крикнуть:

– Осторожно!

Ее голос перекрыл шум взрывающихся окон. Восприятие мира ускорилося – для боевого мага переход в подобное состояние сродни дыханию. За мгновение до того, как их осыпал град осколков, он успел притянуть к себе Ирель и закрыться плащом. Покончив с волшбой, Рантар осмотрелся. Совершенно безумный, полный боли и ярости взгляд мотылька не оставил сомнений о виновнике произошедшего. Дакаста гордо задрала подбородок, развернулась и пошла прочь.

– Какая горячая девочка, – процедила уже оправившаяся от испуга Ирель и недобро глянула вслед адептке. По красивому лицу женщины стекало несколько тонких ручейков крови. – Теперь ясно, почему я тебе безразлична.

– Заткнись ради всех богов, – взмолился Рантар и бросился догонять Марти.

Нужно было остановить мотылька, чтобы не случилось ничего непоправимого. Нельзя ее оставлять без присмотра в таком состоянии.

– Адептка Дакаста! – рявкнул декан боевиков, пытаясь догнать фурию.

Она шла быстро, почти бежала, расталкивая попадающихся на пути людей. Рантар чувствовал, как вместе с возмущением от нее исходила сила. Сейчас она вполне была способна кого-нибудь покалечить.

– Да остановись ты, – хватая девушку за плечо, буркнул маг.

Дернул ее на себя и развернул. Взгляд Мартинити ему не понравился, в нем не осталось разума, только гнев и тьма. Проклятые планы Лао! Почему-то во всем случившемся Рантар винил Ишидана. О том, что сам он тоже несет часть ответственности, в данный момент боевой маг предпочитал не думать.

– Оставь меня! – прошипела Дакаста и попыталась вырваться.

– Успокойся, тише, – стараясь не повышать голос, произнес Рантар.

– Успокоиться? – окончательно рассвирепела она. – Ты... – ее указательный палец уперся в грудь Асти, – ты лжец и притворщик!

– Я рад, что мы перешли на столь неформальное общение, но что я сделал?

– О! Много чего! – Мартинити вновь попробовала сбежать.

– Если ты из-за Ирель, то у нас...

– Нас?!

По искажившемуся лицу мотылька Асти понял, что ляпнул что-то не то.

– Ире-е-ель, – протянула Марти и сложила руки на груди. – Значит, Ирель?

Рантар мысленно выругался.

– Магиана Болинджер – мой хороший и давний друг.

– Друг, – горько произнесла Мартинити, разом теряя весь боевой задор. – Возможно, для тебя она и друг, но эта женщина так не считает.

– Пусть думает что угодно, мне безразлично.

– А мне нет! Рантар, мне больно и обидно. Я здесь всего полгода и за это время испытала слишком много оттенков этих чувств.

– Марти, я...

– Оставь, – оборвала Дакаста, ее голос прозвучал глухо и устало. – Твоя подруга, – она скривилась, – нарушила мои планы. Я шла поговорить, а вышло...

– Твои намерения осуществились, – мягко заметил Рантар и обвел взглядом окружающее пространство. Похоже, без посторонних глаз и ушей они не обошлись.

Он поставил полог тишины и сплел рассеивающие внимание чары.

– Теперь давай поговорим без свидетелей.

– Меня они не волнуют, – равнодушно повела плечом Марти. – Скажи, – она испытующе посмотрела Рантару в глаза, – кто такая Шэдар Шорох?

– Откуда тебе известно это имя? – Асти перебрал в голове всех, кто мог рассказать, и остановился на Вехель.

– Не хочешь отвечать, да? А как же доверие и прочее, о чем ты мне плел? – с ехидцей уточнила Марти. – Его не осталось?

– Я просто хочу защитить тебя.

– Все твердят о защите, но в итоге я через день гощу у мастера Леуша, – хмыкнула Дакаста. – Так скажешь?

– Скажу, – принял решение Асти.

Игры в прятки кончились. Пора мотыльку узнать, кто может лишить ее жизни и из-за чего.

Глава 13

Мартинити

Очередной приступ застал меня на пути в душевые комнаты. После первых дней приема настойки, выданной профессором Зигисодем, я уже научилась заранее определять «прелесть» грядущего состояния.

Проклятый зельевар, все же нашел способ достать меня!

На самом деле он помогал и, наверное, я должна была испытывать к профессору благодарность, но ощущала себя так паршиво, что никаких добрых чувств не осталось. Ни к кому. Больше всех получала Вехель.

Меня мутило и выворачивало каждые три часа, лихорадило и знобило. Я уплывала в состояние, пограничное с явью и сном, где мерещились все чертовы создания пекла разом. Я сыпала ругательствами и без сил падала на кровать после очередных обниманий с тазиком. Рыжая стоически терпела обвинения и обидные слова в свой адрес, ухаживала за мной, отпаивала травками и меняла компрессы на лбу. Если бы не она, меня бы опять уpekли в лечебницу, а снова терпеть мастера Леуша и опостылевшие стены палаты я была больше не в силах.

Согнувшись пополам, я резко выдохнула. Досчитала до десяти и медленно по стеночке побрела обратно в комнату – водные процедуры отменялись. Только захлопнула за собой дверь, как осознала: все – началось, успела буквально в последний момент. Вехель без лишних слов метнулась к тазу, а затем подхватила меня, помогая. Видимо, на моем бескровном лице и так было все написано. Стоя на четвереньках, я проклинала всех, кого могла.

Профессора Зигисоля за его отвратительное лекарство.

Асти за то, как долго он скрывал от меня правду.

Предательницу Вехель, которая пусть и вынужденно, но играла на две стороны.

Конечно же, ненавистных ведьму Шэдар и беса, втянувших меня во всю эту пакость.

Впрочем, к ведьме я испытывала странную, ничем не объяснимую симпатию. Было в ней нечто такое, что заслуживало уважения, – внутренний стержень, сила. Подобные ей сражаются до последнего, движутся против ветра и наперекор любым невзгодам, никому не позволяют собой управлять.

Теперь я знала многое, Рантар сдержал слово и действительно рассказал все. Удивительно, но известие о грядущем приходе безумной сущности пекла, для которой я должна стать проводником, не вызвало ожидаемой паники или отчаяния. Наверное, я слишком устала. А может, прежняя Марти окончательно умерла вместе с иллюзиями о безоблачном будущем и верой в добрых и бескорыстных людей. Каждый в этой жизни имеет двойное дно, каждый скрывает другую, менее приглядную сторону, я в том числе.

Мир таков, каков есть. Для того чтобы выжить, – а я собиралась жить и желательно долго и счастливо, – придется принять новые правила игры. В конце концов, какие бы личные мотивы ни двигали моими союзниками, нас объединяла общая глобальная цель. Это уже немало.

– Ненавижу, – выдохнула я и поднялась. Пошатываясь, побрела к кровати.

– Да-да, знакомая песня, – буркнула Вехель. – Ничего нового.

Я покосилась на соседку: она права. Никто не виноват, однако в любой ситуации выбор мы делаем сами. Уже было открыла рот, чтобы ответить, но тут распахнулась дверь. На пороге показался Кир, за ним маячили Патрик и Зель.

– Вон! – рявкнули мы с рыжей одновременно.

Кир вытолкнул прорывающегося Пака и захлопнул дверь перед носом моих одноклассников. Сам остался внутри.

Вехель нахмурилась, уперла руки в бока.

– Уйди, – попросила я жалобно и отвернулась к стенке.

– Нет, девочки, хватит. Довольно я терпел. Только слепой не заметил бы, что у вас творится что-то серьезное. Вон и ребята за Марти волнуются – на пары не ходит, ни с кем не общается, куратор на вопросы о ее здоровье темнит.

– Молодец, зрячий, – язвительно откликнулась Вехель. – Дальше что?

– А дальше вы мне расскажете, что тут, пекло пожри, происходит!

– Киаран, пожалуйста, уходи-и-и, – прохныкала я. – Не лезь в это дело.

– Какое? – Он будто вовсе меня не слышал. – В университете в последнее время беспокойно, охрана и руководство буквально на ушах. Участвовавшие несчастные случаи с адептами, вот и Марти снова болеет. Еще некромантка эта... Руку даю на отсечение, неспроста нам посередине года ввели базовый курс по работе с эманациями смерти.

Услышав о некромантке, я застонала в голос. И поскольку состояние мое было далеко от вменяемого, а сознание туманилось посторонними видениями, Кир своего добился. Пусть мне потом будет стыдно, но сейчас я почти физически наслаждалась возможностью говорить правду и без прикрас. Следующие полчаса я, прерываясь только на полоскание кишок, высказывала другу все и обо всем, ведь он так жаждал узнать.

О культистах.

О себе.

О прошлом Вехель.

О ее связи с ведьмами Круга.

Она села на стул и молча слушала с горькой полуулыбкой. Кир тоже не перебивал. Это был странный монолог одного больного актера, я вложила в свою прочувствованную речь всю боль, всю обиду. И что самое удивительное, под конец мне действительно полегчало. Я поняла, что больше не сержусь и даже благодарна рыжей. Для нее произошедшее стало не меньшим испытанием.

– Ну что? Я удовлетворила твое любопытство? – закончила исповедь. – Теперь ты оставишь нас в покое?

Повисшую в комнате тишину можно было резать на кирпичики и строить из них крепость. Наконец Кир поднялся. Он ответил мне, хотя при этом не спускал взгляда с Вехель:

– Вполне. Знаешь, Марти, мой брат редко рассказывает о работе, но тут даже его пробрало. В прошлые выходные, когда я гостил у родителей, за обедом он поведал занимательную историю.

Вехель хмыкнула, очевидно, ей было известно, где трудится брат Кира. И правда, сразу за этим она для меня пояснила:

– Отдел по контролю за одаренными из сопредельных стран. Старший дознаватель, специализирующийся на магах с измененным сознанием.

– Спятивших ведьмах, например. Не стесняйся, милая, называй вещи своими именами, – великодушно внес уточнение Кир.

Вехель нервно дернула плечом и отвернулась к окну. Он продолжил:

– Неделю назад к ним поступил труп мужчины, кожа на нем оставалась только на голове.

Мой новый рвотный позыв на некоторое время прервал откровения друга.

– Умеешь поддержать разговор с женщиной, – ехидно прокомментировала Вехель и подала мне стакан воды.

Кир не стал отвечать.

– Занимательно другое: труп опознали – сын какого-то влиятельного аристократа с периферии страны. Это дело не наделало бы столько шума, если бы не одно обстоятельство. Неделями раньше суд приговорил этого мужчину к смертной казни – он обвинялся в каких-то крайне серьезных проступках, но с учетом его происхождения и связей вполне имел шансы отделаться малой кровью. И тут следствие проявило чудеса настойчивости... – пристальный взгляд на меня, – или заинтересованности: нашлись неопровержимые доказательства, суд вынес высшую меру наказания.

– Зачем ты это рассказываешь? – хрипло уточнила я.

И снова Кир проигнорировал вопрос, закончил:

– За сутки до казни он сбежал, просто исчез из камеры. Следствие носом рыло землю, еще немного – и полетели бы уже другие головы, а тут такая находка. Еще неизвестно, какую смерть предпочел бы сам несчастный. Марти, скажи, как звали твоего несостоявшегося жениха?

Я вздрогнула и с ужасом посмотрела на Кира. Сейчас он выглядел непривычно собранным, серьезным и как будто совсем незнакомым.

– Шел бы ты к бесам, – устало выдохнула Вехель.

И вот в иных обстоятельствах я бы промолчала, а после ее слов призналась:

– Родрик Дахил из рода Карсарских.

– Карсарских, – согласно кивнул друг, подтверждая собственные мысли. – Вряд ли это дело удастся утаить в застенках Управления порядка.

Кир стремительно поднялся, пересек комнату и сгреб в охапку слабо упирающуюся Вехель.

– Девочки, мне плевать на вашу самостоятельность и независимость, я вас одних не оставлю. Уяснили?

Вехель хотела что-то сказать, даже рот открыла, но вдруг передумала и всхлипнула. Последнее было настолько на нее не похоже, что я потрясенно села на кровати. Тихо уточнила:

– Сколько еще осталось в проклятом пузырьке Зигисоля?

– Утром ты допила остатки.

– Ясно, значит, скоро одной проблемой станет меньше.

В окно что-то с шумом ударилось. И еще раз, и еще.

Мы повернули головы: там, скрежеща по стеклу когтями, бился огромный черный ворон.

Ведьма и бес

Шэдар разбила стекло и ворвалась в комнату вместе с осколками. Мартинити разорвала их связь! Теперь в отчаянном стремлении спасти свою жизнь ведьме пришлось действовать открыто.

Бес лежал ничком около ее ног, резкое прерывание подпитки иллюзорного мира ударило по нему особенно сильно. Проглот с трудом удерживал стены их тюрьмы. Он разросся, и ветви буквально не давали упасть небесам им на головы. Не так Шэдар представляла себе освобождение от связи с девчонкой. Ой, не так. Если Мартинити не продолжит делиться силой, их троих попросту сомнет, не сегодня так завтра. И дитя Тьмы не поможет. При всем своем потенциальном могуществе пень был накрепко связан с этим миром. Чтобы выбраться, Проглоту нужно окрепнуть, но времени на это ему не дали.

Шэдар, конечно, попыталась использовать пень и получить заветную свободу, она просила, угрожала, но тщетно. Он собой жертвовать не желал – возможно, ум его был еще детским, зато инстинкт самосохранения работал за троих. Желание продлить сладостные минуты бытия присуще всем, даже чудовищам. Он

ощущал, что погибнет в любом случае, но так у него оставался крохотный шанс на то, что ведьма придумает план спасения. Или же Проглот их убьет – Шэдар в данном случае не питала иллюзий – и, напоенный силой смерти, сможет выбраться на свободу. Возможно, он просто выжидал, и это пугало ведьму.

В итоге заклятая компания разделилась на два лагеря: она с бесом и дитя Тьмы. Пока что приходилось соблюдать нейтралитет, по крайней мере они пытались это делать. Правда, у хвостатого выходило плохо, а сейчас он и вовсе умирал.

Ведьма перевела взгляд из книги на внешний мир. Внутри Шэдар кипели страсти: ей придется просить, унижаться перед какой-то соплячкой. Увы, гордость не стоит жизни, если потребуется – Шорох встанет и на колени. Однако прежде она сделает все, чтобы до этого не дошло.

Происходящее походило на дурацкую сценку, и актеры в театре абсурда подобралась что надо: бабочка, предательница и мальчишка, выступивший вперед и храбро закрывающий подружек. Глупец.

Шэдар залпом опустошила пузырек с зельем, о побочных действиях она подумает позже, сейчас ей нужны силы. Контурсы черной птицы размылись, и на ее месте появился призрачный силуэт ведьмы. Он то и дело проходил рябью и выглядел блеклым, но это не имело значения, главное – Шэдар видели в истинном облике.

– Вот, значит, как. Решила от меня избавиться? – хрипло спросила она, будто прокаркала.

Все трое адептов переглянулись. Шэдар презрительно скривилась: нет в нынешней молодежи храбрости, только бравада.

– Я не давала согласия на связь, – ответила Дакаста и с вызовом посмотрела на ведьму.

– Согласие – вещь иллюзорная. Его придумали слабые люди, чтобы защитить себя. Сильным оно не нужно – все, что нужно, они берут сами.

– Вот она и решила за себя, – влез мальчишка.

– Молчи, сопьяк! – смерила его уничижительным взглядом ведьма.

Она терпеть не могла выскочек, к тому же он стал невольным свидетелем ее падения. Ведь, по сути, ночная охотница оказалась сейчас в безвыходном положении. Даже украденная чаша

низвергнутого бога без участия Мартинити – всего лишь старая бесполезная посуда. Будь Шэдар на месте Дакасты, то давно бы покинула университет и искала бы счастья в другом месте. Мартинити так не поступит, зато отказать в помощи может. Шэдар не осуждала ее за это – вполне разумно бороться за свою жизнь.

– Не смей с ним так разговаривать. – Мартинити сообразила, что Шэдар здесь не для того, чтобы кого-то убивать, и вмешалась.

– Да плевать на него! – рявкнула Шорох. – Ты разрушила связь.

– И рада этому факту, – спокойно кивнула Мартинити.

– Поздравляю, девочка, теперь на твоих руках чужая кровь, – процедила ведьма, внимательно наблюдая за реакцией Дакасты.

– Неправда! Я никого не убивала, – возмутилась она.

– Что ты знаешь об убийствах? Можно отнять жизнь и не коснуться жертвы.

– Я просто вернула себе свободу, – упрямо повторила Мартинити, но ведьма сумела расслышать сомнение в ее голосе.

– Деточка, ты не просто разорвала связь, твой дар помогал поддерживать мирок внутри магической книги. Сейчас он рушится. День или два... клетка рухнет, пространство схлопнется, и мы погибнем вместе с ним. Сможешь спокойно продолжать жить, зная об этом?

Шорох умело играла на струнах души юной адепки. Отклик был – девчонка уже не выглядела столь категоричной, в глазах ее промелькнула растерянность.

– А ведь я хотела тебе помочь. На ритуале призыва Зогарда я бы вмешалась, и сила, направленная на его освобождение, стала бы спасением для пленников книги, – продолжила расшатывать уверенность Мартинити в собственной правоте хитрая ведьма.

О том, что ради высвобождения силы Дакасте, скорее всего, пришлось бы умереть, Шэдар благоразумно умолчала. Для спокойствия неокрепших умов о деталях полезнее позабыть. Тем более теперь это уже не имело смысла: ни связи, ни мира, считай, не существовало.

– Но... Рантар сказал, что...

– Ах, Рантар! – театрально всплеснула руками Шэдар. – Твой рыцарь давно хочет избавиться от меня.

Надо заметить, ведьма искренне недоумевала, почему Асти так долго с этим тянул. Возможно, Лао замолвил за нее словечко или боевик просто боялся за жизнь Дакасты. В любом случае ему ничего не стоит уничтожить книгу вместе с ее обитателями и спрятать следы своего вмешательства, а после развести руками и сказать: «Оно само».

– Неправда! – вспыхнула Мартинити, для которой чужое коварство, видимо, было сравни чему-то выдуманному.

– Ох, девочка, жизнь тебя столько пинала, а ты все продолжаешь верить в травоядных драконов и добрых фей, – проворковала ведьма, а затем дико расхохоталась.

Ее образ мигнул.

– Твой Асти – воин до мозга костей, для него убить – все равно что высморкаться. Он перекрыл к тебе доступ защитным полем, я лишь сейчас смогла пробиться. Настоящий мужчина! – Шэдар плотоядно облизнулась. – Но ты не бойся, я не претендую.

– С ведьмами так и надо, – вновь вмешался мальчишка. Вехель громко фыркнула, и он тут же внес поправку: – Ты больше не одна из них!

Шорох опять рассмеялась.

– Все это пустое, – махнула рукой она. – Я здесь, чтобы просить тебя, Мартинити Дакаста, добровольно делиться силой с книгой. Не дай нам погибнуть до ритуала, а я, в свою очередь, помогу тебе выжить на алтаре.

– Не смей, Марти! – взвизгнула Вехель. – Она погубит тебя. Шифу Лао и декан Асти обязательно что-нибудь придумают.

– Знаю, – не сводя взгляда с ведьмы, холодно ответила Мартинити. – Рантар позаботится обо мне.

– Ах! Какая трогательная доверчивость, – промурлыкала Шорох. И более никак не комментируя заявление Дакасты, развернулась к Хмарь. – Что же ты тогда помогала мне, если я настолько ужасна?

– Все в прошлом, – процедила Вехель.

Она вскинула руки и послала в Шорох импульс чистой магической силы. Ведьма даже не шелохнулась, наоборот, с удовольствием впитала энергию. Ее изображение стало четче.

– Ты не причинишь мне вреда. Магические долги – это не просто слова, – ухмыльнулась Шэдар. – Но можешь продолжать, твоя сила не так плоха, хоть и отдает гнильцой.

– Тварь, – прошептала Вехель.

– Вольные Земли – пастбища для подобных мне, и ты там тоже гуляла, дорогуша. Помнишь еще?

О, Шэдар прекрасно понимала причины поведения Хмарь. Хитрюга хотела прижиться в империи. Вот только за плечами у рыжей предательницы стояла опасная болезнь, и ночная охотница одним своим присутствием угрожала разоблачить маску несчастной сироты. Нет, для Шорох она была не так уж плоха, но ученичество и общение с Гинзали все равно оставили след в душе Вехель.

– Марти, послушай, ей нельзя верить, она предаст, – продолжала увещевать рыжая.

– Верь не верь – выбор за тобой. У меня есть и другой способ добиться желаемого, но не хотелось бы к нему прибегать, – напоказ вздохнула Шэдар. – Поделюсь с тобой, девочка, жизненным опытом. Сколько волка в овечью шкуру ни одевай – он все равно останется хищником. Хмарь предала свою наставницу, предала Круг, предала тебя, теперь меня... Продолжить перечисление или достаточно?

– Не надо, – тихо ответила Мартинити. – Пусть все это и правда, но я не хочу спасать тебя. Считай, я выучила уроки, которые преподавала мне жизнь. В том числе и твоими стараниями. Уходи.

– Ты что же, думаешь, я пойду и улягусь под камушек в ожидании смерти? Ох, глупышка, – ласково произнесла ведьма. – Мою жизнь ты спасать не желаешь, хорошо. А как насчет жизни целого города? – В глазах Шэдар вспыхнуло темное пламя.

В следующую секунду ее иллюзорная копия пропала, а вновь обретший плоть ворон яростно спикировал на Вехель. Царапнул ее когтями по лицу, оставляя отметины. Хмарь пошатнулась, но не издала ни звука, жестом остановила бросившегося к ней защитника.

– Раз я тварь, то и поступать буду так, как от меня ожидают, – голос ведьмы звенел от злости. – Ты ведь знаешь, Марти, что за штучка висит на шее твоей подружки.

– Да.

– Что это значит? – непонимающе уточнил Кир. Но его вопрос проигнорировали.

– Либо ты делишься силой, либо я заберу свою из подвески, – пригрозила Шэдар.

– Не верь, она не сделает этого, – глухо произнесла Вехель. – Иначе погибнет весь город. Она не настолько кровожадна.

– Смотри-ка, вот уже и что-то светлое во мне отыскалось, – с издевкой заметила Шэдар. – На этот раз я переступлю через собственные принципы, не сомневайся.

В комнате повисла звенящая тишина. Ведьма видела, что Дакаста колеблется. Девчонке было жалко подругу, но и не хотелось вновь попадать в магическое рабство. И если ради Вехель она могла бы и не согласиться, то многочисленные невинные жизни людей – уже совсем иная ответственность. Моральный выбор всегда так сложен.

– Хватит тянуть время, твой рыцарь не придет. Я умею ломать щиты очень изящно: плетение чар, отвечающих за оповещение, не задето. Он уверен, что крошка Дакаста в безопасности.

На лице Мартинити отразилась досада. Шэдар мысленно хмыкнула: дети – они так предсказуемы.

– Стой, – вмешалась Вехель. На лбу предательницы выступили капли пота. Шорох чувствовала ее страх. – Не надо жертв! Я знаю другой способ.

– Вот как? Ну-ка, маленькая плутовка, расскажи все старшей как на духу, – насмешливо произнесла Шэдар.

Вехель облизнула пересохшие губы и выдавила из себя:

– Несколько дней назад ко мне подошла одна из невест шифу Лао. Она просила встречи с Шэдар Шорох. Сказала, что знает способ, как вытащить вас из книги.

– Вехель Хмарь – ты истинная дочь Вольных Земель! – рассмеялась ведьма. – Выдумать такую нелепую байку.

– Я говорю правду.

– Докажи! – жестко произнесла Шэдар и перелетела с изголовья кровати на плечо рыжей. С силой вонзила в мягкую плоть когти.

– Она сказала, что в этом замешан ректор. И еще упомянула что-то... – Вехель наморщила лоб, силясь вспомнить, – Гуахан... Гуанхан...

– Гуанханьгун?! – каркнула Шэдар.

– Да, это слово, – облегченно подтвердила Вехель.

Шэдар задумалась: название тюрьмы в Стране Ветров, ставшей прообразом Холодного дворца, выросшая в Вольных Землях юная

ведьмочка знать не могла. Возможно ли такое, что она действительно не врет?

– Сегодня прямо день открытий и откровений, – зло процедила ведьма.

– Если ты теперь знаешь, как освободиться, то отпусти Вехель, – попросила Мартинити.

– Во-первых, я ничего пока не знаю. А во-вторых, у тебя нет права указывать мне, – отрезала Шорох.

– Но ведь Вехель рассказала все, что знает, – поддержал Дакасту позабытый Кир.

– Нашей красоте верить нельзя. Так что, детки, пока я лично не увижусь с этой невестой, будем считать это очередной сказочкой.

Глава 14

Мартинити

– Добрый день, мои маленькие запуганные мышата. Думаю, все уже в курсе. С этого полугодия в учебное расписание ШТУЧКИ введены обязательные часы лекций о природе смерти. Познакомимся с базой. Я расскажу вам о схемах работы с ее эманациями.

Светловолосая изящная женщина встретила нас любезной, но несколько хищной улыбкой. Ее фигуру обтягивал неизменно черный кожаный костюм. Я скривилась: даже магиана Лакруони никогда не позволяла себе столь вызывающих нарядов, хотя ей было что продемонстрировать.

– К практическим занятиям допущу только самых способных. – Новая преподавательница, хотя назвать ее так язык не поворачивался, облизнула красные губы. – Тех, кто сумеет отличиться.

Последняя фраза вкупе с ее манерностью, внешним обликом и мурлыкающими интонациями прозвучала двусмысленно. И кажется, мужской половине нашей группы это понравилось. Они смотрели на стерву восторженно-преклоненно. Все мы помнили ее выход на поле для игр против жуткого смерча, когда большинство присутствующих накрыло волной парализующего страха.

– А как можно отличиться? – тут же поинтересовался наш отличник Синар.

Некромантка смерила его насмешливо-оценивающим взглядом и любезно ответила:

– Например, не задавать глупых вопросов.

Щеки Синара вспыхнули, он сконфуженно засопел. Тут с последней парты подал голос Пак, отчего-то напрочь игнорируя только что прозвучавший совет:

– А почему мы запуганные мышата?

– Неужели ты не боишься смерти, мальчик? – Взгляд некромантки стал цепким. – Ну-ка, ну-ка, покажись, милый. Нам очень нужны такие

смельчаки... или глупцы, – добавила она через паузу. – Время покажет, кто есть кто.

– Просто уточнил... – буркнул Пак, наверняка уже жалеющий, что привлек внимание эксцентричной и опасной женщины.

– И я просто уточнила. – Нас одарили приторной улыбкой. – Забыла представиться, Ирель Болинджер, магистр смерти и теней.

Кто-то из ребят уважительно присвистнул.

– Вам несказанно повезло, – надменно процедила Ирель. – Некромантия – особенное искусство, ее не преподают всем подряд. Но бывают случаи, когда отказать просто невозможно, – она мечтательно закатила глаза. – Руководство вашего университета умеет быть убедительным, щедрым и весьма... хм...

Она резко уставилась на меня, словно дразня недосказанным. Я вздрогнула: значит, узнала! На удивление этот факт не пугал. Наоборот, хотелось впиться ногтями паршивке в лицо. С мрачной удовлетворенностью я отметила несколько чуть отличных по цвету полос на утонченном лице некромантки. Пусть осколки не причинили ей сильного вреда, но все равно подарили некоторые досадные неудобства. Не стала отводить взгляд, пусть видит – я ни о чем не сожалею.

– ...впрочем, неважно. Суть ясна: советую не упускать столь редкую возможность и внимательно слушать все, что я вам расскажу.

Чувствую, этот предмет станет моим «любимым». Даже интересно, смогу ли получить по нему аттестацию без вмешательства Асти? Словно в подтверждение этих мыслей Болинджер сделала вид, что изучает список наших фамилий, а затем произнесла:

– Предлагаю начать знакомство с наглядной демонстрацией. Посмотрим, что происходит с человеком, попавшим под влияние «мертвой» энергии. Адептка так-так... Дакаста, будьте любезны пройти ко мне.

Я стиснула кулаки, но подчинилась. С прямой спиной и задраным подбородком прошагала на место будущей пытки. Не сомневаюсь, Ирель захочет отомстить.

Тем временем она продолжала:

– Записывайте. Простейший способ защитить сознание от воздействия потусторонних сил с другого плана бытия – это мысленно вернуться в тот момент, где вам было по-настоящему хорошо. Чем

сильнее эмоции, тем эффективнее защита. Есть у вас, Мартинити, особенные воспоминания, которые действительно наполняют счастьем?

– Думаю, подобные моменты есть у каждого человека, – пожалала я плечами.

– Сейчас выясним, – ласково пообещала Ирель, от чего у меня мороз по коже прошелся. – Мало иметь светлые воспоминания, нужно научиться ими пользоваться. Значит, так: первое – сила вдохновения и концентрации счастья в моменте. Второе – алгоритм вхождения в измененное сознание.

– Может быть, я вернусь на место? Хотелось бы тоже записать лекцию, – все больше раздражаясь, поинтересовалась я. Стоять перед всей аудиторией и чувствовать себя подопытным кроликом совершенно отвратительно.

– Уверена, кто-нибудь обязательно поделится конспектом. А на практике все запоминается гораздо лучше. Немного терпения, адептка, никому не нравятся маленькие капризные девочки.

Вот ведь... трупоедка недобитая! Болинджер забавлялась, это было очевидно. Любопытно, причина предвзятого отношения лишь в том, что я посмела бросить вызов? Или дело в Рантаре?

– Как скажете, магиана Болинджер. Ведь и к излишне настойчивым девочкам тоже не питают теплых чувств. Благодарю за напоминание.

Некромантка недобро сощурилась. Кажется, намек она поняла верно. Пусть нашей связи с Шэдар больше не существовало, я по-прежнему чувствовала ее присутствие. Магическая книга и сейчас лежала в моем рюкзаке с другими учебниками. И я по-прежнему продолжала делиться с ней силой, только теперь добровольно.

Не сказать чтобы мне легко далось это решение или доставляло удовольствие, но... На кону стояли жизни Вехель и многих других ни в чем не повинных людей. Я согласилась с условиями ведьмы, тем более наши конечные цели совпадали.

Так или иначе, а целый семестр под влиянием темной из Вольных Земель наложил отпечаток на мой характер. Ирель Болинджер сильно ошибается, если считает, что я проникнусь ее властью и красотой и позволю себя запугать.

Ирель многообещающе оскалилась:

– Обращайся, мне не сложно. Возвращаемся к теме!

Она обвела взглядом притихшую группу.

– Правильное вхождение в состояние, которое, возможно, сохранит вам жизнь. Ну или частично рассудок, в жизни разное случается, – беспечно уточнила некромантка.

Особо впечатлительные не удержались от вздохов и шепотков.

– Для начала следует сделать несколько глубоких вдохов и выдохов, чтобы успокоить ум. Затем сосредоточить внимание на счастливом воспоминании, так вы очистите сознание от страха. И наконец, удерживайте этот образ, входите в него, делайте картинку объемной. Заполните ее красками, звуками, тактильными ощущениями. Пропитайтесь полученными эмоциями, уплотните их, визуализируйте в материальную составляющую: пленку, щит, ткань – кому что ближе. Завернитесь в полученный образ, как в кокон. Насколько сильными и яркими будут ваши эмоции, насколько долго и качественно вы сможете удерживать это состояние, настолько и сможете противостоять атакам сущностей с других планов.

Какие бы противоречивые чувства я не испытывала к этой женщине, однако впитывала ее слова с повышенным интересом. Асти говорил: Зогард относится именно к таким сущностям. Только он гораздо могущественнее, чем какие-нибудь призрачные посмертные остатки «мертвой» энергии.

– Что ж, вот и ваш звездный час, адептка Дакаста, – ехидно промурлыкала магиана Болинджер. – Проверим вашу память на яркость событий из прошлого.

Без предупреждения, ничего не поясняя, она сделала пас рукой и прошептала заклинание. Мир вокруг померк, мне стало холодно и тоскливо...

Неприятные мгновения длились недолго. Не успела я осознать, что именно произошло, как наведенный морок развеялся. На меня с интересом взирали одиннадцать пар глаз одnogруппников и одна удивленная преподавательницы.

– Как интере-е-есно, – что-то высматривая в полуметре над моей головой, протянула Ирель. – Кажется, кое-кто утаил от меня самое пикантное.

Я зло скрипнула зубами: мало мне было косых взглядов и желающих узнать, что со мной происходит! С того памятного дня,

когда наконец-таки закончилось проклятое зелье профессора Зигисоля, прошла неделя. За это время я полностью восстановила здоровье и смогла ходить на занятия. Теперь приходилось всеми силами избегать расспросов от друзей, что пока удавалось. Сложнее было с Рантаром. Он легко чувствовал ложь, к тому же я в этом деле никогда не преуспевала.

Шэдар запретила рассказывать ему что-либо до встречи с невестой шифу Лао. Эта ведьма умела быть убедительной: ее аргумент, что и Асти, и самому ректору проще избавиться от Вехель, чем помогать, в свете открывшихся знаний уже не казался бредовым. Конечно, я не верила, что Рантар причастен к гибели Родрика Дахила, но подозрительное исчезновение заключенного из охраняемой камеры наводило на мысли. Слабо верилось во всемогущество заговорщиков, так удачно совпавшее с халатностью лучших сотрудников Управления правопорядка.

В последнее время я уже ничему не удивлялась. Кажется, в этом мире не существует ни единого живого существа, неспособного причинить боль ближнему. Меня окружали маги, все они были безумны в той или иной степени, и я сама не исключение. Развитие дара не проходило бесследно, за управление тонкими материями приходилось платить.

Не удивилась я и появлению незнакомки из Великой Степи, с ее неожиданной осведомленностью и интересом к ведьмам. Да, узнать как, откуда и почему было любопытно, выслушать ее, но не удивиться. Наверное, после всего, что со мной приключилось, было бы странно, если бы я еще могла испытывать это чувство.

Хорошо, что остаток лекции прошел относительно спокойно. Во всяком случае, магиана Болинджер от меня отстала, подыскав других жертв для развлечений. Я исправно конспектировала ключевые мысли в тетради, терпеливо ожидая конца занятий. Именно сегодня мы должны были встретиться с невестой шифу Лао. Вехель – как посредник, Шэдар – как виновница встречи, я – как питательный элемент для книги-тюрьмы. Теперь без магической связи с ведьмой для подпитки артефакта нам приходилось постоянно находиться рядом. Ну и Кир увязался с нами – упертый защитник – на правах более старшего и опытного мага. Целая свита для приватной беседы с высокопоставленной леди, но других вариантов не оставалось.

Раздался долгожданный звук гонга. Я подхватила тетради, рюкзак и торопливо выскользнула из аудитории. Ни окрик Дилаэля, ни физически ощутимый взгляд в спину от Ирель Болинджер не заставили меня замедлиться даже на секунду. Решение принято, время брать происходящее со своей жизнью в собственные руки, достаточно я пребывала в роли куклы.

Пока петляла по университетскому парку, размышляла над ситуацией. На крайний случай у меня есть Рантар, если что-то пойдет не так, молчать я не стану.

А пока... пока я очень хотела, чтобы у Вехель был шанс.

Ведьма и бес

Мир Шэдар трещал по швам. Причем в самом что ни на есть прямом смысле. Если бы не Проглот, ведьма с бесом давно бы отправилась в иные планы бытия. Шорох чувствовала, как их клетку защищает сама прародительница – Тьма, но это была лишь отсрочка неизбежного конца, не более. Плохо было и то, что теперь покинуть проклятую книгу они могли только вместе с Проглотом.

Когда связь с Мартинити начала рушиться, у узников появилась возможность сбежать: казалось бы, вот она – удача! И в пекло алтари и кровавые ритуалы. Но пень лишил их нежданного шанса на спасение. Познавший вкус осмысленного существования, он не захотел остаться в ловушке и сгинуть в одиночестве, он просто их не выпустил.

Момент был упущен.

Теперь иллюзорный мир рушился, как карточный домик. Бес не смог простить приятелю подобной, как он считал, подлости. Хвостатый захлебывался бессильной злобой, не в силах что-либо изменить. У них оставалась чаша низвергнутого бога, но без Мартинити она была бесполезна. Кровь девчонки связала ее с артефактом, в руках ведьмы ключ на пути к алтарю превратился в бесполезную посуду.

Наверняка последнее – происки Такары Алой; было бы наивно полагать, что чаша появилась у Дакасты случайно. Тогда-то Шэдар и решила просить помощи у адепки, как бы эта мысль ни претила

гордой ночной охотнице. А разорванная с Мартинити связь вынудила действовать решительно, не оставляя времени для сомнений.

Шэдар глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться, выходило плохо. От отчаяния она даже всерьез рассматривала вариант отправиться в родной мир беса. Правда, быстро одумалась, задушив на корню момент слабости. В пекле она станет игрушкой, причем даже не хвостатого, к которому волей-неволей уже привыкла. Нет, ей будет владеть высший демон – хозяин домена, где обитал бес. Лучше Шэдар умрет, чем согласится на подобное существование.

После всего случившегося рогатый был молчалив и непривычно серьезен. Он будто бы повзрослел, если подобное вообще возможно для пакостной сущности пекла. Проглот тоже сидел в стороне, усердно прикидываясь декорацией. Пришлось смириться с тем фактом, что теперь в их отчаянно тонущей лодке три равноправных пассажира и один без другого не выживет, нечего и надеяться.

Шэдар было страшно. Как же ей хотелось очутиться на свободе! Стать свободной не относительно ловушки, а во всеобъемлющем понимании этого слова. Все чаще мысли ведьмы возвращались к Ишидану. Может, действительно сдаться? Устала она воевать, стареет или мировоззрение меняется. Даже Такара, будучи безумной, хочет детей. Чем она, Шэдар, хуже Алой?

Лао не так уж и плох, по крайней мере, с ним не будет скучно и пресно – это она знала наверняка. При всей своей степенности и спокойствии степняк скрывал целый океан эмоций внутри. Мягкая улыбка украсила лицо Шорох. Еще бы она могла ему доверять... Получит ли она свободу, сдавшись Ишидану Лао? Или ее ждет все та же участь игрушки демона, только в другом мире и под другим обликом?

Шэдар взглянула на беса: он выглядел плохо. Если бы хвостатый был человеком, ведьма сказала бы, что он вмиг постарел, даже кисточка на хвосте поседела. Бес прошел по грани и теперь иначе смотрел на жизнь.

– Жизнь так сладка, Дари, – поймав ее взгляд, печально вздохнул рогатый.

– Странно, что ты...

– Что я задумался о жизни? В пекле все иначе, там не с чем сравнить. Там нет жизни – только боль, отчаяние, страх, ужас и опять

боль. Уходя из момента существования, мы ничего не теряем.

– Что изменилось сейчас? – с интересом уточнила Шэдар.

– Сейчас, – задумчиво протянул бес и улегся на пожухлой траве, заложил лапы за голову, – сейчас я прочувствовал это особенно ярко. И знаешь, что решил для себя?

– Боюсь представить.

Ведьма ничуть не покривила душой, такой бес ее откровенно настораживал.

– Когда я отсюда выберусь, то захвачу какой-нибудь домен в пекле. Нет, ты не думай, тебя я не брошу! Заберу к себе, сделаю главной наложницей. Моя прекрасная и опасная, – бес мечтательно прикрыл глаза, погружаясь в фантазию.

– Спасибо, – поблагодарила Шорох, облегченно вздохнув. Все же кое-что остается неизменным. – Гляжу, ты здоров и полон сил?

– Да, я силен и готов...

– Не уточняй, – отрезала ведьма.

– А где мы? – Хвостатый поднялся и повертел головой.

– Мы в сумке Дакасты. Пока рождался герой, ситуация изменилась, – иронично произнесла Шэдар.

– Я герой, помни об этом! – он ткнул себя когтем в грудь. – Но все-таки, что произошло?

– Мы заключили договор с девчонкой. Теперь она питает книгу добровольно.

– Просто так? – Глаза беса округлились.

– Нет, конечно. – На лице Шэдар появилась усмешка. – Я нашла аргумент, который оказался очень весомым.

– Какой?

– Старый добрый шантаж. Убью Вехель и выпущу смерть на свободу.

– Моя королева! – восхитился бес и полез обниматься. Но натолкнувшись на предупреждающий взгляд Шэдар, опомнился и передумал. – Какой у нас план?

– Сидим и ждем.

– Чего?! Опять? Этот план уже был!

– Успокойся, – поморщилась Шэдар. – В ходе переговоров всплыло неожиданное. Одна из невест Лао хочет со мной пообщаться. Она пыталась выяснить через Вехель, как меня найти.

– Дари, по-моему, тебе тоже нездоровится, – беспокоился рогатый.

– Почему?

– Верить Вехель нельзя – это раз. Откуда гостья из Степи о тебе знает – это два. С чего она вообще решила, что ты где-то рядом?

– Хмарь боится смерти, боится до дрожи. Она сколько угодно может дурить Дакасту, но гниль внутри своей души ей не уничтожить.

Шэдар не любила говорить о подобных ведьмах, потому что очень часто ей приходилось их убивать. Сейчас Вехель борется со своей натурой, но кто даст гарантии, что завтра ей это не надоест? И тогда она вновь возьмется за старое, все то, чему ее научила Гинзали. Эта ведьмочка слишком молода, она еще не успела основательно увязнуть в круговороте человеческой боли. Только поэтому Шэдар ее отпустила, заточив болезнь. Сейчас ночная охотница уже не была уверена, что поступила правильно.

– Перед ликом Хладной Госпожи она не врет.

– Хорошо, – кивнул бес. – Но откуда о тебе узнала невеста гончара? Подозрительно.

– Пока ты путешествовал по просторам сознания, в газете вышла интересная статья... – Ведьма задумалась. – В ней желчно и довольно смело прошлись по магам империи, по их моральному облику и тому, насколько больше позволено некоторым. Досталось многим, но спровоцировал столь неприкрытое недовольство Керфус Зул.

– Газете? С каких пор к нам в мирок доставляют печатные новости?

Шэдар дернула плечом.

– Совсем умом ослаб? Когда это информация из внешнего мира стала для меня недоступна?

Бес потупился и поспешил сменить тему:

– Керфус Зул – этот тот, кто чуть не похоронил нас в туше дракона?

Он опять улегся на траву рядом с ведьмой и с удовольствием почесал между рогов. Шэдар наблюдала за ним со смешанными чувствами. Каким-то непостижимым образом она стала иначе относиться к хвостатому – как к домашней зверюшке. Возможно, когда они выберутся из книги, она оставит его себе – в виде...

– Дари, – позвал бес.

– В виде ритуальной чаши с рогами, – вслух произнесла Шэдар. – На чем я остановилась? Ах да, Зул посмел явиться на прием в императорский дворец в сопровождении куклы. И как понимаешь, она не была ни стражем, ни слугой. Больше скажу, это бывшая собственность Лао.

Глаза беса загорелись предвкушением грязных подробностей и скандала. Он даже проявил поразительную сметливость:

– Не той ли куклы, которая чуть не нашинковала нас однажды?

– С ней, – кивнула Шорох. – И вот интересно: за ведьмами из Вольных Земель охотятся, потому что мы якобы слишком опасны, но маги, в принципе, опасны сами по себе. Любой из нас ходит по грани, прикасаясь к дару. Тогда почему безумцы, подобные Зулу, живут и здравствуют? Даже выбираются в высший свет. У нас Круг давно бы его уничтожил. Кажется, закон должен действовать для всех: маг безумен – убей его. Но нет, в Карфаене потворствуют сумасшествию сильных, – со злобой процедила Шэдар.

– И? – Бес нетерпеливо пропустил размышления ведьмы мимо ушей, он жаждал совсем иных подробностей. Но не судьба.

– Что «и»? Похоже, Ишидан перестарался, когда выплелал сознание для своего очередного творения. К сожалению, куклу мы не добились, как выяснилось. Она не только получила новую жизнь, но и, похоже, успела пообщаться с одной из невест Лао на приеме. Иначе откуда бы та узнала обо мне и о Вехель?

– Как сложно, – потер лысину бес. – Не понимаю, зачем и для чего? Не говоря уж о том, какое дело этим дамочкам до тебя? До нас?!

– Ну, по поводу куклы могу сказать одно – она мстит. Мстит Лао, мстит мне и просто миру, – Шэдар пожала плечами.

– А...

– А вот по поводу невесты Лао затрудняюсь ответить. Ее нежелание выходить за него очевидно.

– С чего бы вдруг? – хмыкнул бес.

– Думаешь, безумный маг, повернутый на интригах – лучшая кандидатура в мужья? Тем более в стране, где царят иные законы.

– Так отказалась бы.

– Ты явно не бывал в Стране Ветров, – вздохнула ведьма. – Она не может отказать, просто не может. Женщина там по статусу стоит чуть

выше мебели, только знатные дамы приравниваются к человеку. Но все равно без права голоса.

– Как же она нашла Вехель?

– Со слов Хмари выходит, что она искала меня. Искала в стенах университета ведьму – чем дольше живу, тем больше удивляюсь. Рыжая сказала, как почувствовала призыв и поспешила откликнуться. Боялась, что его почувствуют маги. Тут-то ко мне и пришла весьма занятная мысль, – процедила ведьма. – Зачем Лао оставил Хмарь в университете? Второй шанс? Вздор! Так зачем?

– Что за призыв?

– Есть одно заклинание, которое, скажем так, дает понять, что наделенная даром хочет стать одной из нас. Теперь представь, эта ненормальная произносит его в стенах университета! Почему никто из магов, кроме Вехель, никак не отреагировал? Со мной понятно: связь с Дакастой рушилась, мы пытались выжить. Напрашивается неутешительный вывод, – сухо подытожила Шэдар. – Лао знал, что девушка использует призыв, и прикрыл ее. Нет, даже не так, он позволил его произнести! Но Вехель меня опередила.

– Почему она хочет к ведьмам? – задумчиво произнес бес.

– Думаю, она жаждет свободы. Круг в какой-то степени может ее дать, во всяком случае, она перестанет зависеть от своей семьи.

– Не проще ли Лао...

– Нет, не проще, – перебила Шэдар. – Ты не понимаешь их мышления. Брак – это честь, дарованная императором, Ишидан не может отказаться. Вот если девушка себя опозорит, пойдет против воли отца...

– Знаешь, Дари, я тут подумал... Из твоего гончара вышел бы отличный старший демон. Seriously, – бес вскочил на копытца и забегал, – он так виртуозно манипулирует людьми.

– Скоро мы познакомимся с этой степнячкой, – усмехнулась Шэдар, – и ты поймешь, что Ишидан и есть самый настоящий демон.

– Почему?

– Готова поспорить на нашу свободу, девчонка знает, как выбраться из этой проклятой книги! И позаботился об этом именно Лао.

– Где пройдет встреча?

– В парке, у ворот в преподавательский мирок. Сегодня ректор показывает свои владения будущим женам, – холодно заметила Шэдар.

– Дари? – осторожно обратился бес.

– Чего тебе?

Ночная охотница злилась. Она буквально кожей ощущала, что все это время ее, как куклу, дергали за веревочки. Ишидан часто баловал Шэдар театром теней, мысленно отдавая команды актером, и теперь она чувствовала себя такой же марионеткой. Одновременно с этим ведьма наконец признала то, что подавляла в себе много лет. Она любила Ишидана Лао: возможно, безумцы тянутся к безумцам.

– Дари, я тебе ответственно заявляю, нам он нужен, – доверительно зашептал бес.

– Кому нам и для чего?

– Нам – это тебе и мне. Смотри: выходишь за него замуж, потом я выкупаю небольшой домен в пекле (думаю, пару сотен душ хватит), и мы провозглашаем гончара правителем! А через пару годков, когда он подомнет под себя соседние домены, убиваем, и я женюсь на тебе.

Глава 15

Мартинити

– Мотылек?

Я вздрогнула и подняла взгляд. Демоны, стоило подумать об этом мужчине, как он возник, будто призрак, из ниоткуда. Но ведь я же размышляла о крайнем случае! Сейчас его внимание совершенно некстати.

– А... ты откуда здесь? – озираясь по сторонам, пробормотала я.

Он с насмешливым выражением проследил за моими действиями, я окончательно ступала. Порой кажется, что Рантар видит меня насквозь. Иначе с чего бы тогда эта снисходительность напополам с иронией во взгляде?

– Не поверишь, терзаюсь тем же вопросом... мой неугомонный и беспечный мотылек.

Наверняка вместо «беспечный» он имел в виду «бестолковый», да в последний момент сдержался. Несмотря на ласковые интонации в голосе, прищур декана боевиков сделался недобрый. Уверена, он еще не забыл ту замятую выволочку после ярмарки, потому как после встречи с некроманткой отчитывать меня в лоб Рантар поостерегся. Не в том состоянии мы оба находились – достаточно малой искры, и случится взрыв. Только огромная выдержка Асти и его самообладание позволили нам тогда все же поговорить.

Лишь напоследок он мягко поделился соображениями, суть которых сводилась к следующему: «Уважаемый боевой маг, на чьих плечах лежит огромная ответственность и чье внимание требует тысяча и еще с десятков задач, особенно в этот непростой для университета период, после случившегося на соревнованиях носится по ШтУЧКИ, как последний олень, и ищет одну непутевую адептку. А выяснив, что эта... хм-хм, несознательная ученица покинула стены, в коих ей строго-настрога было велено оставаться, бросает все к демоновой бабушке и мчится в город, снедаемый самыми дурными предчувствиями».

Вот как-то примерно так он и высказался. Надо признать, это я легко отделалась.

– Так что, поделишься, какими судьбами в этой части парка? – вывел меня из задумчивого ступора Асти.

Я вздохнула: действительно, и почему бы декану факультета и заместителю ректора не оказаться поблизости от ворот в преподавательский городок. Зато мне здесь делать вроде как нечего.

Видимо, желая простимулировать мои откровения, Рантар щедро осветил свои:

– Сегодня, да вот уже практически сейчас, сюда придут невесты шифу Лао со своей многочисленной свитой. – Он поморщился. – Чертовы степняковские церемонии. Придушил бы ту заразу, которая так не вовремя надоумила императора Страны Ветров окольцевать Лао, – поделился наболевшим мой любимый мужчина.

Я не сдержала улыбку.

– Высокие гости требуют особого внимания к безопасности?

– В том числе, – кивнул он, задумчиво поглядывая в сторону ворот. Словно держал в уме гораздо больше, чем собирался рассказать.

Тут я вспомнила о цели своего визита и что сюда с минуты на минуту должны заявиться Вехель и Кир. Улыбка тут же померкла.

Ветер донес голоса и обрывки фраз на незнакомом языке. Мое беспокойство усилилось – раскрывать карты раньше времени перед Рантаром совсем не хотелось. И кто знает, как отреагирует высокопоставленная незнакомка, если заметит нас. Скорее всего, она даже не подойдет, и тогда я потеряю шанс помочь Вехель и избавиться от притязаний Шэдар.

– Ждешь кого-то? – уточнил Рантар с невинным выражением лица, только в глазах вновь промелькнули смешинки. Невыносимый мужчина.

– Шутишь? – изобразила я изумление. – Кого бы мне ждать?

– Зная тебя, мотылек, могу предположить самое невероятное. Честное слово, я уже ничему не удивлюсь. – Он открыто рассмеялся. – Например, такой интригующий повод – знакомство с чужой культурой. Хотела бы пообщаться с настоящей принцессой Страны Ветров? Это очень колоритные леди, доложу я тебе. Представь себе врожденную изворотливость ума степняков, помноженную на женскую хитрость. К

тому же загнанные в угол женщины бывают крайне опасны, – понизив голос, доверительно сообщил Рантар.

– Не понимаю, к чему ты это говоришь, – нервно отмахнулась я и повисла у него на предплечье: – Я вообще-то искала как раз тебя.

– Да так, о своем, не обращай внимания. – Тут же приобняв, он уткнулся носом мне в макушку. – Меня искала, говоришь? Зачем же?

Еще бы я сама знала! Пытаясь потянуть время и дать себе возможность что-то придумать, я уцепилась за его последние слова:

– Что за странные предположения? Сам ведь только сейчас рассказал мне о гостях. К тому же где я и где принцессы? Это ты привык вращаться в высших кругах, а до нас, простых смертных, венценосные отпрыски вряд ли снизойдут вниманием.

Асти нахмурился:

– Мартинити, я тебе уже говорил, что мне плевать на твое происхождение. Да и чье-либо другое: человека делают его поступки, а не фамилия.

– Тебе – может быть. Но такие, как ты, – исключение, лишь подтверждающее правило, – с горькой усмешкой покачала я головой.

– Так зачем я тебе понадобился? – вернулся к насущному Рантар. Не так-то просто сбить его с курса. – Раз не ради невест. Что-то случилось?

– Случилось, – добавив капризных интонаций в голос, произнесла я.

А у самой сердце уже где-то в пятках стучало. Как же точно он попадает каждый раз в цель! Случайно ли? Тема принцесс по понятным причинам мне очень не нравилась и нервировала. С другой стороны, вроде бы эти гости просто к слову пришились: их пестрые наряды уже мелькали среди деревьев.

Смотреть в глаза Рантару было страшно. Благо он и не пытался заглянуть мне в лицо, сосредоточившись на поглаживании волос, шеи, ключицы. Мм-м, я разрывалась между желанием прекратить эту неуместную, не ко времени ласку и тем, чтобы он продолжал. Хотелось послать весь мир с его причудами в пекло и подставить губы под горячие поцелуи Асти.

Проклятие, Марти, приди в себя! Нельзя сейчас терять голову.

Потянула его с центральной дорожки в глубь парка: нечего мозолить глаза и торчать на пути к магической арке-переходу в

межпространственный карман, где, как я помнила, царствует лето, цветут степные травы, а архитектура поражает разнообразием.

– Твоя... эм, твой хороший друг – вот что случилось! – не сдержала я колкость на языке. – Сегодня у нас было первое занятие под ее чутким руководством. Угадай, на ком она оттачивала остроумие?

– Мотылек, перестань, это слишком по-детски. У Ирель скверный характер, но ничего серьезнее ее ядовитого языка тебе не грозит. И тут, поверь, она ни для кого не делает различий.

То, как он запросто произносит имя этой женщины, окончательно вывело меня из себя. Еще я же, оказывается, и веду себя как ребенок! Хотя да, веду: жаловаться на некромантку я не собиралась, однако в настоящий момент ничего удачнее на ум не пришло.

Поэтому, увлекая Рантара к лавочке среди густо переплетенных веток кустарника, я продолжила гнуть свою линию:

– Ты в ней настолько уверен? Тогда почему именно я с первых же минут занятия стала наглядным пособием, а? Знаешь, мне не привыкать выслушивать в свой адрес не слишком приятные вещи и тем не менее...

Асти затормозил и поймал в ладони мое лицо. Всмотрелся в глаза.

– То, что дает магиана Болинджер, крайне важно. Для тебя в первую очередь, понимаешь? Это серьезно, бесы пожри! – Зрачки Рантара потемнели, от былой расслабленности не осталось и следа. – Настолько серьезно, что я даже готов терпеть выходки Ирель, лишь бы увеличить твои шансы на благополучный исход.

Мне стало стыдно за собственное малодушие и капризы. Очевидно, присутствие некромантки не добавляло ему спокойствия и вовсе не делало жизнь Рантара приятнее. Вот бы выяснить, что на самом деле их связывает. Тут же оборвала эту мысль и поклялась никогда и ни при каких обстоятельствах к ней не возвращаться. Нет, не хочу знать. Некоторое прошлое тем и чудесно, что оно сгнуло. Вот пусть там и остается, похороненное под слоями времени и отгоревших эмоций.

Асти осмотрелся, будто только сейчас заметил, где мы находимся. Отпустил меня и стряхнул снег с сапог. Улыбнулся:

– Какого демона ты затащила меня в сугробы?

– Не такие уж и сугробы, – фыркнула я, радуясь, что он успокоился. – Стараниями трудолюбивых големов в этом парке скоро и снега-то не останется, так они самозабвенно чистят дорожки и прокладывают новые, где их отродясь не водилось.

– Ну, последнее скорее на совести адептов, чем кукол ректора, – усмехнулся Рантар и тут же посерьезнел. Бросил внимательный взгляд туда, откуда мы только что пришли. – Марти, милая, мне действительно сейчас нужно быть рядом с шифу Лао. Давай обсудим все позже, хорошо? Хочешь, я поговорю с... э, твоим новым преподавателем.

За одно это «милая» я готова была наплевать на все гадости, что уже сказала и, несомненно, еще скажет магиана Болинджер. Рантар так редко проявлял свои чувства. Конечно, он по-своему заботился и оберегал меня, мы целовались и... в общем, разное было. Однако как бы глупо это ни выглядело, мне очень не хватало романтики и каких-то трогательных моментов между нами.

Понимаю, он взрослый боевой маг, он бывал на войне, он в принципе не склонен к девчачьим нежностям. И я приняла такое положение вещей. Тем более ценными становились те редкие, скупые мгновения, когда из-под брони Асти на поверхность пробиралось нечто живое, ласковое и греющее душу.

Только мое, только для меня.

Потому что я видела, под какими масками предстает этот невероятный мужчина для остальных. Приподнялась на цыпочках и чмокнула его в шершавую, обветренную щеку.

– Не стоит, правда. Я справлюсь. Если уж совсем допечет, тогда вмешаешься. Есть опасения, что зачет она мне ни за что не поставит.

– Она мстительна, а ты, – он обаятельно улыбнулся, совсем как мальчишка, – своим поступком ты словно выдернула из ее хвоста перо – не смертельно, но досадно.

Я хихикнула, представив общипанную курицу с алым клювом.

– Ну все, иди. Я честно-честно уже успокоилась. И... хорошо, что все же нашла тебя.

Рантар хмыкнул и в последний раз окинул взглядом окружающее пространство. Ничего больше не произнес, вскоре он скрылся за деревьями. Я облегченно выдохнула: кажется, обошлось. Поозиралась, размышляя, что предпринять дальше. Решила устроиться на той самой

лавочке, до которой мы так и не дошли. Она отлично скрывалась за ветками и не сильно просматривалась с основной тропы. Можно сказать, я и так практически у ворот. Почему-то сомнений не было: все заинтересованные лица меня точно найдут. Как показало время, я не ошиблась.

Ведьма и бес

– Он уже начинает раздражать, – обронила Шэдар, слушая, как декан боевиков разговаривает с Дакастой.

– А ведь мы их свели, – с грустинкой напомнил бес. Он умильно сложил лапки на пузе и трогательно закончил: – Мы соединили сердца.

Ведьма с сомнением посмотрела на хвостатого и подумала, что он все еще нездоров.

– Нам бы тогда и тел хватило, – заметила она и от души пожелала: – Валил бы он поскорее к делегации.

Воркование во внешнем мире раздражало Шэдар хуже нытья беса.

– Да погоди, дай он девчонку пощупает!

На это замечание ведьма промолчала. Слава богам, этого узники не увидят, а бес может и нафантазировать, чего не хватает. Как-то он обвинил Шэдар в зависти, дескать, у Дакасты большая любовь, вот ведьма и бесится. Тогда она не согласилась с хвостатым, зато теперь... Теперь ночная охотница на многое смотрела иначе.

Пока бес умилялся, Шорох терпела. О своем женском счастье она предпочитала не думать. И в отличие от хвостатого, прекрасно понимала, что Асти водит девчонку за нос. Не в плане любви, а в плане ее больших и страшных секретов. Боевик отвечал за безопасность, он не мог не знать, что гостя прочитала заклинание призыва ведьмы на территории университета. Это значит, что он знает и все остальное, или почти все.

Проклятая империя!

Скорей бы вырваться и вернуться в Вольные Земли, где все так понятно и привычно.

– Вроде затихли. – Голос хвостатого отвлек Шэдар от мыслей.

– Давно пора. Что ж, приступим.

Ведьма размяла руки и встала в центр управления книгой. Из рюкзака Мартинити выбрался уже ворон, он деловито занял место на плече адептки. Ее недовольное лицо вызвало у Шэдар раздражение. Ишь какая неженка. Чтобы поставить девчонку на место, ведьма сжала когти птицы сильнее, напомнив, что все равно опасна и за лицом нужно следить.

Затем в голове Мартинити раздался голос Шэдар:

– Твоя задача просто повторять то, что я говорю. Тебе нельзя влезать в разговор со своим мнением, это понятно?

– Нет, – решительно ответила та вслух.

– Послушай, нам обеим так будет проще. Одной неосторожной фразой ты можешь погубить нас всех. Я старше, мудрее и опытней, – мягко закончила ведьма.

– Ты забыла добавить «коварней», – саркастично фыркнула Мартинити.

Шорох мысленно закатила глаза.

– Моя дорогая, это вытекает из предыдущих трех слов и не подлежит обсуждению. Где Хмарь и ее верный рыцарь?

– Идут, – Дакаста указала в сторону приближающихся друзей.

– Хорошо, вели ее рыцарю охранять кусты и не высовываться, – распорядилась Шэдар. – Он здесь явно лишний.

– Он любит ее.

– А она его? – едко уточнила Шэдар. – Я подольше твоего пожила, да и видела... многое. Сейчас Хмарь пытается носить платье честной жизни, но, как и любой наряд, который мал или неправильно скроен, вскоре его захочется снять.

– Кто-то должен влюбиться первым, – не пожелала сдаваться Дакаста.

– Тогда давай еще и Рантара твоего позовем? Чего уж там, ведь он любит тебя! Так ты считаешь? – рывкнула ведьма. Ее откровенно раздражали зависимое положение и необходимость возиться с «детьми».

– Я тебя услышала, – задумчиво произнесла Мартинити.

Шэдар промолчала. Она не вправе учить девчонку жизни, пусть набивает свои шишки. Да и этот мальчишка по большому счету был Шэдар безразличен. Просто сейчас он со своей любовью здесь не к

месту. Еще не хватало, чтобы он что-нибудь натворил, ведомый чувствами.

– Вехель, иди сюда, – позвала Мартинити. – Кир пусть остается и присматривает за обстановкой.

Хмарь нехотя подошла, Кир, может, и был не согласен, но подчинился.

– Вы звали, старшая? – Вехель покорно опустила голову перед вороном в знак приветствия.

– Ты не обязана перед ней унижаться, – категорично заявила Дакаста.

– Марти, я не унижаюсь. Всего лишь показываю свое уважение, – удивленно заметила ее подруга.

– Не верь ей, – хмыкнула ведьма. – Она показывает мне лишь свой страх.

Мартинити на это замечание ничего не ответила. Все трое замерли в ожидании. Сгустившуюся тишину можно было резать ножом.

Скрип снега под чьими-то ногами заставил присутствующих встрепенуться.

Шорох внимательно изучала показавшуюся из-за деревьев гостью. Явно не служанка, в ней ощущался магический дар, и неслабый.

– Это госпожа Иль Су, – представила ее Вехель.

– Неужели никто не заметит ваше отсутствие? – забыв про наказ ведьмы молчать, поинтересовалась Мартинити.

– У меня есть тень, она выходит на солнце, чтобы занять мое место под ним, а я теряюсь в ее блеске, – холодно произнесла Иль Су и обратилась к Вехель: – Ты сказала, что здесь появится старшая ведьма! Но пока я вижу перед собой только простушку.

Восточная красавица окинула презрительным взглядом Мартинити. Хмарь благоразумно промолчала. Ворон громко каркнул, привлекая внимание.

– Старшая перед вами, – иронично произнесла Дакаста.

– Как интересно! Сила не ощущается, а воплощение есть, – то ли удивилась, то ли восхитилась гостя. – Я знала, что ты в ловушке, но не ожидала подобного.

– Это похвала? Или же вы показываете свою осведомленность? В любом случае не стоит утруждаться, здесь и сейчас проситель не я, а

вы.

– Да как ты смеешь?

– Теперь и далее я лишь голос, – равнодушно ответила Мартинити. – Вы говорите со старшей ведьмой.

– Шэдар Шорох, ты – всего лишь один из способов добраться до цели! – вскинула подбородок Иль Су. – Мне на руку твое отчаяние.

– Отчаяние, – повторила Мартинити за Шэдар. – Мое отчаяние – твое спасение. К тому же я чувствую магию Лао, он покрывает вас.

– Если уж на то пошло, то нас, ведьма.

– Нас... – просмаковала Шэдар устами адепки Дакасты.

Она прекрасно понимала, что для Ишидана отсутствие настоящей невесты не стало тайной. Лао не мешал ей вести свои игры на его территории, но, безусловно, приглядывал. Потому что ему это было также выгодно.

– Вы все еще не озвучили свое желание, – вернулась к насущному Шэдар.

– Ранее я говорила с рыжей ведьмой, – Иль Су указала на Вехель.

Та осталась безмолвной.

– Вы должны понимать, слуги ненадежны.

Шэдар ждала, гостя должна была сказать свои условия.

– Хорошо, я повторяю. Мне нужна свобода, нужна не меньше, чем тебе.

– Чем же так плох Лао, что вы не желаете войти в его дом на правах хозяйки? – Ночная охотница впиалась взглядом в собеседницу, отыскивая ответ. Она хотела знать, какие причины сподвигли степнячку отказаться от Лао.

– Желаешь услышать причину? – понятливо усмехнулась Иль Су. – Я не люблю его. Этого достаточно?

Мартинити ощутила в своей голове смех Шэдар.

– Не любите? Разве вам дозволено испытывать подобное чувство? Вы живете по приказу, вас воспитывают с этой мыслью с раннего детства, – ведьма не отказала себе в удовольствии словами, будто ножом, ковырять в ранах гордычки.

– Чего ты добиваешься, старшая ведьма? – зло спросила Иль Су.

– Ничего. Но я готова услышать вашу историю. Мы обе понимаем, что вас могли выдать за кого угодно, и вы согласились бы. Так в чем причина?

– Я уже говорила, мне не нужен брак. Я хочу свободы! Слишком долго я оставалась бесправной тенью во власти сильных мира. И эта помолвка... тот единственный шанс вырваться из клетки вездесущего императора Страны Ветров.

Значит, все-таки принцесса. Шэдар мимолетно отметила подтверждение собственным догадкам. А Иль Су продолжала, растеряв вдруг всю свою надменность и хладнокровие. Казалось, эта исповедь была нужнее ей самой, чем союзникам поневоле.

– Я дочь служанки. Когда интерес императора к законной супруге угас, она сделала ему подарок в виде моей матери. Единственным условием госпожи было то, чтобы матушка пила предотвращающее зачатие зелье. Императрица следила за его соблюдением очень зорко, а моя мать служила Сыну Неба. Госпожа ценила ее, пока та приносила пользу – император часто навещал дворец своей благородной супруги.

Губы принцессы тронула горькая полуулыбка, но после короткой заминки она вновь вернулась к рассказу:

– Нерадивая служанка все-таки понесла. Теперь она хранила в себе семя дракона, а значит, стала представлять угрозу для своей госпожи. Мать повысили в ранге, а после моего рождения император даровал ей собственный дворец. Но ни стены, ни расстояния не смогли спасти ее от возмездия оскорбленной супруги императора. Я стала сиротой раньше, чем моя память смогла сохранить образ той, что подарила жизнь.

– Виновных, разумеется, не нашли? – то ли спросила, то ли заключила Шэдар.

– Разумеется. Да и я бы вряд ли узнала эту историю, если бы не кормилица, – сухо отозвалась Иль Су и продолжила: – Быть напоминанием об ошибке – суровое испытание. Я выжила только благодаря любви и заботе императора. Думаю, он хорошо знает, на что способна его супруга, и все это время защищал меня своей незримой дланью. Разве могу я пойти против его воли? Я получила отличное образование, мне позволили развивать дар. Наверное, я бы смирилась со своей участью, но...

Принцесса вскинула голову, вновь возвращая себе царственную осанку.

– Однажды я узнала про Вольные Земли. Страну, где женщина имеет право голоса, где она хозяйка своей судьбы и вправе

распоряжаться магическим даром по собственному усмотрению.

– Вы говорите об этом, как о самом заветном желании, – фыркнула Вехель. – Вольные Земли названы так не за свободу, а потому что там каждый имеет право убить другого.

– Умолкни! – приказала ведьма голосом Мартинити, и рыжая опустила взгляд.

Со стороны это выглядело странно. Но кому как не Хмари знать, каково это, когда твоим телом пользуются словно инструментом.

– Я справлюсь, – уверенно произнесла Иль Су. – У меня были хорошие учителя.

– Ответьте мне еще на один вопрос, ваше высочество. Как вы думаете, почему Ишидан не отказался от брака с вами? – Шэдар специально упомянула бывшего любовника по имени, испытав при этом удовольствие. Надменность принцессы ее порядком утомила.

– Ревнуешь, ведьма? – облизнула пересохшие на ветру губы Иль Су. – Зря. Ему просто не оставили выбора. Иначе весь род Лао встанет под угрозу существования. Он ждет, когда я сбегу сама.

– Как вы видите нашу сделку? – уточнила Шорох, полностью удовлетворенная ответом. Все так, как она и предполагала.

Ночная охотница уже сейчас видела, что с Иль Су будет непросто. Взять хотя бы ее плебейское «ты» в адрес ведьмы, хотя сама Шэдар обращалась к принцессе исключительно уважительно.

– У меня есть трактат, с помощью которого ты сможешь выбраться на свободу. В обмен на него ты назовешь меня своей сестрой и поручишься перед Кругом ведьм, – произнесла Иль Су. – Свобода за свободу.

Назвать сестрой. Немногие при входе в Круг удостаивались подобной чести. До слова своей наставницы ты никто, принцесса же хотела перешагнуть даже не ступень – целый пролет. Шэдар оценила ее наглость.

– Прежде чем мы заключим соглашение по столь животрепещущему вопросу, мне бы хотелось узнать, откуда у вас сей значимый труд. Ведь трактат по магии пространства не та вещь, которая валяется на дороге.

– На дороге? – рассмеялась Иль Су. – Мой жених вручил его мне. Не столь очевидно, но суть остается прежней.

– Подробности, ваше высочество. Я жажду их, иначе сделки не будет.

– Я предложила решение, а ты недовольна? – возмутилась Иль Су.

– Почему я должна вам доверять? – спокойно возразила Шэдар. – Вы могли получить трактат и от врагов, коих у меня хватает. Мне даже неизвестно, откуда вы вообще узнали о моем местонахождении.

– Ты-ы-ы... – Видимо, Иль Су хотела сказать что-то оскорбительное, но в последний момент сдержалась. – Хорошо, о том, где тебя искать, мне поведала кукла с душой. Она ненавидит своего бывшего господина. Что касается книги... Около двух лет назад Ишидан Лао во всеуслышание объявил о том, что заинтересован в древних работах Ин Луна, создателя Гуанханьгуна. Даже обещал вознаграждение всем, кто поможет со сведениями, где искать бесценные труды. Холодный дворец – его подобие – существует в Карфаенской империи. Твоя книга – сильно облегченный прототип этой ловушки.

– Продолжайте, – произнесла ровным голосом Мартинити, хотя чувствовала, как ведьма злится.

– Возможно, тебе будет интересно узнать, что Ишидана Лао видели в обществе Такары Алой. Он ездил в Вольные Земли по делам Сына Неба и зачем-то навестил уже тогда приговоренную Кругом ведьму.

– Да, вы правы, мне очень интересно. А еще мне интересно, откуда вы сами знаете о моем существовании?

– В этом нет секрета, – впервые за весь разговор приветливо улыбнулась принцесса. – Многие приближенные к императору знают о тебе, Шэдар Шорох. О том, как в решающем сражении с вольными Ишидан Лао отвел наше войско, лишившись звания генерала. Отвел из-за тебя.

Шэдар промолчала. Звенья цепи складывались в одно целое, и то, что она видела в итоге, вызывало лишь злость на себя. Ее целенаправленно загоняли в ловушку. Ишидан со своей восточной неторопливостью сделал все, чтобы она сама пришла к нему. В тот момент, когда Такара вручила книгу ночной охотнице, капкан на строптивую ведьму с лязгом захлопнулся.

Ишидан Лао – проклятый кукловод!

Еще тогда в Вольных Землях Шэдар ушла от него, боясь потерять самое ценное – свободу. Но он все равно сумел сделать так, что они вернулись в начало. Сейчас ведьма не могла сказать точно, знал ли Лао о стремлении Алой подарить жизнь. Дети для Такары стали навязчивой идеей, и только поэтому она обратилась к Зогарду – во всяком случае, так она утверждала. Круг понимал ее и принимал эту ложь. Она стремилась к силе, она ее получила. Лао вполне мог услышать о заветном желании Алой и воспользоваться ее слабостью, ведь именно два года назад Такара и вошла в ряды культистов.

То, что устранять безумную ведьму отправят Шорох, было очевидно. Ночная охотница являлась карающей дланью Круга. Это значило, что он знал обо всем еще до того, как Шэдар назначили палачом Алой, он уже разработал план. Ишидан лично вручил Такаре возможность пленения ночной охотницы. Не исключено, что он даже помог ей в схватке.

А затем, зная особенности книги, хитрый лис стал выжидать.

Темнице нужны силы извне, значит, пленница начнет искать мага, а лучше неопытного одаренного. И где больше всего подобных людей? Университет – как конечная цель ее путешествия.

Ведьма скривилась: для нее стало откровением, что Лао занимал здесь положение ректора. Дальше – больше: чтобы она наверняка выбрала это место, у Лао имелся запасной план – алтарь ушедшего бога. Шэдар протяжно вздохнула: прозвучало бы дико, но... этот мужчина достоин ее! Провернуть подобное ради того, чтобы она сама прилетела к нему в руки...

Что до таких мелочей, как помощь культистам, игра с Кругом ведьм и обман ищеек империи, то были лишь средства. Определенно, Ишидан – демон!

– Почему ему даровали жен? – потребовала ответа Шорох.

– Отец считает, что мастер кукол заигрался в свободу.

Тут даже поспорить было не с чем. Император прав – еще чуть-чуть, и кто-то возжелает стать людским богом.

– Так ты поручишься за меня перед Кругом? – резко уточнила Иль Су.

– Нет, – легко произнесла Шэдар. – Я назову вас своей ученицей.

– Ведьма, я не собираюсь зависеть от тебя. Мне нужно, чтобы Круг стер печати Страны Ветров на моей ауре и мне позволили

беспрепятственно применять врожденный дар.

– То, что я предлагаю вам, – это благо, – мягко произнесла Шорох голосом адепки Дакасты. – Стоит вашему высочеству остаться без защиты, и вы умрете! Но мою ученицу никто не посмеет тронуть.

– Уж больно сладка твоя песня. Яд может утолить жажду, но человек все равно умрет.

– Согласитесь с моими условиями – выживете. И будете благодарны, если, конечно, желаете признания в Круге, – озвучила часть правды Шэдар.

– Что же я должна сделать? – осторожно уточнила Иль Су.

– Сущий пустяк – прогуляться к алтарю ушедшего бога. Но прежде вам надлежит принести клятву ученика.

– Ты считаешь...

– Я знаю, – перебила ведьма. – И я жду! Время на исходе. Придя сюда, вы уже были согласны. Прыгать в пропасть или нет – решать только вам.

– Хорошо, – с трудом выговорила степнячка.

– Чудесно. Думаю, слова формулы вам известны. Ведь так, ваше высочество? На колени, так и быть, не вставайте. Вехель Хмарь засвидетельствует клятву.

– Как скажет старшая, – отозвалась Хмарь.

Лик дочери Степи исказило гневом, но она справилась с эмоциями и произнесла:

– Я, наследница Сына Неба и принцесса Страны Ветров, приношу клятву верности Шэдар Шорох – старшей ведьме Круга, клянусь блюсти ее интересы всегда и везде, защищать и подчиняться. Моя жизнь, мои желания, моя магия – все принадлежит ей. Отныне я тень своей госпожи до того момента, пока она не дарует мне право решать самой.

– Шэдар Шорох принимает твою клятву, Иль Су, и...

Ведьма резко замолчала, а Мартинити вновь услышала в своей голове ее хриловатый смех. Адепка растерянно моргнула, а через несколько мгновений, сочувственно глядя на принцессу, произнесла:

– Я ничего тебе не обещаю.

– Свидетельствую, – обронила Вехель.

– Что?! – вскричала Иль Су.

– А чего ты ожидала? – повторила за ведьмой Мартинити. – Привыкай. Первое, что ты должна запомнить – все есть ложь.

– Да я...

– Нема! – приказала Шэдар, и голос Иль Су пропал. – Не дыши.

Принцесса упала в снег и схватилась за горло. Шэдар почувствовала возмущение Дакасты и потому не стала усердствовать.

– Дыши, – дозволила она. – Передашь трактат Вехель и не вздумай отменять свадьбу! Пусть все идет своим чередом. Печати на твоей ауре я пока убирать не стану. Жди указаний. А теперь пошла вон!

Степнячка вскочила на ноги и в слезах бросилась прочь.

– Что ж, детишки, вы тоже свободны, – дозволила ведьма.

Черный ворон оглушительно каркнул и вспорхнул с плеча Мартинити.

Глава 16

Мартинити

С некоторых пор я начала ненавидеть состояние ожидания. Когда даже если и можешь действовать, то нельзя. Или вовсе отчетливо понимаешь – от тебя ничего не зависит.

И остается только ждать.

Сначала я ждала первых шагов от Асти, гадая, каким образом этот мужчина проявит свое отношение и захочет ли вообще его проявлять. Затем – мимолетных встреч с ним, ловила каждое теплое слово в свой адрес, каждый жест, подтверждающий его чувства. После случилось знакомство с Шэдар, и я ждала исцеления. Сразу за ним последовало ожидание встречи с невестой ректора.

И теперь снова предстояло ждать: ведьма ловко взяла управление в свои когтистые птичьи лапы. Не мне тягаться с ней в искусстве плести интриги. Шэдар хотела жить, вполне естественное желание.

Я же чувствовала, как петля вокруг моей собственной шеи затягивается все туже. словно незримый капкан, опоясывающий кольцом, стремится схлопнуться в точку и поглотить. Уничтожить бабочку, расправившую крылья в недобрый час. Сложно было не заметить некоторых перемен в поведении окружающих.

Начать хотя бы с друзей – они вдруг стали держать дистанцию, больше не стремились что-то узнать или поболтать после пар. Одногоруппники не замечали вовсе. словно вокруг меня щит, который отталкивает любые проявления дружественности и того, что принято называть теплыми отношениями.

Я не сразу обратила на это внимание, поначалу даже радовалась такому положению. Зато потом стало страшно. Я ощутила себя в пустоте, как если бы меня уже вычеркнули из книги судеб. Этими переживаниями я поделилась с Рантаром. Он сказал, что так и должно быть, связь с Зогардом набирает силу, и теперь ее влияние вышло за границы моего внутреннего мирка.

Самое противное: в данной ситуации я могла лишь продолжать ждать. Вот и все. А так хотелось действовать, сопротивляться.

Наверное, еще и поэтому я согласилась помогать Шэдар. Рядом с этой ведьмой казалось, что я тоже могу влиять на события и управлять своей жизнью.

Нельзя было не заметить и изменившегося отношения самого Асти. Нет, он не стал более многословным и по-прежнему видел во мне лишь малышку, которую следует защищать. Нечего было и надеяться отвоевать себе равноправие, да я и не стремилась. Всю сознательную жизнь меня учили подчиняться любимому мужчине, служить ему и не спорить. Именно он голова, защитник и тот самый стержень, вокруг которого следует плести свои мягкие нити женщине.

Веретено семьи. Только такие примеры я видела перед глазами.

Вот разве что Шэдар...

Да, она заставила меня по иному взглянуть на возможности. На место женщины. Только принесли ли ей свобода и независимость счастье? В собственных размышлениях я пришла к выводу, что необходимо найти некий баланс и поддерживать его. Измениться в одночасье я не могла, но кое-какие зерна, посеянные в результате знакомства с ведьмами, – Вехель тоже оставила в моей душе след, – все же проросли.

Я поклялась себе, что со временем обязательно стану гибкой, сильной и мудрой, чтобы добиться уважения любимого, чтобы принимать с ним решения на равных, чтобы быть ему не только отдушиной, но и опорой. У меня есть для этого много лет впереди.

Надеюсь, что есть.

Пока же я делала вид, что не замечаю недомолвок Рантара и того, как часто он стал появляться рядом со мной. Если раньше мы не виделись неделями, то теперь хоть раз в сутки, но пересекались. Пусть мимолетно, в коридорах факультета или на дорожках между учебных корпусов, тем не менее его внимательный взгляд как бы говорил: «Я рядом, не волнуйся».

Я понимала, насколько сильно он занят, поэтому была благодарна даже за эти знаки внимания. Лишь с грустью отмечала его осунувшееся за последнюю неделю лицо и тени под глазами, умеющими смотреть со столь обширной палитрой чувств.

Случилось и еще одно изменение, ясно показавшее, на какой хрупкой грани я балансирую – сны. Обычно я запоминала самые яркие эпизоды, оттого и боялась саму себя. Особенно вкупе с внезапными вспышками злости. Я полагала, что так проявляется моя теневая сторона, дремлющая до поры до времени, и сон – лишь отражение изменений, запущенных учебой в магическом универе.

После общения с Шэдар и разговора с Рантаром стало понятно, что именно послужило истинной причиной хронического недосыпа. И вовсе не связь с ведьмой, что было бы меньшим из зол.

События прошедших дней запустили обратный отсчет, повлиять на который могли разве что боги. Я физически ощущала ту самую сжимающуюся вокруг меня ловушку, а еще перестала запоминать сны.

Мне все меньше удавалось высыпаться, я вставала разбитой, словно и вовсе не ложилась, и постоянно зевала. Внимание стало рассеянным. Дошло до того, что я начала путать расписание занятий и номера аудиторий. При этом, сколько ни пыталась, не могла вспомнить, что же такого мне снится. Что происходит там, в другой реальности, которая, как выяснилось, тесно связана с внешним миром – взять хотя бы синяк на ноге, любезно оставленный бесом.

В один из дней я отчаянно клевала носом на паре по магическим жестам. В итоге мастер Джедрис сделал мне аж три замечания, а после занятия попросил задержаться.

– Дакаста, что происходит? – свел он на переносице светлые брови. – Ваша успеваемость упала, сами вы стали невнимательной и вялой. Не знай я вас подольше, подумал бы, что у вас печальный роман или еще какие-нибудь подобные глупости.

Я вспомнила Рантара и криво улыбнулась. Мастер Джедрис оказался не так уж далек от истины – назвать наш роман шибко счастливым было нельзя. Хотя, конечно, не декан факультета боевой магии стал причиной моего нынешнего состояния.

Преподаватель продолжил, игнорируя мою реакцию:

– Но вы всегда были прилежны, проявляли ответственность и явно не относитесь к тем адепткам, которые с легкостью меняют учебу на... э, сомнительного качества удовольствия.

Я посмотрела на мастера Джедриса с удивлением: о чем это он? Тот перехватил мой взгляд и кивнул:

– Видите, о том и речь. Уж поверьте, Мартинити, за столько лет практики я неплохо научился разбираться в людях.

– Мастер Джедрис, мне неловко за мое сегодняшнее поведение, и я... – запнулась на секунду и скорректировала обещание, – приложу все усилия, чтобы подобного не повторилось.

Он недовольно поджал губы. Некоторое время молчал, затем махнул рукой:

– Идите, надеюсь, вы действительно приложите все усилия.

Я облегченно выдохнула: откровенничать с преподавателем по магическим жестам в любом случае не собиралась, а врать не хотелось. Да и, честно говоря, я понятия не имела, что еще сказать в оправдание, чтобы выглядело правдоподобно.

Уже на пороге мастер Джедрис меня окликнул:

– Пойдите, Дакаста. Университет слухами полнится, мы все здесь как одна большая семья.

Я напряглась, медленно полуобернулась и вопросительно посмотрела на Джедриса. Он о чем-то сосредоточенно размышлял, наконец решился:

– Обычно я мало интересуюсь чужими делами, особенно личной жизнью. Однако... кхм, наш новый декан непростой человек, и характер у него... н-да. В общем, просто хотел сказать: вы не обязаны делать что-либо против своей воли. При необходимости всегда можно найти выход, пусть и кажется, будто вариантов нет.

Я растерянно хлопала ресницами, соображая, к чему он ведет. То, что Асти не подарок, факт известный, даже его отец заявлял об этом открыто. А вот остальное...

Открыла было рот возразить, но меня перебили:

– Подождите оправдываться. Конечно, только вам решать, как распоряжаться собственной жизнью, но уже сейчас видно, что ничего хорошего тут не выйдет. Поймите, боевые маги, – Джедрис усмехнулся и указал для наглядности на себя, – при всем наборе качеств, безусловно, импонирующих женщинам, они не созданы для долгосрочных отношений.

Ну, это уж слишком! Я рассердилась и прежде, чем успела подумать, едко заметила:

– Магиана Лакруони в курсе данной особенности боевых магов? – И добавила: – Мы же здесь как одна большая семья.

Ой, дура-а-а.

Глаза мастера Джедриса опасно сузились, он мгновенно подобрался и смерил меня оценивающим взглядом.

– Разумеется, – процедил преподаватель. – А вы, адептка Дакаста, все же подумайте.

Я в этот момент проклинала себя за несдержанность. Нет, доучиться в ШТУЧКИ таким образом мне точно не светит.

– Прошу прощения, – покаянно пискнула я.

Он поморщился:

– Будем считать, мы просто поговорили... по-семейному. Берегите себя, Мартинити.

Последние слова походили больше на угрозу, чем на доброе напутствие. Расставаться на столь неоднозначной ноте не хотелось, поэтому я набралась наглости – вряд ли будет хуже, чем уже есть, – и прямо спросила:

– Мастер Джедрис, а существуют ли жесты, способные помочь противостоять сущностям с иных планов бытия?

– Адептка, вы меня пугаете.

Я удостоилась еще одного очень и очень пристального взгляда. Он поднялся на ноги и прошелся взад-вперед вдоль стола.

– Есть небольшой раздел, посвященный борьбе с бесплотными тварями, – произнес задумчиво мастер Джедрис. – Однако того, что дает магиана Болинджер, в целом вам будет достаточно. Понимаю, последние события в университете могли напугать, но сейчас уже не о чем беспокоиться.

А вот здесь, уважаемый мастер Джедрис, я с вами не могу согласиться. Беспокоиться есть о чем, и еще как! Естественно, об этом я промолчала. Зато воспользовалась тем, что преподаватель сам нашел объяснение моему интересу, сделала скорбную мину и жалобно произнесла:

– Магиана Болинджер... эм, она рассказывает о реальной угрозе. А мне бы что-нибудь мелкое, бытовое. Кошмары прогнать, когда магический фон неблагоприятный, головную боль снять.

– Обратитесь к лекарям.

– Обращалась, – соврала я и удрученно развела руками, – по всем параметрам здорова. А сплю плохо, измучилась вся.

– Что ж, попробуйте поискать в библиотеке в секторе восемь. Третья или четвертая полка... да, кажется, там. Я тоже больше по... хм, реальным угрозам специализируюсь. Ну и по работе с плотной физикой. С тонкими планами давно не практиковал, поэтому навскидку ничего не подскажу. Но если найдете в книгах что-то полезное, подходите, помогу освоить.

Я горячо поблагодарила преподавателя и рванула в библиотеку. Все же прав Дилаэль: мастер Джедрис – мировой мужик, одно, что боевой маг по основному направлению. Хихикнула, вспомнив откровения преподавателя насчет направленности его дара. Помочь ведь хотел, пусть и весьма своеобразно. И мне действительно было приятно заслужить его похвалу и внимание – это ценно.

За подобными мыслями я без помех добралась до цели. Время было довольно позднее, в библиотеке царил полумрак. Новый семестр только-только перевалил за середину, поэтому желающих окопаться среди книг почти не имелось. Кивнув новому слегка подслеповатому библиотекарю, я уверенно отыскала восьмой сектор. Дальше удача меня покинула, потому что ни на третьей, ни на четвертой полке нужных книг не обнаружилось. Правда, то, что попадалось, свидетельствовало о верном направлении поисков.

Пока я перебирала и перелистывала разной толщины фолианты, библиотека окончательно опустела. Магические светильники над соседними стеллажами погасли за ненадобностью. Вздохнув, я решила попытать счастья на верхних полках и отправилась на поиски лестницы.

Как назло, простенькое дело обернулось почти невыполнимым заданием, будто их специально куда-то попрятали. Что за дела? Пришлось потревожить уже задремавшего за высоким и длинным столом библиотекаря. Он пробубнил что-то про инвентаризацию и учет, после чего послал меня к методистам.

Служебное помещение методистов больше походило не на библиотечную комнату, а на лабораторию. Разве что здесь тоже повсюду лежали книги. Раньше мне не доводилось бывать в методичке, но я знала по рассказам знакомых с факультета зельеварения и алхимии, что их частенько ссылают сюда на отработку.

Дело в том, что магические книги требуют особенного ухода и поддержания их в сохранном виде. Кроме того, новые фолианты,

поступающие на хранение в ШтУЧКИ, обязательно проходят магическую проверку на безопасность. Книги обрабатывают особыми составами, распределяют по классам допуска, наносят специальную маркировку, и прочие премудрости. Тонкостей много, не зря же у нас в универе имеется целый факультет архиведения, где учат всему связанному с письмом, документами и книгами.

В общем, немного поглазев на колбочки и реторты с разноцветными жидкостями, я еще задержалась около мерцающего ядовито-зеленым свитка и только потом вспомнила, зачем пришла. Лестницы я тут не заметила, зато обнаружила приоткрытую дверь без каких-либо опознавательных надписей.

Рассудив, что это может быть кладовка или другое подсобное помещение, потянула на себя ручку и заглянула внутрь. Вспыхнувший магический светлячок помог увериться в верности собственных выводов. Комната напоминала склад с ненужной и позабытой всячиной. Но главное, здесь была складная библиотечная лестница – стояла у противоположной стены, заваленная старыми газетами.

Пока я расчищала к ней проход и разгребала макулатуру, в методичку кто-то вошел. До меня донесся незнакомый голос, и так как дверь в каморку оставалась чуть приоткрытой, я прекрасно расслышала каждое слово.

– Иргерда не соврала, ты действительно тут!

– Зул? Какими ветром тебя сюда принесло? – удивленно произнес другой голос, и я отлично знала его хозяина.

Светлые боги, встречаться с профессором Зигисолем до тошноты не хотелось. Можно сказать, в буквальном смысле. Я его на парах-то едва терпела – слишком свежи еще были воспоминания о приготовленном им «целебном» зелье. Затаившись, решила подождать, когда преподаватели уберутся восвояси. Ведь не будут же они тут вечно торчать. К тому же разговор набирал обороты, и сложилась довольно щекотливая ситуация. Если я сейчас выйду, то выдам свою осведомленность, а если нет – вроде как продолжу подслушивать. Хотя почему «вроде»?

Проклятье!

– Я по делу, Зигисоль. Так сказать, по старой памяти.

– Нет больше никакой памяти, ясно?! – резко и, как мне показалось, нервно ответил профессор. Похоже, он понял из короткой

реплики гораздо больше меня, и сказанное ему не понравилось.

– Послушай, мне действительно нужна твоя помощь. Я не бог и сколько ни бьюсь, зачарованный фарфор поддается изменениям слишком медленно.

– Я сразу говорил, это дурная затея. Тебе мало моего горького опыта? Глупо идти против природы и законов мироздания. Жаль, я осознал это слишком поздно, – так тихо, что я едва расслышала, закончил профессор Зигисоль.

– Я не ты, здесь все иначе! Пожалуйста, мне нужна живая плоть, а не холодная кукла. Она почти обрела новую жизнь, осталось немного. Твои зелья в сочетании с моими чарами должны дать результат! Так и будет.

– Уходи, – глухо откликнулся профессор.

Что-то разбилось. Через некоторое время вновь раздался незнакомый мне голос:

– Проси что захочешь. Тебе известно, как далеко простираются мои возможности. Я сделаю все, что скажешь.

– Нет, – отрезал Зигисоль, – хватит! Я больше не играю в эти игры. Обратись к кому-нибудь другому.

– Никто не согласится, тебе известно не хуже меня, – ответили ему с горечью.

– В Вольных Землях найдутся умельцы. Но позволь дать тебе совет, Керфус. Оставь эту затею, найди магичку со схожим даром и хотя бы ради нее попытайся сохранить все человеческое, что в тебе еще осталось. Если бы шифу Лао хотел жизни той, которую ты вознамерился оживить, он бы...

– Лао выкинул ее, как сломанную игрушку!

– Потому что она и есть игрушка! Бездушная кукла, голем.

Оба преподавателя практически кричали. А я подумала, что надо было выходить раньше. Если они обнаружат меня теперь... По позвоночнику прогулялся ощутимый холодок.

Кругом одни безумцы!

Реальность такова, что среди сильных магов нет ни одного, кого бы не коснулась теневая сторона его дара. И с некоторыми из них лучше и вовсе не встречаться. Может, поэтому родители не стремились развивать во мне способности? Слишком высокая плата за возможность подчинять тонкие материи в угоду себе.

– Не смей говорить о том, о чем понятия не имеешь, – зло пригрозил незнакомец.

– Зул, я действительно желаю тебе добра, – как-то устало и обреченно произнес профессор Зигисоль.

Его собеседник расхохотался, и было в этом смехе нечто... ужасное. Я даже голову в плечи втянула.

– Забавно услышать о добре из твоих уст.

– Убирайся вон! Я не стану помогать, это мое последнее слово.

Хлопнула дверь. Да так, что я невольно вздрогнула. Чуть погодя дверь стукнула еще раз.

Что, неужели и Зигисоль убрался следом за приятелем?

Выждав еще немного, я приникла к щели между дверью и косяком и прислушалась. Тихо, ни единого шороха. С замиранием сердца выскользнула из кладовки и быстро покинула помещение методистов. А за лестницей я лучше наведуясь завтра с утра – те книги, о которых говорил мастер Джедрис, мне все-таки нужны. Сейчас же хотелось оказаться как можно дальше от библиотеки и всех тайн магов, обитающих на территории Университета чароплетства. Жаль, последнее невозможно.

Глава 17

Рантар

Сегодня на территории преподавательского городка выпал снег. Удивительное и странное событие, ведь мир, в котором жили маги, создан искусственно, как и погода в нем. Рантар отстраненно отметил этот факт, продолжая путь. Под ногами весело скрипел снег, искрился в лучах солнца, а вот на душе у декана боевиков было не так радужно.

Он испытывал непривычное, тягостное чувство. В попытках его опознать Рантар пришел к мысли, что это обида. И причина ее крылась не в самом поступке Ишидана – это-то Асти понять как раз мог, слишком давно и хорошо знал друга, чтобы уж слишком удивиться. Горечь в груди возникла из-за другого: он не рассказал Асти.

– Господин ждет вас, – голем у ворот поместья Лао прервал размышления.

Кивнув кукле, хотя той этого и не требовалось, боевой маг последовал за ней. Шифу нашелся во внутреннем дворе, отрабатывающий удары и связи. В руках он держал посох. Ишидан не любил брать в руки оружие, а тут...

Однажды на вопрос Асти, почему степняк не пользуется мечом, как остальные маги Карфаена, Лао сказал, что нужно помнить свои корни. Казалось бы, ответ лежал на поверхности, но Рантар уловил, что он гораздо глубже, чем выглядел на первый взгляд. Позднее порывшись в книгах, он узнал, что в Стране Ветров владеть мечом позволялось только представителям высшего сословия, остальные могли брать в руки лишь деревянные посохи.

Тогда Ишидан поделился тем, что на его родине всегда скрывали – своим происхождением. Род Лао поднялся из самых низов и должен был прятать свидетельства своего неблагородного прошлого, чтобы стоять вровень с древними аристократическими семьями. Но Ишидан Лао всегда был немного странным.

Глядя на быстро перемещающегося по двору Ишидана, босого, в одной нательной рубашке и легких белых штанах, Рантар отметил, что

даже в бою степняк сохраняет присущий ему стиль. Изящен и смертоносен. Правда, сейчас он мало походил на себя, и увидь шифу кто другой, не узнал бы в нем ректора университета.

В последний раз крутанув посох, Лао встретился взглядом с Асти.

– Поговорим? – холодно произнес боевик, но вышло неубедительно. По какой-то причине злиться не получалось.

Ишидан не ответил.

– Молчишь?

– Если ошибся дорогой, то можно вернуться. Если ошибся словом – ничего нельзя сделать, – немного напряженно произнес Лао.

Это, казалось бы, простое выражение вывело Рантара из себя. Рывок – и он около Ишидана. Замах – и хитрый лис летит на землю.

– Тебе легче? – спросил Лао. Он лежал на спине и смотрел в небо, бровь степняка была рассечена, на снег упало несколько капель крови.

– Знаешь, я шел сюда с четким намерением поговорить, а теперь мне даже и этого не хочется, – устало поделился Асти, опускаясь рядом на снег.

– А я уже не знаю, чего хочу, – тихо признался Ишидан.

– Ты заигрался! Конечно, твоя работа не самое лучшее место – держать в узде стольких магов, которыми овладел дар. Но и ты сам попался в эту ловушку. Страшно представить, какое качество во мне пробудится настолько гротескно, что я стану одержим.

– Тебе проще, боевые маги долго не живут, – утешил Лао и вытер кровь.

– А из-за кого? Недавно меня чуть не убил Зул! Ты в курсе, что он безумней тебя? Он взял себе твою куклу.

– Зачем мне черепки? – не сводя взгляда с голубого купола над ними, поинтересовался Ишидан. – Среди суеты человеческое сердце часто теряет свою непосредственность. Отрешись от мыслей, обрети покой – и ты будешь плыть вместе с облаками в небе, очищаться от пыли под струями дождя, радоваться, слушая пение птиц, и прозревать свое естество, созерцая опавшие листья.

– Все с тобой ясно, – вздохнул Рантар. – Сам расскажешь или наводящие вопросы задавать?

– Лепорт доложил о моих обширных связях? – отрешенно поинтересовался Лао.

– Ты про культистов? Или конкретно Такару Алую?

– Надо сказать погодникам, чтобы устроили метель. Люблю управляемый хаос. Шэдар тоже любит снег. – Ишидан будто находился где-то далеко. – Никогда не думал, что меня коснется этот недуг.

– Ты о безумии?

– Любовь. Но я, как наивный юнец, впервые познавший страсть, все испортил. Она ушла. Ушла, не приняв мое видение жизни.

Рантар засомневался: а трезв ли его друг? Однако тренировка с боевым посохом точно бы показала обратное.

– Речь о шести женах и месте женщины в доме?

– Да. Она посмеялась. Я задел ее гордость, гордость вольной ведьмы, а она задела мою. И я решил, что покорю ветер и обуздаю бурю. Сначала перебрался в Карфаенскую империю – старшие ведьмы часто посещают ее, после занял достойное положение и задумался, как поймать птицу.

– Вот тут ты допустил ошибку, – заметил Рантар. – У нас есть уйма мастеров, занимающихся похищением кого и чего угодно.

– Такой способ хорош для юных и глупых особ, – уязвленно ответил Лао. – Женщина, подобная Шэдар, должна прийти сама. Зная, что в Круге у нее особое положение, я стал выбирать. В Карфаене наплодилось слишком много культов, в Стране Ветров их давно выжгли с корнем.

– И ты выбрал, – Рантар просто констатировал факт, даже на обвинение в голосе сил не осталось.

– Зогард – властитель желаний. Не опасней остальных, но и не самый слабый. Зная, что нужно сущности, действовать проще. Как и многие, он желал воплощения, и я, отыскав нужные артефакты, подарил их разным коллекционерам. Естественно, сделал это через третьих лиц, оставив себе только Сердце Ахоры. Последователи Зогарда до поры и не знали, что есть возможность воплотить повелителя. Но для этого им был необходим вождь – сильный и умелый маг, который бы страстно чего-то желал. Этим магом и стала Такара, мечтающая продлить себя в потомках. Слух там, слух здесь – и вот она уже приносит жертвы.

Лао потянулся, а после продолжил:

– Оставалось только ждать, когда Алая окончательно сойдет с ума и Круг примет меры. – Ишидан замолчал и о чем-то задумался. – Пойдем в дом, – поднимаясь с земли, предложил он.

– Давно пора, – буркнул Рантар, который порядком продрог, но откровениям мешать не собирался.

– Ты недавно ходил в Холодный дворец, – вдруг произнес Ишидан. – Зул. Ты все время задаешься вопросом, зачем он мне. Именно благодаря его выходкам я и придумал, как поймать Шэдар. Создатель этого артефакта был мастером пространства, он сотворил множество ловушек.

– Ты держишь Керфуса из благодарности? – опешил Рантар.

– Конечно нет, – усмехнулся Лао. – Керфус хоть и своеобразен, но полезен.

Куклы торопливо раздвигали двери перед хозяином и его гостем. Остановились они в гостиной, где уже был подан чай.

Ишидан весьма свободно сел на подушки, не было сегодня в нем той нарочитой приверженности традициям. Плюнув на все, Асти скинул меховой плащ и тоже сел, поджав под себя ноги. Взгляд его зацепился за портрет женщины, висевший на противоположной стене от стола. Женщины, которая порядком уже достала, как и ее влюбленный рыцарь.

– Что дальше?

– Дальше все просто. Ночной охотнице предсказуемо поручили устранить Алюю. Когда произошла битва между ведьмами, я был там и помог Такаре.

– Она так запросто согласилась? – удивился Рантар, ведь сестрам из Круга несвойственно верить на слово. – Алая доверилась тебе?

– Такара решила, что я мщу Шэдар за то, что та меня бросила. Самолюбие мужчины – самая его уязвимая часть, – явно повторил слова Алой Ишидан. – Шэдар не смогла исполнить приговор с первого раза и приняла подарок выжившей.

– Скажи мне вот что. Почему ты решил, что она придет в твой университет? В стране полно учебных магических заведений, да и дураков с даром не меньше, – заметил Рантар и отхлебнул чая.

– То, что из книги она могла вырваться только за счет кого-то другого, ты уже понял. Ей нужен был человек с даром, а лучше необученный – таких полно в тех самых заведениях, которые ты упомянул. Здесь я рассудил так: в ШТУЧКИ самая большая библиотека магических книг, от Вольных Земель – это ближайший университет и, наконец, алтарь ушедшего бога.

– Забыл еще упомянуть девчонку с проклятьем на шее. Ты в курсе, что Шэдар грозит убить и ее, и всю столицу?

– Кто тебе сказал?

– Еще один влюбленный дурак. – Рантар припомнил посещение своего кабинета отпрыском семейства охотников на ведьм.

– Адептка Хмарь стала запасным вариантом. На ней чары за авторством Шэдар, а значит, хозяйка их чувствует. – Лао подлил себе чая. – Она не сделает того, чем пугает этих детей.

– Уверен?

– Скорее Такара явится в университет и устроит черный мор просто потому, что так пожелает ее новый господин, – ответил Лао.

В комнате повисла тишина.

О чем думал Ишидан, Рантар не представлял, а вот сам он решал, как поступить. То, что необходимо удвоить слежку за Хмарь, – очевидно. Возможно, стоит убить девчонку и прикопать в одном из закрытых могильников.

– Про алтарь твоя ведьма знать не могла, да и ее появление в университете слишком призрачно.

– Я позаботился обо всем пути следования моего цветка. Нашлись одаренные, которые за определенную плату прогулялись бы по Ильтарскому тракту. В нужный момент она узнала бы и про алтарь. Мне нужна была череда событий, никак не связанных со мной.

– Смотрю, ты все учел.

– Не все, – поморщился Лао. – Встреча с Дакастой стала тем фактором, который сломал всю игру! Не говоря уже о твоём вмешательстве и метке Зогарда на ней. Я рассчитывал сдать культистов тебе, но после того, как твой мотылек получил печать жертвы, пришлось внести в план изменения. Выставить Сердце Ахоры на всеобщее обозрение и...

– Предать мое доверие, – глухо произнес Рантар то, собственно, за чем и пришел сюда.

– Твоего доверия я не предавал. Ты в итоге останешься победителем: схватишь культистов, получишь похвалу императора и Дакасту. Ты просто обижен, что тобой играли втемную.

– Ты хоть понимаешь, что мне придется отчитываться?

– И отчитаешься, в чем проблема? – удивился Ишидан.

– Что я напишу в отчете? Большая интрига Лао?! – рявкнул Асти и стукнул кулаком по столу.

Звякнули чашки.

– Успокойся, что-нибудь придумаем. О моем участии ведь знает только Лепорт? Так?

– Не вздумай, – предостерег Рантар, только он сам имел право прибить кошачьи уши над камином. – Лучше скажи, что с принцессой?

– Иль Су? – уточнил Ишидан. – С неба должен идти дождь, девушка должна выйти замуж.

– Не смейся! Ведьма никогда не согласится делить тебя.

– Я знаю, – мечтательно улыбнулся Лао. – Разве ты не слышал, Иль Су собирается сбежать.

– И ты позволишь?

– Конечно. Я не могу сказать «нет» императору и не могу сбежать сам, зато она способна разорвать связи. Надо просто подождать.

– Она передала ведьме книгу, – напомнил Рантар.

– Да, Иль Су предсказуема. Просчитать ее мысли и поступки было проще всего. Копию того трактата она получила от меня в подарок. В тот момент ей было приятно: для женщин Страны Ветров иметь возможность прикоснуться к магии – все равно что сорвать запретный плод.

– А все, что она сказала Шэдар, это ложь?

– Нет. Мне нужен был кто-то... хм-м-м...

– Кто восславит героя в глазах любимой, – подсказал Асти.

– Оценил ход, да?

– Знаешь, что я тебе скажу, друг? Ни одна женщина не стоит того, чтобы устраивать конец света.

– Уверен ли ты в своих словах? И если все так, то не проще ли просто убить Дакасту и лишиться Зогарда возможности воплотиться на этом плане?

– Не смей, – процедил Рантар.

Взгляд Лао стал красноречивее любых слов.

В комнате снова надолго воцарилась тишина. Рантар думал о том, что Ишидан оказался безумцем, похлеще Зула. Его дар сыграл с ним злую шутку: создавая кукол, он так вжился в роль, что теперь не мог не управлять из тени событиями и людьми. И чем запутаннее интрига,

тем больше удовольствия он получает. А еще чисто по-мужски он понимал друга.

– Что делать-то будем? – задал насущный вопрос Асти. – Пора уже заканчивать твою игру и просто жить.

– Пора.

– Ну и?

– Слушай, – раздраженно заметил Ишидан. – Планы не растут, как бамбук, здесь нужен расчет всех ходов. И постоянная корректировка.

– Тогда сыграем по-моему. Боевые маги тоже умеют веселиться.

– Поясни.

– Соберем всех на одной сцене и устроим неожиданный финал. Одним ударом.

Мартинити

– Успокойся, пожалуйста, – Рантар слегка поморщился. Очевидно, моя экспрессивная речь в защиту подруги его не только не убедила, но и вызвала раздражение. – Могу понять твоё желание видеть только хорошие стороны в людях, но факты, милая, говорят об обратном. И я вынужден придерживаться именно фактов, – с нажимом произнес он.

– Но это чудовищная ошибка! Нелепица какая-то. Зачем Вехель убивать профессора Зигисоля? – Я невольно передернула плечами. – Еще и таким варварским способом. Рантар, она просто запутавшаяся девчонка, такая же, как я. Да, у Вехель непростая судьба, но такое... это слишком. Разве я могла бы убить... так? Какую силу нужно иметь для подобного.

– Ты другая! – неожиданно рывкнул Рантар, отчего я вздрогнула. – Не сравнивай себя с ведьмами из Вольных Земель. Тебя растили, как любимый и нежный цветочек, ее – с раннего возраста удобряли ядом и ненавистью ко всем живым существам.

Я схватилась за голову и отчаянно простонала:

– Вы с Шэдар будто сговорились.

– Не думал, что произнесу это когда-либо, но в данном случае я разделяю взгляды Шэдар Шорох и полностью поддерживаю. А учитывая то, что этой ведьме лучше всех известны нравы и порядки Круга, советую и тебе прислушаться к ее мнению. Жаль тебя огорчать,

но если она не верит в чистое сердечко той, которую сама же спасла от гибели, это говорит о многом, Марти.

– Да пусть Вехель хоть трижды предательница и интриганка, она не убийца!

– Я обязательно это выясню, пока же известно лишь то, что покойный... – Рантар явно пропустил какое-то слово, – сжимал в кулаке шейный платок, принадлежащий адептке Хмарь.

Мои мысли вернулись к страшным событиям утра, когда стало известно, что профессора Зигисоля нашли мертвым в лаборатории на кафедре ядов и снадобий. Я ушам своим не поверила, но, разумеется, подобными вещами шутить никто бы не стал. Когда же к нам в комнату заявила охрана университета и заковала ничего не понимающую Вехель в магические кандалы, стало совсем жутко.

Мою рыжую язвительную подругу подозревали в зверском убийстве. Профессора буквально исполосовали, на нем живого места не оставалось. То есть его не просто лишили жизни, а именно изуродовали тело. Ну и кто может поверить, что это сделала Вехель? Это какой изощренный план нужно было составить, чтобы воплотить подобное в реальность и остаться якобы не у дел. Столько труда, чтобы глупо оставить на месте преступления свой платок? Какой бред.

Однако платок был, и, как сказал Асти, это факт. Достаточный для взятия Вехель под стражу.

– Она всю ночь находилась со мной в комнате, – привела я, как показалось, убедительный аргумент в защиту.

Рантара он не впечатлил. Подавшись чуть вперед из-за стола, он пытливо сощурился:

– Уверена? Можешь положить руку на сердце утверждать, что всю ночь не сомкнула глаз и Хмарь оставалась в поле твоего зрения?

Пришлось отвести взгляд.

– Вот и я о том же, – удовлетворенно кивнул Рантар.

С моими кошмарами, кои стали похожи на слепые пятна, утверждать что-либо я никак не могла. Я и за себя-то не была уверена...

Очередная мысль больно кольнула сердце, меня бросило в холодный пот.

– Рантар, – выдохнула едва слышно, – я... я всегда недолюбливала профессора, особенно после того зелья... ну ты помнишь. И мои сны.

Вдруг...

Он вскочил на ноги так быстро, что я даже понять ничего не успела, как оказалась прижатой к большой и сильной груди любимого мужчины. Он запрокинул мой подбородок, прожигая яростным взглядом. То есть действия Асти были продиктованы вовсе не романтическими чувствами.

– Мотылек, – спустя долгую паузу как-то обреченно выдохнул он, – ну что мне с тобой делать? Хмарь, по-твоему, силенок бы не хватило, а заподозрить себя – всегда пожалуйста. Светлые боги, неужели это такой изощренный урок мне, для равновесия?

– Не понимаю. – Я больше не боялась Рантара, начав привыкать к его импульсивности. Поэтому осторожно высвободилась и обняла уже сама.

– Твоя мягкость, незащитность, вера в людей и готовность к самопожертвованию порой доходят до такой степени, что пугают меня. Я другой, Мартинити, и сильно. Ты настолько от меня отличаешься, насколько и дополняешь. – Он саркастически усмехнулся: – Ишидан бы непременно сказал о балансе.

Я смутилась, размышляя, чего в этих словах больше: досады или похвалы. Так или иначе, а мои объятия Рантару были приятны, отстраняться он не спешил, и потому я тихо произнесла:

– Когда понимаешь, что не принадлежишь себе полностью, становится страшно. За последние месяцы я несколько раз чуть не убила. Я узнала, что такое ненавидеть каждой частичкой своего существа, каково это – хотеть крови. Мне противно признавать данный факт, я с удовольствием стерла бы воспоминания, но сделать вид, что ничего не было, не могу.

– Это не ты, – жестко отрезал Рантар. – Поверь, о таком я узнал бы первым.

– Но...

– Все, мотылек, тема закрыта. Тебе достаточно знать, что ты здесь ни при чем.

Я закусила губу, понимая: дальнейшие расспросы ни к чему не приведут. А злить Рантара в мои планы не входило. Наоборот, декана боевиков следовало смягчить.

Наш поцелуй вышел долгим и терпким. Он будто хотел меня в чем-то убедить или... извиниться? Я же стремилась растопить лед

сурового и категоричного настроения любимого, перед тем как попросить.

– Пусти меня к ней, – когда вновь смогла говорить, шепнула Рантару на ушко, продолжая невесомо поглаживать его небритую щеку.

– Нет.

– Пожалуйста. Разве я о многом прошу? Представь, как она сейчас растеряна и напугана. Я должна увидеть Вехель. В конце концов, она столько для меня сделала!

– О да, она столько тебе сделала, – язвительно повторил на свой лад Рантар. – Помню.

Я вздохнула:

– Сделай это для меня, пожалуйста. Всего несколько минут.

Он колебался, но в итоге, смерив недовольным взглядом, согласился:

– Хорошо, но взамен ты пообещаешь, что мы больше не станем обсуждать мои решения относительно Вехель Хмарь. Еще не хватало трепать из-за нее нервы.

Послушно кивнула, радуясь пусть и маленькой, но победе. Ведь в начале разговора он и слышать не желал о том, чтобы меня пустили к подруге.

Далее день пошел своим чередом. Занятия продолжались по расписанию, несмотря на чудовищное происшествие. Странно было осознавать, что кто-то вот так запросто убил преподавателя в стенах, казалось бы, одного из самых неприступных университетов империи. Теперь присутствие некроманта в ШТУЧКИ казалось более чем обоснованным.

Некромантки.

Кое-как я досидела до окончания пар и теперь торопливо шагала в городской изолятор, поспевая за размашистым шагом Асти. Мысль о магиане Болинджер породила вопросы, которые я тут же и озвучила:

– Скажи, разве Ирель Болинджер не может выяснить, кто убил профессора?

Рантар озадаченно посмотрел на меня, затем на его лице промелькнуло понимание. Он снисходительно улыбнулся.

– Вот ты о чем. Не верь всему, что болтают о некромантах. В некоторой степени она может помочь... собственно, Ирель и помогла.

Я стиснула зубы покрепче, чтобы не ляпнуть чего лишнего. Все же то, как он называл ее по имени, откровенно бесило. Рантар не заметил моего мрачного вида, сосредоточив внимание на дороге, продолжил:

– Дело в том, что состояние тела покойного не предполагает удобства работы некроманта, сколь бы квалифицированным он ни был.

Я поежилась: в отличие от Рантара, у меня не получалось рассуждать о погибшем человеке столь же спокойно и отстраненно, тем более о том, кого знал довольно близко. Похоже, для Асти ситуация была обыденностью, он привык видеть смерть, она его не шокировала. Я же никак не могла отделаться от ощущения, что все это не по-настоящему. Ведь еще недавно я сидела в кладовке и явственно слышала голос Зигисоля, а теперь профессора не стало.

Воспоминание о подслушанном разговоре обожгло не хуже горитравы.

Как же я могла забыть! Хотя, быть откровенной, я не придавала особого значения тому случаю – мало ли тайн хранят люди, особенно маги. Сказалось и мое состояние последних дней, когда вчерашний-то день как в тумане и все время ищешь, где бы прилечь. Гораздо больше меня тогда занимали книги, которые посоветовал мастер Джедрис. После того как я все же вернулась в библиотеку и отыскала нужное, о профессоре Зигисоле уж точно думать забыла.

И видимо, зря.

– Мотылек? – нахмурился Асти, заметив, что я сильно отстала. Он вернулся и требовательно на меня посмотрел. – В чем дело?

Мы стояли перед входом в серое, казенного вида здание. Сегодня на улице было пасмурно, отчего окружающее пространство выглядело еще более унылым.

– Я кое-что слышала... от профессора Зигисоля. Подожди, – уцепилась я за руку Асти.

Он явно намеревался подняться на крыльцо с неприметной вывеской, где под имперским гербом Карфаена расположились мелкие буквы названия учреждения. Конечно, ничего важного и полезного услышать от меня он не ожидал. Может, так оно и было, но я считала необходимым рассказать все, что знаю.

– Четыре дня назад я стала случайной свидетельницей разговора профессора с неким неизвестным человеком. Это происходило в

методичке при библиотеке, ну знаешь, где...

– Ближе к делу, – нетерпеливо перебил Рантар, который теперь внимательно меня слушал. – Где, как и почему, а также остальные детали своего участия расскажешь позже. Что именно тебя смутило?

Как могла точно я пересказала разговор профессора Зигисоля, напрягая память и стараясь ничего не упустить. Получилось хоть и не дословно, но думаю, смысл передать удалось.

Лицо Рантара по обыкновению превратилось в ничего не выражающую маску. Только острый взгляд да складочка между бровей говорили о напряженной работе его мысли.

– Керфус Зул, говоришь? – задумчиво произнес Асти.

Я переминалась с ноги на ногу, чувствуя, как зимний холод забирается под пальто и щиплет за нос. Рантар качнул головой и вынырнул в действительность.

– Идем, озябла вся.

Мы поднялись по отделанным гранитной плиткой и вычищенным от снега ступеням.

– Молодец, что рассказала, – похвалил он.

– Могло это иметь отношение к произошедшему? Ты же проверишь, да? В таком случае Вехель...

– Я сделаю все необходимое, чтобы навести порядок в проклятом университете и наказать виновных, – твердо произнес Рантар, открывая передо мной двери. – Не сомневайся. Тему с адепткой Хмарь мы прояснили еще в обед. Это все.

Спорить не хотелось. Я вздохнула и ступила в тепло, жмурясь от слишком яркого освещения после сумерек улицы. Дежурный за конторкой кивнул Асти в знак приветствия и без лишних вопросов пропустил дальше, за магический барьер. На меня покосился с любопытством, но промолчал.

Вообще все встреченные нами сотрудники изолятора отличались сдержанностью в выражении мыслей и эмоций. Было заметно, что Асти они знают, и, как я решила, этого было достаточно для моего беспрепятственного прохода туда, куда обычным посетителям путь закрыт. Только один раз, когда мы спустились на два уровня ниже под землю, постовой у зарешеченных дверей, отдав честь, сухо поинтересовался, кто я такая.

– Свидетель, – лаконично пояснил Рантар и расписался в журнале.

Охранник убрал журнал в стол и отпер решетки. От них так сильно фонило магией, что даже не умея видеть сплетение чар, и так бы поняла: соваться туда не стоит.

Когда мы вновь остались с Асти вдвоем, я негромко произнесла:

– Это место совсем не похоже на тюрьму, а еще того мрачного человека в плаще с капюшоном конвоиры увели в противоположную сторону.

– И много ты видела тюрем? – усмехнулся Рантар. Но прежде, чем я придумала достойный ответ, примирительно согласился: – Не возмущайся, ты все подметила верно. Только мы не в тюрьме, а в изоляторе – здесь находятся те, чью законопослушность еще предстоит выяснить. А Хмарь содержится в специальном секторе для особых заключенных.

На мой невысказанный вопрос он ответил, не дожидаясь уточнений:

– Она опасна, Марти. Твоя соседка носит в себе болезнь, способную за сутки выкосить большую часть Карфы, – серьезно пояснил он. – Я не могу так рисковать. Хватит с нас безумства Лао.

Было в этих словах нечто важное, какой-то ускользающий смысл, недосказанность. Они царапнули сознание и растворились в окружающей тишине. Даже шаги здесь приглушало специальное покрытие на полу.

Не отыскав ответов, кроме смутных подозрений, я возразила:

– Она давно живет с этим проклятием, и ее зачислили в ШТУЧКИ, мы уже полгода делим с Вехель крышу над головой.

– Это-то и страшно, – не проникся Рантар. Вроде бы он хотел добавить что-то еще, но сдержался, а вскоре мы пришли.

Вехель сидела в углу маленькой комнатки, где уместились узкая лежанка, стул, раковина и ведро. Я видела ее в небольшое оконце в дверях, она же подняла голову лишь тогда, когда Асти провернул замок.

На миг почудилось, что при виде меня подруга обрадовалась, в потемневшем взгляде мелькнула надежда. Но она сосредоточила внимание на Рантаре, поджала ноги и презрительно отвернулась.

– Выйди, пожалуйста, – попросила его я.

Против ожиданий, Рантар возражать не стал. Однако произнес, обращаясь к Вехель:

– Надеюсь, ты помнишь о печати на ауре. Даже думать не смей использовать ситуацию с выгодой для себя. Тебя не станет раньше, чем ты закончишь волшбу.

– И для вас это было бы лучшим решением, – не скрывая сарказма, ответила Вехель.

– Нет смысла отрицать очевидное, – игнорируя мой красноречивый взгляд, подтвердил Рантар. – Тем не менее ты все еще жива. Если сама ничего не испортишь, у тебя есть все шансы таковой и остаться.

Она на это лишь скривила губы, всем видом давая понять, что ни капли не верит. Я же вспомнила о своих опасениях, подтолкнувших меня к сотрудничеству с Шэдар. Асти действительно проще избавиться от Вехель, чем пытаться помочь. К тому же, как можно было убедиться, он совершенно не склонен к сентиментальности и привык к чужой смерти.

Еще полгода назад я бежала бы без оглядки от такого мужчины, сейчас лишь отстраненно констатировала факты, понимая, что мои собственные взгляды на жизнь изменились кардинально. В жестоком и полном опасностей мире мне нужен кто-то, кто сможет защитить.

Сильный и духом, и телом, и даром.

Рядом с Асти я смогу сохранить то мягкое и светлое, что еще осталось от прежней Мартинити. Надеюсь, что смогу. Мой отец оказался слаб, и каким бы он ни был хорошим человеком, мое нынешнее положение говорит о многом. А превратиться со временем в такую, как Шэдар или та же Вехель, я не хотела. Их доспехи казались слишком печальной и непосильной ношей.

– У вас пятнадцать минут, – обозначил Рантар и вышел, заперев дверь.

Еще днем мне так много хотелось сказать подруге, а сейчас все слова куда-то исчезли. Она заговорила первая:

– Когда генералы ведут на карте сражение, жизнь рядовых значения не имеет.

– Ты права. – Я подошла к ней и села рядом на твердую лавку, служащую постелью. – Мне очень повезло. Один из генералов решил, что среди рядовых мне не место. Иначе не знаю, дожила бы я до финального сражения или нет.

– Да, жаль, генералов так мало. И те имеют свойство гибнуть.

Я поежилась, уловив мысль Вехель. Плата за безопасность высока, как и те риски, которые они несут. Сегодня у тебя есть все, а завтра... даже за жизнь дочери императора Страны Ветров нельзя поручиться. А ведь им завидуют, мечтают поменяться местами. Насколько все иллюзорно и зыбко!

– Проблема в том, что свойство гибнуть имеют все живые существа, независимо от статуса и достижений, – философски заметила я. – Наверное, поэтому люди не перестают искать пути к возвышению. Если уж все равно рано или поздно свече придется затухнуть, так хоть успеть осветить дворцовую залу, а не скромную лачугу.

Вехель хрипло рассмеялась, смех получился грустным.

– Марти, уж не ректор ли лично дает тебе уроки по выживанию? – И серьезно закончила: – Ты действительно изменилась.

Мы еще немного помолчали. Вехель вновь заговорила первая:

– Я не делала того, в чем меня обвиняют.

– Знаю, – без колебаний ответила я. – И уже подкинула пищу для размышлений в голову Асти.

– Нет, – хмыкнула рыжая, – все же что-то остается неизменным.

– Ну спасибо, – толкнула я подругу в плечо. – Можешь иронизировать сколько угодно, а я считаю, что делать хоть что-то все равно лучше, чем бездействовать.

– Зачем ты пришла? – вновь покрываясь коркой холодной отстраненности, произнесла Вехель.

– Сказать, что ты не одна. Что у тебя есть друзья, которые очень за тебя переживают и сделают все, что в их силах, чтобы исправить это недоразумение.

– Нет никакого недоразумения! Все логично и справедливо.

– Мы с Киrom...

– Не произноси при мне его имя, – хмуро буркнула Вехель. – Не желаю ничего слышать об этом предателе.

– Но почему? – изумилась я.

– Почему? Я тебе скажу почему! Твой драгоценный инквизитор сдал меня при первой же возможности, – взвилась рыжая. – А как пел: «Я вас не оставлю, хочу помочь, положитесь на меня». Говорила я тебе, что мужикам нельзя верить. Вон старшая – один раз потеряла бдительность, и посмотри, где очутилась в итоге.

Подруга обмякла, будто недавний запал в ней потух.

– Кто? – недоуменно уточнила я. Затем вспомнила, что так она обращалась к Шэдар, и с сомнением возразила: – В книгу ее заточила другая ведьма.

– Угу, другая ведьма, – повторила Вехель, даже не пытаясь доказать обратное.

Я напрягла память, мысленно возвращаясь к разговору Шэдар и принцессы Страны Ветров. Они упоминали шифу Лао и некую Такару Алюю, но мне явно не хватало знаний, чтобы соединить обрывочные звенья в единую цепь. А вот рыжая, надо полагать, успела сделать определенные выводы. Что ж, личная жизнь ведьмы меня не заботила, а в интригах нашего ректора и бес ногу сломит.

Помолчав, я вернулась к насущному:

– Почему ты записала Кира в предатели?

– Он рассказал о Шэдар и ее условиях твоему бесценному декану, – желчно выплюнула Вехель. – Не будь наивной душой, Марти. Лорд Асти прекрасно осведомлен о твоей сделке со старшей.

Я нахмурилась, размышляя об услышанном. Интересно, как давно Рантар в курсе. И почему предпочел молчать? Первый порыв оскорбиться я решительно отменяла. Нет уж, если решила довериться, значит, нужно идти до конца. Наверняка у него есть причины, чтобы не раскрывать осведомленность. Сама ведь сегодня волновалась по поводу того, что не принадлежу себе полностью. К тому же, если отбросить уязвленное самолюбие, я тоже не была абсолютно честна с Асти. И это никак не связано с моим к нему отношением. Так почему он не может оказаться в аналогичном положении?

Возможно, я рассуждала как влюбленная дуручка. Уверена, Вехель именно так и считает. Однако сердце подсказывало: Рантар не желает мне зла, и он действительно сделает все, чтобы защитить.

– Как ты узнала об этом?

– Лорд Асти сказал, – безразлично пожала плечами Вехель, – когда допрашивал.

– Не может быть, чтобы все обстояло таким образом! Наверняка найдется разумное объяснение.

– Конечно, – фыркнула подруга, – он сделал это, чтобы меня защитить. Предатели всегда прикрываются благими намерениями! Показать истинное лицо духу не хватает.

– Ты слишком строга к Киру, – покачала я головой. – Он в самом деле за тебя испугался.

– Довольно, мне не интересны ничьи мотивы. Он предал мое доверие. Он действовал за моей спиной. Он не спросил моего мнения. – Каждая фраза звучала как приговор.

Стальной взгляд Вехель говорил, что второго шанса она не даст. От понимания этого мне стало так горько, что даже слезы выступили. Я быстро смахнула их, беря эмоции под контроль. Слабость рыжая ненавидит, а здесь и сейчас ей и подавно не место.

– Когда все наладится, когда мы победим, – голос дрогнул, но я уверенно продолжила, – и жизнь потечет по привычному руслу, ты поймешь.

Подруга покачала головой и посмотрела на меня с жалостью.

– Я не с вами, Марти. Хватит игр в другую, нормальную жизнь. Мне не место среди таких, как ты. Шэдар права, шкуру хищника сколько ни прячь, а натура возьмет свое.

– Не сдавайся, Вехель! Я же знаю, какой ты можешь быть. Тебе просто не дали возможности, с малых лет внушали, что ты плохая, навешали чужих грехов и вынудили поверить в собственную испорченность. Но ты достойна и любви, и счастья, и дружбы, поверь мне, пожалуйста.

– Дружбу я предала, любовь предала меня, а счастье, – она усмехнулась, – если выживу, этого будет достаточно.

Я не знала, что еще сказать и как убедить ее поверить в лучшее. Прежде всего – в себе самой. В горле застрял ком, и все слова казались какими-то незначительными и пустыми.

Возможно, если бы у меня было чуть больше времени... Но вернулся Асти и велел уходить.

– Ты хорошая, – упрямо сказала я напоследок. – Ты ни в чем не виновата, а значит, скоро вернешься в университет.

Она ничего не ответила. Рантар тоже промолчал. А меня терзала невыносимая мысль о том, что у Вехель был шанс начать все с начала, но чужая игра и чужой генерал его уничтожили.

Глава 18

Ведьма и бес

Вечный круговорот. Жизнь приходит в этот мир и уходит, оставляя за собой лишь пустой сосуд, который со временем исчезает бесследно. Шэдар не любила смотреть на то, как кого-то хоронят. Именно в такие моменты она особенно остро чувствовала, что все они смертны. Когда кто-то уходит у тебя на глазах – это не так мучительно, ведь происходящее – закономерный итог боя. Но вот прощание на кладбище...

Да, прощание она не любила, во рту всегда появлялся горький привкус, а ладони потели. Это была ее слабость, которой она стыдилась. Однажды Лао сказал, что люди, не имеющие своего продолжения в потомках, подобны дереву без корня. Потомки! Она не удосужилась родить хотя бы одного ребенка.

– Что люди находят в подобных ритуалах? – поинтересовался бес.

Шэдар отвлеклась от мыслей и посмотрела на хвостатого, тот со странным выражением на морде наблюдал за похоронами профессора Зигисоля. С той ветки, где сидел ворон, открывался отличный вид на университетское кладбище. Ровные ряды могил с надгробными плитами будоражили страх смерти, который окопался где-то в глубине души.

– Прощание – неотъемлемая часть жизни, – глухо произнесла Шэдар.

Ведьма окинула взглядом траурную процессию: люди только рассаживались на лавки. Судя по тому, что она видела, здесь не раз хоронили профессоров. Надписи на могильных камнях впечатляли: «Друг, ты добился своего, зелье работает!» или «Мы помним и доведем твое дело до конца». Похоже, в этом месте покоились одни светила магической науки.

Оглядев пришедших, Шорох скривилась: сегодня сюда пустили и адептов. Закрытая часть парка стала доступной для желающих

проститься, среди них была и Мартинити. Ведьма не понимала, зачем девчонке это нужно, почему она здесь.

Из-за смерти Зигисоля посадили под замок ее подружку. В виновность Вехель Шэдар не верила, Хмарь – белоручка, она не запачкается сама. Нет, зельевара к праотцам отправил кто-то другой, кто-то мастерски владеющий оружием и поглощенный своей ненавистью. Что до рыжей ведьмочки, она просто попала под раздачу. Асти воспользовался ситуацией и обратил ее себе на пользу. Хмарь слишком опасна, причем опасна всегда и везде. Малой ценой он оградил город от смертельной болезни. Наверняка сам и вложил в руку Зигисоля злосчастный шарфик.

Шэдар мысленно отдала должное решительности боевика – не побоялся испортить отношения со своим мотыльком.

– Мерзкий обычай, – произнес бес.

– О чем ты?

– Я о закапывании мертвых. Мне бы не хотелось гнить в земле, – дернул он хвостом.

– Умирать всегда страшно, – заметила ведьма.

– При чем здесь это? – бес поднял глаза на Шэдар. – В пекле погибают все, рано или поздно, но там твоя энергия уходит в вечный круговорот жизни, а тело пожирает огонь. Огонь есть наше начало и конец. Здесь же всех опускают в землю, и черви вместе с жуками пожирают гниющую плоть. Отвратительно, – передернул он плечами.

– Порой ты меня поражаешь. Ваша братия творит кровавые ритуалы и прочую непотребщину, а обычные похороны вызвали такую реакцию, – хмыкнула Шорех.

– Слушай, – поморщился бес, – если случится так, что я умру здесь, в этом мире, сожги мои останки.

– Зачем? Сердце беса – ценный ингредиент, рога можно продать для зелий мужественности, а кисточку с хвоста используют демонологи для жезлов власти. По сути, ты ходячий набор для декоктов. Если мне вдруг понадобятся деньги, я просто убью тебя, – саркастично заметила Шэдар.

– Вот, значит, что я для тебя? – голос беса задрожал.

Шэдар растерялась: хвостатый действительно ее удивлял. Потом, сделав над собой усилие, произнесла:

– Обещаю, если погибнешь, я сожгу твое тело.

Ведьма покачала головой. Куда катится мир? Она общается с бесом, как с другом.

– Дари-и-и! – провыл хвостатый и полез обнимать ее ноги. – Я знал! Знал! Знал, что небезразличен тебе. Ты лучшая, моя королева! – прижимался он все сильнее и сильнее.

Шурх.

Ноги Шэдар обвили ветви пня, листочки ластились к телу ведьмы, бес ревниво хрюкнул.

– Пошел прочь, предатель, – рыкнул он.

Проглот не обратил внимания на слова беса и потянул Шэдар за ногу. Рогатый набылчился и крепче вцепился в другую.

– Оба отпустили. Живо! – приказала Шэдар. – Нашли кого делить.

Медленно, с неохотой они оторвались от ее ног. Бес прожигал Проглота взглядом, пень зловеще шелестел ветвями.

– Верни мое золото, – потребовал бес.

Шэдар даже удивилась: он так долго терпел, боясь что-либо сказать бывшему приятелю. Она напряженно посмотрела на Проглота. До этого момента пень вел себя как декорация, но, похоже, раскаяния закончились.

Дитя Тьмы замерло, будто что-то обдумывая, а после хищно приподнялось на корнях и начало раздуваться. Дерево протестующее скрипело и трескалось. Затем из него со свистом вылетела первая монета. Она попала бесу точно в лоб. Тот пошатнулся и бухнулся на колени. Монетка отлипла, а на мордочке рогатого отпечатались символика Карфаенской империи.

Вжух! Еще одна монета. Вжух. Вжух.

– Спасите! – заорал бес, уворачиваясь от очередного кругляша. Поскольку в свое время хвостатый уж очень сильно озаботился обогащением, то его сокровищница в брюхе пня прилично разрослась.

Шорох не знала, куда ей смотреть: то ли на то, как Лао готовится произнести прощальную речь, то ли на охоту за бесом. И то и другое выглядело в равной степени интересно. Опять же, в толпе она заметила и Рантара, который теперь тенью следовал за Ишиданом. Чуть в стороне, опираясь на дерево, замерла некромантка. Все вместе это казалось странным.

Сомнения ведьмы развеял хвостатый, решивший укрыться за ее ногами. Когда в Шэдар прилетело несколько монет, она приказала:

– Довольно!

По книге пронеслась волна магии. Проглот вмиг сдулся, опустил веточки и вновь притворился куском дерева.

– А ты, – тяжелый взгляд ведьмы уперся в беса, – не раздражай меня.

Тот кивнул и осторожно отполз подальше от разгневанной Шэдар. Сама же она подумала, что размякла: раньше бы хорошенько взрезала по наглой рогатой морде, сейчас лишь рукой махнула. С другой стороны, она столько раз применяла силу, а ума в голове беса не прибавилось ни на каплю.

– Следим за похоронами. Вон уже и гроб несут, – миролюбиво заметила Шорох.

Бес процокал обратно и тоже стал наблюдать за процессией.

– Ни у кого ни слезинки, – произнес он. – Хотя нет, наша девочка утирает сопли.

– Еще бы, зельевар был душой своей кафедры – такой же ядовитый, как и его предмет, – цинично бросила ведьма. – Только странно это все. Глянь, как они несут гроб.

– Хорошо несут, – оценил бес. – Ровно и плавно.

– И не напрягаясь. – Шэдар провожала взглядом дубовый ящик.

– Дай порулить, – попросил хвостатый и предвкушающе потер лапки.

Ведьма грациозно отступила, а бес начал плести чары. Голуби – эти летающие крысы – всегда легко подчинялись его воле. И сейчас несколько десятков птиц спикировали на адептов, несущих гроб. Вполне логично, что они стали отмахиваться от неожиданных налетчиков и...

Гроб накренился и упал на обледенелую дорожку. Его крышка крякнула и отвалилась в сторону.

– А мертвеца-то нет, – усмехнулась Шэдар. – Кому могло понадобиться тело Зигисоля?

– Адептам на опыты? – предположил бес.

Подчиняясь командам декана факультета, адепты быстро подняли гроб, но присутствующие уже зашептались. Шэдар перевела взгляд на Асти: на лице мага отразилось сожаление. Лао остался невозмутим, впрочем, ничего удивительного.

– Это Такара его выкрала, – поразмыслив, произнесла Шорох. – Больше он никому не нужен.

– Вот больная баба, – вынес вердикт хвостатый и поморщился, вспомнив шокирующую сцену любви.

Непонятный стон пронесся над кладбищем. Словно сам университет оплакивал смерть профессора. Шорох замерла, прислушиваясь к окружающему миру.

– Что происходит? – заволновался бес.

– Защита, она пала, – неверяще прошептала Шэдар. – Похоже, наша передышка закончилась. Время пришло.

Мартинити

Я брела по одной из многочисленных дорожек университетского парка. Позади осталась удручающая процессия и витиеватая речь шифу Лао о жизни и смерти. Зачем я пошла на похороны профессора Зигисоля? Разумного ответа не находилось.

Подумалось, что так будет правильно. А возможно, я так и не поверила до конца в его гибель. Слышать и видеть – разные вещи. Вот только и здесь все получилось как-то нелепо. После того, как выяснилось, что тела в гробу нет, происходящее стало казаться фарсом. Потому и дальше оставаться на кладбище я не захотела.

Наверняка у подобного прискорбного обстоятельства есть объяснение. Да и похороны нужнее живым, чтобы поставить точку, чтобы проститься. Не так уж и важно, что гроб пустой, огорчало лишь то, что теперь по университету поползут слухи и домыслы, способные разрастись до невероятных по своей глупости размеров. Мертвым же, как мне казалось, нужен покой. Именно так мы можем отдать им дань уважения – не беспокоить.

Меня не покидало смутное ощущение нависшей над ШтУЧКИ угрозы, будто тень легла на весь наш академический мирок. Беспокойное поведение птиц, протяжные вздохи ветра, тоскливое, отлитое из стали небо...

Хотя возможно, на мое состояние повлиял объявленный сегодня траур. Занятия отменили, и все, кто оставался на территории университета, ходили непривычно тихие и серьезные. Каждый вдруг

осознал, что безопасность – просто иллюзия и, где бы и кем бы ты ни был, не стоит забывать о собственной уязвимости. Хладная Госпожа равнодушна к выбору жертвы.

Чтобы отвлечься от тягостных мыслей, я решила по обыкновению спастись учебой. Лучшего лекарства от хандры я не знала. В книгах, которые я изучила по совету мастера Джедриса, удалось отыскать два интересных жеста. Один блокировал ментальное воздействие извне, а второй усиливал откат и ударял по атакующему, зеркаля намерения. Блокирующий я опробовала в тот же вечер, как узнала о нем. Так и заснула со сплетенными в замысловатую конструкцию пальцами – вдруг да поможет.

В ту ночь мне впервые за долгое время приснился сон, самый обыкновенный сон. Мы с папой мастерили подарок для соседской малышки, а потом я перенеслась на васильковое поле, где откуда-то взялись качели. И я качалась на них, чувствуя себя счастливой и свободной. Под утро, правда, я вновь провалилась в мучительное забытие, но все равно осталась очень довольна результатом.

Освоение второго магического жеста оказалось сложнее. Во-первых, не хватало знаний о расчете энергетических потоков. Во-вторых, требовался партнер. И я решила обратиться к мастеру Джедрису. Вот к нему на кафедру я сейчас и направлялась, надеясь воспользоваться свободным временем с пользой. На похоронах я его не видела, в отличие от магианы Лакруони, поэтому пусть маленький, но все же шанс застать преподавателя за работой имелся. Асти накануне обмолвился, что выходным день будет только для адептов.

Однако планы оказались нарушены самым непредсказуемым образом. Мое внимание привлекли мелькающие между деревьев серые пятна, которые отчетливо выделялись на фоне сугробов. Я остановилась, соображая, что происходит. Но тут навстречу выбежала незнакомая девушка, на ее бесконечно прекрасном, даже как будто излишне идеальном лице застыла такая маска злобы, что я непроизвольно отступила назад.

Если меня и смутил облик незнакомки, его подчеркнутая безупречность, граничащая с искусственностью, то размышлять над этим я не стала. Ибо разительное несоответствие прелестного личика и гримасы ненависти на нем с легкостью достучались бы даже до самого малоразвитого инстинкта самосохранения. Нервно озираясь, я искала,

куда бы обратиться с пути весьма и весьма странной леди. Несомненно леди, ведь одета она была поистине роскошно, как и подобает знатным дамам.

К сожалению, парк в это время года не располагал укромными закутками. Заметившая меня дамочка хищно подобралась и неестественно улыбнулась. Так, словно повстречала нечто гадостное, но полезное. Сомнительное выражение чувств с ее стороны живо подстегнуло мою решимость. В следующий миг я уже со всех ног бежала обратно по направлению к кладбищу – там сейчас столько магов собралось, что место выглядело наиболее безопасным.

Девица двигалась гораздо быстрее и непременно настигла бы меня, но отчего-то замешкалась и отстала. Жаль, я слишком поздно сообразила о причинах такого ее поведения. Истошно завопив, я с ужасом и на полном ходу врезалась в... собственно, ту самую причину, проявившуюся из пространства за секунду до столкновения.

Нечто жесткое, твердое и холодное обхватило меня, приподняло над землей до уровня своих глаз и, кажется, с любопытством изучало нахалку, столь беспардонно нарушившую его личное пространство.

И глаза у этого нечто были жуткие. То, что кроме глаз в непроглядном мраке под серым, будто сотканным из клубов дыма, капюшоне ничего не было, спокойствия мне тоже не добавляло. В и так-то страшных алых глазах полыхнуло настоящее пламя. Я ощутила жар на лице и заорала еще сильнее, окончательно обезумев.

От таких же призрачных, как и капюшон, и все одеяние, рук монстра струился вымораживающий холод. Меня трясло не только от ужаса, но и от реальной стужи. Сейчас я бы с радостью вернулась к варианту более тесного знакомства с незнакомкой.

Увы, поздно.

Поздно я сообразила, что за мелькающие серые пятна вызвали мой интерес – те самые туманные плащи неизвестных тварей, потому что этот, конкретно меня удерживающий, был не один.

– Неожиданная встреча, – в смутно знакомом голосе послышалась досада. – Не то чтобы я не рад, но обстоятельства...

Говорящий осекся, а сразу за этим у меня пропал голос. Действительно пропал: я продолжала открывать рот и что-то сипеть, но из горла больше не донеслось ни звука. Тварь напротив ощутимо колыхнулась всем телом, будто вздохнула. Причем я заподозрила в

этом вздохе облегчение. Во всяком случае, глазищи свои она притушила.

– Не благодари, – откликнулся все тот же, с оттенком легкого раздражения голос. – Да и отпусти уже болезную, никакой опасности для ее жизни больше нет.

Судя по вышесказанному, мои догадки оказались близки к истине, хотя прозрачнее ситуация, разумеется, не стала. Все же закрыв рот, я ошалело хлопала ресницами ровно до того момента, как меня равнодушно отпустили.

В прямом смысле слова.

Потому приземление больше походило на падение, так как роста монстр был внушительного, а я совершенно не ожидала столь точного исполнения указаний. Подняться мне помог... Лепорт. Он же и отряхнул от снега, будто и впрямь решил проявить заботу. Затем поинтересовался:

– Орать еще будем?

Помотала головой, с изумлением рассматривая присутствующих и полянку вокруг. Позади меня образовался довольно ровный круг из вытопленного до жухлой травы снега. На земле лежала спеленатая тлеющими путами девушка. Та самая, встречи с которой я стремилась избежать. Ее одежда кое-где дымилась, а в месте, где у обычных людей расположена ключица, зияла дыра. Над ней застыл монстр в дымчатом плаще, время от времени он проходил рябью, словно от дуновения ветра.

Монстр держал раскрытые ладони, – если так можно назвать обтянутые кожей кости, – над фантомом глиняного кувшина. В похожей посуде в тавернах обычно подают прохладительные напитки. Нечто темное и тягучее нехотя перетекало из нутра девушки в этот самый кувшин. Сама она была без сознания, рядом валялись изогнутые мечи, две штуки. Чуть поодаль клубились еще две фигуры в серых призрачных плащах.

– Налюбовалась? – отвлек меня от созерцания Лепорт. – Теперь отвернись. Я тебе голос вернул, а дальнейшее зрелище... хм-м-м. Просто поверь, смотреть на это не стоит.

Почему-то я ему сразу поверила и отвернулась. По дуге обошла замершего, но не сводящего с меня мерцающих в черноте глаз, надо полагать... стража? Еще бы понимать, чего он стережет и из каких

слоев мироздания взялся? Хотя нет, тут же передумала и решила, что и знать, и понимать последнее мне совершенно без надобности.

– Идем провожу, – стирая с лица такую неуместную сейчас дурашливую ухмылочку, произнес приятель Асти. Только теперь я заметила, что взгляд его все это время оставался предельно серьезным и внимательным. – Идти сможешь?

Все так же молча кивнула, не находя сил что-либо произнести. За спиной слышался то ли шорох, то ли шипение. То, что это речь стражей, я поняла, лишь когда Лепорт коротко бросил:

– Эту в Холодный дворец, третий уровень. Да, части в разные камеры. – Он поморщился, будто следующие слова ему самому не слишком нравились: – Зула под наблюдение, но не трогать. Приказ командира.

И приобняв меня, Лепорт добавил, обращаясь к тому существу, с которым я имела неудовольствие слишком тесно познакомиться:

– Ишхарсаарт, охрана периметра теперь на вас полностью. Встречай гостей.

Монстр в капюшоне кивнул и растворился, как и не было. Я потрясенно открыла рот, закрыла и чуть не обернулась проверить остальных, но Лепорт не позволил.

– Ну-ну, мы же вроде договорились. Нет там ничего... приятного. Идем.

Глава 19

Рантар

Асти оказался здесь впервые, он шел и вглядывался в мертвые лица. Погребок Керфуса был обширен и многолик. Сколько же он провел поединков чести? Или тут находятся не только вызванные на дуэль маги? Как далеко люди с даром способны зайти в своем безумии? Неужели и он, поглощенный собственной силой, умрет в одной из битв?

Раньше последняя мысль не вызвала бы у боевого мага никаких эмоций, теперь жить хотелось особенно сильно. Хотелось семью и дом. Он даже в чем-то понимал Керфуса, но тот уже не мог остановиться, да и не стремился. Рантар замер около знакомой статуи.

– Неожиданно, – хмыкнул он. – Нужно сказать Лепорту, чтобы убрал его из общего поиска.

Асти окинул взглядом мертвый сад Зула с мыслью, что позже необходимо будет пройтись по нему внимательнее, возможно, многих магов можно вычеркнуть из списков.

– Керфус! – позвал Рантар. Блуждать в молчаливом царстве чужой боли не хотелось. Ему казалось, что куски кожи и плоти еще хранят остатки личностей тех, кто не сошелся во мнении с Зулом.

– Пришел, – тихий вздох, и деревья-статуи завибрировали, подчиняясь воле создателя.

Рантар ускорил шаг, Зул обнаружился в центре своего кошмара. Огромное кресло или даже трон, высеченный из камня, в руках творца бутылка дорогого коньяка, и одиночество. Зул пил уже несколько дней подряд, наплевав на работу и не появляясь на занятиях.

– Пришел насладиться победой? – глухо поинтересовался магистр и отхлебнул прямо из горла.

– Ты сюда приходишь для этого? – Асти обвел рукой мертвые скульптуры.

– Когда-то это были трофеи, – пожал плечами Керфус. Рантар отметил его болезненную худобу. – Но сейчас я смотрю на них и

думаю о том, что где-то я что-то потерял.

– Послушай, Керфус...

– Ты пришел говорить про нее, да? – Декан факультета трансформации поднялся на ноги и слегка покачнулся. – Она ушла, ничего не сказала, не попрощалась. Просто исчезла.

– Истинная женщина, – пошутил Рантар и осекся под холодным взглядом.

– Возможно, мне стоило украсить сад и ее фигурой? – задумчиво произнес Керфус Зул. – Или твоей?

Рантар не дрогнул. Отправляясь сюда, он знал, что его ждет, и потому приготовился. Щиты искрились от избытка магии, на пальцах давно висело боевое плетение чар.

– Боюсь, теперь она украшает Холодный дворец, – спокойно ответил Асти. – И то ненадолго, все же она не маг, а лишь искусное творение. Скажи, зачем ты ходил к Зигисолю?

По сути, ответ Рантара не интересовал, он просто пытался разговорить Керфуса. Человек, который общается, менее опасен.

– Полагаю, ты сам знаешь зачем, – равнодушно произнес Зул. – Хотел сделать ей приятное, но Зигисоль отказал.

– За что и поплатился, да? – иронично уточнил Рантар, подумав, что Керфус лжец.

Приятное он хотел сделать только себе, ведь дорога в Вольные Земли ему закрыта. А тут рядом под боком живая женщина, мягкая, податливая и готовая на все.

– Нет, я его не тронул. – Керфус медленно побрел к ближайшей статуе. – Я не хотел его смерти.

– Ты нет, зато твоя подружка...

Асти не мог толком объяснить, что двигало Красной. Возможно, она настолько осознала себя, что превратилась в полноценную женщину. Наверное, это была обида. Обида на человеческий род, который способен создать подобные шедевры, а потом выбросить их, как ненужную вещь. И кукла, научившись чувствовать, выплеснула на Зигисоля все, что накопилось. Недаром его тело хотели хоронить в закрытом гробу.

– Я дал бы ей все! Она бы встала рядом со мной как моя жена и моя спутница. – Зул буквально повис на одной из статуй. – Я даже вывел ее в свет.

– Она кукла, – мягко заметил Рантар. – Она не знала свободы, она не могла стать равной. Рожденный рабом всегда им останется.

– Ее поймали у Лао? Она хотела вернуться к нему?

Рантар с сомнением посмотрел на Керфуса: говорить или не стоит? Потом все-таки решил, что правда лучше лжи.

– Нет, ее поймали в другом месте. Она убила Зигисоля.

– Неудивительно, – хмыкнул магистр. – После того, как стало ясно, что он не поможет, она пришла в ярость. Даже меня хотела убить, но ты знаешь, как трудно это сделать. Ведь знаешь? – В словах Керфуса засквозила чистая злоба.

– Знаю, – кивнул Рантар, глядя прямо ему в глаза. Зрачок у магистра вытянулся, став вертикальным. – Поэтому я пришел один. У меня есть предложение, возможно, оно тебе понравится.

– Холодный дворец?

Асти немного помолчал. Он бы убил Зула без колебаний, но мешал Лао со своим мнимым милосердием. Холодный дворец тоже был неплохим вариантом, но опять не то.

– Безымянный храм, – тихо произнес Рантар, напряженно ожидая реакции.

Это место было сказкой, недостижимой мечтой для многих действительно могущественных магов, каким бы даром они ни обладали. Храм давал возможность покорить талант, не подчиняясь ему. Если бы туда мог попасть каждый, то очереди выстроились бы на многие лиги. Но двери храма открывались крайне редко, и войти внутрь мог только тот, у кого имелась монета. Монета, которую дал тот, кто однажды уже вышел из этих стен. Асти не знал, где Лао раздобыл подобную редкость, отдавать ее Керфусу казалось расточительством, но хозяин артефакта решает сам, кому передать благо.

Керфус молчал. Он обдумывал, хотя Рантар не понимал что. Вот он – шанс изменить свою судьбу, подчинить дар и вернуть душу, но магистр колебался. Не все возвращались из этого места, кто-то отправлялся на перерождение, так и не сумев усмирить собственных демонов. Гармония не всегда дарила покой в бытие, порой душа отправлялась в вечное колесо.

– Я согласен, – наконец кивнул Керфус.

Рантар разжал кулаки. Медленно, стараясь не спровоцировать Зула, он потянулся к карману, туда, где лежал монета с единственным символом – колесом перерождения.

Портал в один конец.

Асти подбросил монету, наблюдая за ее полетом. Один, два, три оборота – время замедлилось. Зул со звериной грацией поймал ее, после чего ухмыльнулся.

– Хочу вас отблагодарить!

И мертвый зал вздохнул. Будто огромный монстр набрал воздуха полной грудью.

– Мой прощальный дар. – Уже бывший декан факультета трансформаций безумно расхохотался, а в следующий миг исчез во вспышке портала.

Мертвый сад, где вместо деревьев росли человеческие фигуры, застонал. Мучительно возвращаться к жизни, будучи творением чар могущественного безумца.

Рантар бросил пару заклинаний, пытаясь понять, что произошло, и выругался. Зул одарил их щедро: все те маги, чьи статуи он наблюдал, оживали в новом псевдосуществовании. В каждом чудовище еще тлея искорка души и таланта. Асти только и успел, что отправить вестников Лепорту и Болинджер, которая своей властью над мертвыми могла очень помочь. Дальше начался тихий ужас.

Тихий, потому что звуков Рантар не слышал, его захватил бой. Разум давно покинул этих людей, они годами страдали, заточенные в изуродованных телах. И сейчас они вымещали боль на одном-единственном живом существе, находящемся в подвале Керфуса. Рантар вновь окунулся в то, чего ему так сильно не хватало в последнее время – упоение битвой, когда на клинке умирает враг, в воздухе искрят боевые заклинания и пространство гудит от чар.

Возможно, это тоже своего рода безумие? Или это его жизнь?

Лишь когда рядом сработали порталы, Асти вынырнул из той пелены, что застилала глаза. Он с досадой отметил, что стал слишком глубоко нырять в свою страсть, а значит, впредь нужно быть осторожнее. Может статься, что кабинетная работа в качестве замены военным действиям пойдет ему на пользу.

Поймав взглядом расплывчатую тень, Рантар опознал Болинджер. Ее боевая коса мелькала, очерчивая вокруг женщины смертельные

узоры. Он позволил себе несколько мгновений полюбоваться бывшей невестой и любовницей.

– Хороша, – протянул Лепорт, стоявший за его спиной. – Командир, я привел теней императора.

– Зачистите все, – приказал Рантар. – Если кто-то остался с разумом...

– Сомнительно. – Лепорт поморщился, так как в защитный купол, который он поставил для разговора, попало разрушающее заклинание. – Не проще ли оставить здесь одну Болинджер? Пусть соберет жатву.

– И по поводу этого... скажешь ей, чтобы отпустила души.

– Я не самоубийца, командир. К тому же у вас более близкие отношения.

– Тебе непременно стоит наладить личную жизнь. А ей обоснуешь, что это моя просьба. Ирель хватит и их боли.

– Да она невменяема! Гляди, даже Серые плащи смотрят на нее подозрительно, – возмутился Теодор. – Сейчас еще и на нас кинется, совсем опьянела от дармовой энергии.

– Кинется, – согласился Рантар, – поэтому нам нужна жертва. И ей будешь ты.

– Командир, я, конечно, герой, но...

– Брось, – рука Асти тяжело опустилась на плечо друга. – Никто не просит умирать. Все как тебе нравится: страстная женщина и ты.

– Страстная?! – изумился Лепорт. Ирель вместе с воинами из императорского легиона добивала последних восставших. – Страшная!

– Ты любишь экзотику.

– Ничего подобного. Пожалуй, я пойду.

Теодор попытался шагнуть в сторону, но Асти его удержал.

– Это приказ.

Лепорт неверяще посмотрел на начальство. Рантар и сам себе удивился, еще ни разу он не приказывал подобного. Но Болинджер после угара битвы захочет многого, и лучше пусть это будет в постели с мужчиной, чем невинные жертвы среди горожан.

– Я выпишу тебе премию, – ободрил Рантар и пихнул друга в сторону некромантки.

Она как раз забрала душу последнего творения, и в ее кровавых глазах начал разгораться совсем другой голод.

– Пора заводить заместителя, – буркнул Лепорт и уже с чарующей улыбкой произнес: – Магиана Болинджер, вы были великолепны!

Рантар не собирался смотреть, как этот котяра очаровывает Ирель. Сейчас жница напитана силой, и ей потребуется избавиться от излишков. Страсть – лучшее решение, пускай все обойдется битвой в постели.

– Уберите здесь, – распорядился Асти и открыл окно портала.

Пора готовиться к решающей схватке. Защиту университета с согласия Лао они обвалили намеренно. Теперь оставалось ждать, когда Такара Алая и ее друзья заявятся в подземелья. В том, что они придут, ни ректор, ни его заместитель не сомневались. Вход в катакомбы только один. Ту дыру, через которую эти крысы пробирались раньше, давно заделали.

Следовало уладить и еще несколько моментов, например, найти похищенное тело зельевара. Кто-то выкрал его из морга, совершенно непонятно зачем. Но последнее могло и подождать. А вот закончить бесконечную гонку за культистами хотелось скорее.

Рантар подумал о том, что стоит зайти в храм и помолиться. Удача – дама капризная, и благословение Светлых богов в предстоящем сражении уж точно не будет лишним.

Ведьма и бес

Хвостатому нездоровилось, и это была не физическая болезнь, а скорее душевная. Хотя во всех писаниях можно найти слова о том, что пекло выжигает душу. Однако бес искренне считал, что у него-то она точно есть. Возможно, маленькая и пугливая – пусть так, зато своя. Ему нравилось думать, что она спрятана в левом копыте, – сейчас оно нещадно болело. Даже звук из-под него выходил какой-то глухой, как из пустой бочки. Вместо привычного цоканья хвостатому чудилось «бом-бом». Он вздрагивал, отлично помня, где слышал этот звук в последний раз.

Пару веков назад бес на собственной шкуре испытал, как люди борются с порождениями пекла. пытки, жестокие, но «милосердные». Хруст костей, постоянная боль и этот проклятый «бом». Городской колокол надрывался, отпевая последние часы рогатого. Тогда он по-

настоящему умер. Правда, по воле хозяина домена быстро воскрес. Но очнувшись у ног господина, бес почувствовал себя еще более жалким.

В этот раз его не спасут слова старшего, поэтому приближение конца ощущалось особенно остро. Такова плата за вольную жизнь: слишком долго бес балансировал между свободой и рабством, подыскивая контракты на стороне. Все ради того, чтобы не подчиняться хозяину домена, не питаться его энергией. Мелкие халтуры, как он их называл: день, неделя – это ничто. Только два договора продлились действительно долго. Служба на корабле магу-погоднику и любовь к Шэдар, к его королеве. Он чувствовал, что почти вырвался из зависимости от старшего демона и стал сродни фамильяру для ведьмы.

Это радовало беса, ведь он не желал возвращения в пекло. Там его ждала опостылевшая борьба за тот крошечный обрывок души, что он прятал в копытце. Стоит лишь на миг расслабиться, и она станет пеплом, как и указано в Писаниях. Пепел поглотит огненная река, и вот это уже действительно настоящий конец существования. Зато если бы хвостатому удалось остаться с Шэдар, это стало бы воплощением мечты. Одновременно и близкой, и такой бесконечно далекой.

Проклятые культисты, Алая и больной на голову гончар!

Вот уже несколько дней беса мучили странные видения, теперь он понимал, почему все оракулы – безумцы. Он видел себя, он видел свою королеву и ее смерть. Будто вместе с защитой университета рухнул ограждающий барьер и вокруг него лично. Зогард – такой же демон из пекла, хозяин домена, коих там тысячи. Но в отличие от остальных он получил паству! Вера безумных людишек питала его и придавала сил.

Рядом с Дакастой бес ощущал чуждую и манящую энергию Зогарда. Хвостатый не знал, что именно из перечисленного повлияло на его нынешнее состояние, но отобранная у девчонки чаша раз за разом открывала будущее. Стоило ему прикорнуть, как бес видел смерть королевы: именно он убивал Шэдар, вонзая кинжал прямо в сердце.

Хвостатый просыпался в холодном поту и долго убеждал себя, что древний артефакт просто издевается, используя обиду нового хозяина на Шэдар. Она отрезала бесу его гордость – кисточку на хвосте, захватив при этом изрядный кусок мяса. Конечно, рогатый сам

нарвался, заигравшись в мстителя и обвиняя Проглота в их бедственном положении. В итоге пень решил прихлопнуть его, словно надоедливую муху.

Бес горестно вздохнул и прижал к себе многострадальный хвост. «Еще раз – и язык», – мысленно передразнил он Шэдар. Что он, дурак? Нет уж, еще раз провоцировать тварь, способную в будущем встать на одну ступень с Зогардом, бес точно не станет. Ему остается лишь вечно отираться у подножия власти и подбирать объедки – проклятая дурная кровь!

– Долго еще ждать? – раздраженно уточнил бес.

– Ты чем-то недоволен? – холодно поинтересовалась Шэдар, не отводя взгляда от ровных рядов могил.

Мартинити пыталась держать лицо, но выходило у нее плохо. Бесу вспомнился дрянной романчик про девственницу, погост и некромантов, не удерживавшись, он хрюкнул. Жаль, дословно в голове не отложилось, а то бы он процитировал некоторые особо пикантные моменты для невинной Дакасты, хоть какое-то развлечение.

На кладбище они оказались благодаря «гениальному» плану Шэдар. Хвостатый был против, но спорить не осмелился – слишком сильно еще было в памяти обрезание хвоста. После того, как защита университета обрушилась, ночная охотница погрузилась в раздумья. Бес предлагал действовать, идти к алтарю, да что угодно, но ведьма лишь мрачно следила за Дакастой и молчала.

В итоге спустя несколько часов она произнесла:

– Нам нужна Такара!

– Зачем? – логично изумился тогда бес.

– Самим идти к алтарю. Нет, подожди! – подняла руку Шэдар, не позволяя себя перебить. – Книга Иль Су открыла мне глаза на многое. Вырваться из западни, используя направленный магический взрыв, это весьма топорное решение. Шансов выжить у нас будет один к одному. Поразмыслив, я пришла к выводу, что можно зайти с другой стороны. В книге сказано, что создатель артефакта остается с ним связан. Это значит, что при определенных условиях возможно затащить Алую в книгу. Убить ее здесь гораздо проще, чем во внешнем мире. А смерть создателя ловушки-тюрьмы разрушит чары проклятой книги, и мы будем свободны.

– Это все здорово, но как мы это провернем? – скептически произнес хвостатый. – Особенно интересно насчет «определенных условий».

– У нас есть Мартинити и чаша. Когда Такара всучила ее девчонке, то не учла важную деталь. Дорога к богу – это не просто слова.

Ведьма любовно погладила книгу с «Легандами о низвергнутых» и хищно улыбнулась.

– Это ритуал, а значит, у него есть непреложные правила. Формально Алая способна выступить в качестве жрицы, а значит, именно ей придется сопровождать Мартинити на пути к алтарю, иначе девчонка может и не дойти. Обычно с посягнувшим на внимание бога еще следует верный друг – тот, кто подставит плечо в трудную минуту. Лучший для нас вариант – это Иль Су. Итак, мы имеем все три ключевые фигуры для того, чтобы с наибольшей вероятностью добраться до цели. Такара заинтересована в успехе не меньше нашего, поэтому согласится. Но когда паломники ступят на дорогу, все они попадут под власть энергии Гелерада.

– Это того низвергнутого бога, который покровительствовал коварству, лжи и воровству?

– Верно. Нашей троице придется столкнуться с испытаниями! Подобные воздействия призваны оголять душу. Страдания как моральные, так и физические, открывают путь к внутреннему миру паломника. Он на многое начинает смотреть иначе и приходит к алтарю уже другим человеком.

– Сомневаюсь, что лживый бог сделает из Такары праведницу, – усмехнулся бес.

– «Другим» – не значит исправит и наставит на путь истинный.

– Ладно, черт с ней, но как же мы?

– Мы? Нас для внешнего мира не существует. То есть спокойно поедем на плече девчонки.

– И что дальше?

– Дальше все просто. В том, что Мартинити пройдет эти испытания, я не сомневаюсь. Зогард не позволит ей оступиться! Все-таки она – его ключ к свободе, да и душа невинная. А вот Алой придется несладко. Что до Иль Су... если не сойдет с ума, то многого добьется в Круге.

– Предположим, они пройдут дорогой паломника. Но как мы запихнем Такару в книгу?

– После испытания ее щиты рухнут, она будет обнажена для магического воздействия. Мы призовем ее сюда, благо в книге принцесски указан нужный ритуал, а Иль Су подтолкнет с той стороны. После чего к алтарю можно и не идти.

Идея надуть Зогарда и не укладывать Дакасту на алтарь бесу нравилась.

– Но если вдруг сорвется... – осторожно заметил он.

– В нашем случае до крайних мер лучше не доводить. Игры со старшими демонами, отожравшимися на дармовой силе, – прямая дорога в пекло. Тебе ли этого не знать?

Хвостатый неопределенно пожал плечами.

– Ну что, побудем героями для разнообразия?

– Или дураками, – буркнул бес.

– Полночь скоро? – потревожила вязкую тишину университетского кладбища Дакаста и зябко повела плечами.

Ворона покачнулась и крепче вцепилась в ее пальто. Хвостатый тут же вынырнул из воспоминаний.

– Не волнуйся, на алтарь всегда успеешь, – съязвила ведьма.

Бес заискивающе хрюкнул. Благодаря зелью из так рьяно оберегаемой коллекции Шэдар теперь они все могли общаться ментально. За исключением, разумеется, пня.

– Мне-то что волноваться, – огрызнулась Мартинити. – Это тебе нужна свобода!

– Уже жалею, что опоила тебя велтес-де-норой. Еще один нытик на мою голову, только скулеж я теперь слышу внутри черепа.

– Ну извините, – фыркнула Мартинити.

– Передо мной, девочка, извиняться не стоит. Лучше научись проще относиться к превратностям бытия.

– Светлые боги свидетели, я тоже о многом жалею, – с чувством произнесла Дакаста.

– Все беды от мужиков, – почти искренне рассмеялась ведьма. Для шуток момент был неподходящий, все это понимали.

– А что, так и есть! – неожиданно поддержала Мартинити. Она достала руку из кармана и начала загибать пальцы: – Первый, кто подставил меня, был мой отец. После – несостоявшийся жених, из-за

него я оказалась в ШТУЧКИ. Дальше – многоуважаемый декан и глубокоуважаемый ректор, – еще два пальца согнулись. – И напоследок этот безумный демон – он тоже мужчина.

Адептка Дакаста сжала руку в кулак и демонстративно им потрясла, будто угрожая своим обидчикам.

Хвостатый вздохнул и украдкой бросил взгляд на безмолвного свидетеля их собрания. Проглот заметно вырос, даже не так, он – врос. Врос прямо в книгу, оплетая их с ведьмой со всех сторон. Бес в очередной раз поймал себя на мысли, что свободного места все меньше. Стены в прямом смысле наступали. Шэдар утверждала, что это сжимается их иллюзорный мир, а пень его хоть как-то удерживает. Бес ей не верил, но видел, как его королева закусывала губу и с опаской оглядывалась. Шорох боялась не меньше его, просто не хотела признаваться.

Надо отдать должное Проглоту, он помог не только в этом. Используя его силу, узники смогли связаться с Иль Су и Алой. Тьма щедро одарила свое дитя, дури в нем было не занимать. Ее-то и выпустили на свободу в виде двух птиц. Правда, и тут вышло особенному. Не белая птаха понесла весть, а черный ворон. Хотя каким же еще цветом быть вестнику, если силу ему дала прародительница Тьма?

Такара ответила быстро, наверняка отиралась где-то поблизости, так и так собираясь навестить катакомбы. Бес видел, как неохотно Шэдар шла на сделку с врагом, наступая на горло собственным принципам. Но выжить она хотела больше, чем сохранить гордость.

– Мы здесь как на ладони! – снова подала голос Дакаста.

Она похлопала себя по плечам, чтобы согреться. В ворота ее пальто показался шар на цепочке. Шэдар скривилась, но промолчала. Артефакт назывался «Глаза мрака» и входил в реестр запрещенных.

Обычная на вид цепочка из серебра, на концах которой располагалось по небольшому шару, покрытому эмалью. «Наблюдать» и «Защищать» – именно такие слова украшали их. Благо Мартинити не догадывалась, что в герметичных сосудах были запаяны человеческие глазные яблоки. Ни бес, ни ведьма не спешили просвещать ее в этом вопросе. Самое забавное заключалось в том, что занятную вещь адептке вручил Лепорт.

При мыслях о светловолосом маге у беса заняло второе копыто. Лепорт ему не нравился, впрочем, ему не нравились все самцы, которые ухлестывали за женщинами. Рогатый считал, что бабское племя должно принадлежать ему одному, и точка. А бес теперь потерял одно из своих обольстительных преимуществ. Вот кому он нужен с огрызком хвоста?

– Что ты все стрекочешь? Нам прятаться и не нужно. Надо дать возможность рыцарю спасти свою принцессу. И ничего, что он сам отправил ее в пасть к дракону. – Каждое слово Шэдар сочилось ядом. – Главное, не отступать от сказочного сюжета. Сказано: должна быть похищена, значит – должна!

Мартинити на мгновение опешила, но потом, храбрясь, возразила:

– Меня хоть спасут, а что насчет твоего героя?

Бес прижал уши и с опаской взглянул на свою королеву. Шэдар и так была не в духе, ведьму раздражало абсолютно все, включая слезку, а девчонка словно нарочно ее провоцировала. К счастью, их потревожили, и Шэдар не пришлось отвечать.

Пусть никого видно не было, но хруст снега слышался отчетливо.

– Кто-то идет, – пробормотала Мартинити.

Глава 20

Рантар

– Как мне это нравится! – весело произнесла Болинджер и поменяла положение ног, теперь сверху лежала правая.

Черная кожа выгодно подчеркивала изгибы ее тела. Рантар каждый раз удивлялся тому, как эта женщина одевалась на боевые операции. Нет, материал, безусловно, практичен, да и полное облегание позволяет проскользнуть там, где балахон зацепится, но эффект все равно выходил будоражающим мужские умы. Пыл охлаждала аура, что исходила от Болинджер, – ее собственная и артефактов, которые щедро украшали пояс. Россыпь засушенных голов размером с абрикос, их чередовали фаланги пальцев, покрытые золотом. Одна такая вызывающе покачивалась на ухе Ирель, напоминая всем, что перед ними некромант. Филактерии разрешалось создавать только им, причем в ограниченном количестве.

Вот и получалось, что лучше было смотреть на стройные ножки, чем на порождения темной магии, которые так и хотелось уничтожить. Асти с трудом отвел взгляд от колен некромантки, он считал себя почти женатым человеком, не говоря уж о том, что его невеста шагала сейчас навстречу смерти. Тут же взор декана боевиков уперся в одну из голов, которая нагло ему подмигнула. Асти скривился, и соседка первой передразнила его реакцию, а третья показала серый сморщенный язык.

– И что же именно тебе нравится? – уточнил Рантар, стараясь не обращать внимания на мимику мерзких артефактов.

Он задал вопрос из вежливости и просто для того, чтобы сохранить всем нервы. Если Болинджер открывала рот, то это было опасно. И неважно, хотела она есть, пить кровь, целоваться или говорить. Да и настроение у нее сегодня было слишком прекрасным, а это значило, что самого Асти ждет очередная головная боль.

– Три мужика, три старших мага сидят в теплом кабинете и ждут.

Колени Ирель вновь поменялись местами. Рантар снова, пусть и невольно, проследил за ними взглядом. За ножками некромантки

наблюдали все присутствующие, даже артефакты-головы. Одна из них как будто вела подсчет, сколько раз хозяйка проделает данный трюк. Лепорт смотрел на Болинджер с той же обреченностью, что нет-нет да и проскальзывала в провалах глазниц обитателей пояса некромантки. Ишидан смотрел задумчиво, будто чего-то ждал.

– Прекрати, отвлекаешь, – раздраженно буркнул Асти.

Артефакты злобно оскалились. Не могло быть у человеческих голов, даже иссушенных магически, таких маленьких острых зубов-игл.

– Какие мы нежные, – усмехнулась Ирель и демонстративно развела ноги. – Так тебе нравится больше?

– Не твой стиль, – хмыкнул Рантар, успевая отметить еще один предмет, спрятанный за голенищем правого сапога.

Болинджер фыркнула и вновь скрестила ноги – костяной стилет немного вылез из своего убежища.

– Прелесть наша, позволь, я налью тебе вина, – влез вездесущий Теодор.

Рантар ухмыльнулся: уж очень его друг напоминал сейчас кота, распушившего хвост и трущегося о сапоги хозяйки. В отличие от Болинджер, Асти знал Лепорта достаточно хорошо, чтобы понять, где напускное, а где настоящее. Теодор откровенно побаивался эту женщину, и Рантар его не осуждал. Нынешний декан вдруг вспомнил, как игрушки Болинджер пытались давать ему советы на любовном ложе и делали ставки, сколько он продержится. Почему пытались? Да потому что после резкого сокращения поголовья и внушительной дыры над каминной полкой все живое и мертвое сочло за благо прикинуться мебелью.

– Не позволю, – капризно надула губы красавица, артефакты беззвучно рассмеялись.

Асти закатил глаза, а энтузиазм Лепорта мгновенно скис. Наверняка и на него успели сделать ставки. По большому счету плевать, но отчего-то декану боевиков было отчасти приятно, что теперь не он главный герой баек из склепа.

– Магиана Болинджер, – скупающим тоном обратился к ней Лао, – ваша чрезмерная похоть есть следствие вампиризма или же вы заключили контракт с демоном из пекла?

Рантар на всякий случай поднялся на ноги и отошел к камину, его как будто заинтересовало пламя. Говорят, на него можно смотреть бесконечно. Верный помощник Теодор тоже сделал вид, что не слышал высказывания Лао. Понятно, в Стране Ветров своеобразное отношение к женщинам, но в Карфаенской империи было неприлично говорить вслух о недостатках прекрасного пола, впрочем, как и с осторожностью о достоинствах. Некоторые дамы не всегда воспринимают подобные комплименты разумно. А коварству и жестокости человеческих женщин порой завидуют даже демоницы.

Болинджер медленно повернула голову в сторону Ишидана и приветливо, так чтобы было видно клыки, произнесла:

– Ваше чрезмерное любопытство есть следствие глупости или... – Она прищурилась, словно оценивала, как будет смотреться на полке новый артефакт.

– Или, – не стал дожидаться продолжения Лао. – К сожалению, в этой комнате только я могу похвастаться трезвостью рассудка. На протяжении часа вы пытаетесь добиться от нас проявления эмоций, любви. Полагаю, на то есть причины?

– О чем вы? – несколько поспешно произнесла Ирель. – Все мы ждем, когда активизируются «Глаза мрака».

Тонкий пальчик некромантки указал на хрустальный шар, стоявший прямо по центру стола Асти.

Рантар внимательно посмотрел на Болинджер. Он достаточно неплохо успел ее изучить, и сейчас за волнением о мотыльке упустил главное – Ирель играла. Улыбка, жесты, чуть рассеянный взгляд – он знал все это слишком хорошо, а еще мерзкие головы то и дело перешептывались между собой. Ему показалось, что удалось разобрать слово «секрет».

– Болинджер, – сухо обратился к ней Асти, – тебе ведь очень хочется нам все рассказать.

– С чего ты взял? – хмыкнула она и машинально провела рукой по волосам.

– Я слишком сосредоточился на собственных переживаниях и вовремя не распознал исходящее от тебя чувство превосходства, – терпеливо разъяснил Асти. – Так понимаю, ты знаешь больше, чем мы?

– Рантар, ты такая душка, – проворковала Ирель. – Открою тебе тайну: есть такое понятие, как женская мудрость.

– И женская глупость, – не остался тот в долгу. – Тоже, увы, существует.

– Для женщины главное – покорность, – отрешенно заметил Ишидан.

– Кто-то себе выбрал самую покорную из всех, – хмыкнула Болинджер. – Приелась небось покорность в Стране Ветров, перчинки захотелось.

– Возможно, – не меня выражения лица, не стал спорить Лао. – У нас есть напутствие для девушек, облачающихся в красное одеяние. «Если выйдешь замуж за птицу, то полетишь вслед за ней; если выйдешь замуж за собаку, то станешь ее тенью; если выйдешь замуж за брошенный комок земли, должна будешь сидеть подле него и оберегать».

В кабинете Рантара повисла тишина, впрочем, после изречений Ишидана подобное случалось часто. Никого из карфаенцев не волновали обычаи Страны Ветров и личные предпочтения ректора, но все же Асти полюбобпытствовал:

– Извини меня, друг, но я должен спросить! Ты со своей ведьмой делился этой вековой мудростью?

– Да, – губы Ишидана растянулись в улыбке. – Она сказала, что единственный холмик, у которого она, возможно, присядет, – это моя могила.

Лепорт за спиной ректора демонстративно покрутил пальцем у виска, показывая, что у Лао не в порядке с рассудком. Асти прекрасно знал это и без подсказок со стороны, его поразило другое. То, с какой нежностью он говорил о ночной охотнице. Неужели любовь так сильно меняет людей? И сам Рантар выглядит так же нелепо, вспоминая о Мартинити?

– Высокие отношения, – резюмировал Теодор, после чего обратился к Ирель: – Прелесть наша, а ты будешь сидеть возле хладного тела любимого?

Рантар постучал пальцем по лбу, имея в виду – думай, что говоришь и кому говоришь. Лепорт на жест командира отреагировал легким пожатием плеч, он уже успел надеть маску шута и снимать ее в этот вечер не собирался.

– На тот свет захотел, котик? – промурлыкала некромантка. – Не волнуйся, последнее пристанище тебе не понадобится.

– Кхм, обсудим это попозже, – беспечно улыбнулся Лепорт.

– По поводу пристанища, – вновь заговорил Лао. – Чем вы руководствовались, когда поднимали многострадального профессора зельеварения?

Рантар выгнул бровь и смерил Болинджер убийственным взглядом.

– Сюрприз не удался, – развела та руками.

Они полгорода перерыли, пытаясь отыскать останки почившего профессора, а Ирель с такой легкостью призналась в их краже. И каким образом эта бестия умудрилась все проверить?

– Сюрприз-и-из? – переспросил Асти, на мгновение теряя контроль над магией.

Этого вполне хватило, чтобы сидящую напротив него магиану впечатало в кресло так, что у последнего сломались ножки. Теодор в последний момент успел подхватить спинку падающей мебели.

– Командир, разве можно так с дамами? – укоризненно бросил Лепорт и мягко опустил остатки кресла на пол. Осмотрел получившуюся картину и подмигнул одной из голов: – Прелестно!

Болинджер стиснула зубы так яростно, что в кабинете раздался отчетливый скрип. Если раньше ее положение было соблазнительным, то теперь она походила на кузнечика – так высоко торчали ее колени. Один из артефактов, прежде висевший на длинной цепочке, оказалась в ложбинке между грудей. Хозяйка брезгливо его столкнула.

– Мерзавец, – злобно выплюнула она, обращаясь к Рантару, и попыталась подняться.

Ее снова припечатало к креслу. Жнецы смерти привыкли отвечать ударом на удар, а потому...

Асти хорошо знал, когда стоит ожидать беды. Именно сейчас Ирель хотела убить их всех. Это желание хорошо читалась в ее силе, которая, подобно хищному зверю, приготовилась к атаке.

– Не смей, – процедил декан боевиков. – Это мой кабинет, я просто тебя уничтожу.

– Ты такой ранимый в последнее время, – фыркнула Болинджер и вытянула ноги. – Стареешь.

Хищный зверь замер, выжидая более удачный момент для броска.

– Ты ответишь на заданный вопрос?

– А зачем? – пожалала плечами некромантка. – Скоро сами все увидите через «Глаза мрака».

Хороший ответ – практичный и лаконичный. Что они могут увидеть через шар? Что-то, что Ирель способна сделать с легкостью и напоказ.

– То есть Такара придет не одна, а в сопровождении высшей нежити, – Асти не спрашивал, он утверждал.

– Ну не высшей, на такое я тратиться не стала. Выгода – мой девиз. Неужели забыл?

– Ты сама его выкрала? – уточнил Асти, понимая, что в этой игре участвовали по меньшей мере двое.

Болинджер не мастер тихих дел, пусть она и повелевает стихией смерти. Та в ее исполнении никогда не прилетала на бесшумных крыльях.

– Нет, конечно! Тело мне отдал твой хитровымудренный друг, – сдала Лао с потрохами госпожа некромантка.

Рантар устало прикрыл глаза и сделал несколько глубоких вдохов-выдохов. Мысленно пообещал себе, что как только с этим делом будет покончено, они с мотыльком покинут столицу и вернуться сюда еще очень нескоро. Перспективы тихой семейной жизни больше не казались ему чем-то ужасным, наоборот, вдруг отчетливо захотелось хоть капли покоя.

– Зачем? – задал он единственный вопрос.

– Прихоть? – предположил Ишидан, но поймав предупреждающий взгляд друга, все же нормально пояснил: – Хотел убрать Такару с доски когтями нашей милой гостьи. Не то чтобы сильно на это рассчитывал, но попробовать стоило. Это бы облегчило нам дельнейшую чистку среди культистов и сегодняшнюю операцию.

– Если бы... Ведьмы – хитрые и осторожные бестии, – поделилась Ирель. – Она даже не захотела со мной встретиться, но подарок приняла с радостью.

– У нас уговор вполне однозначный, – холодно обронил Лао.

– Меня посвятите в детали? – осведомился Рантар.

Вновь Ишидан поступил так, как удобно ему. Он желал спасти свой цветок сердца любой ценой.

– Ты столько лет меня знаешь и все никак не научишься мне доверять, – осуждающе произнес Асти.

– Дело не в доверии. На тебе слишком много магических ограничений и клятв. Тело Зигисоля – важная часть расследования, разреши ты ее забрать, и твое место мог занять другой.

– Может, оно и к лучшему, – пробормотал Рантар и обратился к Болинджер: – А ты, конечно же, с радостью приняла подарок, да?

– Конечно. Я все еще хочу пополнить свою коллекцию, старших ведьм в ней до сих пор нет. Такара чудесно туда впишется, а если еще и разум ей оставить... – мечтательно произнесла некромантка. – Внутри Зигисоля артефакт, активирующий портал. На нас четверых его с лихвой хватит.

– Шэдар не должна пострадать, – внес еще одну ясность Лао.

– Откупился другой ведьмой, – понимающе кивнул Асти. Он тоже не был безгрешен перед другом, ведь изначально заманивая Ирель в ШтУЧКИ, обещал ей Шэдар. – А если из-за подобного вмешательства что-то в испытании пойдет не так? Их всех убьет отдачей.

– Не пойдет. Портал до поры спит, – уверенно произнесла Болинджер, а головы на ее поясе, наоборот, подозрительно зашептались.

– Лучше бы тебе не ошибиться, – с нескрываемой угрозой в голосе предупредил Рантар. – А тебе, дружище, когда все закончится, я хорошенько набью морду.

– Я лишь хотел, чтобы наши женщины не познали волн и ветра, – развел руками Лао.

Молчавший до этого Теодор произнес:

– Начинается.

Все четверо впились взглядом в стеклянный шар, мирно стоявший на столе. Внутри него в легком тумане можно было угадать знакомые очертания.

Ведьма и бес

Бес прислушался: странный звук. Шаги он различил, но было что-то еще...

Луна выглянула из-за тучи, снег заискрился, добавив нереальности происходящему. Женский силуэт с развевающимися

длинными волосами. Хвостатый пока не видел лица, но восхитился легкой поступью незнакомки, она словно плыла среди печальных могил.

– И это самая страшная ведьма? – удивилась Мартинити.

– Не торопись. Такара многолика, – напряженно ответила Шорох.

За спиной женщины появился еще один силуэт, он прихрамывал и как будто тащил за собой что-то.

– Мы же договорились, что она будет одна! – испуганно отшатнулась Мартинити.

– Успокойся, она не посмеет нарушить договор. К тому же, оно не живое, – процедила Шорох. – Стерва любит эффектное появление и не может отказать себе в театральном представлении.

– Шэдар, дорогая сестра. Ах, прости, не могу тебя обнять. Какая досада!

Она всплеснула руками, будто ей действительно жаль. Бес хоть и имел представление о Такаре, но сейча нарисованный в голове образ никак не вязался с тем, что он видел. Хрупкая девушка, совсем еще юное лицо с тонкими чертами, изящный стан и алая волна волос, спускающихся до талии. Ведьма завораживала. Вот только узники знали, что это обман.

– Мартинити, девочка моя сладенькая, дай тогда тебя обниму! – Такара шагнула к Дакасте.

– Где только отыскала такую? – презрительно выплюнула Шорох. – Небось на невольничьем рынке, там любят выполнять трудные заказы.

– О чем вы? – мысленно спросила Мартинити, никак не реагируя на распахнутые объятия.

– Я про ту, чью кожу она примерила. Красивое было дитя, – с нотками сожаления пояснила ночная охотница. – Разве ты не чувствуешь запах тлена? Похоже, в этом образе Такара уже давно, раз начала смердеть.

– Не подходи... те! – выкрикнула Дакаста уже вслух и выставила вперед руку. – И не дышите.

Хвостатый процокал ближе к окну и вдохнул. Тошнотворный, ни с чем не сравнимый запах гниющей плоти заполнил его легкие.

– Какие мы нежные, – усмехнулась Такара. – Или ты вспомнила моего дружочка-коготочка? Тьма идет за тобой по пятам, вижу кровь и

обман.

Алая запрокинула голову к небу и безумно расхохоталась. Мартинити окончательно побледнела, сама став похожа на труп.

– Ну, ведь я не обманула тогда. Чего же такая неласковая? – резко посерьезнев, снова заговорила Такара. – Ничего, я не обижаюсь – так сказать, издержки работы.

– Еще бы она обижалась, – процедила Шэдар. – Небось уже все мозги в грязь превратились.

Мартинити вышла из ступора и прыснула в кулак, сбрасывая нервное напряжение.

– Что, сестрица острит? – со злобой спросила Алая. – Конечно, она-то сохранила человеческий облик! Раз ты такая смелая, зачем притворство?

Такара подняла руку к лицу и потянула его вниз. Кожа стала медленно отделяться. От неожиданности Дакста отступила и плюхнулась в снег. Ворон вспорхнул с ее плеча и приземлился на ближайшее надгробие.

– Прекратите! Это ужасно, – прошептала адептка. – Кто сотворил с вами такое?

– Нет хуже врага, чем собственные неумные желания, – холодно произнесла Шорох. – Не смей раскисать. Она делает это нарочно, и, боюсь, сюрпризы на этом не закончатся.

– Смотри, сладенькая, у меня для тебя подарок, – проворковала Алая, вернув кожу на место.

Она подошла к Мартинити со спины, наклонилась и прижалась своей щекой к бледной коже адептки. Марти попыталась вырваться, но Алая ее не пустила.

– Смотри, кого я привела, – удерживая Мартинити за подбородок, произнесла Такара.

Из-за соседнего надгробия показался спутник Такары Алой. Хвостатый резко выдохнул: про второго пришельца они-то совсем и забыли.

– П-профессор? – заикаясь, пробормотала Дакаста.

– Она сделала зомби из Зигисоля? – опешил бес. – Но зачем?

– Ты меня спрашиваешь? – огрызнулась Шэдар. – Лучше смотри, кого он притащил! Это же Иль Су.

– Увы, детка, говорить он не может, – печальным тоном сообщила Такара. – Пришлось всего его штопать, заодно и рот зашила. Бедный мой Зиги, собеседник из него теперь никакой – только рычит и несет разную чушь.

– Не нервничай, – спокойно произнесла Шэдар, заметив, как потряхивает Мартинити. – Уже ничего не изменить. Лучше спроси, что с Иль Су?

– Что с принцессой? – послушно повторила Дакаста.

– А что с ней? – встрепелась Алая. – Для нашего путешествия она нужна живая – так она и жива.

– Но ее надо тащить, – заметила очевидное Марти.

– У меня для этого как раз есть ручной зомби. Иду среди могил, никого не трогаю, смотрю – девица крадется. Дай, думаю, помогу, чтоб не напрасно боялась, – хохотнула Алая.

– И с этой невменяемой мы заключили соглашение! – сокрушенно прокомментировал бес. – Дари, что ты молчишь?

– Я думаю, – огрызнулась Шорох. – Думаю, что не просто так она Зигисоля с собой притащила, наверняка профессор с сюрпризом. И еще я думаю, что даже такой сильной ведьме, как Алая, никогда не удалось бы поднять мертвеца! Недаром Асти притащил в университет собственную некромантку – они рьяно хранят секреты ремесла.

– Может, Алая наняла кого-нибудь из их братии?

– Может. А может, так уверилась в собственном всемогуществе, что заглотила наживку и не заметила. В любом случае сегодня мы это выясним, хотим того или нет.

– Что-то ты, девочка, притихла. С сестрицей моей общаешься? Что же ты молчишь, сестрица? Некрасиво вести беседы за моей спиной. Но это временно, – ощерилась Алая, – сейчас я это исправлю.

Такара сделала резкий выпад, – у человека такой скорости просто не могло быть, – и схватила птицу за шею.

– С удовольствием свернула бы ее, – тонкие пальцы сжались сильнее. – Но так тебя не убить.

– Дари, сделай что-нибудь! – взвизгнул не на шутку перепуганный бес.

– Не дергайся, – процедила Шорох. – Мы заключили магический договор – это не предмет для шуток. Она побоится его нарушить. Не

говоря уж о том, что у нас чаша. Исчезнет книга – исчезнет и часть ключа.

– Посмотри, она что-то меняет в чарах, – продолжил паниковать бес.

– Ни слова о Проглоте, всех касается! – скомандовала ведьма.

– О чем ты говоришь? – схватился за рога бес в отчаянии.

– Какой у тебя визгливый сосед, дорогая сестра, – скривилась Алая. – Побуду пока с вами на связи лично. Лучше знать, что вы замышляете, чем ожидать удара в спину.

Такара выпустила птицу и брезгливо отряхнула руки.

– Конечно-конечно, ведь обычно ты бьешь в спину, а не наоборот, – не осталась в долгу Шэдар.

– Смотрю, заточение ничуть не убавило твой гонор. Ну ничего, господин это быстро изменит.

– До чего ты докатилась, сестра, – горько произнесла Шэдар. – Мы вольные ведьмы, у нас нет хозяев.

– Заткнись! – рявкнула Алая.

– Я-то замолчу, но обеты, которые ты давала, наверняка не дают тебе спастись спокойно.

– Круг меня предал.

– Прежде ты предала свой разум, – вновь возразила ночная охотница. – И если говорить о разуме, то стоит привести в сознание мою ученицу. Как ты представляешь дорогу к алтарю без третьего участника?

– На месте бы разобрались. Зачем тебе степнячка? На роль спутницы прекрасно бы подошла Хмарь.

– Кому? – хмыкнула Шорох. – Тебе – возможно, Вехель так легко управлять. Да вот беда, девочка теперь под замком.

– Вечно идущий по нашим следам пес мог бы и отпустить ее ради благого дела, не правда ли, Мартинити?

Дакаста ничего не ответила. За время спора между ведьмами она успела встать и отряхнуться от снега. Она даже не побоялась подойти к Иль Су и попыталась привести ее в чувство. Профессор, точнее то, что его сейчас заменяло, безучастно взирал на все происходящее.

Бес только теперь осознал, что Алая всего лишь настроила связь с узниками для общения. Как создательница их книги-тюрьмы, вероятно, она могла позволить себе подобное. Шэдар предупредила,

что о Проглоте Такара не знает, а значит, у них есть большая, но полезная тайна.

– Ну же, очнись! – трясла Марти принцессу.

Не выдержав, она хорошенько ударила Иль Су по щеке, та застонала.

– Так ее, – рассмеялась Алая.

Открыв глаза, несчастная медленно села.

– Пошла прочь! – рявкнула она, стоило ей прийти в себя.

– Еще не ведьма, а такая же неблагодарная, – возмутилась Мартинити. – Мы собираемся идти или нет?

– Ветер шептал мне, что это дорога в никуда, – пробормотала принцесса и с трудом встала на ноги. Выглядела она болезненно.

– Восточная философия – терпеть ее не могу, – тяжело вздохнула Шэдар. – Ну что, раз все в сборе, пора отправляться в путь.

Иль Су с ненавистью посмотрела на Алую. Было заметно, что она затаила обиду и при случае непременно отомстит спятившей ведьме.

– Да, сестрица, гони чашу. – Такара даже губы облизала от предвкушения. – Как ловко ты подсуежилась ее украсть, всегда была горазда на выдумки.

Бес раздулся от гордости, но под тяжелым взглядом Шэдар быстро сник и взялся за дело. Ворон вспорхнул с надгробия, птицей в этот раз управлял хвостатый. Расставаться с редким артефактом не хотелось, но выбора не было. Переборов мучительную привязанность к древнему сосуду, он выбросил его в окно. Чаша упала прямо в руки Мартинити.

– Что я должна сделать? – неуверенно поинтересовалась она.

– Все просто, милая, – промурлыкала Алая. – Мы отрежем тебе мизинчик и бросим внутрь чаши. Тебе какой больше не нравится?

– Мы так не договаривались! – испуганно возмутилась Мартинити.

– Жертве слова не давали, – влезла в разговор Иль Су.

– Умеешь ты выбирать учениц, сестра, – одобрила Такара.

– Уймитесь все! – приказала Шэдар. – Просто напои чашу своей кровью, и нам откроется вход.

– Вы уверены, что он появится? – скептически сморщила лоб принцесса.

– Университет и его окрестности расположены над огромным древним храмовым комплексом. Неважно, с какой стороны начнет свой

путь паломник, врата всегда открываются в подземный лабиринт, по которому и нужно пройти, чтобы достичь цели.

– Позволь, я тебе помогу, – ласково предложила Такара, обращаясь к Мартинити.

Неожиданно за спиной адепки показался труп профессора, он схватил ее, не позволяя сдвинуться с места. Марти в ужасе закричала, но из ее горла не вырвалось ни звука.

– Можно было бы наклонить твою голову. – Такара наглядно продемонстрировала – как именно. – И слегка нажать здесь.

В правой руке безумной ведьмы блеснул нож с лезвием, похожим на коготь. Она медленно провела им по шее Дакасты.

– Тогда вместе с ударами твоего маленького сердечка чаша наполнилась бы до краев.

– Она ее убьет, – запричитал бес. Его возмущало, что Шэдар никак не реагирует на происходящее.

– К сожалению, крови хватит и отсюда. – Такара схватила Мартинити чуть выше запястья и полоснула по нему ножом.

На бледной в свете луны коже тут же проступила кровавая линия. Некоторое время все молча смотрели, как алые капли стекают по краям чаши. Когда ее дно полностью скрылось из виду, Алая наклонилась и провела языком по порезу. Рана быстро затянулась, оставляя после себя розовый шрам.

– Нужно оставить твою бесценную кровь господину, – с явным сожалением выдохнула Такара. – Теперь проси.

– Что просить? – прохрипела Мартинити.

– Дозволения встать на дорогу испытаний, – как маленькой, разьяснила Алая. – Ну же!

– Прошу, – едва слышно произнесла адепка.

– Проси как положено! – взвизгнула сумасшедшая ведьма. – На коленях.

Зомби пихнул Дакасту в снег, но вот странность – ни капли крови не выплеснулось из чаши.

– Прошу! – закричала Мартинити. – Прошу ушедшего бога показать мне путь к алтарю!

Хвостатый с ужасом взирал на девчонку, похоже, она не ожидала подобного. От нее веяло отчаянием и внутренним надрывом. Но как

следует пожалеть ее он не успел. Артефакт завибрировал в руках просящей, совсем рядом раздался гул.

– Быстрее, – скомандовала Шэдар.

Ворон приземлился на плечо Мартинити, за второе ухватилась Иль Су. На голову адепки опустилась рука Такары Алой, другой она вцепилась в тело профессора.

– Гелерад, прими подношение! – иступленно выкрикнула Алая.

Последовавшая за этим вспышка ослепила их всех.

Глава 21

Мартинити

Ужас, отчаяние, страх и снова ужас. Казалось, я попала в изнуряющий кошмар, который никак не желал заканчиваться. Хуже всего было то, что я понимала: все происходящее – реально!

Томительное ожидание на продуваемом всеми ветрами кладбище сменилось явлением монстра. Я не сразу узнала безумную гадалку с ярмарки, внешне ведьма теперь ничем на нее не походила, зато «дружок-коготок», как и тогда, причинил много боли. Светлые боги, есть ли границы омерзительному падению человеческой души? В случае с Такарой Алой и ее разлагающейся маскировкой – ответ напрашивался неутешительный.

Когда же передо мной встал убитый профессор Зигисоль, я едва не лишилась сознания. Безумие, словно зараза, отравляло пространство. Приходилось хвататься за обрывки действительности и постоянно помнить о цели.

Я должна дойти до алтаря! И дойду.

Асти обещал, что все время будет незримо присутствовать рядом и оберегать. Не позволит произойти ничему непоправимому. Я ему верила. Что еще мне оставалось? С ним хотя бы есть надежда...

Надежда выжить с печатью демонической сущности на ауре. В ночь, когда Зогард должен прийти в этот мир.

– Не бойся, маленький мой мотылек. Нас больше, и мы сильнее. Шорох опасна, но ей нет смысла тебе вредить. Ты даешь ей силы – мы это понимаем, она это понимает и не станет рубить сук, на котором сидит. К тому же враг у нас с этой ведьмой общий, а значит, хотя бы на время, но я могу положиться на ее слово.

Так убеждал меня Асти, чередуя слова с поцелуями. Я до сих пор чувствовала горечь его обреченной решимости на губах. Без особых подробностей Рантар посвятил меня в план и выдал инструкции.

– Глаз с тебя не спущу, – сказал он напоследок.

Вполуха слушая препирательства ведьм, я подавила нервный смешок и поправила ворот пальто. Днем ранее в теплом и светлом

кабинете декана боевиков мне и в голову не пришло, насколько буквальную форму обретет обещание любимого. Артефакт «Глаза мрака» ощутимо давил на шею, но в то же время создавал иллюзию контроля над происходящим. Сегодня утром его мне передал Лепорт. Судя по уставшему лицу чрезмерно уверенного в себе мага, он еще не ложился.

На сей раз приятель Асти был непривычно формален и лаконичен. Но когда я уже провожала взглядом его спину, вдруг обернулся и произнес:

– Мартинити... до нашего появления, – на несколько мгновений он отвел взгляд, а затем вновь посмотрел в упор, даже как будто с вызовом, – постарайся, пожалуйста, выжить. Продержись до подмоги и, что бы ни происходило, не сомневайся – мы рядом и мы придем!

Я растерялась, поэтому ничего не ответила. Он и не ждал, резко развернулся на каблуках и быстро скрылся из виду. В моих ладонях остались серебряная цепочка и два небольших шарика, тускло отражающих лучи света.

С Лепортом мы столкнулись тогда, когда я шла к мастеру Джедрису. Благодаря его помощи последние несколько ночей мне удавалось вполне сносно выспаться, и жест, подавляющий внешнее ментальное воздействие, получался теперь лучше всех, пройденных за время обучения в ШТУЧКИ.

– Адептка Дакаста, – вывел меня из ступора преподаватель, да так, что я вздрогнула от неожиданности. – Я вас жду, проходите.

Факультет боевой магии, на одном из этажей которого располагался кабинет мастера Джедриса, был необычайно тих и безлюден.

– Доброго дня, – вымученно улыбнулась я, но поймав суровый взгляд преподавателя, тут же скисла, тихо закончила: – Благодарю за помощь, для меня это действительно важно.

– Знаю, – свел он брови на переносице, – декан Асти посвятил меня в некоторые детали и попросил показать несколько действенных приемов, доступных для вашего уровня дара и полученных знаний.

Смущаться или удивляться я не стала, просто не нашла сил. Молча кивнула.

– То есть одним «Зеркалом паука» мы не ограничимся?

– Да, это, безусловно, хороший способ защиты от нападения на уровне тонкого плана, но не стоит забывать и о более материальной опасности. Кроме «Зеркала» я покажу еще два жеста, работающих в связке с плетением чар. Один для физического воздействия, это грубое вмешательство, когда требуется хороший удар на расстоянии или не хватает собственной массы тела.

– Как если бы кто-то занес кулак, а мне нужно было его отвести?

– Верно. Он полезен тем, что не требует построения сложной формулы, достаточно самого жеста и вложенного в направленный магический поток импульса силы. С другим будет посложнее.

Мастер Джедрис медленно сложил в верном порядке пальцы, специально, чтобы я успела рассмотреть.

– Этот жест нужно совмещать с искусством заклинателя. Зато он и работает для блокировки чисто магических атак.

Я попыталась повторить конструкцию, преподаватель мягко поправил.

– Мартинити, используй его лишь в крайнем случае.

– Почему? – тут же заподозрила я подвох. И он подтвердился.

– Потому что такие чары на пределе твоих способностей, а учитывая отсутствие опыта и умения грамотно рассчитать свои силы...

Мастер Джедрис вздохнул.

– Это боевые жесты, и наши ученики тренируют их месяцами, прежде чем выйти на практику.

Все оставшееся время до вечера, если не считать перерыва на обед, я провела в кабинете мастера Джедриса. Раз за разом мы разбирали, повторяли и отработывали всего три связки. Три магических жеста и сопутствующую им последовательность чар. Я не жаловалась, хотя прилично устала. Джедрис отодвинул все дела и, казалось, полностью посвятил себя нашим занятиям.

Когда за окном растеклись бледные сумерки, мастер выглядел вполне удовлетворенным моими успехами и больше не хмурился. Пожелав удачи и, как ни странно, того, чтобы освоенные жесты не пригодились, преподаватель меня отпустил.

До встречи с Шорох оставалось несколько часов, которые я провела в кровати в дремотном полузабытьи: ну хоть какой-то отдых –

и на том спасибо. Все лучше, чем изводить себя болезненным ожиданием.

Университетское кладбище.

Ворон, язвительные замечания Шэдар.

Встреча с сумасшедшей ведьмой, труп бывшего профессора и хамство принцессы Страны Ветров.

Все это показалось почти безобидной прелюдией к тому кошмару, что ждал на другой стороне портала. Начать с того, что, проморгавшись после ослепительной вспышки портала, я обнаружила отсутствие всех своих спутников.

Абсолютно всех.

В первые мгновения нежданное одиночество даже порадовало – навязанная компания никак не входила в круг приятных сопровождающих. Но очень быстро я осознала: если все с самого начала идет не так, как задумано, ничем благополучным оно закончиться не может. Больные на голову ведьмы и их ученицы хоть как-то вписывались в разработанный Рантаром и его соратниками план. Да и сама Шорох говорила, что паломничество к алтарю низвергнутого бога невозможно без проводника и помощника.

Обманула? Или сама оказалась обманута покровителем лжи и коварства.

И что мне делать теперь? Где искать путь к проклятому алтарю?

Стоило лишь подумать о цели, как чаша в руках неприятно хрустнула и без видимой причины рассыпалась на осколки. Моя собственная кровь окропила пол и забрызгала обувь. Я беспомощно отступила на пару шагов, с досадой стряхнула с ладоней остатки бесполезных черепков. Осмотрелась: сумеречный коридор вел вперед, позади имелось еще одно ответвление. Низкий потолок бурыми пятнами покрывало нечто похожее на мох. На стене висел ровно горящий факел.

Меня замутило – слишком уж обстановка напоминала недавние кошмарные сны. Только сейчас пройти по лабиринту предстояло наяву. Пока вертела головой и пыталась не поддаться панике, пропустила момент, когда под ногами появилось золотое свечение. Кровь из развалившейся чаши, подобно огненной змейке, уверенной струйкой двинулась вперед. Пришлось поторопиться, чтобы не отстать от своей путеводной нити.

По мере продвижения вдоль стены то и дело вспыхивали новые факелы. Их безжизненное, не дающее тепла пламя не чадило, не издавало потрескиваний и не трепетало от колебаний воздуха. Факелы, оставшиеся за спиной, неизменно гасли. Казалось, мои дыхание и сердцебиение – самые громкие звуки на всю округу. Даже собственные шаги растворялись в затопившей коридор противоестественной тишине.

Сколько минут или часов я покорно брела за сияющим ручейком-змейкой – не знаю. Ощущение пространства и времени давно улетучилось. Порою мерещилось, что вот-вот за очередным поворотом появится нечто новое, но в действительности оставались только надоевшие однообразные стены, пол и потолок бесконечного подземелья.

Меня начало одолевать оцепенение. Бездумно передвигая ногами, я почти смирилась с мыслью, что столько разговоров и возни вокруг поисков пути к алтарю – совершенная глупость. Какой интерес я могу представлять для Гелерада? Мертвый – или в каком он теперь качестве существует? – бог покровительствовал вора́м, лжецам и отпетым мошенникам. Наверное, особенно заинтересованным стоило поискать в качестве проводника более подходящего человека, нежели неопытную юную девицу.

«Твой господин об этом позаботится, – раздался в голове знакомый голос. – Ты же не думала, что сможешь всерьез помешать моим планам?»

Я споткнулась на ровном месте и лишь чудом не упустила целеустремленную «змейку», скрывшуюся за поворотом. С усилием вынырнула из полусонного состояния и ускорила.

Плохо.

Если влияние Зогарда на мой разум вновь окрепло, то за свои дальнейшие действия поручиться я уже не смогу. Быстро сплела пальцы в блокирующем ментальное воздействие жесте, отработанном до безупречности за последние дни. Неприятный, хриплый смех застиг врасплох. Почувствовала, как покрываюсь холодной испариной от вползающего в душу страха.

Нет, не так – настоящего ужаса.

Вдох-выдох.

Опостылевшие стены подземелий сменились яркой, отчетливой до самой мельчайшей трещинки в камне сценой. Сценой, которую я видела уже бесчисленное количество раз!

Каменный стол, цепи. Чадающие факелы, запах крови. Будоражающее предвкушение – скоро я получу то, чего так страстно желаю. По телу пробежала волна дрожи – одна, вторая. Предвкушение неизвестного, но совершенно необходимого притупило недавний испуг. Медленно, словно нехотя, ко мне вернулась способность мыслить и говорить.

Я повернула голову: по правую руку стоял человек в капюшоне. Только если во снах его лицо всегда оставалось скрытым, то сейчас он содрал с себя серую тряпку и принялся плести чары, попутно увещевая:

– Мотылек, маленькая моя, потерпи немного. Сейчас, не бойся!

Бархатный голос Асти пролился целебным бальзамом на угнетенное восприятие.

– Рантар, это действительно ты? – с трудом узнала собственный голос.

– Разумеется, кто же еще.

Он закончил колдовать над кандалами и протянул руку.

– Идем? Надо поскорее убираться отсюда, пока эта лживая тварь не придумала чего-то более серьезного.

От Рантара повеяло ощутимой злобой и ненавистью. Меня передернуло, но гадать об истинных причинах подобного отношения было некогда. Теперь, когда любимый нашел меня и можно не опасаться за каждый свой шаг, упадническое настроение отступило.

– А как же дорога к алтарю? Ведь без него не избавиться от метки Зогарда, ты сам говорил.

Рантар поморщился, но не замедлился ни на мгновение, уверенно увлекая меня подальше от страшной комнаты с цепями и клетками.

– План изменился. Нет, попасть к алтарю все еще необходимо! Но... мы пойдем туда вместе. Доверься мне, хорошо?

– Д-да, конечно... Ай! Рантар, не так сильно, пожалуйста. Мне больно.

Любимый растерянно оглянулся, явно не понимая, в чем дело.

– Рука, – поторопилась я пояснить, стараясь высвободиться из его немилосердной хватки.

– Ах, это...

Показалось или на лице Асти вновь промелькнул гнев? Однако он тут же озабоченно повертел головой и озадачил вопросом:

– Как ты до этого ориентировалась, куда идти? Где чаша?

Я припомнила путеводную змейку и расстроено призналась:

– Старый артефакт рассыпался черепками. Моя кровь, соединившись с его чарами, превратилась то ли в ящерку, то ли в змею – трудно распознать, она сплошь из золотистого света. Я все время шла за ней, но потом вновь объявился Зогард и... не помню. Очнулась уже на столе, в той комнате рядом с тобой, а указатель пути...

– Попробуй почувствовать, – с лихорадочным блеском в глазах перебил Рантар на полуслове. – Ты должна! – Он смягчился и уже более спокойно добавил: – Проводник создан из твоей крови, вы связаны.

Я честно постаралась уловить хоть какие-то отголоски внутри себя, почувствовать направление. Даже глаза прикрыла. Поначалу ничего не получалось, очень мешали вертящиеся в голове мысли. Что-то было не так, неправильно. Но что именно? Нервное возбуждение Асти сбивало с толку. Впрочем, в такой ситуации и сам шифу Лао вряд ли остался бы невозмутимым, а любимому и прежде была свойственна вспыльчивость.

Тряхнула головой, усилием воли прогоняя из нее лишнее. Мне нужна змейка-проводник, только это сейчас имеет значение. В обступивший со всех сторон могильный холод пробилось едва заметное дуновение теплого ветра.

– Есть!

Я распахнула глаза и с удивлением уставилась на по-прежнему крепко, но все же более осторожно сжимающую мою ладонь руку Асти. Продиравшей до костей стужей веяло от него.

– Нам туда, – указала в одинаковый во всех направлениях сумрак.

Рантар поймал мой недоумевающий взгляд, встряхнул кистями и пояснил:

– Пришлось тебе немного помочь... с поиском.

Когда он вновь взял меня за руку, прикосновение подарило привычное тепло и было приятно.

– Не знаешь, куда исчезли ведьмы?

– Я... мы недооценили коварство Гелерада. Он все цепляется за былое могущество и никак не желает расстаться даже с тем жалким существованием, которое вынужден теперь влачить.

Странные интонации в голосе Рантара побудили меня запрокинуть голову и пристальнее взглянуть в его лицо. Только поэтому я успела поймать тень нехорошей, хищной усмешки. Но ее тут же сменила такая любимая ироничная улыбка.

– Низвергнутый и всеми забытый бог, – пренебрежительно уточнил Асти. – Как я понял, перспектива поспособствовать появлению новых хозяев его не слишком обрадовала.

– Это значит?...

– Это значит лишь то, что путь к алтарю будет чуть более витиеват, чем мы все думали, – снова перебил Асти. – Будь уверена, помешать планам Зогарда этот слабак уже не сможет.

Впереди мелькнул отблеск, затем еще и еще. А вскоре показалась все та же путеводная змейка. Рантар заметно повеселел и ободряюще напутствовал:

– Просто делай то, что считаешь нужным. Твоя невинность и неискренность – лучшая защита от бога коварства и обмана, у него мало над тобой власти. А я помогу.

Рантар вдруг остановился и настороженно прислушался.

– Проклятье! – сорвалось с его губ. – Мотылек, не верь ни единому слову лживого божества, покровителя воров и убийц.

В следующее мгновение на нас налетело полчище сотканых из мрака птиц. Инстинктивно я прикрыла голову и пригнулась.

– Сгинь! – прокатилось эхом по подземелью.

И вновь я осталась одна.

Жутко. Тихо.

Осмотревшись, поняла, что стою у входа в пещеру. Под ее сводами ровным пламенем горел костер, такой же безжизненный и искусственный, как огонь сопровождающих мой путь факелов. Лабиринт из бесконечных коридоров кончился. Почувствовала, как по щекам катятся слезы. То ли от страха за Асти, то ли просто глаза отвыкли от яркого света.

А может быть, я давно уже сошла с ума.

И на самом деле ничего этого нет. Мое тело неизвестно где, и неизвестно, что с ним происходит. Не удивлюсь даже, если все-таки

угодила на алтарь, а видения – лишь плод фантазий. Наведенный морок или способ защититься от реальности, где не осталось места ничему кроме боли, отчаяния и пустоты.

Утирая лицо кулаком, я медленно поплелась к огню. Ни о какой высшей цели уже не думала, да и умереть не боялась. Хотелось только одного: пусть все скорее закончится. Я так сильно устала. У костра грелся старый седобородый маг. От него веяло силой настолько, что трудно было бы ошибиться.

– Ну садись, раз явилась, – совершенно не старческим голосом велел он.

– С-спасибо, – только и удалось выдать мне. Подумала и все же спросила: – Вы... тот самый бог?

Он усмехнулся, немного помолчал и уточнил:

– Тот самый? И много богов ты встречала?

– Ни одного, – честно призналась я. – Но кто еще может обитать в этих подземельях?

Маг гулко расхохотался, вызвав обвал мелких камешков с потолка.

– Боги на небесах, – успокоившись, сообщил он. – Мы – под землей.

– Вы – демон?

– И снова ты ошибаешься. – Незнакомец грустно вздохнул. – Я тот, кого забыли.

Интерлюдия

Такара Алая

Мир – это отражения сознания.

Кто-то видит грязь и лужи, опавшие листья на дороге, а другой заметит яркость осенних красок и улыбнется пасмурному небу. Алая уже очень давно перестала оглядываться по сторонам, а мир... Серость с красными росчерками то тут, то там не вызывали желания на них любоваться.

Ведьма пренебрежительно фыркнула. Непонятно, почему ее потянуло на философию, обычно подобной ерундой страдала Шэдар, вечно искавшая смысл жизни и причины поступков окружающих. Для Алой никогда не существовало вопроса «Зачем?». Все ее поступки и решения зависели только от цели, она шла вперед, и ничто не могло остановить Такару Алаю, тем более такая эфемерная вещь, как мораль. Внутренние ограничения нужны для слабых, а себя ведьма таковой не считала.

Она не боялась испытания. Нет, она жаждала его, как уставший путник – глотка воды.

И опять мысли Алой невольно вернулись к ночной охотнице. Тогда на все ее попытки зачать ребенка Шэдар сказала: «Ты утоляешь жажду отравленным вином». Спустя годы Алая поняла, что та имела в виду, но следовать совету было слишком поздно. Да и гордость не позволяла признать вслух правоту слов своего палача. Такара уже не могла остановиться и продолжала бесплодные попытки, пила это проклятое вино, давясь им, лишь бы мечта воплотилась в жизнь.

Но сегодня все должно измениться, верно? Она выполнит свою часть следки, и Зогард исполнит обещанное, подарит ей дитя. Ее продолжение, ее плоть и кровь!

Такара устремила взгляд в небо. Тучи бежали слишком быстро: этот мир не был реален, впрочем, ее это не волновало. Гораздо важнее – пройти испытание! Ее дорога паломника началась много лет назад, когда мечты рассыпались прахом. Она безумно завидовала женщинам, у которых рождались дети. Цена за могущество оказалась слишком

высока, но расставаться с ним она не собиралась. Не собиралась и не смогла бы.

– Познавший однажды власть дара навеки останется его рабом, – пропела ведьма и бодро пошла вперед.

Будь она иной, трава под босыми ступнями подарила бы ощущение счастья, ведь так давно Алая не чувствовала мягкое и шелковистое касание зеленого покрывала лугов. Ведьма лишь отметила, что теперь у нее есть кожа. Она воспринималась как настоящая, ее родная. На мгновение Такара позволила себе утонуть в этом воспоминании. Да, с ней остались только воспоминания, настоящие прикосновения чего бы то ни было давно ушли за грань вместе с той молодой девчонкой, какой она когда-то была. Оставшись без лица, она лишилась не только отражения, но и иллюзий.

Мир не терпел слабаков, он их сжирал, а Такара Алая – хорошая ученица. Она тоже съедала окружающих.

Ведьма усмехнулась и ускорила шаг – все равно, куда идти: раз это дорога паломника, значит, испытания найдут ее сами. Ноги все так же щекотала трава, солнце облизывало плечи, но Такара не чувствовала этого и не сбавляла темп.

Цель поставлена, осталось ее достичь.

Внутренние часы подсказывали, что наступила ночь, но в этом мире по-прежнему светло. Странное чувство поселилось в груди ведьмы. Возможно, волнение? Тепло, шедшее от сердца, опустилось ниже. Давно на нее не снисходило спокойствие и умиротворение.

Ее удел – война, ее жизнь – сражение.

Вдали показался лес. Шаг, еще один – Такара сбилась со счета. Почему-то ей стало тяжело. Алая с недоумением остановилась, ее взгляд упал вниз, скользнул по выпирающему животу.

– Я в тягости? – хрипло спросила она.

Безумная ведьма разглядывала свой живот с детским любопытством.

Вот оно, ее испытание!

Зачем дарить мечту? Алая нежно поглаживала свое еще не родившееся дитя. Она не могла поверить: такая живая иллюзия, как настоящая. Такара утратила бдительность, забылась и не заметила, как над ней пролетела тень.

Глава 22

Ведьма и бес

– Какое необычное место! – с восхищением и явной завистью произнес бес.

Ему настолько опостылело замкнутое пространство книги, что он готов был даже расстаться с непосильно нажитыми сокровищами, лишь бы очутиться на воле. Окружающий их мир манил и завораживал. Воздух здесь казался слаще, трава мягче, а деревья выше – все изменялось и подстраивалось под желания гостя.

Главная задача ушедшего бога – любой ценой увлечь попавших сюда.

И ему это хорошо удавалось. Бес далеко не сразу понял, что мир-обманка и все его чувства наносные. Шэдар смотрела на приятеля со снисхождением: она-то сразу сообразила, в чем дело.

– Жаждешь променять один иллюзорный мирок на другой? – фыркнула ночная охотница.

– Меня поражают масштабы. Только оглянись! – Бес повел лапкой, очерчивая круг. – Это не наш обгрызыш реальности. Нет, целый кусок земли, почти демонский домен.

– Феод, – поправила его Шэдар. – У людей такие земли называют феодом. Зря завидуешь.

– Я не завидую, просто...

– Не сравнивай творение Алой с возможностями бога, пусть и ушедшего.

– В пекле богов нет, есть только повелители – хозяева доменов. Знаешь, как хочется найти свой собственный угол, – поделился наболевшим бес. – А ведь у меня его никогда не будет...

– Давай найдем Такару, – поспешила сменить тему Шэдар. – Пусть этот мир и похож на настоящий, но он так же ненадежен, как наш. И лучше бы нам быть рядом с теми, для кого его создали.

Ведьма непроизвольно сжала руку в кулак: хвостатый затронул весьма болезненную тему. Она и сама задавалась вопросом – что

дальше? Вечная погоня? Битвы? Но сейчас размышлять о возможном или невозможном будущем явно не время.

– А кто это там бредет? – как по заказу, заметил бес.

Шэдар с удивлением посмотрела на фигуру, идущую в сторону леса через луг. Такара выглядела именно такой, какой много лет назад пришла в Круг. Молодая, красивая и полная энергии женщина. Время жестоко обошлось с ней, впрочем, как и со всеми ними.

– Это... это она, да? Алая? – будто прочитал мысли своей королевы рогатый. – Но почему она сменила облик?

– Теперь она настоящая, – качнула головой Шэдар.

– Хм, ей идет... кожа.

– Самый дурацкий комплимент женщине, который я от тебя слышала!

– Зато правда, – нахохлился бес.

– Правда, правда, – не стала спорить ночная охотница, и ворон устремился вслед за Такарой.

Птица не обгоняла ее, но и не отставала. Иногда приходилось закладывая вираж или опускаться на землю, выжидая, но спятившая ведьма, казалось, не обращала ни на кого и ни на что внимания. Неведомая сила влекла ее вперед, она почти бежала. Когда до леса оставалось всего ничего, бес неожиданно хрюкнул:

– Дари, да она брюхатая!

– Дай человеку то, что он больше всего желает, а потом отними. И он познает всю горечь и боль утраты, – философски заметила Шорох.

– Гелерад убьет ребенка?

– Так или иначе, исход предрешен. Как именно местный бог заставит Алую пройти через ее испытание, зависит лишь от его фантазии. Все здесь подчиняется воле ушедшего. Возможно, Такара выносит и родит, воспитает любимое дитя, а затем предаст земле. И так по кругу. Будет обречена раз за разом смотреть на его гибель, – предположила Шэдар.

– Как-то это слишком, – развел лапками бес. – Я о масштабах и времени. Слишком долго.

Чужая власть над бытием, точнее, над его самой важной составляющей сильно впечатлила хвостатого. Управление временем – нечто невообразимое и страшное. На один миг он представил, как

старшие демоны в пекле получают подобную силу, и беса тут же бросило в холодный пот.

– Здесь только один хозяин, и время – его послушная собачонка, которая выполнит любую команду. Неважно, сколько мы пробудем по ощущениям в созданном им мире, вернемся все в тот же момент, что и ушли.

– Как думаешь, куда она идет?

– Смотри внимательнее. В тени леса есть крепость, – хмуро ответила ночная охотница.

Последнее обстоятельство ее беспокоило. Проклятый масштаб выводил из себя и вынуждал нервничать. Было бы в разы легче, если бы паломникам предложили что-то попроще. Например, пройти по невидимому мосту над пропастью. Или оставили бродить в темноте, где слышно только биение сердца. Зачем так сильно стараться?

– Предлагаю вырваться вперед и осмотреть крепость. Ворон в подобных местах не вызовет удивления.

– Если только здесь есть живность. – Хвостатый даже поозирался, отыскивая ее признаки.

– Думаю, такая мелочь, как ворон, никого не тронет, тем более хозяин этого места сам нас пустил.

Шэдар больше не отвлекалась, полностью сосредоточившись на Алой. Испытание – лишь видимость выбора, на самом деле никто его паломникам давать не собирался. Затем ночная охотница обратила взор на человеческое поселение. Люди пасли скот на лугу, а за небольшой полосой леса сгрудилось около трех десятков крестьянских домов. Если приглядеться, то когда-то их было больше. Защитой поселку служил не частокол, а остатки развалин каменной стены. Возможно, сами жители и растащили полезный в хозяйстве материал.

Чуть в поодаль возвышалась замок. Некогда воплощение силы и могущества неизвестного феодала, однако время не пощадило и его. Одна из башен – всего их было четыре – потеряла часть этажей. На главном здании прохудилась крыша, ворота представляли собой жалкое зрелище. Цепи подвесного моста валялись на дне пересохшего рва, их заменили толстыми канатами.

Обычное поселение, каких по Карфаенской империи и не счесть: уже не городок в его былом расцвете, но пока еще и не деревня. Наличие замка всегда говорило о главенствующем положении, значит,

по округе раскиданы и другие островки средоточия жизни. Как зерна возле кормушки в птичнике.

Ворон опустился на крышу крайнего дома. Шэдар внимательно наблюдала за людьми – их жизнь текла своим чередом. Гелерад постарался на славу: картина отображала мир очень ярко и правдоподобно. Даже витающие над дворами запахи несли особый отпечаток типичного приусадебного хозяйства. Страхи рогатого не оправдались: живности было в изобилии. Она мычала, хрюкала, бляяла, создавала какофонию, бьющую по ушам.

Несколько самых обычных ворон, воровато озираясь, таскали мясо у собаки прямо из миски. Шэдар все пыталась найти изъян в шедевре ушедшего бога, но как ни вглядывалась в дома и людей – изъяна не было. Это настораживало: слишком живое, слишком натуральное.

– Так не бывает, – обронила она задумчиво.

– А что не так? Все идеально, как с картинки.

– Именно что с картинки, – поморщилась Шэдар.

– Ах вот оно в чем дело! – прищелкнул пальцами бес. – Восхищаешься мастерством.

– Скорее ужасаюсь силе ушедшего. Кстати, в испытании принимает участие и моя новоприобретенная ученица. Любопытно, что Гелерад приготовил ей.

Рогатый покосился на Шэдар и осторожно спросил:

– Заботишься?

– Нет, просто от девчонки зависит наша судьба. Она где-то здесь, я чувствую.

Об остальном ночная охотница умолчала. То, что приходило со стороны Иль Су, вселяло не то чтобы страх, но и больше, чем тревогу. Что-то нехорошее творилось под иллюзией пасторальных и мирных пейзажей.

– Смотри, там клетки! – указывая направление, потыкал черным когтем бес.

Шэдар посмотрела и выругалась. Вдоль крепостной стены, сейчас укрытые тенью, висели стальные клетки. В некоторых остались только кости, в других кровавое пиршество падальщиков еще не закончилось. Взгляд Шэдар метался от одной клетки к другой, в четырех из них узники пока были живы.

Принцесса лежала в последней, выглядела она неважно. По спине девушки не раз прошлись кнутом, лицо ее превратилось в сплошной синяк. Глаза... как ни странно, открыты, хоть и отражали лишь пустоту. Шорох знала такой взгляд – взгляд человека, который уже смирился и не хочет бороться. Непривычно было видеть Иль Су, в один момент растерявшую весь свой аристократический гонор.

– Плохо дело, – всплеснул лапками бес.

Шэдар с удвоенным рвением осмотрела поселок. Чем больше она наблюдала за людьми, тем беспокойнее становилось на сердце.

– Мы же нашли ее. Что еще? – недоуменно уточнил хвостатый.

– Тебя не смущает, что мы находимся в катакомбах под городом? Откуда тут взяться... ну вот хотя бы кузнечикам?

– Испытание же... – неуверенно протянул бес, старательно отыскивая злополучных насекомых. – Сама говорила, все есть иллюзия.

Хвостатый приблизил мордочку к окну в другой мир, и каким-то непостижимым образом ему на пяточок приземлилась бабочка.

– Это как? – опешил он, изучая белые крылья проказницы.

Шэдар протянула руку к бабочке, но пальцы коснулись лишь призрачного дымка. Бес разочарованно хрюкнул.

– О чем я и говорила. Все выглядит настоящим, но не мы проходим испытание. Поэтому иллюзия Гелерада для нас не материальна и не опасна, – рассудительно произнесла Шорох. – В отличие от Иль Су и Такары. Но мы можем им помочь... если что-то пойдет не так.

– Тогда сорвется испытание, – нахмурился бес.

– С чего ты взял? Испытание, прежде всего, это возможность показать, что ты достоин встречи с богом. Гелерад – покровитель воров и плутов. Ловкий и хитрый обманщик, мошенник, возможно, шутник. Подарить дитя Такаре, отнять свободу у Иль Су...

– погоди, но ведь принцесса, наоборот, ее хотела! Зачем тогда клетка?

– А затем. Бьют по тому, что больно. Они обе получили то, о чем мечтали. И прожили ту жизнь, которую выбрали.

Шэдар хмыкнула.

– Кто сказал, что, получив якобы свободу в Вольных Землях, Иль Су не кончит свои дни так же? – Она указала на клетку.

– Так я не понял, раз принцесса в таком состоянии, она прошла испытание или нет?

– Божественная ирония в том, что ей и не обязательно его проходить. Она только сопровождает Мартинити, но она же и может стать платой, которую захочет взять бог. Низвергнутый дал принцессе свободу, а она все равно оказалась в клетке. Чем не жертва на откуп паломника? Гелерад, конечно, плут, но еще и могущественная сущность с иного плана бытия.

Бес с сочувствием посмотрел на Иль Су – разменная монета. И скорее всего, Шэдар предполагала это с самого начала. Если их связь учитель-ученик и могла спасти принцессу, то ночная охотница вовсе не спешила подаваться в героиню. Или делала вид, что это звание не для нее. Бес потерял рог и решил, что у каждого рыцаря должен быть верный оруженосец, который и предложит нечто дикое, дабы господин не уронил себя в глазах окружающих.

– Давай поможем ей? – предложил он.

– С чего вдруг? Раньше ты добротой не блистал.

– Считаю, я изменился, – задрал острый подбородок хвостатый. – Соседство с тобой внесло новизну в мое мировоззрение.

Ведьма неприлично долго смотрела на беса, затем напоказ вздохнула и нехотя произнесла:

– Хорошо.

Бес едва сдержал улыбку. Он-то знал: только гордость не позволяла Шэдар спасти девчонку, а тут он со своей просьбой так вовремя. Разве оруженосец не должен поступать именно так?

Птица взлетела с крыши, вслед за ней в воздух поднялись вороны. Местные жители разразились проклятиями. Ведьма и бес прибыли к клетке Иль Су в сопровождении пернатой свиты. Находившийся у руля хвостатый не смог отказать себе в небольшой театральности и нарезал несколько кругов над бедняжкой принцессой.

Ворон опустился на толстенную деревянную балку, к которой крепилась клетка. Иль Су не пошевелилась. Казалось, девчонка погрузилась в глубокое беспамятство. Шэдар молча искала с ней связь. По напряженному взгляду ночной охотницы стало понятно, что нащупать последнюю совсем не просто.

– Душа при ней, а вот разум надежно заперт. Так она отгородилась от боли и страха.

Черный немигающий глаз ворона уставился прямо на Иль Су.

– Возвращайся, ученица, я приказываю.

Тон Шэдар не предполагал неповиновения. Бес невольно пригнулся – привычка, выработанная за годы жизни и служения старшим демонам. Голосом можно и убить, если у говорящего достанет силы.

Со стороны все выглядело весьма обыденно: просто ворон, просто выжидает, когда пленница превратится в добычу. Сверху с резким карканьем кружило местное воронье. Один из стражей указал на них пальцем, его товарищи забористо выругались.

Вот и славно – незваных гостей приняли за обычных падальщиков.

Шэдар в нетерпении сжала руку в кулак, ученица не откликнулась. Беда всех молодых и одаренных: они не ведают последствий и не учитывают, что вырваться из чертогов разума так просто не выйдет. Необходимо вмешательство извне, например, приказ наставника.

– Живо! – Шэдар была непреклонна, чувствуя, что ученица по-прежнему не хочет вернуться в сознание.

Бес замер, ожидая развязки. Бесконечно тянущиеся мгновения борьбы силы воли двух одаренных магичек, и окрестности огласил душераздирающий вопль.

– Спасибо, – прохрипела Иль Су и растаяла, как та бабочка.

– Э... куда? – опешил хвостатый, разглядывая теперь пустую клеть.

– В реальность. Осталось решить проблему Такары.

В первый момент бес подумал, что ослышался. Неужели Шэдар пожалела давнего врага? Быть такого не может! Скорее она имела в виду, что Такара и есть их основная проблема. И точно.

– Глаза поменьше сделай, – устало бросила Шорох. – Алая, в отличие от той же Иль Су, давно обитает в своих иллюзиях. Она примеряет не только чужую кожу, но и жизнь. В погоне за мечтой она творила такое, что даже вспоминать тошно.

Бес перевел взгляд на Такару, которая как раз входила в поселок. Ее узнавали, будто по волшебству, спятившая ведьма отвечала доброй улыбкой: с кем-то здоровалась, с кем-то обнималась.

– Она не видит, – разочарованно произнесла Шэдар. – Дар совсем покалечил ее.

– Так понимаю, это иллюзия счастливой жизни. Ее потаенное желание. Ее мечта...

– Нет, – оборвала беса Шэдар. – Это насмешка ушедшего бога над людскими желаниями. Все эти люди, лица... Когда-то Алая сама лицедействовала в этих нарядах.

Бес ошарашенно перевел взгляд на собравшуюся толпу. Теперь он рассмотрел фальшь в чужих улыбках, тогда как в глазах сквозила неприкрытая ненависть. Ослепленная своей мечтой Такара не замечала ничего.

– Гелерад хоть и ушедший, но все-таки бог, он видит души паломников. И по-своему эти сущности справедливы. Жестоки, но справедливы.

– Так мы будем помогать? – продолжая следить за представлением, полюбопытствовал бес.

– Не думаю, что это нужно. Сейчас здесь будет много боли, лучше не смотреть.

Ворон расправил крылья и вскоре скрылся в листве раскидистого дерева.

Шэдар упорно любовалась Проглотом. Дитя Тьмы продолжало держать их хрупкий мирок, став менее активным, но ничуть не менее опасным. В отличие от своей королевы бес силой воли похвастаться не мог, его жгло любопытство, поэтому страшное действие он досмотрел до конца.

Одна крестьянка показалось ему знакомой, вскоре хвостатый сообразил почему. Именно в ее обличье Такара Алая явилась на кладбище перед началом паломничества. А вот сама ведьма девушку не узнавала, хоть и скользнула с недоумением пальцами по лицу незнакомки. Сразу за этим еще недавно приветливые люди схватили Алую и выкрутили ей руки, как преступнице, поставили на колени. Ведьма забилась, закричала, но здесь она была всего лишь слабой женщиной, а не старшей Круга. Потому попытки вырваться остались тщетными.

Тем временем последняя жертва Алой встала прямо перед ней, словно главная обвинительница. Да так оно и было: здесь и сейчас вершился суд.

– Давно не виделись, – холодно произнесла девушка.

– Кто ты? – непривычно кротко спросила Такара. – Что я тебе сделала?

– Кто я? – зло усмехнулась ее бывшая жертва. – Не помнишь, значит? Наверное, хорошо быть счастливой. А если я взгляну в твое лицо, то увижу ли там себя?

Обвинительница резко поддалась вперед, так, что их носы соприкоснулись.

– Нет, не вижу, – разочарованно бросила она и выпрямилась. – Но ты же видела себя во мне, как в зеркале? Я – это ты.

По лицу Алой скользнула тень узнавания... понимания.

– Я вижу перед собой безумную девку, – гораздо грубее и резче, чем прежде, процедила она.

– Как замечательно ты себя описала, – с наигранным восторгом хлопнула в ладоши обвинительница. – Ха-ха. Смешно же, да?

– Да! – поддержала толпа и подобно эху исторгла зловещий неестественный смех: – Ха-ха.

Сразу за этим все присутствующие повторили и жест обвинительницы, даже наклон ее головы.

– Что за дерьмо здесь происходит? – рявкнула Алая.

Бес впервые услышал в ее голосе зачатки страха.

– Мы познали многое: убийства, еще убийства, пытки, предательство... Хотя это не так интересно, как то, что ты сейчас испытываешь.

Обвинительница шагнула вперед и опустилась на колени рядом с Такарой, положила ладони на живот ведьмы.

– Не смей меня трогать! – Алая дернулась, но вновь безуспешно.

Руки девушки засветились, Такара Алая закричала. Жутко, с надрывом. Обвинительница поднялась на ноги и улыбнулась – к ведьме вернулась былая стройность. Зато сама она заметно округлилась. Жмурясь от удовольствия, погладила собственный живот.

– Новая жизнь – это непередаваемое чувство. Ой, он шевелится, – удивилась девушка. – Хочешь потрогать?

Рогатый даже присвистнул: вопрос был воистину издевательский.

– Ты украла моего ребенка! – взвизгнула Такара, испепеляя девушку ненавидящим взглядом.

– Тебе ли называть меня воровкой?

– Ты украла моего ребенка, – четко, выделяя каждое слово, повторила ведьма.

– А ты забрала у меня жизнь, забрала саму возможность иметь детей, найти любовь. Ты украла мою жизнь вместе с лицом, – равнодушно, будто судья, произнесла девушка. – Справедливо лишить радости и тебя.

– Ты...

– Я – это ты. Мы все – это ты. – Широкий жест на толпу.

– Вы все мертвецы! – закричала Алая. – Это все нереально.

– Даже если и так, ребенок все равно наш. Не грусти, ведь мы – это ты, значит, тебе есть чем утешиться.

– Тварь... Это всего лишь испытание. Мне не нужно ненастоящее дитя! – К Такаре окончательно вернулась память.

– Уверена? – выгнула бровь обвинительница. Она достала из складок платья кинжал. – Раз все здесь нереально, значит... – Острое лезвие разрежало платье, оголив живот.

– Нет, – прошептала Алая, сжавшись. – Не надо, пожалуйста.

Обвинительница победно улыбнулась, но в следующий момент Такара Алая сбросила удерживающие ее руки и уже сама схватилась за кинжал.

– Миражи не могут убивать, это моя обязанность.

Ведьма с яростным криком вонзила клинок в сердце своей обвинительницы. Окружающие их люди стали исчезать один за одним, вместе с ними пропала и Алая. Последней истаяла беременная девушка с торчащей из груди рукоятью кинжала. На ее губах играла странная улыбка.

– Психованная ведьма тоже смогла уйти. – Бес проследил за красным туманом, повисшим на том месте, где прежде стояла жертва. И то, что ею прикидывалось. – Но мы по-прежнему здесь.

Тихо сидящая в стороне Шэдар подняла голову.

– Дакаста все еще в этом проклятом месте. Гелерад умеет дарить то, чего мы столь сильно жаждем.

– И что же получила она? Ты ведь уже знаешь, верно? Ваша связь...

– Семью, бес. Живую и любящую мать, отца, который обожает своих девочек. И главное – ту размеренность и спокойствие, кои приносит обычная жизнь в гармонии с собой и миром.

– Тогда полетели к ней, чего ждем?

– Да, наверное, стоит, – вздохнула Шэдар. – Порой самые простые желания убивают нас сильнее, чем великие мечты.

Ворон взмахнул крыльями и отправился к маленькому дому на окраине этого странного поселения.

Глава 23

Мартинити

– Вас называют низвергнутым, а не забытым, – поделилась я с э...магом. Воспринимать его так было проще, чем всерьез увериться, что беседую с божественной сущностью, пусть и утратившей прежние власть и силу.

Удивительно, но страх испарился, уступив радостному предвкушению. Словно вот-вот мне подарят лучшее, что можно пожелать. И даже больше: о чем и желать не хватит духу! Взгляд собеседника был каким угодно – плутоватым, с хитринкой, полным озорства и не по возрасту ясным, но только не злым. Он располагал.

– Ушедшим меня тоже называют, – отмахнулся маг, подмигнув: – Если порыться в летописях, то и еще с десятков имен отыщется.

– И вы вот так, лично, снисходите до беседы с каждым паломником?

– О, далеко не с каждым. Но ты же особенная, разве нет?

Пожала плечами, сильно сомневаясь в последнем.

– Среди просящих и возносящих мне мольбы столь невинных душ пока не встречалось.

– Но я лгала, и не раз. Желала смерти другим, а возникни острая необходимость, то и украдала бы.

Почему-то вспомнилась моя несносная рыжая подруга. Я поджала губы и твердо кивнула собственным мыслям. Да, жизнь выписывает очень непредсказуемые узоры. И за последние месяцы я убедилась, что способна на многое из того, что раньше казалось однозначно недопустимым.

– Вижу, – по-отечески потрепал меня по плечу маг. – И вот ты здесь. Должен отметить, твой выбор сопровождающих поистине удачен. – Он зажмурился, словно сытый и довольный кот. – Я оценил. Настолько, что готов выслушать все, о чем попросишь. Твое испытание окончено.

Я с удивлением покрутила головой. Ничего даже близко напоминающего алтарь не попадалось.

– То есть все? – недоверчиво переспросила. – Конец пути?

Маг вновь раскатисто рассмеялся, вызвав легкую дрожь земли под ногами.

– Человеческая фантазия, страх перед неизвестностью и иллюзорные ожидания могут посоперничать с любым ужасом, сотканным волей богов.

– Но... как же алтарь?

Старец кивнул на огонь. Поманил меня пальцем и доверительно прошептал:

– Зачем бы мне являть свой лик раньше времени, а?

Я задумалась. В самом деле, ну не для посиделок же у костра и болтовни с какой-то смертной девчонкой.

– А место силы, – продолжил он, небрежно обводя рукой пространство, – оно по-разному может выглядеть.

В пламя с шипением сорвалась бурая капля крови. Я охнула: еще мгновение назад никакого вертела над ним и в помине не было. Моргнула, прогоняя жуткое видение окровавленной туши с витыми рогами. Кровь исчезла, а в огонь, источая аромат благовоний, капал вытапливаемый жир.

Не зная, как реагировать на происходящее, я молча таращилась на облизывающие то ли жертвенное животное, то ли обычный ужин язычки пламени. И не могла отделаться от ощущения подвоха. Как-то все слишком... просто, что ли. Ну поплутала по подземному лабиринту, это не самое кошмарное, что со мной случилось.

Не помешало бы понять, куда все подевались? Ожидалось, что в конце пути от желающих приобщиться к действию будет не протолкнуться. Еще не успели пройти обозначенной тропой? Или их пока сдерживает сила ушедшего божества?

– Кого-то ждешь? – проницательно усмехнулся старик, приглаживая бороду.

Промычала нечто невнятное.

– Обожди, некуда торопиться. Ты ведь не хочешь умирать, правда?

– Откуда?... – Вопрос получался глупым, и я замолчала, не став его заканчивать.

– Так чего бы ты хотела, деточка? Не скромничай, в моих силах дать тебе абсолютно любую жизнь.

– Жизнь?

– Можно было бы обойтись мелочью, но, как понимаешь, я вовсе не хочу делиться силами с каким-то самоуверенным выскочкой. Если Зогарду нужна твоя нынешняя жизнь, то почему бы не дать тебе другую, оставив паршивца с носом.

Маг... хотя нет, все-таки бог с грохотом обрушил кулак на каменный пол. От места удара поползли мелкие трещины.

– За мой счет въехать в пантеон повелителей мира? Нет, не думаю.

Он перестал хмуриться и вновь принял вид благодушного старца.

– Давай-ка посмотрим. Так-так, что здесь у нас? Ага.

Гелерад утратил ко мне интерес, полностью сосредоточившись на зарумянившемся куске мяса. Достал из-за пазухи мешочек с травками и, проворачивая вертел, принялся щедро посыпать ими тушу. Запах приправы оказался настолько резким, что в носу засвербело. Я бездумно проводила взглядом очередную сорвавшуюся в огонь капельку жира.

Вторую, третью.

Там, где они с шипением исчезали, начинал виться дымок. Чад все больше заполнял пещеру, уплотняясь и погружая в сонное оцепенение. С трудом вспомнила, о чем шел разговор и что хотела спросить. Или попросить?

Да, точно. Нечто очень-очень ценное и нужное. Что не купишь ни за какие блага, не украдешь, не отнимешь. С каждым новым вдохом меня заполняло знакомое чувство радостного предвкушения, скоро и вовсе переросшего в ощущение абсолютного счастья.

Именно с этим ощущением я и проснулась. Распахнула глаза и тихо рассмеялась новому дню. Солнце уже вызолотило половину комнаты и коварно подкрадывалось к дремлющему на подоконнике коту. Черному, холеному и невероятно шkodливому. Я подобрала его в одном из путешествий с отцом в Лестэйл – ближайший крупный город на пути от нашего захолустья в столицу. Его суета и царящая свобода нравов мне тогда не понравились, зато из облезлого и хромого котейки вырос настоящий кошачий аристократ.

Подскочила с постели и к вящему неудовольствию Близлика схватила его в охапку, покружилась на месте. Отец долго упирался, не желая подбирать сирого и блохастого, но я настояла...

Смутное воспоминание царапнуло не хуже когтищ возмущенного котешки. Я замерла, пытаюсь поймать мысль за хвост. Близик воспользовался моментом и все-таки вырвался, негодуяще потрясая хвостом, залез на шкаф подальше от сумасшедшей хозяйки.

Аристократ... да. Почему-то это слово тревожило, бросая тень на переполнявшее меня счастье. Вчера я стала невестой, предстояло много хлопот, но и радости тоже. Вновь улыбнулась: Гелад так переволновался, пока дошел до сути своего предложения. Дело давно шло к свадьбе, но мы хотели обустроить все по правилам. Теперь он наконец закончил учебу у наставника, открыл собственную лавку и смог взять ответственность за будущую семью.

Аристократ. Ускользящий образ из сна, забытое видение. Мужское лицо, ястребиный взгляд, чуть крючковатый нос, губы, кривящиеся в знакомой усмешке. Что за?...

– Ма-арти, засоня! Ты встаешь или мы поедем за нарядами без тебя? – голос мамы вернул в реальность.

Я топнула ногой и поспешила в ванную – срочно умываться и желательно холодной водой! Чтобы в голове не осталось ни одной глупости.

– Эй, я не сплю! – перевесившись через перила, крикнула я. – Сейчас соберусь, и будем завтракать.

Учуяв ароматы свежей сдобы с корицей, я действительно поспешила.

– На обратном пути нужно не забыть заехать к портнихе и заказать костюм для танца, – щебетала мама, то и дело сверяясь с кипой списков.

– Ма-а-ам, – смутилась я.

– А что такого? Ты – мелиада, в твоих венах течет древняя кровь редкой расы. Это наша история и традиции.

– Знаю, но...

– Глупости, – отмахнулась мама. – Танцем альмей можно только гордиться, далеко не каждый мужчина удостоивается такой привилегии. Или ты не любишь Гелада?

– Ты что! – возмутилась я, но по ее хитрой улыбке поняла, что попалась на провокацию.

– А раз любишь, то и наряд нужен соответствующий. Жаль, что у нас не сыскать готового, и выписать из Карфы уже не успеем. Ничего,

зато твой будет пошит исключительно для тебя.

Я перестала краснеть и почувствовала себя действительно взрослой – конечно станцюю. И буду гордиться.

– Просто ты никогда не учила меня магии и книгу предков хранишь в сундуке под крышей.

– Моя нежная бабочка, – мама посерьезнела и погладила меня по волосам. – Любая из мелиад немножко волшебница, но далеко не каждая волшебница – мелиада. Чтобы быть тем, кто ты есть, вовсе не обязательно учиться магии.

Я поежилась: на самом деле мне никогда не хотелось становиться магичкой, а учеба в столичном Университете чароплетства откровенно пугала. Да, как любой девчонке, мне было любопытно сунуть нос в старую колдовскую книгу или фантазировать о возможности изменять природу вещей силой мысли, но вымышленная реальность тем и хороша, что безвредна. Тогда как в настоящем те самые хваленые маги практически уничтожили расу мелиад, превратив их в редких зверушек, которых можно пустить на декокты.

Правда, при нынешней правящей династии охота на таких, как мама, давно под запретом. И тем не менее история помнит страшные вещи, как ради ценной и редкой крови истребили целый народ. Не-е-ет, достаточно с меня необычной внешности и умения донести любые чувства с помощью языка тела. А остальное... и так проживем припеваючи.

Вон мама с отцом столько лет вместе живут душа в душу и без всяких колдовских чаросплетений. И дело спорится – у нас лучшая ресторация на всю округу, сам наместник регулярно заходит. И счастье в доме, и любовь. Я зажмурилась, предвкушая собственное грядущее семейное счастье.

День удался на славу, мы переделали уйму дел, а вечером ждал званый ужин в узком кругу родных. Чтобы порадовать жениха, я забежала в мясную лавку за его любимыми ящерками. Обжарю со специями, затем потушу в сливках с грибами. Представляя широкую улыбку Гелада и счастливый блеск в его взгляде, я так углубилась в себя, что не заметила еще одного посетителя. И только когда впечаталась ему в грудь, соизволила осмотреться.

– Прошу прощения, – потеряла плечо, собираясь сбежать.

– Мотылек?

Я вздрогнула и споткнулась повторно, теперь уже на ровном месте. Знакомый голос, пробирающий до мурашек, волнующий... Нахмурилась, прогоняя нелепое наваждение. Запрокинула голову и всмотрелась в лицо незнакомца. Казалось, он и сам никак не определится со своими эмоциями.

– Вы ошиблись, – буркнула я и поспешила убраться подальше.

Слишком уж не по себе было рядом с этим мужчиной. К тому же он смотрел так, словно мы и в самом деле были знакомы.

Больше чем просто знакомы.

Конечно же, он обозначился, с кем не бывает. Я и сама на днях погналась за рыжей косой подруги, а оказалось, это и не она вовсе. Вот только почему «мотылек»? Откуда мужчине знать мое имя? Да и древнекарфаенский давно уже не в обиходе, разве что маги иногда пользуются. Маги...

Передернула плечами, будто пытаюсь избавиться от навязчивого взгляда в спину. Совпадение, обычное совпадение! Мало ли какого заезжего чудака не занесет проездом в наши края.

Вскоре я и вправду выкинула из головы странного незнакомца.

Оставшееся время до вечера прокрутилась на кухне в нашей семейной ресторации «Мартин». Мне нравилось готовить самой, несмотря на ревнивые взгляды добряка Ройда – главного повара.

– И что ты тут крутишься? – бурчал он, помешивая суп в огромной кастрюле над открытым огнем. – Не волнуйся, и без тебя сделаем в лучшем виде.

– Ни капельки в этом не сомневаюсь.

– Ну вот и шла бы, девичьим своим занялась.

– А готовка, по-твоему, не женское дело?

– Разумеется, нет! – возмущенно фыркнул Ройд, выпячивая могучую грудь в белоснежном халате. – Красоту наводить, вышивать, сплетничать меж подружек – вот это я понимаю. Танцульки опять же всякие да поскакушки.

Я закусила губу, сдерживаясь, чтобы не рассмеяться в голос.

– Ну и представления у тебя о девичьей жизни!

– Жизнь – она всякая на бабью долю выпадает, – не согласился Ройд. – Но тебе-то что за нужда у плиты да мойки вертеться? Все для счастья есть, так и наслаждайся.

– Марти, айда в зал, все уже в сборе. – На кухню заглянул отец, попутно проверяя, все ли при деле, всё ли в порядке.

Я откинула полотенце и сняла фартук. Состроила выразительную гримасу довольствующему повару. Он у нас много лет работает, мы привыкли: что на уме, то и на языке. Да и разве душой покривил? Я действительно чувствовала себя очень-очень счастливой.

– Ящерок не передержи, – напомнила, исключительно чтобы подразнить Ройда.

Он сделал страшные глаза, я же по-детски показала язык и сбежала. За накрытым столом у большого окна сидели мои самые близкие и любимые люди: мама, Гелад, его младшие брат и сестренка погодки, их родители, моя неугомонная и бойкая на язык подруга и даже Близлик. Который хоть человеком и не был, зато числился среди членов семьи и по такому торжественному случаю тоже получил пропуск на праздничный ужин. Папа помог мне сесть и присоединился следом.

– Теперь-то все в сборе? – не позволяя коту стащить с чужой тарелки еду, рассеяннo уточнила мама.

Гелад одарил меня ласковой улыбкой, вслух произнес:

– Теперь все.

Вечер получился волшебным, одним из тех, что хочется навсегда сохранить в памяти. Запечатлеть глубоко в душе, чтобы греться в моменты хандры и ненастья. Мы много смеялись, делились планами на будущее и моментами прошлого. С Геладом я познакомилась еще в детстве, но по-настоящему подружились мы, когда стали старше. И уже из этой крепкой дружбы родилось новое чувство вместе с желанием прожить жизнь рука об руку.

На колени запрыгнул Близлик, я запустила пальцы в жестковатую шерсть, почесала котейку за ушком. Он довольно хрюкнул и замурчал. Поглаживая проказника, я больше не принимала участия в разговорах, но продолжала любоваться родными лицами, слушать их голоса.

Будто со стороны.

Будто все происходит и со мной, и не со мной вовсе. Странное ощущение, неприятное.

– Марти, милая, все в порядке? – наклонившись к моему уху, поинтересовался Гелад. – Ты какая-то рассеянная.

– Да, конечно, не волнуйся, – подарила ему улыбку и едва заметно потерлась щекой о плечо жениха. – Устала, наверное.

– Пойдем провожу, – он хитро подмигнул, – эти еще не скоро теперь по домам разойдутся.

Я посмотрела на размахивающего руками отца, живо демонстрирующего, какого размера была та рыбина. Будущий свекор со смехом втолковывал ему что-то в ответ. Подружка уже ушла, заодно забрав с собой и младших ребят – им все равно в одну сторону. Пора бы и нам расходиться, но, похоже, родители собирались еще посидеть.

– Пожалуй, ты прав. Что ж, пошли.

Близик увязался за нами, бежал впереди, важно задрал хвост трубой. В укрывших городок сумерках редкие прохожие выглядели все на одно лицо.

– Тебе никогда не казалось, что живешь не своей жизнью?

– Э, нет. С чего бы? Я живу именно так, как хочу, и меня все устраивает.

– Хорошо. Правда, это здорово очень.

Некоторое время мы шли молча. Гелад обнимал меня за плечо, делаясь теплом.

– У тебя точно ничего не случилось?

– Точно-точно. – Обняла его и прижалась теснее. – Просто...

Сбилась с шага. Мимо прошел незнакомец из мясной лавки. Длинная, необычного плетения коса, небрежно перекинута на грудь, пронзительный взгляд, особая выправка – то ли воин, то ли маг...

Аристократ.

Я замерла, инстинктивно сжимаясь. Он смотрел на меня, он единственный выделялся из многих. Казалось, вот-вот поравняется с нами и заговорит. Уверенным голосом с чуть насмешливыми интонациями. Мое сердце забилося пойманной бабочкой – отчаянно, рвано, бестолково.

Он промолчал. И не остановился.

Лишь на краткий миг губ коснулась горькая усмешка.

Я шумно выдохнула, не понимая ни себя, ни реакции собственного тела.

– Просто что? – напомнил Гелад, слегка подталкивая меня вперед. Кажется, произошедшей заминки он не заметил.

Да, скорее всего, со стороны ничего особенного и не происходило, а время растянулось лишь в моем воображении. Подумаешь, кто-то незнакомый мимо прошел.

– А? А-а-а, просто день сегодня такой... насыщенный, – мысленно же добавила «и странный». – Подумалось вдруг, а как бы могло быть иначе? Мы ведь постоянно делаем выбор, меняя узоры судьбы. И не только мы, другие тоже его делают, влияя на наши жизни.

Гелад остановился и внимательно всмотрелся в мое лицо.

– Дорогая, зачем думать о каких-то вымышленных вероятностях, если наша жизнь именно здесь, сейчас и такая, какую мы сами и создали? Тебя что-то беспокоит? Ты передумала?

– Нет, что ты! Прости, не хотела обидеть. – Стало до ужаса стыдно за свои глупые сомнения. Где уж тут ему разобраться, когда я и сама себя не пойму. – Ты вообще ни при чем. Я... я не знаю, что на меня нашло.

Гелад обнял меня, поцеловал и мягко увлек вперед. Сразу пришло чувство надежности и успокоения. Вот глупая: сама напридумывала, сама испугалась.

– Ничего, я понимаю. Это естественно – волноваться перед свадьбой, особенно таким нежным созданиям. – Он игриво дернул меня за выбившуюся из хвоста прядь.

– Угу.

– Главное, помни: я тебя очень люблю и сделаю все, чтобы мы были счастливы вместе.

– Знаю, – уткнулась носом ему в грудь.

Мя-а-ау! – дурным голосом вякнул Близлик и нахально поточил когти о косяк входной двери.

– Пришли, – смерил кота задумчивым взглядом Гелад. – Пора мне, с самого утра товар привезут. Нужно будет все подготовить и посчитать потом, освобожусь поздно.

– Конечно, ты иди отдыхай. – Потянулась к его губам и поцеловала. – Все хорошо, не волнуйся.

Нехотя он выпустил меня из объятий и ушел. Я же еще долго стояла на крыльце дома, прислушиваясь к музыке теплой ночи и всматриваясь в обманчивое мерцание звезд. Близлик терся у ног, своеобразно урча. Но когда я почувствовала, что озябла и потянула за ручку двери, кота словно подменили. Вздыбив шерсть, он истерично

мякнул и вместо того, чтобы заскочить внутрь, галопом проскакал по ступенькам и понесся в темноту.

– Стой! Куда? – Вот ведь вредность мохнатая.

Мысленно распекая проказливого кота, поспешила за ним. Ну что за наказание? Близлик далеко не отбегал, но и образумиться не торопился, словно дразнился.

– Довыделываешься, вот брошу тебя и уйду спать, – пригрозила я. – Попадешь в лапы дурной псины, мигом пожалеешь.

– Мя-а-ау, – донеслось из кустов издевательское.

– Ну я тебе!

Через пару проулков мне все-таки удалось догнать негодника.

– Ага, попался! – сцапала увлеченно к чему-то прислушивающегося котейку.

Мы стояли около прокатных конюшен; за бревенчатой стеной, шумно пофыркивая, волновались лошади. Странно, чего это они расходились, крыс учуяли, что ли? Вот и Близлик тоже вдруг заинтересовался.

– Проваливай отсюда и не смей больше являться! – донесся гневный голос... Гелада? – Думал, я не почувствую, как ты падальщиком вьешься вокруг нее?

– Ты слаб и ничего не можешь сделать. Потому и злишься. – Этот насмешливый, волнующий голос я тоже знала.

Светлые боги, да что здесь происходит?

– Уверен? Что ж тогда удрал, поджав хвост? – холодно, с непривычной властностью произнес Гелад. – И приполз теперь в надежде урвать хоть крошек с чужого стола. Убир-р-райся!

– Хотел посмотреть на тебя в деле, – ничуть не проникся его собеседник. – Глупо лезть на рожон, предварительно не изучив противника. Должен признать, – несколько мгновений я могла разобрать только лошадиные всхрапы, – все это занятно и даже забавно. Но повторю, ты слишком слаб, чтобы со мной тягаться.

– Здесь моя территория и мои правила.

– Зато девчонка эта моя, и давно.

Мне надоело вслушиваться в чужой разговор, который нравился мне все меньше и меньше. Решительно завернув за угол, я заприметила свет и толкнула ведущую к нему дверь.

– Очень вовремя, милая, – широко улыбаясь, поприветствовал меня тот самый чужак с косой. – Я ужасно соскучился.

– Не... не понимаю. Гелад? – Я нахмурилась, ожидая объяснений.

Но вместо них получила лишь злое:

– Уходи, живо!

– И не подумаю, пока ты не объяснишь, кто это и почему он так странно себя ведет.

– Меня зовут Рантар Асти. Вспомни, как любила меня, как для меня танцевала!

Имя мужчины прошило сознание болезненной вспышкой. Я потрясла головой, цепляясь за подернувшуюся дымкой реальность.

– Вы рехнулись? – сипло выдохнула я, борясь с гневом от столь бесстыдных заявлений.

Гелад смягчил тон и произнес уже ласковее:

– Дорогая, я обязательно все объясню, позже. Сейчас неудачное время, и наш разговор тебя не касается. – С нажимом добавил: – Прошу, возвращайся домой.

– Еще как касается, мотылек, – снова влез наглый незнакомец. – Неужели ты меня совсем забыла? Ну же, разве не видишь, кругом фальшь и обман. Пустая картинка, спектакль для единственного зрителя – тебя.

Продолжая прижимать к груди кота, я потрясенно взглянула на жениха:

– Гелад, о чем он говорит?

– Не слушай его, Марти. Ублюдок решил развлечься за наш счет, – рывкнул Гелад, оттесняя меня от подкрадывающегося, будто змей, незнакомца. – А ты заткнись и убирайся.

– Вспоминай! – игнорируя угрозы, приказал... Асти.

И вновь почудилось, что мой мир истончается, становится зыбким и ненадежным.

– Университет чароплетства, занятия магией, другая жизнь и знакомства. Мой мотылек, моя хрупкая бабочка, запутавшаяся в паутине лжи и чужих интриг.

– Какой, к рогатому, университет? – взвился Гелад. – Родная, ты же терпеть не можешь магов, от них одни проблемы. Наглые, самоуверенные, вечно лезут не в свое дело! Они с легкостью корежат чужие судьбы в угоду личных интересов.

Меня крутило, ломало, казалось, земля уходит из-под ног. Две реальности с треском рвали мое сознание, поочередно затмевая друг друга.

– Ты болен или пьян. Мартинити никогда не бывала в столице, мы вместе выросли, я помню ее еще ребенком. Чистое, невинное создание, сроду не ведавшее ничьих интриг! Не втягивай ее в свои гнусные игры.

Гелад обнял меня, решительно увлекая к выходу.

– Идем, дорогая. Я же говорил, не стоило тебе слушать бред, что он несет.

– Мотылек, ведь я просил тебя не верить ни единому слову лживого божества, – с болью в голосе произнес Асти. – Борись! Не позволяй ему себя одурачить, превратить в куклу, выбравшую жизнь среди иллюзий.

Пространство поплыло, попеременно взрываясь осколками воспоминаний. Болезненными, впивающимися в сознание. Я смотрела на смутно знакомые картинки в постоянно крошащемся зеркале: разбитая тарелка, путь в тревожащую неизвестность, безликая комната, башни красивого здания, суета на лестничных переходах, лица... друзей? Борьба, учеба, предательство, нежность, надежда, радость встречи с собой настоящей!

– А помнишь, как мы встречали Единый оборот в моем родовом замке? – натянутой до предела струной звенел голос Асти. – Мартинити, пожалуйста, неужели ты хочешь променять все то, что мы пережили вместе, на унылое и до тошноты приторное болото? Разве это жизнь? Разве об этом ты мечтаешь на самом деле?!

– Боль, потери, страдания, – шипел Гелад, то ли успокаивая меня, то ли продолжая упрекать магов.

Я мало что соображала, по инерции цепляясь за жениха и едва переставляя ноги. Голова кружилась, десятки чужих голосов сливались в хоровод узнаваемых разговоров. Резко затормозив, обернулась к бесцеремонно ворвавшемуся в мою жизнь Рантару Асти. О, ему не впервой играть с чувствами глупого мотылька!

– Да! – закричала с вызовом, глядя на него в упор. – Именно об этом я и мечтаю. Мне нравится моя жизнь, нравится чувствовать, что у меня есть семья, меня любят и ценят! Без обмана, без притворства, без двойного дна и сопутствующей выгоды.

Гелад победно улыбался, не замечая, как я медленно отступаю в сторону. Близик прижал уши и делал вид, что его здесь и вовсе нет.

– Все это, – Асти обвел рукой пространство, – и есть самый большой обман. Выберешь его и навсегда сгинешь.

– Выберешь меня и проживешь счастливую, лишенную тревог и горестей жизнь, – эхом откликнулся Гелад.

Я улыбнулась, с нежностью глядя на жениха. Он отражал все то хорошее, что у меня было, могло быть, чего так не хватало в настоящем.

Как я думала, что мне не хватает.

Больше нет. Я сделала выбор.

– Прости, – одними губами произнесла, отступая еще на шаг.

– Не-е-ет! – заорал Гелад, наконец сообразив, что все изменилось.

Он бросился вперед, но путь перегородил Асти.

– Возможно, раньше я бы не задумываясь выбрала именно такую судьбу, – мой голос больше не дрожал, – но мне слишком нравится та Мартинити, которой никогда не случилось бы без того, чего ты меня лишил. Я выбираю свой путь, и неважно, сколько того пути мне отмерено, зато он настоящий.

Дикий, сворачивающий кровь вопль полетел в стремительно наливающимся алым небо. Мужчины сошлись в страшной схватке, в их руках плясали невесть откуда взявшиеся клинки. Казалось, они были сотканы из чистого мрака. Да и сами сражающиеся мало походили на моих любимых мужчин – один из прошлого, другой из никогда не случившегося.

Пространство лихорадило, иллюзорный мир стекал к ногам цветными разводами. Нас обступали страшные, ни на что не похожие тени. Круг сжимался.

А когда все они как по команде кинулись на меня, я закричала. Горло жгло, но из груди не вырвалось ни звука. Сама не понимая, что и зачем делаю, зашептала всплывшее из памяти заклинание. Пальцы сложились в защитном жесте, словно тело знало лучше, как защититься. Смутно я понимала: кто-то когда-то передал мне эти знания, но память не спешила подсказывать, кто и когда. Неожиданная самопомощь спасла от атаки неведомых существ, но и силы выпила немало.

Я едва держалась на ногах, чувствуя каплю за каплей уходящую вместе с магией жизнь. Земля под ногами в последний раз вздрогнула и раззявила пасть огромной трещины. Боль от удара вышибла дух. Тело ломало так, как если бы в нем не осталось ни единой целой кости. Кто кого победил, я так и не узнала.

Понимание, где я и что происходит, пришилило к холодному камню, как остро заточенная булавка проходит сквозь приговоренную к коллекции бабочку. Спасибо, мастер Джедрис, наши занятия в самом деле продлили мне жизнь... И да, лучше бы эти знания мне негодились.

Я распахнула глаза, жадно вдыхая сырой безжизненный воздух.

Я вернулась в реальность. Я лежала на алтаре.

Глава 24

Рантар

Сколько на его веку было вылазок? Одна? Две? Сотни! Но каждый раз он испытывал это неприятное чувство. Даже не волнение и тем более не страх, а некую дикую смесь азарта и ярости. Охота, погоня – это будоражило и заставляло Асти ощущать себя живым.

Но сегодня все было иначе. Стоило только Рантару представить все те страшные вещи, что могли произойти в подземелье с Мартинити, как хотелось не просто всех убить, нет, ему хотелось сдохнуть самому.

Наблюдая за бессознательной Марти, он уже не раз помянул «добрым» словом свое руководство, Лао и даже Ирель.

– Ты зря переживаешь, командир, – заметил Лепорт. – Здесь полно сильных магов, неужели мы не спасем мир?

Теодор по-своему попытался разрядить обстановку, но в награду получил лишь хмурый взгляд.

– Меня раздражает это вынужденное бездействие.

– Девчонка всего лишь смотрит грезы, – скучающе обронила Болинджер. – Хотя происходящее с ней напомнило мне детство, – в голосе некромантки проскользнули ностальгические нотки.

– Расскажешь? – тут же уцепился за возможность сменить тему Лепорт.

Рантар приподнял бровь: Ирель не любила вспоминать юность и каждый раз кривилась, когда делала это.

– У меня был игрушечный лабиринт, – мечтательно произнесла она. – Достаточно большой и с крышкой. Я не видела, что происходит внутри. Нужно было провести к выходу мертвую крысу, используя ее глаза.

– Ты сравниваешь Мартинити с крысиным трупом? – очень вежливо поинтересовался Рантар. Он сам удивился своему тону, ибо внутри всколыхнулась настоящая буря.

– Я имела в виду происходящее, – немного суетливо ответила Болинджер, тон бывшего жениха ей очень не понравился. – Дакаста

ходит по подземелью, а мы наблюдаем. Рано или поздно она придет к цели.

– Командир, вдохни и выдохни, наша очаровательная спутница, очевидно, отвыкла от общества живых, – вновь попытался сгладить углы Теодор. В одно плавное движение он оказался за спиной Болинджер и сжал ее плечо, предупреждая возражения. Он, в отличие от Ирель, легко прочитал чувство Рантара. – Она же у нас повелительница.

– Повелеваю тебе заткнуться, – процедила Болинджер и скинула руку Лепорта, однако развивать тему дальше не стала.

Всех удивил Ишидан, который неожиданно вспомнил, что Рантар вообще-то его друг.

– У вас весьма избирательная память, магиана Болинджер, – вкрадчиво произнес он. – Впрочем, этот недостаток есть у многих людей, так проще жить.

– К чему это вы сейчас? – с подозрением уточнила некромантка.

– Раз уж разговор зашел о вашей юности... – Ишидан многообещающе улыбнулся и продолжил: – Почему бы вам не вспомнить момент, когда отец продал вас в гарем Сына Неба?

– Мне вот интересно – откуда сей факт известен вам? – проскрежетала Ирель.

– Вам неприятно? – наигранно удивился Лао. – Отчего же? Не потому ли, что и вы – человек, как бы ни боролись с природой. Не стоит забывать, что ранить можно любого.

Рантар впервые за долгое время посмотрел на Ишидана с благодарностью. Полезно напомнить Болинджер о том, что есть и другие умельцы причинять боль.

– Вы не ответили на мой вопрос.

– Здесь нечего скрывать, – пожал плечами ректор. – Я был в охране каравана, который вас вез.

– Но я сбежала! – опешила Ирель. Похоже, она до сих пор с трудом верила в свою удачу. – Вы... это вы отпустили меня?

– В гареме императора множество жемчужин, – спокойно произнес Ишидан. – Черный жемчуг не только редок, но и опасен. Плоды такого союза могли дорого обойтись Стране Ветров.

– Политика, – с отвращением выплюнула Болинджер.

– Вся наша жизнь – политика. Все мы от рождения до смерти играем в игры. Кому-то говорим правду, кому-то лжем, с кем-то держим нейтралитет. Просто у каждого свой масштаб. Даже сейчас мы надели маски и улыбаемся друг другу, хотя в глубине души остаемся соперниками. Маги – хищники по своей натуре, и чем сильнее дар, тем он опасней и страшней.

В комнате повисла тишина. Рантар слушал рассеянно, то и дело поглядывая на передающий изображение шар. Марти слепо блуждала в темноте, говорила с кем-то незримым, и у, казалось бы, закаленного жизнью боевика все внутри сжималось и скручивалось от желания защитить эту хрупкую, излишне доверчивую и чересчур хорошую девочку. Его нежный и доверчивый мотылек, чья жизнь так странно сплелась с порождениями всего того, что по природе ей было бесконечно чуждо и далеко.

Рантару не нравился их план, но он казался разумным. Теперь, по прошествии времени, он понял, что проиграл самому себе. План походил на дно бутылки, когда весь запас идей уже исчерпан. Решение от безысходности: все карты вскрыты, и чтобы достойно завершить партию, приходится идти на поводу у более сильного противника. Вынужденно, временно... но оттого не менее мерзко.

Как итог – они все ждали, когда Мартинити пройдет испытание и приведет их к алтарю ушедшего бога. Артефакт древних на ее шее послужит маяком для портала. На бумаге этапы операции выглядели логичными, выверенными и просчитанными, но... В сердечных делах логика внезапно теряет преимущества. А ведь он даже с родителями познакомил малышку, чего не делал со времен помолвки с Ирель. Проклятье, он просто не имеет права потерять Марти.

– Интересно, что она видит? – нарушил затянувшееся молчание Теодор.

– Вряд ли что-то плохое, – ответила магиана Болинджер. – Этому недобугу нет смысла пугать девочку.

– Неважно, есть смысл или нет, но испытание остается таковым в любом случае. И высшие сущности в этом плане скованы правилами гораздо больше людей, – возразил Лепорт.

Болинджер с удивлением посмотрела на него. Теодор редко говорил серьезно. Некромантка впервые задумалась о том, что совсем не знает этого человека. Явно не за шуточки и игривый характер он

стал заместителем Асти. Значит ли это, что она смотрит на нового любовника с предубеждением? Ирель мысленно усмехнулась: зачем себя обманывать! Ей просто совершенно наплевать на Теодора. Да, он хорош собой, приятен в общении, знает, как ублажить женщину в постели, большего ей и не нужно... наверное.

– Она похожа куклу, – неожиданно признался Асти. – Такое чувство, что сейчас в ее теле нет души.

Не подозревая того, Рантар затронул неприятную тему для Ишидана. Лицо ректора осталось бесстрастным, но он вспомнил о своем лучшем творении – Красной. Эксперимент вышел на редкость необычным и опасным, однако Лао всегда притягивали секреты души как неисчерпаемого источника магии и силы. Сущности с других планов бытия не зря стремились заполучить столь бесценный ресурс.

Что будет, если получится создать покорного слугу с душой, но без воли? Ему еще предстоит совершить много любопытных опытов... Только не стоит забывать о судьбе бедняги Керфуса Зула, чьи изыскания привели его к безумию. У Лао больше нет монеты из Безымянного храма, а еще, – степняк улыбнулся, – скоро он вновь обретет лотос своей души. На кону слишком многое, слишком долго он шел к этой цели, играя партию с судьбой.

Ишидан расправил рукав вышитого халата и окинул присутствующих внимательным взглядом. Он давно разучился удивляться. Кто бы мог подумать, столь разные люди – и все объединены общим делом, хотя у каждого при этом своя цель.

Заметив, что в комнате опять воцарилась гнетущая тишина, он мягко заметил:

– Возможности человеческого разума непостижимы. В эти минуты в другом измерении они могут проживать целые жизни. Встает вопрос: зачем людям даны бранные тела? Почему эти сосуды так важны?

– И это говорит мастер-кукловод? – скептически хмыкнула Болинджер. Логике Лао она часто не понимала, но, как человек практичный, не смогла удержаться, чтобы не предложить: – Завещай мне тело, если тебе оно не нужно. Я уж точно найду ему применение.

– Материя – ничто, магиана Болинджер. Плоть, кровь, кости – всем движет энергия духа. Я могу завещать вам тело при условии ответной любезности. – Улыбка Ишидана походила на оскал.

– Тоже завещать свое тело?

– Зачем оно мне? – Одна бровь на лице Лао красиво изогнулась. Сейчас он как никогда напомнил хитрого лиса из сказки. – Меня интересует душа.

– А не многого ли ты хочешь?! – рявкнула магиана, позабыв о соблюдении видимости вежливости. Душа для некроманта – святое, никто не смеет на нее покушаться.

– Давайте вы позже обсудите ценность человеческих тел и душ, – мрачно процедил Рантар. Ему показалось, что Мартинити застонала.

– Это ветер, командир, – Теодор, как всегда, поддержал друга. Хотя они оба понимали, что Лепорт лжет.

– Может, о камушек ударилась? – предположила Ирель Болинджер. – Как она вообще еще ничего не сломала? Удивительно!

– Ирель, ты чувствуешь поднятого? – обеспокоенно уточнил Рантар.

– Если сейчас потянусь к нему, то нарушу магию лабиринта, – рассудительно произнесла некромантка. – Тебе не кажется, что рано паниковать?

– Не стоит торопиться, – поддержал Ишидан.

– На сей раз труп врага сам к тебе не приплывет, – едко произнес Асти, припоминая другу недавний разговор.

– К моей глубокой печали, сегодня у нас нет другого выхода. Мы взобрались на спину тигра – теперь или он сожрет нас, или мы убьем его.

– Чувствуется глубокая история, – усмехнулась магиана Болинджер, которой пикировка заклятых друзей доставляла удовольствие. – Забавные ребята, да?

– Мне кажется... – начал говорить Лепорт, но его прервали крики из шара.

– Именно об этом я и мечтаю! Мне нравится моя жизнь... – доказывала что-то невидимому собеседнику адептка Дакаста.

– Ирель, пора, – напряженно произнес Асти, впиваясь пальцами в столешницу.

– А по-моему, ты торопишься, – не согласилась некромантка. – И не надо на меня так смотреть! Да – разговаривает, но взгляд ее по-прежнему пуст. Похоже, из-за этой куколки ты растерял остатки разума.

Из шара вновь донеслись невнятные фразы, и Рантар болезненно поморщился. Ему казалось, это он виноват во всем происходящем с Мартинити. Он уже не раз и не два пожалел, что не вытащил девушку раньше. Ведь он мог! Но тогда это стоило бы жизни проклятой ведьме Ишидана. Мир бы ничего не потерял, если бы Шэдар Шорох перестала в нем существовать, и Рантара не мучила бы совесть. Дружба с Лао и честь встали на одну чашу весов, на другую он опустил жизнь мотылька.

Еще никогда в жизни выбор не давался Асти так мучительно сложно! Ему казалось, он балансирует на лезвии меча: одно дуновение – и соскользнет в пропасть. Долг или любовь? Лишь боги ведают, чем все обернется для них всех.

– Пуст ли? Смотрите! – вскинулся Теодор.

Рантар впился взглядом в шар, пространство внутри стремительно поглощала тьма. От переизбытка магии стекло артефакта покрылось мелкими трещинами, послышался отчетливый хруст.

– Что за дерьмо? Разве артефакт мог сломаться? – неверяще произнес Рантар.

– Ты что? Это наследие прошлого, а не поделка нынешних магов, – возмутилась Ирель, которую данный факт тоже выбил из колеи.

– Вероятно, изменения коснулись внешнего мира, – рассудил Лао. Он поднялся с кресла и подошел ближе.

Рантар обратил внимание на руки Ишидана, их оплели тонкие серые нити. Ректор готовился к драке, натягивая призрачные поводки. Каких кукол он утянет за собой в лабиринт? Додумать эту мысль Рантар не успел: тьма в шаре рассеялась. Марти лежала на алтаре, безумная ведьма держала над ней «Сердце Ахоры» и речетативом нараспев плела заклинание. Артефакт на шее адепки показывал все, что находилось в его прямой видимости.

– Лепорт, действуй! – скомандовал Асти.

По плану в задачу Теодора входило выстроить координаты переноса туда, где находился артефакт «Глаза мрака». Тот ювелирно точно подобрал силу и применил ее, но... Хрустальный шар, служивший той нитью, что связывал их с адепткой Дакастой, лопнул, осыпав кабинет осколками.

– Вот вам и творение древних мастеров, – обреченно произнес Рантар, вытирая со щеки кровь. Тонкая длинная царапина протянулась от левого глаза до подбородка мага. Почему-то он ничуть не удивился, когда их план не сработал. Решение от безысходности редко проходит без сбоев.

– К счастью, у нас есть запасной вариант, – бодро напомнил Лепорт.

– Сомневаюсь, что получится, – нехотя процедила Ирель. То, что артефакт древних не выдержал и взорвался, было плохим знаком, и она уже не хотела рисковать.

– Похоже, кто-то переживает за брренное тело, – вроде бы ровно заметил Ишидан, но прозвучало это все равно с насмешкой.

– В отличие от вас, влюбленных дураков, у меня есть разум! – оскорбилась Болинджер.

– Ну же, красавица, гони! – Неожиданно Лепорт хлопнул ее чуть пониже спины.

Ирель обернулась – то ли чтобы ударить, то ли возмутиться, но наткнулась на такой дикий взгляд... И если у Теодора он был лихой, будто тот собирался прыгнуть в омут с головой, то два других мага смотрели на нее с надеждой.

– Я тебе не кобыла! – опешила Болинджер, но больше ничего добавлять не стала и даже потянулась к чарам активации спящего внутри мертвого профессора заклинания. Если глупость передается по воздуху, то она, определенно, тоже больна.

Для Рантара секунды превратились в вечность. Он физически ощущал, как утекает время. Взрыв хрустального шара породил самые ужасные предположения. Неужели они опоздали?

– Ирель, – с мольбой выдохнул Асти и сразу за этим почувствовал рывок.

Порталы – вещь коварная и нестабильная, а скрытые переходы тем более таят в себе массу сюрпризов. Самые неприятные из них – оказаться разорванным на части или вмурованным в стену. Шагнуть и не выйти из такого портала станет благословением, странник даже не почувствует, что умер, и лишь очутившись за гранью, осознает произошедшее.

Их перемещение вышло тоже не самым приятным, а приземление еще хуже. Рантар только и успел, что выставить щит, шестым чувством

ощущая – портал сейчас взорвется. Он действовал на инстинктах, и ему повезло. Асти отбросило энергетической волной и с силой впечатало в стену. Поднятого некроманткой профессора расплыло в пространстве, находящаяся внутри его тела сложная магическая структура выполнила свое предназначение.

Стон Лепорта подсказал, что тот оказался не столь быстр, как его командир. Поворот головы, да – Теодора задело, но жить и сражаться он будет. Почти всю силу взрыва поглотил выставленный Рантаром щит. Они давно работали в паре, им хватало и взгляда. Рантар – на острие атаки, Теодор – прикрывает спину и наносит подлые удары. Они были идеальной командой, командой уничтожения. Поэтому ни один из них не задумывался, что делать дальше: руки сами плели заклинания, а тело действовало, опережая команды разума.

Асти быстро окинул взглядом то место, куда их перетащила Ирель. Алтарь возвышался в центре, само помещение было выполнено в форме многогранника, где в каждом углу разместили по статуе ушедшего бога. Где-то неизвестный скульптор изобразил его юнцом, залихватски обнажившим шпагу, другая фигура воплощала старца с хитрым прищуром. Покровитель воров и авантюристов всех мастей должен быть многоликим, как и его сила.

Культистов в алтарном зале обнаружилось не более десятка, вероятно, они так же шли по следу своей предводительницы, до последнего не зная координат переноса. Что ж, в этом отношении они с врагом были в одинаковой позиции. Многим из прислужников Зогарда досталось от взрыва, никто не ожидал подлости от глупого зомби.

Лао стоял на другом конце зала, от него в разные стороны расходились пока еще не обретшие плоть куклы. Лицо ректора превратилось в маску. Рантар слишком хорошо знал этого человека – Ишидана что-то беспокоило. Беспокоило настолько, что за его спиной сама собой проявилась его сила. Огромная тень со множеством рук, от которых тянулись нити.

Асти посмотрел на алтарь. Черный, маслянисто блестящий камень разукрашивала вязь рун, они пульсировали красным в такт с биением сердца жертвы. Марти выглядела такой маленькой и беззащитной, руки девушки сковывали цепи. Как никогда прежде она напоминала пойманную жестоким коллекционером бабочку. Алая, женщина без

лица, так порой ее называли в отчетах его подчиненные, занесла над Мартинити ту самую булавку, что пригвоздит ее к алтарному камню. Мозаику смерти дополняли редкие артефакты, скрупулезно собираемые культистами на протяжении нескольких лет по всей империи.

Появление незваных гостей ничуть не сбило ведьму, отрешенная от всего, она продолжала ритуал, доверив защиту своим приспешникам. Рантар наконец-то понял, что его так сильно смущает, вызывая противное зудящее чувство бессилия. Барьер! Полоумную ведьму и Дакасту отделял странной природы барьер, а это значит...

– Не спи, – раздался справа голос Ирель, – попробуем пробить!

Некромантка лихо крутанула боевой посох в виде косы, призывая силу. В отличие от мужчин, ее не терзали внутренние демоны, магиана сохраняла холодный рассудок. Волна жути, другим словом трудно описать чувство, которое взывает сырая энергия смерти, устремилась к куполу.

Простые люди воображают смерть, как нечто темное и страшное, но это не так. Хладная Госпожа приходит мягкой поступью или опускается на бесшумных крыльях, она невидима и неотвратима. Рантар почувствовал ледящую сердце тоску, по куполу прошла рябь, будто от ветра на воде.

– Проклятие, – раздраженно процедила Болинджер. Она здесь, чтобы заполучить ведьму, а желанная цель недосягаема. – Чего стоишь? Бей!

На ее отрывистую команду среагировали культисты – в Асти и некромантку полетели разнообразные заклинания. Но тут хорошо сработал Лепорт, в этот раз он успел выставить щит, прикрывая своих.

В бой вступили куклы Лао, теперь вполне осязаемые. Отчасти они напоминали Красную, и в то же время были совершенно иными. Черный колдовской фарфор. Идеальный, гладкий и смертоносный. Им не требовалось оружия, они сами им были. Длинные, слегка изогнутые руки-мечи отбивали направленную на них магию, а затем с легкостью вспарывали человеческую плоть.

Рантар не стал размениваться ударами с прислужниками, одним прыжком, подкрепленным магией, он оказался рядом с куполом. Если эта магия не пропускала враждебную магию, возможно, она не станет мешать тому, кто просто хочет войти.

Когда он прикоснулся к куполу, его руки дрожали.

– Ну же, – прошептал маг.

Надежда оказалась тщетной, ладони уперлись в невидимую стену. Барьер его не пропустил.

От бессилия Асти ударил по нему – раз, другой. Глава боевиков бил и бил, вкладывая всю силу, все отчаяние, и не мог остановиться. Костяшки уже давно сбились в кровь, а он все продолжал. Рантар не сводил взгляда с лица Мартинити, она смотрела на него, понимая, что он бессилен. Глаза любимой прощали, и душу давно позабывшего о нежности, привязанности и уязвимости мага разрывала нестерпимая боль.

– Прости, – шептал он, размазывая свою кровь по магическому куполу.

Рантар перебрал множество заклинаний, и ни одно из них не подходило. Он мог разрушить зал, но не мог уничтожить барьер.

– Очнись, еще не время. – За спиной Асти встал Лао. Декан боевого факультета не замечал ничего, кроме Дакасты и хищного блеска кинжала, что застыл над ее сердцем.

– Нашел свою ведьму, – проскрежетал Рантар. На плече Лао сидела птица, из-за которой все и началось. Ничем не замутненная ненависть охватила Асти.

– Не вздумай, – предупредил Ишидан, отлично считав настой друга. – Сломать мы его не сможем, но сделать брешь – вполне. Сейчас мои куклы притащат Иль Су. Она – часть ритуала, а значит, не чужая для защитного барьера. Шэдар в свою очередь связана с обеими девушками, она пройдет через источившуюся защиту.

Иль Су выглядела, мягко говоря, неважно. Что именно произошло с гордой дочерью степей на испытании? Асти заметил несколько седых прядей, белыми лентами вплетенных в черную волну волос. Она шла с трудом, опираясь на одну из кукол Лао, и периодически морщилась от боли.

– Магия осталась? – не стал расшаркиваться Ишидан.

– Да, господин, – прошептала Иль Су, пытаясь поклониться, но ее повело в сторону. Кукла удержала принцессу.

– Тогда действуй. Много не надо, просто наметь нам место, дальше все сделаем сами, – командовал Лао.

Они ударили вместе.

Хотя «ударили» – слишком громкое слово. Асти встал напротив Лао, они положили на барьер ладони так, чтобы образовать квадрат, если их соединить невидимой линией. В центре к чужеродной магии прикоснулась Иль Су. Как солнце растапливает лед, так и они силой воли и даром плавил купол, пока Болинджер с присущей ей кровожадностью вырезала прибывающих на брошенный ранее Алой зов культивистов. Лепорт выстраивал связь с подмогой, слуги Лао молчаливой стеной отгородили врагов от спасателей.

Иль Су выложились досуха и вскоре бесшумно опустилась к ногам магов. Услужливые куклы тут же оттащили ее в сторону, защищая собственными телами. Неожиданно в то место, где еще недавно покоились изящные ладони принцессы, прилетело мощное заклинание из арсенала некромантки – Болинджер решила поучаствовать в общем деле. Еще одно дуновение силы, и в барьер врезался «подарок» от Лепорта.

Рантар усилил напор, он чувствовал: Алая заканчивает ритуал. Руны пульсировали все быстрее, речитатив изменил тональность. Ведьма замахнулась для удара.

Под действием их энергий купол действительно источился. В последний момент сидящий на плече, словно неживой, ворон устремился в образовавшуюся брешь. Шэдар Шорох не бросилась на Такару, не сделала ничего, что могло бы той помешать. Шэдар сама подставилась под клинок.

Вместо сердца Мартинити кинжал пронзил ворона.

Образ птицы поблек, грудь Мартинити усыпали перья. Рукоять древнего артефакта теперь торчала аккуратно из центра колдовской книги-темницы.

Далее произошло несколько событий одновременно. Рухнул защитный барьер – Рантар и Лао едва удержали равновесие. Вместо книги на адептке Дакасте материализовалась женщина, через всю ее спину протянулась рваная рана. У основания алтаря старательно отползал в сторону низший бес. А над ними всеми шелестела ветками огромная машина, похожая на изрядно раздавшийся в размерах пень.

Первой очнулась Алая.

– Шэдар! – взвыла безумица. – Ты даже сдохнуть не можешь!

Такару разрывало от желания повелителя вырваться на свободу. Все присутствующие здесь маги чувствовали вязкую, удушливую

энергию прорывающегося на волю демона. Сущность царапалась за ставшей тонкой гранью, отделяющей ее мир от этого.

– Что за дрянь? – озвучила общее мнение Болинджер, не переставая следить за Такарой.

Существо, которое появилось вместе с парочкой из книги, было явно не Зогардом, но силы в нем скопилось – черпать не вычерпать.

Шэдар времени не теряла, одним ловким движением она скатилась с алтаря, прихватив с собой и Мартинити. Цепи, удерживающие Дакасту, разрушились вместе с ударом кинжала. Таким образом они обе оказались с противоположной стороны жертвенного камня.

– А теперь сыграем, – Шорох не угрожала, просто констатировала факт. Она задвинула адептку себе за спину и приказала: – Не высовывайся.

Рантар, ни на миг не упускающий из виду Мартинити, с сомнение хмыкнул: мотыльку было явно не до подвигов.

– Сыграем, – согласилась Алая и вновь замахнулась кинжалом.

«Сердце Ахоры» с легкостью вошло в алтарь, пространство вокруг завибрировало.

– Отчаянная дура! – восхитилась Ирель.

Рантар и Ишидан не сказали ни слова, они приготовились к драке. Такара открыла портал в мир Зогарда, и если сама сущность, лишившись сосуда-вместилища ее энергии, пройти не могла, то ее воинство вполне способно шагнуть в эту реальность.

Глава 25

Ведьма и бес

– Пусть небеса пылают и алая заря разрежет горизонт, идем мы в бой без чести, но демонам она и не нужна, – тихонько мурлыкал бес для собственного успокоения. – Лейся, кровь, рекой; мы, легион рабов, наполним кубки болью, чужой, своей – неважно – в бой!

– Какая безвкусица, – буркнула Шэдар, продолжая наблюдать за внешним миром.

Рогатый на это замечание просто пожал плечами. Он – порождение пекла, а там самый ценный ресурс давала сила врагов, пожираемая вместе с их плотью. Ничего удивительного, что и песни были соответствующие месту.

Ему на ум пришли воспоминания о самом первом сражении. Бес тогда только начинал свой долгий путь. С каким нетерпением и жаждой крови он ожидал сигнала, чтобы ринуться в бой! Тогда он, напитанный силой господина, всем сердцем желал вцепиться в горло врага и не испытывал ни капли страха. Возможно, для высших демонов происходящее и было битвой, а для таких, как хвостатый, – бойней.

Две армии, замершие друг напротив друга, и жуткое чувство всеобъемлющего страха, подавляемое и преобразуемое высшими в жгучую потребность чужой боли. Бес еще помнил, как его копыта отбивали дробь по иссушенной жаром пекла равнине. В тот момент он мечтал погибнуть во славу господина!

Прошли годы, хвостатый в разы поумнел и превратился в беса, способного на самостоятельные решения. Сейчас он понимал, что исполнял роль мяса, и таких было тысячи. Уже не животные, но еще и не полностью разумные твари, и воля хозяина домена – единственное, что удерживало их. Когда протрубил рог отчаяния, они побежали – две лавины из порождений демонической крови. Казалось, поле битвы вздрогнуло от такого количества лап, ног и копыт, несущихся в яростном порыве к центру схватки.

Бес горько скривился: они и были звери. Рвали, кусали и жрали друг друга, в тот день сухая почва долины напиталась сполна. В тот день он выжил и заслужил одобрение, а сила господина дала толчок к дальнейшему развитию. Он поднялся на ступень выше, стал прислужником – бесом с разумом.

Ему доверили заниматься контрактами. Не самая плохая работенка: оставаясь на относительно коротком поводке, бес мог путешествовать по мирам. Слабый физически, но достаточно смысленный, чтобы получать выгоду от магов, выторговывать людские души или способности, а иногда и услуги. Возможно, в будущем он заработал бы нечто большее – свободу. Рядом с Шэдар хвостатый оказался настолько близок к цели, что протяни лапу – и схватишь желаемое. Увы, вместо заветной мечты беса ждала очередная темница и скорая смерть, правда, осознал он это не сразу.

Глупо было врать и притворяться, все порождения пекла, даже те, кем двигали сплошные инстинкты, хотели жить. Это заложено в основу их вида. Пусть и за счет других. Шэдар не раз называла подобных ему паразитами, и бес соглашался.

Потому, когда она направила ворона под удар кинжала, рогатый мешать не стал. Между ним и оружием щитом встанет ведьма. Тонкое лезвие ритуального клинка вспороло их мир. Бес прижался к ногам Шэдар и дрожал всем телом, он надеялся на чудо, а она... Она не оттолкнула и не посмеялась, лишь тихо произнесла:

– Не бойся.

Это было так на нее не похоже. Рогатый поднял голову, желая поймать ее взгляд. Очень зря. Глаза – зеркало души, и внутри у его ведьмы творилось что-то дикое.

– Дари... – промямлил бес.

Она ничего не ответила. Улыбнулась так странно и так мучительно трогательно, что хвостатого затрясло от неопознанного им чувства. С большим трудом бесу удалось определить, что именно вывело его из равновесия – страх потери. К хозяину домена он подобного никогда не испытывал. Пусть хвостатый и обязан был его защищать, но бояться за него не приходилось.

С Шэдар все оказалось иначе. Где-то в самом потаенном уголке того, что заменяло бесу душу, он испугался потерять подаренный ведьмой кусочек тепла. Рядом с ней бес как будто становился частью

чего-то светлого. И если Шорох вдруг погибнет, то жизнь хвостатого вновь наполнится пустотой – холодной и безжизненной.

Момент вылета из книги он запомнил плохо, только болезненный стон Шэдар и ощущение перехода – такое же возникает, когда сила тянет на призыв мага.

За свою долгую жизнь бес усвоил одно полезное правило: если ты слаб – не переходи дорогу сильным. Поэтому первым делом он ловко увернулся от чьего-то сапога и забился под алтарный камень.

– Шэдар! – взывала несостоявшееся жрица – Такара Алая. – Ты даже сдохнуть не можешь!

Выглядела полоумная ведьма неважно. Похоже, ей знатно досталось из-за срыва ритуала – алтарь опустел, жертва ускользнула. Бес поморщился: подобное ему было знакомо. Когда после вызова его утягивало в подпространство, но потом ритуал вдруг резко прекращали – корежило в такие моменты неимоверно.

– Сама бы уже давно сдохла, нежить, – зло прошипел бес и постарался слиться с камнем. Все, что ему было видно из-под плиты, – это ноги магов. На краткий миг подумалось, что нынче он вроде как на стороне добра, однако новый образ доверия не внушал. В любом случае добро и без участия хвостатого побеждало: судя по магическим всполохам, кто-то активно добивал культистов – кучку людишек в одинаковых балахонах, тут и там льнувших к выщербленным булыжникам пола.

– Что за дрянь? – поинтересовалась магичка в черном. В отличие от остальных, ее лицо бес рассмотрел. И вновь скривился: дамочка недалеко ушла от Такары, на астральном уровне от нее исходил сладковатый привкус смерти. Некромант.

– Слышишь, Проглот, тебя дрянью обозвали, – гаденько заметил бес. Он не сомневался, пень его услышал.

От женщины тянуло силой, она исследовала Проглота. То, что выглядело как пень, тоже исследовало зал, для него новый мир был открытием. Бес не удержался и пренебрежительно хрюкнул, он был уверен – живым Проглота отсюда не выпустят. Вот за себя хвостатый не волновался, ведь такие, как он, для собравшихся магов слишком мелкая добыча. Об него марать руки они не станут. И верно – служительница смерти лишь скользнула по нему взглядом, не выказав и толики интереса.

– Никто не сравнится с моей Дари, – зло пропыхтел бес. – А знаешь, что сейчас будет? – продолжил он беседу с бывшим приятелем. – Мы с тобой для этого измерения чужие, я из пекла, а ты... Ты результат магической ошибки, а ошибки, дружище, устраняют. Сейчас уберут Зогарда, потом уберут тебя. – Хвостатый говорил тихо, но внятно, так чтобы Проглот услышал и понял.

Одна из тонких ветвей коснулась шеи беса. Пень времени зря не терял, пока маги сосредоточили силы на первоочередных врагах, он уверенно и неумолимо разрастался, оплетая зал корнями.

– Ты очень силен, а значит, опасен, – разжевывал бес, оглядываясь в поисках своей королевы. Он помнил, что она упала с другой стороны алтаря, утянув за собой Дакасту. Хвостатого не покидало мерзкое, зудящее чувство боли на грани восприятия – казалось, Шедар ранена. – Сомневаюсь, что здешние кудесники тебя оставят.

Хвостатый несколько раз сочувственно хрюкнул, выдержал торжественную паузу и напомнил: – Я привел тебя в этот мир, подарил шанс на жизнь. И мне больно сознавать, какой трагический конец тебя ожидает.

В любой ситуации бес руководствовался первым правилом заключения сделок – клиент всегда тебе должен, а если нет, то заставь его поверить в обратное. А еще хвостатый заметил, как Проглот пожирает тела культистов. Труп за трупом, а порой и еще живые люди исчезали в коконе из веток и листьев.

– Решай, как поступить, – подтолкнул дитя Тьмы к действиям бес. – Можешь же сотворить такое... чтобы ух!

Ветка на горле хвостатого шевельнулась и нехотя убралась, бес выдохнул, стирая со лба холодный пот. Давно у него не было столь тяжелых переговоров в одностороннем порядке. Оглядевшись, он рассудил, что самое безопасное место сейчас рядом с Шэдар. И потому, резво перебирая копытцами, пополз к госпоже.

– А теперь сыграем, – услышал он голос Дари и ускорился. – Не высовывайся! – скомандовала она кому-то.

– Не понял, мне что – не ползти? – тихонько пробурчал он, но на всякий случай замер.

Взору беса были доступны два противника: один щеголял в черных сапогах, обувь другого скрывал знакомый до отвращения халат – проклятый кукольник!

– И что она в нем нашла? – печально вздохнул хвостатый и продолжил ползти.

– Сыграем, – поддержала предложение Шэдар Такара Алая.

Бес и так не сомневался, что у этой ведьмы основательные проблемы с головой, но ее следующий поступок удивил даже его. С громким хохотом Такара вонзила «Кинжал Бытия» в камень.

– Отчаянная дура! – воскликнула некромантка. Бесу даже почудилось, как она восхищенно цокнула языком. Он ее чувств не разделял.

Безумная ведьма всадила артефакт прямо в центр алтаря. Хвостатый всем телом ощутил, как тот содрогнулся, будто в испуге. То, что творилось с энергетической оболочкой ритуальной каменной плиты, описанию не поддавалось. Принести в жертву жертвенник – это насмешка над законами мироздания, глупость, помноженная на отчаяние.

Бес снова сделал вид, что его здесь нет, придерживаясь своего самого главного принципа – в непонятной и опасной ситуации лучше всего спрятаться и переждать. Пень протянул ветви к алтарю. Кажется, подпитки от тел культивистов ему показалось недостаточно, и он не стал мелочиться. Прямой поток энергии от ушедшего бога – вот где настоящее раздолье!

– Ты что творишь? – взвизгнула Алая и попыталась помешать Проглоту. Тот не обратил на ее потуги ни малейшего внимания. Он деловито оплетал алтарь, в какой-то момент невежливо откинув беса в сторону прямо к ногам Шорох. Хвостатый неожиданному полету несказанно обрадовался.

– Жадность – грех, – прокряхтел бес, выпутываясь из веток. Развивать мысль он не собирался, пусть учится на своих ошибках. Когда пень проглотил его золото, хвостатый проглотил свою обиду. Теперь настал час расплаты, наконец-то предатель узнает, что на каждую силу найдется другая сила.

– Настоящее порождение Тьмы, – восхитилась некромантка. – Скажем кому – не поверят!

– Что оно делает? – мужской голос.

Бес хмыкнул: кругом маги, а очевидного не понимают! Он-то сразу догадался, что кое-кто польстился на кусок не по размеру и скоро

подавится. Алтарь превратился в своеобразный растительный кокон, он пульсировал, словно живой. Проглот изменял древний камень.

– Оно сдерживает портал. – Некромантка наблюдала за происходящим с жадным интересом. – Или... что-то еще?

– Лучше б оно ничего не делало, куколка, – заметил один из магов, – а мирно сдохло и нас не задело.

– Боюсь, я вас расстрою, магиана Болиджер. Оно его не сдерживает, оно его изменяет. – Этот голос принадлежал ректору. Опостылевшего гончара, кажется, ничто не могло выбить из колеи. Неважно, полезут из портала чудовища Зогарда или творения Тьмы, он все так же будет спокоен.

– Отпусти! Господин, я не виновата! – На дикие вопли Алой внимания никто не обратил, все были заняты своими делами.

Бес растерянно почесал лысину: тут вроде как мир должны спасти от нашествия тварей. Он осторожно осмотрелся. Маги вели себя так, словно происходило рядовое событие... Может, они чего-то ждут?

Лао каким-то непостижимым образом уже оказался рядом с Шэдар, другие тоже не отставали, движимые личными интересами. Досадный изъян тактики «притворись незаметным» – слишком много упускаешь в процессе. Герой мечтаний Дакасты прижимал девчонку к себе и что-то нашептывал, из-за ощутимого гула алтаря слов бес не слышал. Зато к разговору ректора и его ведьмы с удовольствием приобщился, подкравшись к ним ближе.

– Ты ранена. – Простая констатация факта.

– Забота, – хмыкнула Шэдар и повела плечами, вероятно, проверяя, насколько сильно. Поморщилась. Лица в сторону заклятого любимого она не повернула, не спускала глаз с Алой. Та тщетно боролась с хищными ветками, расчищая алтарь, и скулила то ли от отчаяния, то ли от злобы, а может, и от боли – лишившийся шанса войти в этот план Зогард был явно в бешенстве.

– Всегда, – глухо обронил Ишидан, не решаясь добавить нечто большее. Шэдар это поняла.

– Ты прав, сейчас не время, – на миг пристально всмотревшись в Лао, согласилась она.

– Пообещай, что, когда мы выберемся отсюда, ты не сбежишь.

Бес потряс головой, проверяя, не ослышался ли: гордый степняк и столь просящие интонации?

– Мы поговорим, – уклончиво произнесла Шорох. – Сейчас важнее прикончить Такару. Одна из нас должна умереть.

– Пусть это будет психическая! – взвизгнул бес, плюя на конспирацию, и вскочил на копыта. – Хватит любезничать, прибейте стерву, пока она воюет с Проглотом.

– Очнулся, – ядовито заметила Шэдар.

– Она должна напасть первой, – снизошел до пояснения Лао. Видимо, близость любимой дала столь неожиданный эффект. – Алтарь и жрец всегда связаны, они – часть ритуала. Прямое обращение к мирозданию подчинено законам. К тому же я имел смелость отдать ее Ирель, – закончил он, не отрывая напряженного взгляда от своей ведьмы.

Бес хотел съехидничать на тему любви, людей и несвойственного им поведения, но передумал. Вовремя вспомнил, что и сам здесь на правах пня, разве что не столь опасный. Потому его пока и игнорируют.

– Прекрати! Хватит! – истошно кричала Алая, голыми руками разрывая оплетавшие алтарь корни. Она так старалась, что кожа местами расползлась, оголив мышцы и связки. – Повелитель, помогите! Вы нужны мне.

Судя по всему, зрелище могло длиться вечность. Такара в приступе безумия уничтожала помеху, пень продолжал разрастаться – идиллия. Бес с ностальгией вздохнул: как-то он вошел в стговор с другим мастером договоров, таким же, как он. Один из них наводил бедствия по заказу, другой – снимал. Бесконечный процесс, почти золотая жила.

– Мне надоело ждать! – разрушая странное затишье в разгар операции по спасению мира, громко сообщила некромантка. – Эй ты... как тебя? – ткнула она острым ноготком в сторону Шорох. – Отвлеки ее – принеси пользу. Сколько можно, пусть уже нападет!

Давненько бес не видел такого недоуменного взгляда у своей королевы. Шэдар даже оглянулась, но кроме Мартинити и декана боевиков за ее спиной никого не было.

– Удивительное рядом, – заключила Шэдар и не без издевки добавила: – Снизойди сама до простой колдуньи, о великая.

– Ты жива только благодаря кукловоду, – процедила жница смерти, формируя в руке заклятие. – Мне, в принципе, неважно, кто из вас пополнит коллекцию.

– Всегда было любопытно, за сколько смертей жнец оказывается у трона своей госпожи? – промурлыкала Шорох, тоже концентрируя силу. – Еще мне интересно, правдива ли молва, будто посвященный некромант умирает от своей косы единожды и навсегда?

Бес невозмутимо, но крайне целеустремленно и аккуратно укрылся за широким халатом ректора. Подобный тон хвостатый знал отлично. К тому же опыт подсказывал: лезть между двумя бабами – дело гиблое.

– Интересные у тебя соратники, – заметила Шэдар, обращаясь уже к Лао. – Что сказать, тебя всегда привлекали необычные женщины.

– Значит, небезразличен, – улыбнулся Лао и спрятал кисти в широких рукавах халата. – Мне приятна твоя ревность.

И тут же, не дав Шэдар что-либо возразить, обратился к некромантке:

– Магиана Болиджер, вы забываетесь.

– Бесстрашный, – прошептал бес, воровато огляделся и унес копыта поближе к Мартинити.

– Крошка, – проворковал он. – Мы же друзья, помнишь? Молчание – знак согласия. А друзей надо выручать. Я здесь рядышком побуду и...

Постыдному поросячьему взвизгу предшествовала резкая фраза вредного защитника невинной девы:

– Пошел прочь!

Короткий полет от пинка сапогом завершился для беса ушибами. Ох, не зря ему не нравился Асти, предлагал ведь Шэдар найти девчонке другого героя, как чувствовал.

– Рантар, – укорила Мартинити.

– Всего лишь низший бес, не волнуйся, – отмахнулся тот и кивнул на исчезающие в корнях тела пособников Алой. – Еще немного – и серые плащи уничтожат последних питающих культистов сущностей. Ты не видишь, но за каждым человеческим трупом стоит тварь не нашего мира.

– Ты-ы-ы! Ты во всем виновата-а-а! – Не крик – вой сумасшедшей ведьмы вновь напомнил присутствующим, что еще ничего не кончено.

Такара Алая нашла того, кто должен ответить за случившиеся и послала в Шэдар заряд сырой силы. Бес не разбирался в приемах колдовства ведьм, но судя по сплетению разноцветных магических потоков, Зогард по-прежнему питал Алую. Шэдар ушла из-под атаки, отскочила в сторону. Второй удар пришелся по щиту Лао.

– Прячешься, – прошипела Такара. – Опять уклоняешься? Ты всегда уклоняешься! Хватит прикрываться всеми подряд, ну же – прими честный бой.

Бес во все глаза смотрел на женщину, которая давно перестала ею быть. Если хвостатый родился чудовищем, то она же им стала. Он вдруг понял, какое заклинание готовит безумная – среди демонов его прозвали последним росчерком пера. Когда маг не справлялся с призывом более сильной сущности, он уничтожал себя и все живое и неживое вокруг, буквально взрывая свой дар. Силы в этот момент выплескивались такие, что плавилась камни. Да что камни, закрывались пространственные переходы!

Даже если маги выстоят против первой волны, всем им уготована участь остаться под руинами подземелья. Катакомбы будут разрушены, Университет чароплетства со всем студенческим городком рухнет им на головы.

– Командир, не знаю как, но ее надо убить, – озвучил общую мысль помощник Асти. – Если с тварью Тьмы есть кому разобраться, то эта облезлая ведьма того и гляди похоронит нас всех вместе с собой.

Бес фыркнул: есть кому разобраться с Проглотом. Что-то эти «кто-то» никак не начнут, спрашивается, чего они ждут?

– Не лезь, котик. Она моя, – сообщила некромантка, выдвигаясь вперед. Головы на ее поясе мерзко скалились, беса передернуло от отвращения.

– Магиана Болинджер, если не хотите, чтобы мы убили Алую, поспешите ее остановить, – отрезал Лао, продолжая прятать руки. – Культистов в зале мы уничтожили, но сколько их осталось в лабиринте и насколько они опасны – неизвестно.

– С нами теневой легион императора, уж эти демоны без добычи не уйдут, – отмахнулась жница и сорвала с пояса сушеную голову.

– Кровищи напьюсь! – радостно завизжала та. – Кровь, кровь! Дай, дай!

– Держи. – Необычный снаряд полетел в Такару.

Брызнула кровь, Алая сбилась и не смогла закончить творимое заклинание. Говорящая голова впилась безумной ведьме прямо в горло, казалось, она пьет саму жизнь, в действительности она стремительно поглощала магический резерв ведьмы. Такара покачнулась и рухнула на колени, захрипела, пытаясь отодрать оружие жницы смерти. Но чем больше она пыталась, тем сильнее артефакт вгрызался в плоть.

– Люблю безумных, – хищно облизнулась Болинджер, – они ничего не замечают.

– Хотим, хотим! – затараторили другие головы на ее поясе.

– Потерпите, лапушки. – Ирель ласково провела по ним рукой. – Ведьм на всех хватит.

В словах жницы крылись угроза и вызов. Хвостатый хорошо знал, как на подобные выпады реагирует Шэдар Шорох. Потому его ничуть не удивило, когда она оказалась за спиной бывшей сестры по Кругу. Слепившая на миг вспышка, и вот уже вырванный с частью глотки Алой артефакт падает к ее ногам. Магии ночной охотницы еще хватило на то, чтобы раздавить истошно визжащую сушеную голову и подавить всплеск от разрушенного вместилища силы. А вот сделать очередной шаг – уже нет.

Шэдар мягко опустилась рядом с Такарой, которая все еще была жива и даже пыталась колдовать – ничего не выходило.

– Прощай, сестра. Ты была одной из нас и умрешь одной из нас, – тихо произнесла Шорох. – Ковен скорбит по тебе.

С ее пальцев сорвалось голубое пламя и жадно перекинулось на Алую. Ночная охотница придерживала ее все то время, пока безумную ведьму пожирал огонь. Такара смотрела остекленевшим взглядом в одну лишь ей ведомую пустоту, по ее щеке скатилась единственная слеза, она не вырывалась. Губы умирающей шевельнулись в ответ, и бесу показалось, что она попыталась сказать «спасибо». Возможно, то была просто игра теней.

Ирель Болинджер не собиралась спокойно смотреть, как ее законную награду и добычу столь бесцеремонным образом уводят у нее из-под носа, она пребывала вне себя от ярости за испорченный артефакт, но... Против трех боевых магов – Асти, Лао и Лепорта, – разом преградивших ей путь к Шэдар, оказалась бессильна.

– Она моя! Моя добыча, – рычала Болинджер.

– Ведьмы умирают свободными, – тихо, но жестко произнесла Шорох.

– Значит, ее место займешь ты, – пообещала некромантка.

– Поспешность губит великие замыслы, – обронил Ишидан, больше он рук не прятал. Лао вновь превратился в кукловода.

– У нас был уговор, – процедила Ирель.

Бес отметил, что жница явно побаивается вступать в открытое противостояние с ректором.

– Хватит, – наконец-то вмешался Рантар. – У нас портал не пойми куда вот-вот откроется! Конечно, и мои ребята, и серые плащи знают свою работу, но, может, вместо того чтобы поубивать друг друга, вы все же сосредоточите силы на закрытии демоновых врат? Так нам всем было бы проще.

Хвостатый перевел взгляд на алтарь: судя по пульсации древесного кокона, что-то у пня не заладилось. Проглот все так же пытался переподчинить алтарь, но, похоже, дела его обстояли не очень.

– Дитя Тьмы, – задумчиво пробормотал бес. – Действительно дитя, совсем глупыш.

Происходящее напоминало попытку неразумного ребенка сделать подарок матери, или же он хотел показать, насколько силен. Впрочем, именно бес навел его на эту мысль, подтолкнув бывшего приятеля к пропасти. Жалел ли хвостатый об этом? Ни капли!

– Он надорвется, – неожиданно громко даже для себя сообщил бес.

– Неужто догадался? – устало ответила Шорох. – Или сам лапу приложил?

Хвостатый скромно потупился. Настоящим героям, как и настоящим предателям, слава ни к чему.

Все, кроме безумной Такары, давно уже поняли, чем закончится противостояние двух могущественнейших сил, и поэтому терпеливо выжидали, не мешая порождению Тьмы.

И они дождались.

Нечто, теперь уже лишь отдаленно напоминающее пень, начало истончаться. Куда ему было тягаться с Зогардом и заемными силами ушедшего бога лжи и коварства – Гелерада. Дитя Тьмы исчезало, его затягивало в портал – он сам стал источником пищи для тварей другой

реальности. Проглот отчаянно цеплялся за этот план бытия, хватался ветвями за тех, кто еще остался жив.

Безуспешно.

Маги выставили щиты, черные древесные плети с них соскальзывали. Бес мертвой хваткой вцепился в сапог Шэдар, которую прикрывал Лао, это обеспечило ему спасение. Благородства кукловода хватило и на бедняжку Иль Су, все еще пребывающую без сознания. Возможно, ректором двигало вовсе не человеколюбие, а тонкий расчет, тем не менее он спас жизнь принцессы.

– Мое золото! Мои сокровища-а-а, – выл бес, обливаясь горячими слезами. Его раздирало от желания броситься спасать непосильным трудом нажитое, однако инстинкт самосохранения победил жадность.

Один за другим в зале начали открываться окна порталов – прибывали основные силы Теневого легиона в связке с магами из управления по устранению внешних угроз.

– Уходите, – приказал Асти. – Вам здесь делать больше нечего. Уж демоны с демонами совладать смогут.

– А как же ты? – вцепилась в его плащ Мартинити.

– Рантар, позволь, я позабочусь и о твоём мотыльке, – произнес Лао.

– Все будет хорошо, милая. Теперь уж точно. – Асти мягко отстранил любимую и благодарно кивнул другу.

Бес со щемящим чувством наблюдал, как перед его королевой открывается окно перехода. Вот и все, его жизнь в этом мире закончилась. Скоро и его утянет в родной план бытия, на ковер к главе домена в пекло.

– Поверить не могу, что делаю это! – со вздохом пробурчала Шэдар. – Ну-у-у? Чего встал, рогатый? Тебе отдельное приглашение нужно?

– Я? – тоненько пискнул бес, не смея открыть двери скребущейся надежде. Он поймал лапками кончик хвоста и утер им глаз, шмыгнув пятячком. Потом он будет укорять себя за столь постыдную чувствительность и посыпать лысину пеплом, но сейчас он ничего не мог с собой поделать.

– Королеве нужны подданные, – усмехнулась Шэдар и, собрав остатки сил, сама шагнула в портал.

Бес опрометью скользнул за ней, позабыв, что он вроде как двуногий. Еще чего доброго передумает! Или гончар помешает.

Лао не помешал, но не удержался от искушения наподдать проныре, который, по всей видимости, теперь шел комплектом к любимой ведьме. И если все остальные вошли в новую жизнь степенно, то бес в нее буквально влетел. О чем хвостатый, разумеется, не жалел ни капли!

Эпилог

Мартинити

– Нет! Ардаум лъенте танасдио! – Руки сами складываются в безупречно отработанном жесте.

– Тише, родная, все хорошо. – Уверенный голос любимого растворяет остатки кошмара. Слава светлым богам, этот сон все реже заставляет нас просыпаться среди ночи.

Асти мягко раскрывает мои ладони – пальцы привычно скованы в судорожной попытке защититься. «Зеркало паука» однажды спасло мне жизнь, теперь в ментальной обороне на факультете я лучшая. Никому не пожелаю пройти тот же путь. Некоторые умения стоят слишком дорого.

Я обнимаю самого дорогого мужчину, самого нужного и желанного, улыбаюсь. Больше ни одна тварь, на каком бы плане бытия она ни зародилась, не сможет причинить вред ни мне, ни нашему малышу.

Рантар будто понял, о чем я думаю, и нежно погладил мой пока еще плоский живот. Прошептал:

– Просто сон, и я рядом. А после свадьбы у тебя добавится столько защиты, что любая нечисть даже смотреть в твою сторону побоится.

Да уж, родовые артефакты аристократов в дуэте с даратами Риолийскими внушат ужас кому угодно, тут я совершенно разделяла опасения потенциальных покусителей на меня в целом или какие бы то ни было части в отдельности. Леди Лариана Асти, узнав о том, что скоро станет бабушкой, просто-таки утопила меня в своем кипучем энтузиазме и желании устроить все как нельзя лучше.

И да, больше вопрос свадьбы оттягивать стало невозможно.

А мне так хотелось сначала закончить ШТУЧКИ и под своей фамилией. Однако некоторые сильные и суровые непрозрачно намекнули, что отныне они ждать не намерены.

«Хватит с меня аскезы и актов возмутительного воздержания! – без стеснения прямо заявил мужчина моей мечты. И мстительно

припомнил: – А вот не надо было танцевать для меня альмей! Сама виновата».

Я не спорила. Я была для этого слишком счастлива.

И только ночные кошмары напоминали о событиях прошлого. Зогарду путь в наш мир остался закрыт, но наша связь успела слишком окрепнуть, и время от времени я ловила вот такие своеобразные откаты. Но благодаря помощи мастера Джедриса и постоянным тренировкам, моя аура восстанавливалась и магическая болезнь сходила на нет.

Жизнь налаживалась, мы перевезли отца в Карфу. Он так и не узнал, какую участь невольно мне приготовил – и к лучшему! Ворошить те мрачные дни не хотелось, я знаю, он всегда желал мне добра, уж как умел. Рантар помог с открытием нового ресторана, и я настояла на новом названии – «Веритас», что на древнекарфаенском значило «Ворон». Отец немного удивился, но идею принял. Рантар лишь загадочно улыбнулся, оставив мой выбор без комментариев. Думаю, он слишком хорошо понимал, такая связь тоже запросто не проходит. К тому же, как бы ни сложились обстоятельства в прошлом, Шэдар многому меня научила. И того прежнего мотылька больше нет, как нет и нашего «Мартина». Хотелось начать жизнь с новой главы, и у нас это вполне получалось.

– Спи, моя нежная бабочка, – целуя сквозь улыбку, велел Рантар. Каким-то неуловимым образом он всегда чувствовал мою задумчивость. – Завтра предстоит трудный день, много дел.

– Трудный, потому что мы пойдем порталом в Сантан и поселимся у твоих родителей?

Любимый щекотно зафыркал мне в ухо, развеселившись.

– Трудный, потому что завтра Лао получит приглашение на свадьбу и будет непередаваемо «счастлив». Люди Великой Степи очень чувствительны к прелестям приморского климата.

Я закатила глаза: скорее мы с Шедар сблизимся настолько, что начнем сплетничать о бесе, чем эти «заклятые друзья» перестанут причинять радость друг другу. Природу отношений Асти с шифу Лао у меня разгадать до сих пор не получалось, может, позднее...

Кстати, о заклятых друзьях.

– Я все еще настаиваю на приглашении Вехель и Кира.

– Ничего не имею против Киарана Маронайского, весьма уважаемая семья и...

– Рантар! Не меняй тему. К тому же он без Вехель не пойдет.

– Ты еще этого Карриди пригласи, – возмутился Рантар.

– А Дилаэль-то тебе чем не угодил, он тоже из далеко не последней семьи и очень воспитан.

– Очень, да, я заметил. А еще заметил, как он на тебя смотрит! Только ты одна, похоже, обладаешь уникальной способностью ничего вокруг не замечать.

– Это мои друзья, понимаешь? И я по-прежнему считаю, что дружба строится не на подсчете того, кто и сколько кому чего сделал. Эти отношения сродни любви, ведь любят не за что-то.

– Марти, ты с ума меня сведешь! Даже ведьме со всеми исчадиями пекла не удалось замутить твой непозволительно и *возмутительно* чистый взгляд на мир. Ты словно бы из другой реальности.

– Во мне течет кровь мелиад. – Я пожала плечами.

– Да, – мрачно согласился Рантар, – и они почти вымерли, как я помню.

Я прикрыла глаза и пробралась под ментальные щиты любимого, передавая мелодию нашего первого танца и первой ночи.

– Знаешь, был неправ. – Сдаваясь, со стоном он притянул меня ближе. Прошептал, перемежая слова жаркими поцелуями: – Кое-какому коварству... ты... научилась.

– Люблю тебя. Вас с малышом.

Растворяясь в удовольствии, я точно знала: эта партия осталась за мной.

– И я... вас, – заражая напором и страстью, так восхитительно граничащей с нежностью, откликнулся мой, уже точно и бесповоротно мой, родной человек.

Прав был шифу. Дорог действительно тысячи, но на крыльях одной ничего не подозревающей бабочки соткался единственно правильный путь, крепко соединив жизни столь разных людей на полотне судьбы.

Ведьма и бес

Шэдар неспешно прогуливалась по преподавательскому городку, она полюбила это обыденное занятие и находила в нем свое очарование. С некоторых пор она стала частью университета и возглавляла новый факультет ведьмовства. Круг ни слова не сказал против, скорее даже обрадовался этой возможности легализоваться. Шорох досадливо поморщилась: ослабли нынешние ведьмы, боятся Карфаенской империи и Страны Ветров, вот и хватаются за призрачные посулы.

Но отравленным вином напиться нельзя!

Это агония, очень скоро Круг старших останется лишь в легендах Вольных Земель. Все верно: сделай частью страны самых непокорных – остальные уйдут под твою власть сами. Шэдар ненавидела политику, для нее она всегда была чем-то грязным и липким, от чего невозможно отмыться.

Пройдут десятилетия, и ведьмы останутся лишь в страшных историях, а на службе Карфаена появятся дарования, воспитанные истинными ведуньями Круга. Шэдар завидовала Стране Ветров, незыблемости ее магических традиций. Тогда как подобные ей самой были слишком вольнодумны и не признавали никакой власти, кроме личной. Как итог: они загнали себя в ловушку.

От философских мыслей ведьму отвлек странный запах и дым, гонимый легким ветерком в ее сторону. Все бы ничего, если бы они не тянулись со стороны внутреннего двора Ишидана. Уж он-то не стал бы разводить костер прямо у себя под окнами. Зато у них обитал тот, кто мог сотворить что угодно и когда угодно!

Шэдар возвела глаза к небу и вздохнула, перекинулась в ворона, чтобы быстрее добраться до места.

Кто-то сказал бы: как в воду глядела. У ведьмы же на уме вертелось иное: не было у бабы забот, купила баба поросенка, а точнее беса. К сожалению, он уже давно вышел из нежного возраста и вел себя как настоящий свин.

Вот и сейчас он в центре двора жарил на костре двух птиц, напевая веселый мотивчик и залихватски прищелкивая хвостом по земле.

– Госпожа, мы пытались остановить, но он... – начала причитать старшая из кукол Лао, ее лицо отображало горе.

Ишидан отошел от традиции по созданию безликих помощников, теперь каждый слуга имел маску, как в театре. Немного гротескную, зато она легко передавала эмоции. Первое время Шэдар от них вздрагивала, а Ишидан лишь посмеивался над ней. Он любил видеть ее женские слабости и обращался с гордой ночной охотницей так, будто она была сделана из иссинайского хрусталя. Сначала ее это злило, потом ведьма привыкла, и теперь такое его поведение казалось обычным, даже в чем-то приятным.

– Скажи мне, чудовище, а что ты тут делаешь? – вкрадчиво спросила Шорох.

– Это дичь! – веско ответил хвостатый. – Пришлось постараться, отламывая от хищной вишни ветки на вертела. Но, Дари, я справился.

– От вишни, что в личном саду Ишидана? Которую он с таким трудом выходил и привил на здоровое дерево? – удивилась смелости беса Шэдар.

– Он мне разрешил! – гордо задрал пяточок тот.

– Не верю, он не мог.

– Ну, ему прилетел срочный вестник, и шифу махнул рукой. – Бес передал это движение.

– То есть ты по взмаху понял, что тебе разрешили? – все больше поражаясь наглости хвостатого, уточнила Шорох.

– Конечно! Я изучил все его взмахи относительно меня. Этот означал: оставь меня в покое и реши проблему сам.

– Ладно, замнем вопрос с вишней, задам другой. Что ты поджариваешь? – Ведьма с подозрением смотрела на белые перышки вокруг.

– Это те птички, что принесли вам приглашение на свадьбу Мартинити и Рантара, – представил свой обед бес.

– Поправь меня, если я неправильно поняла, – тихо-тихо начала Шэдар. – Эти двое наконец-то назначили дату и прислали нам приглашение. Приглашение, которое приносят священные голуби мира и любви у здешней знати. Это те птицы, которые стоят уйму золота и должны быть выпущены гостями у храма.

– Про выпускание у храма я не знал, – ничуть не расстроился хвостатый. – Но я пытался хоть как-то пожелать им счастья и сделал все в соответствии с традициями пекла. У нас вестников с хорошими новостями съедают со всеми почестями.

– Под почестями ты имеешь в виду – общипанными и приправленными? – хмыкнула Шэдар, мысленно прикидывая, что скажет Ишидану в оправдание беса.

Сама того не желая, она привязалась к рогатому бедствию, и внутреннее чутье говорило ей, что неспроста. Уже очень давно ведьмы не заводят себе фамильяров, признав, что они и сила, и слабость одновременно. Хвостатый за долгое сидение в книге органично присосался к магии Шэдар, но и в ответ щедро делился своей. Об этой маленькой детали она ему не сообщила, предпочитая сохранять у беса иллюзию зависимости. Она боялась, что, осознав свою роль, тот совершит что-то грандиозное по своей глупости и ужасающее по масштабам.

– Ну что ты смотришь! – воскликнул хвостатый. – Да еще с такой укоризной. Не обеднеют от двух птиц!

– Так зачем ты это сделал? Давай теперь правду.

– Маги, аристократы, люди... – раздраженно протянул бес. – А я? Насекомое, которого при желании можно прихлопнуть? Я же этой девчонке жизнь спас, а меня на свадьбу не пригласили. Да ко мне даже твоя прислужница Иль Су относится лучше, чем этот напыщенный декан, – хрюкнул он от обиды и тут же пожаловался: – Все пнуть норовит! А ведь Иль Су принцесса, что этот Асти о себе мнит?

– Ну, она моя ученица, а ты... ты – моя собственность, а значит, обижать нельзя.

– Со-о-обственность, – саркастично протянул бес. – Знаешь, мы столько пережили вместе, и я все еще собственность. Нет, я понимаю, что не могу обижаться и должен быть благодарен, но пекло меня заberi, я не настолько силен! Мы почти год назад вырвались из той передраги, и я столько всего увидел живого, понимаешь, настоящего. Например, я постоянно наблюдаю это странное чувство – любовь, – разоткровенничался хвостатый. – Вот хоть бы ты и твой кукольник, он ведь для тебя как дерево: в зной укроет от солнца, в непогоду – от ветра и дождя, он оплел тебя своими ветвями и дышит тобой. Для него ты – весь мир, – развел лапами бес. – Или же взять безумную жницу Болинджер и дружище Лепорта, у них тоже любовь – яркая, бьющая через край, но не менее всеобъемлющая. Для Теодора женщина должна быть вызовом, и он ни капли не ошибся в выборе, – с одобрением закончил обсуждать другую пару бес. – Да даже эти

адепты со своими петициями императору! Один – мученик, другая – вечная жертва. Кир прощает ей ее несовершенство, Вехель не принимает себя такой, какая есть. Для них любовь – это дорога из спусков и подъемов, эмоциональные качели, но главное, они счастливы, пусть свобода Хмари и дана весьма относительно.

Ведьма поморщилась: освобождение рыжей ведьмочки вызывало у нее неприятие, лучшим вариантом для всех стала бы смерть девчонки, но император решил иначе.

– А что же ты не упомянул Мартинити и Рантара? – спросила ведьма, глядя на беса с сочувствием.

– О них? – распалившись, зло переспросил тот. – О! У них самая что ни на есть настоящая сказочная любовь. Аж противно.

– Ты чего так раскипятился?

– Понимаешь, я думал, так не бывает. А оно есть! Понимаешь, есть! У каждого своя любовь и семья, люди живут друг для друга, один продолжение другого. А я? Я один... всегда один, – угрюмо закончил он. – Никогда раньше не задумывался об этом. Неважно было, жизнь и без того казалась полноценной. Я сломался, Дари, я сломался, – сокрушенно покачал головой бес.

– Ты не сломался, ты просто вырос, Бестелиам, – мягко заметила ведьма, а бес с изумлением отметил, что его имя больше не имеет над ним власти, его мироощущение изменилось, и он сам изменился.

– Но... как?

– Что как? Все взрослеют по-разному, в эмоциональном плане ты был капризным ребенком, впрочем, этим грешат многие низшие демоны, им не у кого учиться чувствам. Теперь имя для тебя имеет точно такое же значение, что и для остальных живущих в этом мире. Ты больше не принадлежишь пеклу.

– И что теперь? – потерянно произнес бес, свыкаясь с новым состоянием.

– Жить! Теперь ты – часть семьи.

– Семьи... Дари, а ты знаешь, что Ишидан внес твое имя в книгу рода? – Глаза Бестелиама хитро блеснули.

– Знаю, а вот к чему этот вопрос – не пойму.

– Теперь тебя пропускают родовые заклятия... – Он заискивающе шаркнул копытцем.

– Кто о чем, – хмыкнула Шэдар, – а бес о сокровищнице.

Посмотрев, как наигранно надулся хвостатый, она открыто рассмеялась. Кто бы мог подумать, что проклятая темница так изменит ее жизнь! Шэдар впервые за долгое время хотела думать о будущем, о детях, просто о жизни, а не решать проблемы Круга ведьм. Пусть все идет своим чередом, а уж она сумеет защитить тот кусочек счастья, что ей подарила судьба.